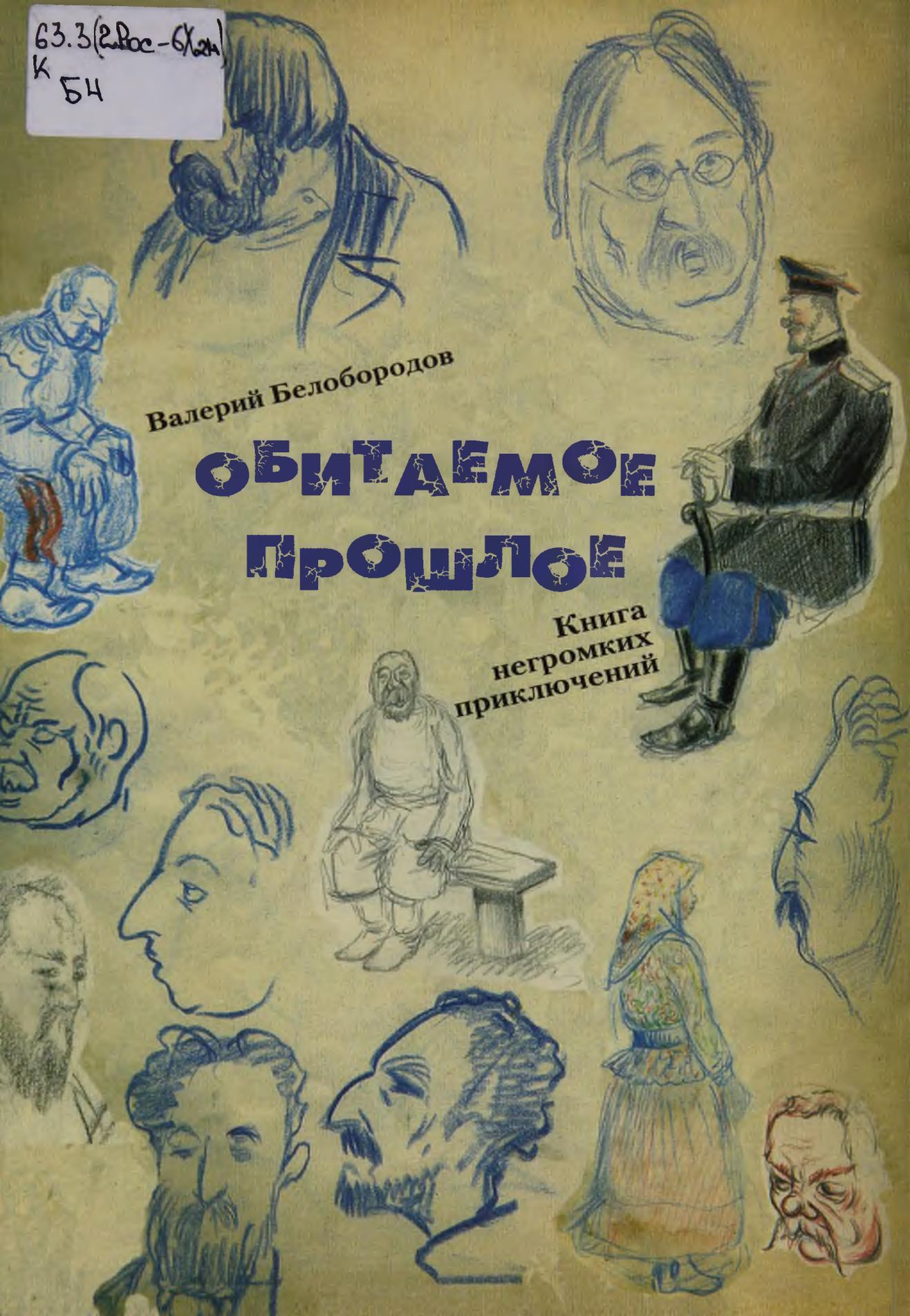

63.3(2Рос-6Хет)
К 54

Валерий Белобородов

ОБИТАЕМОЕ ПРОШЛОЕ

Книга
негромких
приключений

Валерий Белобородов

02

ОБИТАЕМОЕ ПРОШЛОЕ

Книга негромких приключений

Тюмень
Мандр и К^а
2011

- 0142707 -

Государственная библиотека Югры	03
---------------------------------------	----

Государственная библиотека Югры	КО
---------------------------------------	----

- Б 43** Белобородов В.К. Обитаемое прошлое : книга негромких приключений / Валерий Белобородов ; Государственная библиотека Югры. — Тюмень : Мандр и К^а, 2011. — 256 с. + ил. 8 с.

Интерес к прошлому своего края вылился у Валерия Белобородова в книгу рассказов о людях, о которых двадцать лет назад мы ничего не знали. Пристальное внимание к жизни Тобольского Севера через призму архивных документов позволили автору показать культуру энтузиастов-одиночек, которые не только активно осваивали земли инородцев, но и возвращали среду обитания для будущих поколений.

В книге вы снова встретите имена Н.Л. Скалозубова и И.Я. Тверитина, М.Н. Костюриной и Э.М. Сенкевича, прочтете страшные истории, в которых оказывались переселенцы Остяко-Вогульского округа, познакомитесь с теми, кто в советские времена самозабвенно трудился на пользу общества.

© Белобородов В.К., 2011.

© Государственная библиотека Югры (издание), 2011.

© Мандр и К^а (оформление), 2011.

ISBN 5-93020-466-7

Предисловие автора

Эта книга не задумывалась специально, а сложилась сама собой за два десятилетия странствий по прошлому края, известного до XX века как Тобольский Север или в обиходе — Низовой край. Стимулом к поиску было ощущение нелепости и неприемлемости того положения, когда люди в массе своей утратили интерес к жизни предков — коренных сибиряков-северян. Какими были эти люди, чем отличались от нас — разве не интересно? Да никакими, внушали нам, сидевшим за школьной партой, обыкновенными. Батрачили на местных богатеях, верили царю, молились богу, влачили жалкое существование. «Но все-таки имели же они индивидуальные черты, чем-то отличались друг от друга?» — робко вопрошал воображаемый любопытствующий ученик. — «Да какие индивидуальные черты? — отвечивал авторитетно учебник. — Серая безграмотная масса, освободившаяся от гнета царизма, эксплуататоров и церкви только после Октябрьской революции, когда и началась подлинная история края. Ничего интересного».

Свой исторический ликбез я начал, вступив в пенсионный возраст. Работа в редакции историко-культурного журнала «Югра», редактирование «Краеведа» (приложение к «Новостям Югры»), а затем — краеведческого альманаха «Подорожник», сотрудничество с краеведческим отделом окружной библиотеки в создании библиографических справочников дали мне возможность искать ответ на этот вопрос в архивах, библиотеках и музеях Западной Сибири, Екатеринбурга, Санкт-Петербурга. Эти погружения в прошлое оказались эмоционально насыщенными, так как открывали людей: сначала только имена, далее начинали обозначаться и все отчетливее проявляться лица, характеры. Люди «оживали», я обнаруживал в себе личное отношение к ним. Через них время из плоского становилось объемным, образовывалась и крепла духовная связь с прошлым. И пришло понимание: по-настоящему соприкоснуться со своей историей, которую ты хотел бы познать, можно только через действовавших тогда, в прошлом, людей, через чувственное восприятие ушедшего времени. И оно предстает совершенно иным, чем в учебнике 1950-х годов.

В упомянутых изданиях за минувшее двадцатилетие я опубликовал несколько десятков очерков истории русских старожильческих родов Тобольского Севера и ряд биографических очерков и статей об отдель-

ных деятелях минувшего, а также о некоторых примечательных событиях. Часть этих работ вошла в сборник. На нем, заметит читатель, есть отпечаток незаконченности. Да, но ведь в прошлое ведет бесчисленное множество тропинок, всех их не пройти, так как жизнь имеет границы, поэтому на чем-то нужно остановиться.

Каждое отдельное повествование сборника имеет документальную основу и не содержит никакого вымысла. Не будучи историком, я не имел цели дать целостную картину прошлого, а воспроизвел лишь отдельные его «нюансы», передающие «вкус и цвет» времени. Буду вполне удовлетворен, если читатель разделит мое убеждение в том, что «безлюдное» прошлое вполне можно «населить» и сделать «обитаемым», и с таким прошлым жизнь становится полнее и гармоничнее. Думаю, это доступно каждому, кто всерьез того пожелает.

Всем, чего удалось достичь за последние 20 лет ханты-мансийскому краеведению, мы обязаны в первую голову сложившемуся в начале 1990-х годов и существующему поныне содружеству сравнительно небольшой группы единомышленников, взаимному сочувствию, духовной и деятельной поддержке.

Хочу высказать публично благодарность тем, кто на протяжении всего этого периода или на отдельных его отрезках особенно содействовал продвижению в жизнь моих краеведческих начинаний: заведующей краеведческим отделом Государственной библиотеки Югры Т.В. Пуртовой — за длительное сотрудничество, солидарность и понимание; бывшим директорам библиотеки Л.Е. Спиридоновой, Э.П. Сургутской, С.Ю. Волжиной и нынешнему О.А. Кривошеевой — за деятельную поддержку наших инициатив и содействие развития краеведческого книгоиздания; бывшему редактору газеты «Новости Югры» Н.Б. Патрикееву — за предоставление возможности в течение нескольких лет публиковать в газете ежемесячные выпуски приложения «Краевед»; бывшему главному редактору журнала «Югра», ныне покойному, Н.В. Филимонову — за развитие краеведческой темы в журнале и безотказное предоставление командировок для архивных и иных поисков; книгоиздателю, историку дореволюционной сибирской прессы, журналисту Ю.Л. Мандрике — за многолетнее сотрудничество на почве краеведения и в особенности — за издание пятитомника «Сибирский листок» и большинства выпусков альманаха «Подорожник»; моей жене Валентине Андреевне — за бесчисленные добрые и порой неоценимые «вмешательства» в мои дела этих лет.

Валерий Белобородов.

Шаховы в Березове

(След рода в истории города)

Целый ряд источников свидетельствует о том, что Шаховы — одна из наиболее старых и широко распространенных березовских фамилий. И.С. Поляков, посетивший Тобольский Север в 1876 г., писал: «...Большая часть березовских казаков — Шаховы, первоначальный прародитель которых первый пришел в Березов и сокрушил здесь остяцкого — Нувый ази (Еман тоже), перенесенного затем в Тегинские юрты. (По преданию остяков)»¹. По данным Н.Н. Парфеновой, Шаховы служили в Березове уже в конце 1620-х гг.² Екатеринбургский историк Е.В. Вершинин также считает эту фамилию одной из старейших в Березове: «В 1634 г. березовским таможенным подьячим был Дмитрий Шахов, а его сын Прохор служил в казаках. В это же время казак Никита Шахов был послан ясачным сборщиком в Казымскую волость...»³.

То, что фамилия «Шаховы» во второй половине XIX в. была среди доминирующих в Березове, подтверждают метрические книги Воскресенского собора, к приходу которого принадлежали почти все березовские Шаховы. Из Березова Шаховы постепенно расселялись по окрестным селам — Чемаши, Мужы, Саранпауль. О мощи этого рода говорят факты причастности его представителей к разнообразным большим и малым делам и событиям, оставившим след в истории. Е.В. Вершинин упоминает о сборщике ясака Иване Шахове, который в 1678 г. выдержал в Обдорском остроге шестидневную осаду тундровых самоедов⁴. В 1825 г. один из Шаховых был информатором тобольского губернатора Д.Н. Бантыш-Каменского, разыскивавшего могилу А.Д. Меншикова. В 1839–1841 гг. в подавлении бунта остяков и самоедов под предводительством Ваули Пиеттомина участвовали урядник Филипп Федорович и казак

¹ Поляков И. С. Письма и отчеты о путешествии в долину р. Оби // Записки Императорской Академии наук. СПб., 1877. Т. 30. С. 78.

² Парфенова Н. Н. Словарь русских фамилий конца XVI–XVIII веков (по архивным источникам Зауралья). Сургут, 2000. С. 253.

³ Вершинин Е.В. Русские старожилы Березова (XVII–XVIII вв.) // Русские старожилы: Материалы III Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (11–13 декабря 2000 г., г. Тобольск). Тобольск — Омск, 2000. С. 273–274.

⁴ Вершинин Е. В. Указ. соч. С. 274.

маслодельня. Позднее для заведования скотным двором и маслодельней Семен Прокопьевич пригласил выпускника сельскохозяйственной школы Молчанова. К январю 1907 г. на ферме содержалось 27 дойных коров, 12 холостых, 1 бык и 20 телят. «Удачный опыт Шахова заинтересовал многих жителей, — писал Н. Л. Скалозубов. — Можно думать, что скотоводство получит сильное развитие на Севере, большие заливные луга по Оби тому порукой».

В Тобольской губернии с интересом наблюдали за начинанием Шахова. Сообщение ветеринарного фельдшера Н. Попова об его маслодельном заводе было помещено в 41-й книжке «Сведений о ветеринарно-санитарном состоянии Тобольской губернии за сентябрь, октябрь, ноябрь и декабрь 1907 г.» и 24 января 1908 г. перепечатано в «Сибирском листке».

Интерес к северной ферме проявили также «Сибирская торговая газета» и петербургское «Новое время». Автор заметки в «Новом времени» Аверин был солидарен со Скалозубовым: «Результаты эксплуатации фермы в 1906 г. довольно удачны. С 1 июня 1906 г. по 1 января 1907 г. от 25 коров было получено 1025 пудов молока. При выходе 1 пуда масла из 19 пудов молока получено 54 пуда масла. Цена масла в Березове 14 руб. пуд, так что валовая доходность фермы за 7 месяцев 746 руб., а в течение года 1200 руб., что на каждую корову дает 48 руб. Расходы же на содержание фермы выражаются лишь заготовкой сена, которого на 1907 г. накошено до 8000 пудов. В этом же году для фермы была приобретена сенокосилка»⁹.

О намерении С.П. Шахова развивать хозяйство свидетельствуют найденные в Тобольском архиве его письма от 6 марта и 11 декабря 1909 г. в Петербург к Н.Л. Скалозубову, бывшему в то время депутатом Государственной думы.

«Милостивый государь Николай Лукич! — пишет Шахов в первом письме. — Зная, что Вы интересуетесь моим молочным хозяйством, я осмелился отвлечь Ваше внимание и обеспокоить Вас этим письмом. Сообщаю Вам, что дело мое по разведению племенного скота и молочного хозяйства в г. Березове движется плохо, главная причина — недостаток свободных средств.

В конце 1907 г. я возбудил ходатайство у тобольского губернатора о выдаче мне ссуды в размере 2 тыс. рублей сроком на 10 лет, уплату коих я должен произвести в продолжение последних 5 лет. В ходатайстве этом мне отказали... Летом прошлого года тобольский губернатор Гондатти, проезжая в Низовые края и интересуясь молочным хозяйством, ездил

⁹ Городская хроника // Сиб. листок. 1907. 12 июля; Молочная ферма на севере Сибири // Сиб. листок. 1907. 2 сент.; Аверин. Скотоводство на севере Сибири // Новое время. 1907. 8 сент.; Молочное хозяйство. М., 1907. 16 сент., № 37. С. 619; Сиб. торг. газета. 1908. 6 февр.

специально из Березова ко мне на заимку, осмотрел все помещения и скот, остался очень доволен, благодарил меня за энергию, просил дело это не бросать и обещал оказывать всякие содействия, причем просил подать прошение о выдаче ссуды, которую обещал дать, как только получит ходатайство. Вскоре после его отъезда я возбудил ходатайство, но, к моему несчастью, Гондатти по приезде из Березова сейчас же был переведен в г. Томск, и мое прошение не попало в его руки и мне в ссуде отказали...

За 908 год мое хозяйство оправдало все расходы и дало небольшую прибыль, выработано было до 120 пуд. масла при цене 16–18 рублей за пуд, в летние месяцы 24 пуда, сентябрь и октябрь 17 пуд. и зимние 20 пуд.

Обращаюсь к Вам с покорнейшей просьбой, не найдете ли возможным оказать каким-либо путем содействие в выдаче мне ссуды в размере 3 тыс. рублей на вышеуказанных условиях на улучшение молочного хозяйства, чем много меня обяжете, а также прошу не оставить меня уведомить и указать, как мне в дальнейшем поступить».

Отзывчивый к просьбам Н.Л. Скалозубов остался верен себе и на этот раз и принял на себя хлопоты о деле, лично известном ему с весны и лета 1906 г., когда он находился в Березове в ссылке. Получив осенью ответ, Шахов 11 декабря 1909 г. вновь пишет Николаю Лукичу:

«С прошлой почтой я возбудил ходатайство согласно указанию Вашему в управление земледелия в Петербурге о выдаче мне ссуды для продолжения моего молочного хозяйства в Березове, причем сослался на Вас, что Вы можете дать отзыв о моем деле.

Сообщаю Вам, что хозяйство наше шло бы прекрасно, если бы не большеводье. Вот уже два лета за недостаткою сена пришлось скот убавлять, к нынешней зиме осталось рогатого скота 50, это почти все от бычка, которого я привозил в 906 году из Соколовки (деревня, в которой находилась Тобольская сельскохозяйственная школа. — В. Б.). Что выйдет из этих коров, не знаю, они еще молоды. Здесь скотоводство вполне возможно, но нужно всегда на случай большой воды иметь запас сена, что здесь вполне возможно, я покупал сено, которое лежало в обмете 15 лет и прекрасно сохранилось. Здесь главный недостаток рабочие руки, и нужно иметь свободные деньги. Нынешнее лето на сенокосе рабочие главным образом были политики (политссылные. — В. Б.), большинство из них или никогда не занимались сенокосом, или совсем неспособные к физическому труду. Несмотря на это, все они зарабатывали порядочно, зато зиму почти совсем без работы.

Рыбные промысла были ладно.

Если Вас не затруднит, то когда-нибудь напишите мне несколько слов о моем ходатайстве, за что я останусь премного Вам благодарен»¹⁰.

¹⁰ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 147. Оп. 1. Д. 55. Л. 274–275.

Была ли получена ссуда, неизвестно, но по скудным сведениям из различных источников можно заключить, что С.П. Шахов продолжал вести свое хозяйство, внося в него небольшие усовершенствования. Так, А.А. Дунин-Горкавич в работе «Опытное сельскохозяйственное дело на Тобольском Севере» сообщал, что летом 1910 года на шаховской ферме при заготовке сена применялись сенокосилка и конные грабли. Делалась попытка посева кормовых культур, для чего Шахову из Тобольска были посланы 1 пуд ячменя и три и три четверти фунта семян клевера. Чтобы застраховать себя от последствий большеводья, Семен Прокопьевич стал в благоприятные для сенозаготовок годы запасать корм на несколько лет вперед. Например, в 1910 г. он заготовил сена на три года¹¹.

В 1912 г., несмотря на все трудности, Шахов не оставлял намерения расширить производство молока и масла и даже заражал своим примером других предприимчивых северян. Калугин, техник фирмы «Альфа-Нобель», выпускавшей сепараторы, после поездки в Березов по вызову Шахова говорил, что маслодельные заводы здесь намерены открыть с весны предприниматель Гурьянов и березовский городской староста Кузьмин¹².

Сокрушительный удар по хозяйству С.П. Шахова нанесло наводнение 1914 года. 18 января 1915 г. «Сибирский листок» писал: «Единственный бывший маслодельный завод С.П. Шахова должен был прекратить свое существование, у него из 60 дойных коров осталось лишь 10 голов. Постройки завода почти разрушены водой; нужны годы, чтобы восстановить прежний вид завода». Но и при этом Семен Прокопьевич не опустил рук и не бросил хозяйства, хотя теперь оно было уже далеко от прежнего состояния. И только в 1917 г. кооперативное общество «Самосознание» приобрело у него ферму, за которой к тому времени уже закрепилось название «деревня Шахова», и 17 коров, в большинстве своем холмогорской породы, были увезены в Тобольск¹³.

Опыты с рыбоконсервным производством и маслоделием, по-видимому, самые дерзновенные из поступков С.П. Шахова, и они займут достойное место в истории, но и во всей своей жизни он был ярким, незаурядным человеком, стоявшим в центре общественного внимания. С 1888 по 1895 г. С.П. Шахов избирался городским головой, позднее — городским старостой. Известно, что по его инициативе и под его началом в 1900 г. в Березове была построена пристань. В 1906 г. березовский съезд городских избирателей делегировал его в Тобольск на губернское собра-

¹¹ Школьный отдел при «Тоб. губ. вед.». 1911. № 5, 6.

¹² Городская хроника // Сиб. листок. 1912. 8 июля.

¹³ Городская хроника // Сиб. листок. 1917. 24 авг.; Тобольская молочная ферма // Сиб. листок. 1917. 30 нояб. Подп.: Л. О.

ние выборщиков в Государственную думу. Учитель Ф.Ф. Ларионов, при- сланный на службу в Березовское уездное училище в конце 1890-х гг., вспоминал: «Дом Шаховых был таков, что сюда легко входили разные люди по надобности и без всякой надобности, чтобы только провести время; словом, он играл роль клуба...»¹⁴.

Отношение к Шахову сильно изменилось в революционные годы, когда на гребне волны оказались люди, призванные не к созиданию, а к разрушению. Жизненный путь этого сделавшего немало полезного человека оборвался в последний год Гражданской войны. По сообщению газеты «Голос Народной Армии» за 27 марта 1921 года, он был расстрелян большевиками перед отступлением из Березова вместе с 24 другими заложниками. Достоверных сведений об обстоятельствах его гибели мы не имеем, свидетельства противоречивы. В списке погребенных 27 апреля 1921 г. 22 расстрелянных его имени нет. Бывший начальник Обдорского гарнизона Иван (Ян) Судникович в своих воспоминаниях пишет, что 15 марта 1921 г. близ Березова кто-то спилил телеграфный столб, и была нарушена связь. Председатель Тобсеввоенревкома Протасов-Жизнев приказал арестовать одного из граждан Березова в качестве заложника и для устрашения населения расстрелять. Выбор пал на С.П. Шахова¹⁵.

* * *

О том, что в конце XVIII — первой половине XIX в. в Березовском округе жил художник-самородок Николай Шахов, известно давно, но до недавней поры на Обском Севере вряд ли нашелся бы десяток любителей истории, знакомых с его творчеством и тем более — знающих что-нибудь о личности творца. Единственная сохранившаяся в пределах бывшей Тобольской губернии его работа «Битва остяцких племен» находится в фонде Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника, но этот факт как-то не привлекал к себе особенного внимания, а о других его работах можно было составить представление по черно-белым копиям, опубликованным в статье В.Н. Чернецова «Быт хантов и манси по рисункам XIX в.», напечатанной в 10-м «Сборнике Музея антропологии и этнографии» в 1949 г.

В нынешнем столетии петербургские историки и искусствоведы проявили интерес к творчеству безвестного художника, и югорские любители искусства получили возможность видеть красочные репродукции работ Шахова в журналах «Родина», «Полярная сова» и альманахе «Славянский ход». По мнению А.И. Терюкова, эти произведения являют со-

¹⁴ Ларионов Ф. Ф. Семейная хроника. Шадринск, 1993. С. 25.

¹⁵ Полюянова Т. Воспоминания начальника гарнизона // Жизнь Югры. 2001. 7 дек.

бой «исключительный историко-этнографический источник». По-видимому, впереди еще большой разговор о них.

Что касается личности художника, то долгое время в литературе существовала одна версия, высказанная В.Н. Чернецовым: Н. Шахов — выходец из ижемских зырян, переселившихся на север Западной Сибири. Однако иное утверждение находим в личном фонде омского историка и краеведа А.Ф. Палашенкова в государственном архиве Омской области (ф. 2200, оп. 2) среди собранных им материалов для биографического словаря видных деятелей Западной Сибири. Палашенков, будучи сотрудником Омского краеведческого музея, в конце 1930-х гг. совершил археологическую экспедицию в западную часть Березовского района и нашел необходимые доводы для своего утверждения. В деле № 2307 «Шахов Николай» читаем: «Шахов — казак. Самородок-художник. Воспроизводил сцены из быта и жизни остяков и самоедов Приобья». Здесь же, ссылаясь на сообщение В.Н. Чернецова, сделанное в Омске осенью 1948 г., Палашенков пишет, что шесть панно Шахова, написанных водяными красками на миткале, были приобретены в середине XIX в. в Обдорске начальником экспедиции на Северный Урал Гофманом для Русского географического общества, затем куда-то переданы. В деле также имеются 8 фотографий с работ Шахова и статьи искусствоведа К.А. Большевой «Стилистические основы композиций панно Н. Шахова из коллекции МАЭ» и В.Н. Чернецова «Быт хантов и манси по рисункам XIX в.» из «Сборника Музея антропологии и этнографии» (1949. Т. 10).

А в деле № 1604 того же фонда Палашенкова воспроизведена следующая запись из инвентарной книги Тобольского музея: «От березовского купца Александра Степановича Плеханова. Картина изображает битву между инородцами. По отзыву Плеханова, картина эта писана казаком Шаховым более ста лет назад». К последней четверти XVIII в. относит и искусствовед К.А. Большева те шесть панно, что были вывезены в Петербург Гофманом, на основе анализа их стилистических особенностей.

Кто же художник? В метрических книгах березовских церквей мной не встречено упоминаний о Николае Шахове. Но в материалах ревизии (переписи населения) 1834 г. есть запись о березовском отставном уряднике Николае Леонтьевиче Шахове, достигшем к тому времени 60-летнего возраста. 1 сентября 1840 г. он умер от чахотки в возрасте 70 лет. А ревизией 1816 г. зафиксировано, что в 1815 г. умер 72-летний отставной казак Леонтий Васильевич Шахов¹⁶ — вероятно, отец Николая Леонтьевича.

¹⁶ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 154. Оп. 8. Д. 532. Л. 179 об.; Д. 403. Л. 21 об.; Ф. 716. Оп. 1. Д. 9.

Упоминание о Николае Шахове встречено еще в одном источнике. Историк Н.А. Миненко, исследуя вопрос о хозяйстве русского населения Западной Сибири в XVIII — первой половине XIX в., пишет о широком распространении незаконной торговли русских северян в волостях аборигенов. Чтобы ограничить ее, в 1811 г. в Обдорске был установлен караул для задержания приезжавших из Березова казаков и осмотра их товаров. Среди тех, кто привез тогда особенно много товаров, были братья Николай и Федор [Леонтьевичи?] Шаховы¹⁷.

Мог ли Николай Леонтьевич Шахов быть тем самым художником? Если принять за «рабочую гипотезу», что это именно он, то она не будет противоречить предположению К.А. Большевой о создании шести панно, хранящихся в Санкт-Петербурге, в конце XVIII в. и сообщению купца А.С. Плеханова о том, что картина «Битва остяцких племен» написана на рубеже XVIII и XIX веков. Других Шаховых с именем Николай в церковных документах конца XVIII — первой половины XIX века пока не встречено.

В XX веке, начиная с двадцатых годов, Шаховы уже не столь заметны в Березовском районе. Гражданская и Великая Отечественная войны подорвали жизненную силу рода, а усилившаяся в советское время миграция населения рассеяла по стране тех, кто остался, либо растворила их в массе пришлого народа.

¹⁷ Миненко Н.А. Северо-Западная Сибирь в XVIII — первой половине XIX в.: Историко-этнографический очерк. Новосибирск, 1975. С. 71.

Бешкильцевы

Из каких мест перебравшись в Березовский край Бешкильцевы — неизвестно. Возможно, с юга Тобольской губернии. У К.Д. Носилова есть описание села Бешкильцева на р. Исети¹, неподалеку от Ялуторовска, современное его название — Слобода-Бешкиль. Вполне вероятно, что оттуда и происходил служитель православной церкви Бешкильцев, перебравшийся в первой половине XVIII столетия на р. Северную Сосьву в село Сартыннинское, или Сосвинское (теперь — с. Сартынья Березовского района).

Финский ученый Август Алквист, путешествовавший по Тобольскому Северу, писал в 1877 г. о Бешкильцевых: «Русская семья... 150 лет назад поселилась здесь, в самом крайнем форпосте русской культуры в этой части Сибири, и до последнего часа из членов семьи выходили священники»².

Фамилия «Бешкильцев» часто встречается в описях фонда Тобольской духовной консистории, который хранится в государственном архиве г. Тобольска. Наиболее ранние из замеченных автором упоминаний о служителях церкви, носивших эту фамилию, относятся к 60–70-м годам XVIII в. В это время в церквях Березовского края служили Алексей, Федор, Василий Бешкильцевы. Первый был среди них старшим по возрасту, в 1776 году он уже был уволен от должности дьячка сосвинской Христорождественской церкви. В этом же году произведен в дьячки Федор и определен на место Алексея³. В 1783 г. он в возрасте между 20 и 30 годами стал священником этой же церкви⁴.

Сыновья Алексея — Василий и Егор — унаследовали отцовскую профессию и передали ее своему потомству. Негладкий жизненный путь прошел Василий Алексеевич Бешкильцев (ок. 1758–1829). В 1776 г. он был произведен в пономари и служил в Христорождественской церкви с. Сартыннинского, в 1782 г. он уже дьякон березовской соборной Одигитриевской церкви, а затем и священник.

Карьеру отца Василия портили свойства его характера: он был далеко не смиренным человеком и не однажды получал взыскания от епар-

¹ Носилов К.Д. По Туре, Тоболу и Исети // Лукич. 2002. № 3. С. 162–164.

² Алквист А. Среди хантов и манси: путевые записи и этнографические заметки. Томск, 1999. С. 114.

³ ГУГО ГА в г. Тобольске. Ф. 156. Оп. 3. Д. 835.

⁴ Там же. Д. 1071, 2753.

хнального начальства за различные проступки — оскорбление заседателя Березовского уездного суда титулярного советника В. Резанова, отказ от женитьбы своего сына на сосватанной уже дочери дьячка С. Краскова и др. Наконец, в 1800 г. за пьянство было запрещено священнослужение одновременно и священнику Василию Бешкильцеву, и дьякону И. Вологодскому. Отец Василий занял скромную должность дьячка березовского Воскресенского собора. В 1805 г. он попросил о рукоположении его в дьяконы и определении в Спасскую церковь села Бронниковского Тобольского уезда. Просьба была уважена, и Бешкильцев переехал на новое место службы, но в 1810 г. вернулся на Север в качестве священника Троицкой церкви Куноватской волости Березовского ведомства. Через некоторое время он перебрался в родную Сартынью, где и умер.

А его сыновья Василий и Николай остались в той же Троицкой церкви села Кушеватского: первый — священником, второй — дьячком. Позднее, в 1860-е гг., Николай некоторое время служил в Обдорской духовной миссии⁵.

Брат Василия Алексеевича Егор, который был моложе примерно на 10 лет, начал службу в 1784 г. с должности дьячка в родном селе, в Христорождественской церкви. Там же, в этой же должности он оставался и в 1834 г., в 67 лет. Старший его сын Василий Егорович (ок. 1798–1876) после окончания класса словесности Тобольской духовной семинарии в 1826 г. поступил пономарем в Христорождественскую церковь, затем был дьячком березовского Одигитриевского собора. С 1833 г. он — священник казымской Успенской церкви и с июня 1835 — сосвинской Христорождественской. В Сартынье он и умер заштатным священником⁶.

Гостем Василия Егоровича в 1858 г. был упоминавшийся выше Август Алквист, записавший в путевом дневнике: «Церковное селение Сартынья — это первое и одновременно единственное место на Сосьве, где встречается русское население. Кроме священника, церковного служки и торговца, там живет еще несколько человек; вся колония состоит из шести-семи маленьких домов, рядом с которыми стоят с десяток вогульских юрт. Впрочем, место это в высшей степени дикое и бедное, но после перенесенных тягот оно произвело на меня благоприятное впечатление»⁷.

⁵ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 156. Оп. 3. Д. 1055; Оп. 5. Д. 31, 299, 337, 638; Оп. 6. Д. 385, 1983; Ф. 154. Оп. 8. Д. 42. Л. 78; Д. 532. Л. 44 об., 62 об.; Ф. 156. Оп. 24. Д. 196. Л. 84 об.; Путевые журналы миссионеров Обдорской духовной миссии (60–70-е гг. XIX в.). Тюмень, 2002. С. 40.

⁶ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 156. Оп. 3. Д. 1822, 2754; Оп. 24. Д. 196; Ф. 154. Оп. 8. Д. 532. Л. 2 об., 57 об.

⁷ Алквист А. Указ. соч. С. 25.

В духовенство вышли и сыновья Василия Егоровича Антип и Михаил. Семейство Михаила Васильевича (1823–1904), в котором было четверо сыновей (Иоаким, Нестор, Иван и Каллистрат) и множество внуков, особо примечательно тем, что оно знаменовало собой решительный выход Бешкильцевых из духовного сословия. Оставаясь ревностными православными христианами, поддерживавшими церковь пожертвованиями (за это упомянутые четверо братьев в 1910 г. удостоились благословения Святейшего Синода), никто из представителей этой ветви родовой фамилии уже не принадлежал к духовенству. Они вступали в выгодные браки и заводили полезные связи, занимались рыбным промыслом, торговали, а в свободное от основных дел время растили картофель, огурцы на навозных грядках, репу, редьку⁸. Кроме того, Бешкильцевы были в числе немногих русских жителей Березовского края, занимавшихся оленеводством. Когда Тобольскому Северу в 1896 г. огромный урон нанесла копытная болезнь оленей, не только в тобольском «Сибирском листке», но даже в петербургской газете «Сибирь» сообщалось, что сартыньинский оленевод Бешкильцев из стада в 800 голов потерял 700 животных⁹.

Особенно приметна в этом семействе фигура Ивана Михайловича Бешкильцева (ок. 1862–1921). Именно его, тогда еще пятнадцатилетнего мальчика, выбрал в качестве переводчика с вогульского языка и спутника в своем путешествии по Сосьве А. Алквист. И весьма лестно его характеризовал: «В моем молодом вогульском переводчике я нашел чрезвычайно полезного знатока языка, которого не мог смутить никакой вопрос. Он читал в школе русскую грамматику, и это значительно облегчало наши совместные усилия по составлению вогульской грамматики. В таком сложном языке, как вогульский, подобная работа отнюдь не легка. <...> Однако Ваня Бешкильцев как знаток языка оказался пригодным лучше лучшего вогула; чего ему не хватало по возрасту, он более чем достаточно возмещал грамматическим усердием, которое ему привили, а также ясностью природного ума, характерной для детей»¹⁰.

Повзрослев, Иван Бешкильцев обзавелся семьей и успешно повел домашнее хозяйство. В мирное дореволюционное время к зажиточному, преуспевающему Ивану Михайловичу нередко обращались за содействием местное духовенство и интеллигенция. Он и сам не прочь был пожертвовать частью нажитого богатства. Так, он через благочинного березовских церквей извещал епархиальный училищный совет о своем желании устроить на собственный счет здание для церковно-приходской школы в

⁸ Алквист А. Указ. соч. С. 120–121.

⁹ Н.С. Копытная болезнь оленей // Сиб. листок. 1896. 14 июля; Бедствие на Севере // Сибирь. 1897. 25 июля.

¹⁰ Алквист А. Указ. соч. С. 115–116.

своем селе. Примерно с 1905 по 1910 г. он состоял действительным членом Тобольского губернского музея и сделал небольшой личный вклад в накопление его коллекций.

Большие потери понес род Михаила Васильевича в первые же годы после Октябрьской революции. Новая власть экономически была мало состоятельна, необходимые для каких-либо ее действий средства могли быть получены только от людей имущих — не по-хорошему, так «по-плохому». Бешкильцевы пытались сотрудничать с местной советской властью. Так, в октябре 1919 г., когда Сосвинский волостной исполком обратился к жителям села с просьбой пожертвовать для открываемого при сартыньинской школе детского приюта картофель и посуду, на нее откликнулись братья Николай, Спиридон и Сильвестр, Таисья Васильевна (жена Ивана Михайловича), Нестор и Каллистрат Михайловичи и Алексей Бешкильцевы. В этот момент некоторые из них и сами были у власти: Каллистрат Михайлович заведовал волостным отделом народного образования, а чуть более года спустя Иван Нестерович был назначен секретарем Сосвинского волисполкома¹¹.

Но сотрудничество не всегда было возможно. В августе 1920 г. граждане Сартыньи подписали договор с волостным военно-революционным комитетом о том, что они принимают в пользование уже не церковь, а «Христорожественское богослужбное здание». В документе стояли среди прочих подписи Нестора, Кирилла, Спиридона и Карпа Бешкильцевых¹². Не прошло и двух лет, как ценности церкви, накопленные и при их участии, были изъяты от имени государства.

В окружном архиве хранится анкета, заполненная Сильвестром Иоакимовичем Бешкильцевым во время его службы в волвоенревкоме. Вот несколько его ответов, красноречивых в своем лаконизме: «Как вы смотрите на советскую власть?» — «Как на власть советов». — «Как вы смотрите на красный террор?» — «Как на террор». — «Необходима ли она или нет, почему?» — «Необходима, только крайности заменить можно другим»¹³.

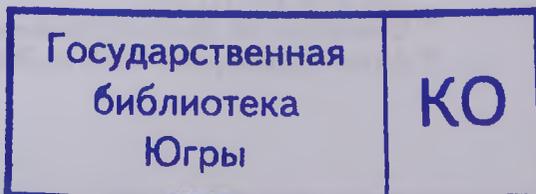
Эти вопросы были заданы Сильвестру Бешкильцеву уже после того, как были расстреляны по приказу именно этой власти взятые в заложники его родной брат Николай и два дяди, Иван Михайлович и Нестор Михайлович, и погибли принявшие в 1921 г. сторону повстанцев двоюродные братья Георгий и Василий Ивановичи. Мог ли он отвечать иначе?

За подавлением восстания 1920 г. последовали конфискации имущества его участников и сочувствовавших. У семьи расстрелянного Ивана

¹¹ Гос. архив Ханты-Мансийского автономного округа (ГАХМАО). Ф. 67. Оп. 2. Д. 1. Л. 206–208, 220, 232.

¹² Там же. Ф. 67. Оп. 1. Д. 2.

¹³ Там же. Ф. 67. Оп. 2. Д. 3. Л. 17–18.

Михайловича по постановлению президиума Березовского уездного исполкома от 4 сентября 1922 г. была конфискована шестая часть оленьего стада, шесть венских стульев и четыре стола. При этом было принято во внимание, что младший из двух оставшихся в живых сыновей — Михаил — служил в Красной армии. У других Бешкильцевых в 1922 г. конфискованы, кроме оленей, столы, стулья, диваны, стекла для керосиновых ламп и другие вещи, нужные, видимо, для начальственных кабинетов новых уездных учреждений. Братьям Спиридону и Сильвестру Бешкильцевым было предложено: если они отдадут свой катер, им будет возвращено ранее конфискованное имущество. Однако власть не утерпела и вскоре вождеденный катер «Федя» также был конфискован¹⁴.

Естественно, хозяева стремились понадежнее спрятать наиболее ценное из семейного имущества. Ввиду этого начало 20-х годов стало временем увлеченного «кладоискательства». Один из таких искателей под именем «селькор» с торжеством сообщал 29 июля 1925 г. в тобольской газете «Северянин»: «В начале июля милиция произвела обыск у бывших пароходоладельцев и промышленников Бешкильцевых. При обыске обнаружено в двух мешках с мукой золота царского на 835 р., серебра царского около 500 р.; на крыше дома зарыто серебра советского 594 р. 80 к. и червонцев на 420 р. В ю. Тоболдиных был найден в лесу сундук и чемодан все тех же Бешкильцевых. В чемодане оказались ценные вещи на 1000 р. Всего найдено денег и вещей больше чем на 6000 р.»¹⁵.

Вслед за конфискациями с революционной последовательностью пришли обложения жесткими «твердыми» заданиями, лишения избирательных прав. Братья Спиридон и Сильвестр с семьями были высланы в Обдорск.

Сведение счетов с Бешкильцевыми власть продолжала по 1937 год. 3 ноября этого года был расстрелян в Тюмени работавший бухгалтером Тюменской судоверфи и ложно обвиненный в принадлежности к офицерской повстанческой организации Михаил Иванович Бешкильцев. В начале 20-х гг. он работал делопроизводителем Березовского военкомата, что послужило смягчающим обстоятельством при конфискации имущества семьи в 1922 г.¹⁶ В том же году расстреляны двоюродные братья Михаила Ивановича Спиридон и Сильвестр Иоакимовичи Бешкильцевы, жившие в Салехарде. На допросе 6 октября 1937 г. Спиридон с тем же прямотушием, что и его брат в анкете начала 20-х годов, заявил: «Советской властью я очень недоволен, это потому, что советская власть уничто-

¹⁴ Гос. архив Ханты-Мансийского автономного округа (ГАХМАО). Ф. 67. Оп. 1. Д. 2. Л. 10–11, 254.

¹⁵ Спасители не спасли // Северянин. Тобольск, 1925. 29 июля.

¹⁶ Архив управления ФСБ по Тюменской области. № 10013. Т. 2. Л. 256.

жила моего брата, двух дядей, кроме того бесплатно забрала все имущество... что у меня есть на душе, я об этом молчу и разговаривать ни с кем не буду»¹⁷. Ни один из троих виновным себя не признал.

А вскоре последовали новые потери: из призванных на фронт в Великую Отечественную войну с территории Тюменской области семеро Бешкильцевых не вернулись домой¹⁸.

* * *

Публикуя в течение нескольких лет материалы по истории русских старожильческих родов, я нередко получал отклики. Ныне живущие отпрыски этих родов сообщали новые подробности фамильных историй. Однажды позвонила из Тобольска педагог и научный работник Вера Александровна Тихомирова, по рождению — Бешкильцева. Ей хотелось продолжить разговор, начатый в пятом номере журнала «Югра» за 2006 г. В мае 2005 г. удалось встретиться с ней и ее старшей сестрой Маргаритой Александровной Степановой. В долгой увлекательной беседе открылись новые повороты судеб сибиряков Бешкильцевых — как драматические, так и счастливые.

В начале 30-х годов, после раскулачивания родственников, семья Аввакума Ивановича, деда сестер Бешкильцевых, была вынуждена спешно уехать из Березова. Собирались буквально перед отходом парохода. Дед пришел с работы и сказал: «Немедленно собирайтесь, мы должны на этом пароходе отплыть». И увез он свою большую семью в Тюмень.

Жили в Тюмени очень бедно. Вера Александровна рассказывает, что ее отец Александр Аввакумович, поступив в Тобольский рыбтехникум, и летом, и зимой носил марлевые подштанники и тапочки на резиновой подошве, зимнего пальто не было, его заменял легкий плащ. «Когда он провожал маму из техникума домой в подгорную часть Тобольска, — пересказывает она воспоминания матери, — мама спрашивала, не замерз ли он, и папа бодро отвечал: “Что ты, я очень тепло одет”. Потом уж, когда поженились, мама говорила: “Да где же тепло-то! В марлевых штанах”. Маме тоже пришлось несладко: семья ее была репрессирована, и ее удочерил дядя Сеня, бывший священником. Он же поддерживал и семью деда в Тюмени, которая во время войны очень нуждалась. Сохранилось письмо отца с фронта, в котором он благодарил дядю Сеню за эту поддержку».

Поженились родители в 1936 году, после окончания техникума, а в 1939-м Александра Аввакумовича забрали в армию. В сорок втором из Владивостока, где он служил сигнальщиком, отправили под Сталинград, в район Калача. Провоевал недолго, так как получил тяжелое ранение в

¹⁷ Архив управления ФСБ по Тюменской области. № 6750. Л. 8.

¹⁸ Память: Т. 3. Тюменская область. — [Б. м.], 1994.

голову из-за того, что на задание шел, держа в зубах каску с патронами, и голова оставалась незащищенной. Ранение оказалось очень серьезным, но профессор Лурье в Челябинском госпитале его спас: сделал какую-то уникальную операцию. Лурье говорил, что он недолго проживет.

«В годы моего детства, — продолжает Вера Александровна, — у папы бывали приступы эпилепсии. Бился в судорогах. Мы ухаживали за ним и очень жалели. Недалеко от нас жил врач Тутолмин, он лечил папу. Постепенно эпилептические приступы стали проходить, и со временем папа стал совсем нормальным. Только на рентгенограмме головы было видно темное пятно, а если погладить рукой, слышалась пульсация.

Когда папа вернулся с фронта, он стал работать по своей специальности рыбоведа, и начались его длительные экспедиции. За свою жизнь он объездил весь Тюменский Север и очень хорошо его знал. Он с гордостью вспоминал, что однажды у него проводником был ненец Вануйто, которого позднее избрали депутатом чуть ли не Верховного Совета.

Жили мы, как и до войны, у дяди Сени на улице Володарского. Папа любил нас с Ритой, рисовал нам картинки, делал игрушки. — Маргарита Александровна добавляет: — В 1945 году на день рождения он устроил мне праздник: на кусочки черного хлеба положил соевые конфеты и такими пирожными угощал. Помню это до сих пор».

Далее привожу рассказ Веры Александровны Тихомировой полностью со всеми его подробностями.

«В 1945 году, когда родилась я, мама питалась плохо, голодала, и я была слабой. Мама потом вспоминала, что сидела возле меня и плакала, потому что я уже ничего в рот не брала. Папа приходил с работы и все говорил: “Корми ее. Корми”. Когда жить стало чуть-чуть полегче, мама стала позволять себе забеливать чай молоком. Я с изумлением восклицала: “Разве мамы молоко пьют?” Тогда у нее были единственные юбка с кофточкой, в субботу она их стирала, в воскресенье сушила и в понедельник шла на работу.

Расскажу о папиной семье. Очень сильной женщиной была его мать. Во время войны ее сын Володя заболел туберкулезом. Бабушка в то время работала на фабрике швеей по 12 часов в смену. Потом приходила домой и ночью шила какую-то стеганную фуфайку. Утром дед шел на рынок и менял эту фуфайку на буханку хлеба, а бабушка снова шла на работу. Кроме того, она еще бесплатно шила для врача, чтобы он выписал больному Володе лишнюю порцию рыбьего жира. Тяжелый груз лег на ее плечи. Видимо, от переутомления у нее начались приступы летаргического сна. Тогда на фабрике ей стали выделять 15 минут, чтобы она могла немного поспать на стульях.

Бабушка была верующая и всегда говорила: “Меня Бог поддержива-ет”. Заболев раком кишечника, она стойко переносила боль, считая бо-

лезнь испытанием, посланным от Бога. Она все стерпела без единого обезболивающего укола.

Хотя семья дедушки спешно переехала в Тюмень, бросив все в Березово, и пришлось заново налаживать семейное хозяйство, все дети получили образование.

Дядю Ваню мы не знали. Он окончил физико-математическое отделение Тюменского педагогического института. Началась война, его взяли в артиллерию, и он погиб под Ленинградом. Тетю Фаю, старшую папину сестру, я тоже не застала, она умерла в 1943 или 1944 году. Дядя Костя окончил, по-видимому, Омский педагогический институт, тоже физико-математическое отделение, и во время войны тоже служил в артиллерии. В конце войны оказался на Дальнем Востоке, потом был переведен в Балтийск и Таллин. Службу закончил в чине полковника. Будучи студенткой в Москве, я на праздники летала к дяде Косте в Таллин. Он был очень добрым, внимательным, водил меня по городу.

Дядя Сережа, Сергей Аввакумович Бешкильцев — художник, окончил Свердловское художественное училище. На войне был ранен в левую руку, но правой кисть держал хорошо и до последнего времени рисовал. Ездил в Тобольск к своему другу художнику Григорию Бочанову на этюды.

Мы любили слушать интересные рассказы дяди Сережи, когда он бывал у нас в Тобольске. Последние 12 лет он работал художником в Главтюменьгеологии. И уже лет пять он не работает. Живет в Тюмени. (11 апреля 2008 г. «Тюменская правда» опубликовала сообщение о смерти С.А. Бешкильцева на 84-м году жизни. — В. Б.). Его сын Володя — архитектор, участвовал в проектировании школ для Ханты-Мансийского округа.

Тетя Юлия всю жизнь проработала бухгалтером, живет в Тюмени.

Дядя Володя — архитектор. Окончил Свердловский архитектурный институт, приехал в Тюмень и здесь дослужился до должности главного архитектора области. Потом переехал в Москву.

Вернусь к нашей семье. Мы с Ритой с медалями окончили школу в Тобольске, потом институты. Рита получила специальность горного обогапителя, работала в Красноярске в одном из исследовательских институтов, но потянул к себе родной Тобольск. Вернулась. Преподавала химию в школе, организовала лабораторию на нефтехимкомбинате.

Ее сын Алеша учился в физико-математической школе, потом с отличием окончил Новосибирский университет, работал в Институте математики в Академгородке, написал диссертацию, посвященную алгебраическим кольцам. Эта диссертация вместе с двумя работами его новосибирских коллег была опубликована в США отдельной книжкой. Теперь он в Тобольске заведует кафедрой алгебры в пединституте.

А я, младшая в семье, окончив в 1963 году с золотой медалью школу рабочей молодежи в Тобольске, поехала в Москву поступать в университет, на химфак. Срезалась на математике, но сдала вступительные экзамены в Московский химико-технологический институт имени Менделеева. В приемной комиссии сказала, что хотела бы заниматься биохимией — мне предложили поступать на инженерно-химико-технологический факультет. Пошла туда. Оказалось, что спецфак «менделеевки» готовит специалистов по ракетному топливу. В 1969 году окончила институт и по распределению приехала в Пермь, где и проработала около 30 лет в оборонной промышленности, стала кандидатом технических наук. Теперь я доцент тобольского филиала Новосибирской водной академии. Муж, Борис Кузьмич, — тоже кандидат наук, доцент, преподает в индустриальном институте. В Тобольске же работает и наш сын.

Вот так и случилось, что, вылетев много лет назад из родного гнезда, мы снова «слетелись» в Тобольске...».

Ямзины

Представители этого березовского казачьего рода были участниками разных дел и событий, отголоски которых дошли до нашего времени. Среди них в разных источниках нередко встречается имя Никифор. В 1841 году Никифор Ямзин содействовал Березовскому земскому исправнику Скорякову в поимке предводителя бунтовщиков Ваули Пиеттомина¹, в конце 1845-го он же посылался на розыски убитого охотниками-ханты «снежного человека», нашел охотников, но самого «чудовища» и места, где оно было убито, отыскать не смог².

У Никифора Ямзина была большая семья: сыновья Семен, Петр, Михаил, Андрей, Лев, дочь Евгения, возможно, еще кто-то, чьи имена не запечатлелись в метрических книгах березовских церквей. Все они, как и их потомство, не покидали родных мест и, постепенно выходя из казачества, добывали хлеб насущный исконным трудом северного обского мещанина и крестьянина. Единственный, кто отошел от семейной традиции и стал чиновником, — младший из братьев, Лев. О нем есть возможность рассказать подробнее.

Лев Никифорович Ямзин (1858 — ок. 1930), окончив полный курс Березовского уездного училища, с 1 сентября 1879 г. поступил на службу писарем Обдорских остяцкой и самоедской волостей³ и служил довольно долго. В начале 1890 г. его определили в штат Тобольского общего губернского управления⁴.

К этому времени Ямзин был уже около десяти лет женат и в Тобольск приехал с женой Екатериной Павловной и сыном Иваном. Екатерина Павловна, дочь надворного советника Павла Николаевича Михалева, родилась в Березове и окончила Тобольскую Мариинскую женскую школу. Ее отец в 1850 — начале 1860-х годов служил в Березове заседателем окружного суда и затем городничим. В 1860 г. он пожертвовал собственный дом для помещения в нем Березовской женской школы⁵. Возможно, наряду с личными способностями и этот брак послужил предпосылкой для успешной карьеры Ямзина.

¹ Ваули Пиеттомин: Из истории социальных движений ханты и ненцев в XIX веке. Омск, 1940. С. 28.

² Северные архивы // Ежегодник Тобольского губернского музея. 1907. Вып. 17.

³ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 329. Оп. 545. Д. 284. Л. 118.

⁴ Там же. Ф. 152. Оп. 23. Д. 233.

⁵ Там же. Ф. 152. Оп. 30. Д. 153; Гос. архив Томской обл. Ф. 125. Оп. 1. Д. 116. Л. 1.

Вскоре после переезда Лев Никифорович был назначен секретарем Тобольского городского полицейского управления, где прослужил около 10 лет, и в феврале 1902 г. получил назначение обратно на родной Север — становым приставом в хорошо знакомый Обдорск. Здесь он проявил себя уже как зрелый администратор, способный на решительные и порой неожиданные действия в интересах местного населения. Например, такие. «Обдорский становой пристав, — писал корреспондент «Сибирского листка», — в заботах об уменьшении спаивания инородцев во время съезда их заарестовывал на время ярмарки целые транспорты вина, шедшие для обдорян из Березова. Несомненно, что эта мера также оказала немалое влияние на сокращение ярмарочного пьянства инородцев, хотя надо полагать, что под контроль местной власти не могло попасть все вино, вывезенное пронырливыми зырянами из Ижмы». Совершенно очевидно, что, действуя на пользу инородцев, пристав вызывал недовольство виноторговцев. В памяти современников сохранился также интересный опыт Ямзина по изменению порядка сдачи в аренду рыболовных песков. Он устроил торги, давшие гораздо большую сумму владельцам угодий, чем в прежние годы. Затем призвал к себе вотчинников (их было всего три семьи) и вместе с ними сделал расчет, какие суммы им потребуются на год на одежду, порох, выплату податей, на водку и пр. Эти суммы он выдал им на руки, а остальное положил в кассу как их капитал⁶.

С 25 апреля 1907 г. Л.Н. Ямзин приступил к исполнению новых обязанностей — помощника березовского уездного исправника. Обдоряне устроили ему трогательные проводы. В чествовании участвовали и русские жители села, и инородцы. Потомок обдорских князей старшина В.И. Тайшин от лица аборигенов произнес речь на хантыйском языке и на хантыйском же отвечал ему Ямзин. В зачитанном приветственном адресе говорилось: «В Вашем лице Обдорский край потерял мудрого администратора и человека с любящей душой. Вы, умея поддерживать свое служебное положение, в то же время умели быть человеком. Для всех нас Вы были общим другом: богатый и самый последний бедняк были для Вас равны, занимающие в Обдорске высокое положение и простецы были для Вас одинаковыми. Ваша доброта и сердечность не знали границ. Забитые остяки и гордые самоеды, эти пасынки северной природы, так чуждающиеся всего русского, видели в Вас отца и брата. Первые Вас и не называли иначе, как по имени, Ваших советов все они всегда охотно слушались, любя Вас и считая своим. И Вы действительно были для инородцев своим, как для нас нашим. Наши интересы были Вашими

⁶ Внутренние известия: Обдорск // Сиб. листок. 1903. № 15; Скалозубов Н.Л. Дневник // Тобольский Север глазами политических ссыльных XIX — начала XX века. Екатеринбург, 1998. С. 385.

интересами. Вы жили обдорской жизнью, были обдорянином. Обдорск будет долго помнить Ваше имя».

«Чествование Л.Н. было просто и так сердечно, — пишет корреспондент «Сибирского листка», — что вряд ли скоро изгладится из памяти обдорян. В Обдорске много было служащих, и их переводы не производили на обдорян особого впечатления: об уважаемых и честных людях говорили обыкновенно, что жаль, про большинство же выражались, что туда и дорога. Лев Никифорович Ямзин был редким исключением»⁷.

В должности помощника исправника Лев Никифорович пробыл недолго. За побег из Березова политического ссыльного Л.Д. Троцкого был уволен уважаемый в городе и уезде исправник И.В. Евсеев, и освободившуюся должность пришлось занять ему. В отличие от большинства предшественников, Ямзин оставался исправником продолжительное время — до 1917 года, и все это время управлял уездом, как и прежде Обдорской волостью, с теми же заботливостью, энергией, распорядительностью и твердостью. Всестороннее исследование его управленческой деятельности в Березове — дело будущего. Газетные источники, которыми пользовался автор, дают лишь разрозненные факты, из которых не выстраивается цельная картина.

Можно уверенно говорить о том, что Л.Н. Ямзин немало сделал для развития на Нижней Оби речного пассажирского и грузового судоходства. При нем совершал регулярные рейсы между г. Березовом и с. Самаровским, а также по рр. Сосьве и Ляпину земский пароход «Березовец». В июле 1907 г. «Сибирский листок» сообщал, что благодаря любезности Льва Никифоровича на нем бесплатно проехали до Самарова пятеро учеников Березовского городского училища, направлявшиеся на экскурсию в Тобольск. Несколькими годами позднее Березовский уезд имел пароход «Станкевич». В 1916 г. состоявшийся в Березове съезд уполномоченных от волостей поручил исправнику Ямзину распоряжение пароходом и выразил ему благодарность «за деятельность его в прошлом и ревность к улучшению положения народа». Доходы от рейсирования «Станкевича» съезд уполномоченных решил направлять на погашение земской повинности⁸. Заинтересованный делами речного транспорта Л.Н. Ямзин вступил в Тобольское отделение Императорского общества судоходства.

Всячески содействовал Ямзин и изучению вверенного ему края. Сохранился ряд свидетельств об его помощи научным экспедициям. «Благодаря любезной предупредительности березовского исправника Л.Н. Ямзина, — сообщал «Сибирский листок», — наняты (для экспедиции О.О. Баклунда. — В. Б.) 80 нарт с соответствующим количеством оленей,

⁷ Внутренние известия: Обдорск // Сиб. листок. 1908. 21 февр.

⁸ Городская хроника // Сиб. листок. 1907. 22 июля; Тоб. губ. вед. 1913. № 27; Сиб. листок. 1916. 25 февр.

и припасы и вещи, необходимые для экспедиции, в количестве 100 пудов уже доставлены к двум пунктам... Об этом экспедицией получена телеграмма от г. Ямзина». По окончании экспедиции президент Академии наук возбудил ходатайство о награждении Ямзина и его помощника В.Н. Тарасова. Лев Никифорович получил серебряный портсигар с золотым изображением государственного герба с бриллиантом, а Василий Никифорович Тарасов (уроженец Сургута) — золотую булавку с изображением государственного герба с бриллиантом. Имеются сведения и о столь же охотной помощи Ямзина экспедициям Б.М. Житова, И.Н. Шухова и др.⁹

Такое отношение к науке было свойственно Ямзину еще с того времени, когда он из Тобольска получил назначение в Обдорск и сразу же установил плодотворные связи с губернским музеем. Около полутора десятков лет, будучи действительным членом музея, он оказывал ему существенные услуги: по просьбе консерватора послал двух живых песцов, сообщил о добыче инородцами близ Обдорска белухи и вскоре отправил ее голову, плавники и хвост, доставил предметы, собранные для Западно-Сибирской выставки 1911 г. в Омске, привез с предгорий Урала аммонит, приобрел по заказу музея предметы вогульского быта. В 1915 г. Лев Никифорович собрал в Березовском уезде 55 рублей для образования при музее капитала имени Н.Л. Скалозубова на премирование из процентов от этого капитала авторов лучших исследовательских работ о флоре и сельском хозяйстве губернии¹⁰.

Будучи полицейским чиновником, Ямзин по своей душевной отзывчивости и доброте делал много такого, от чего иной администратор считал бы совершенно правомерным для себя равнодушно отвернуться. Те, кто обращался к нему за содействием, чего бы это ни касалось, как правило, получали помощь. Так, он помогал развитию сети местных церковно-приходских школ и в знак благодарности «за особые труды, усердие и ревность» по их благоустройству получил от Святейшего Синода Библию¹¹. Состоя в Обдорске в миссионерском братстве, он активно участвовал в создании «Хранилища коллекций по этнографии инородцев Тобольского Севера», делал пожертвования и за особые заслуги был избран пожизненным членом братства. Отзывчивость Льва Никифоровича на общественные запросы убедительно доказывается его участием в разнообразных делах вспомоществования нуждающимся — сборе средств в пользу

⁹ Городская хроника // Сиб. листок. 1909. 14 мая; ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 23. Д. 233; Игумен Иринарх. Экспедиция на Ял-мал // Сиб. листок. 1908. № 25; Шухов И. Н. Река Казым и ее обитатели // Ежегодник Тоб. губ. музея. 1916. Вып. 26. С. 5, 7.

¹⁰ Сиб. листок. 1903. № 24; ТГИАМЗ. Научный архив. Д. 913, 937; Пигнатти В. Отчет консерватора Тоб. губ. музея о состоянии коллекций за 1913 год // Ежегодник Тоб. губ. музея. 1914. Вып. 22; Сиб. листок. 1915. № 129.

¹¹ Тоб. епарх. вед. 1915. № 25. Школьный листок № 13.

студентов Томского университета, женской мастерской Тобольского городского дома трудолюбия, Александровского детского приюта, на образование стипендии имени бывшего тобольского губернатора Н.Л. Гондати и многих других подобных актов благотворительности¹².

Административная карьера Л.Н. Ямзина закончилась вскоре после Февральской революции. 29 мая 1917 г. тобольский губернский комиссар уволил его, согласно прошению, в отставку. Итогом он вполне мог удовлетвориться: помимо многочисленных выражений благодарности от местного населения, он заслужил ордена Станислава 3-й, 2-й степеней и Анны 3-й степени. Правда, это был еще не окончательный уход от дел, более года спустя после отставки Льву Никифоровичу пришлось ненадолго принять на себя обязанности березовского уездного комиссара. И, кроме того, в начале 1918 года он был избран от Березовского уезда в состав губернского земства и участвовал в заседаниях первой чрезвычайной сессии Тобольского губернского земского собрания. Но земство в Тобольской губернии успело сделать только первые шаги, и советской властью было упразднено¹³.

В отличие от подавляющего большинства чиновников дореволюционного времени, Л.Н. Ямзин оказался востребованным советской властью, хотя уже далеко не в меру его способностей и опыта. С марта 1920 г. он служил делопроизводителем эксплуатационного отдела Обьрыбтреста, находившегося в Тобольске. В феврале и декабре 1923 г. в интересах успешной подготовки рыболовной кампании Ямзин командировался в Обдорск в помощь заместителю управляющего трестом Э.Д. Дуброву¹⁴. К нему как к авторитетному знатоку Севера обращались за советом. Так, 23 мая 1925 г. он был приглашен на совещание по вопросу о предстоящем проведении всесоюзной переписи населения на Тобольском Севере. Предполагалось его участие в составлении хантыйского словаря¹⁵.

Л.Н. Ямзина знал один из первых землеустроителей Тобольского Севера Виктор Григорьевич Балин (1907–1998), в начале своего трудового пути он некоторое время был сослуживцем Ямзина в Обьрыбтресте. В его памяти Лев Никифорович остался добродушнейшим человеком. Ханты приезжали в Тобольск на оленях, чтобы повидаться с ним. В начале 1921 г. Ямзин был арестован. Об этом узнал его сын Иван Львович, профессор, и немедленно обратился в правительство. За подписью якобы Троцкого пришла в Тобольск

¹² ТГИАМЗ. Отдел письменных источников. Архив А.А. Дунина-Горкавича. Д. 162; Музей и общество на пороге XXI в. Омск, 1998. С. 171; Тоб. епарх. ведомости. 1915. № 9. С. 138–140; Городская хроника // Сиб. листок. 1908. 2 сент., 21 сент.

¹³ Тоб. губ. вед. 1917. № 23; Тоб. народное слово. 1918. 24 авг.; Судьбы народов Обь-Иртышского Севера: сб. документов. Тюмень, 1994. С. 52.

¹⁴ ТОЦДНИ. Ф. 30. Оп. 1. Д. 287. Л. 21; Наш край. Тобольск, 1925. № 6. С. 36.

¹⁵ ГУТО ГАТО. Ф. 1818. Оп. 2. Д. 1758.

телеграмма: освободить. В конце 20-х годов Лев Никифорович ослеп и в 1930 г. утонул в Поганом прудке (на горе, возле военкомата).

Теперь нельзя не сказать несколько слов и об единственном сыне Е.П. и Л.Н. Ямзиных Иване Львовиче (1882–1934). После окончания Тобольской гимназии он поступил в Казанский университет, в Казани вел революционную пропаганду среди рабочих, был исключен из университета и выслан под гласный надзор полиции в Астраханскую губернию. Оттуда он обратился с ходатайством о разрешении месячной отлучки в Тобольск для свидания с тяжелобольной матерью, получил его и в конце октября 1904 г. прибыл в Тобольск, где находился значительно дольше дозволенного срока и, по некоторым сведениям, занимался организацией нелегальных социал-демократических кружков. Только в июне 1905 г. Иван Ямзин был выслан из Тобольска в Казань под особый надзор полиции. В том же году дело его было прекращено. Образование он заканчивал в Киевском университете. По сообщению «Сибирского листка», студент-тоболяк Ямзин за сочинение на тему о переселении крестьян из России в Сибирь был удостоен золотой медали и премии Бунге в 150 р.

Впоследствии Иван Львович стал крупным специалистом в области изучения миграций населения, разрабатывал теоретические аспекты внутренней колонизации и переселений, дал исторический очерк переселенческого движения в России после реформы 1861 г. Он был профессором Воронежского сельскохозяйственного института и его проректором. В 20-е — начале 30-х гг. занимался преимущественно изучением заселения многоземельных районов СССР. Автор трудов «О новых явлениях в сельском хозяйстве Сибири» (Киев, 1910), «Переселенческое движение в России с момента освобождения крестьян» (Киев, 1912), «Переселенческая статистика и хозяйственное положение переселенцев по исследованию Переселенческого управления» (1913). Из архивного источника известно, что планировался его доклад «Колонизация и краеведение» в декабре 1926 г. на III Уральской областной краеведческой конференции в Свердловске¹⁶.

И последнее. По-видимому, в XIX веке наряду с березовской мощная ветвь Ямзиных укоренилась и разрослась в селе Шеркалы Березовского уезда. В метрических книгах шеркальской Спасской церкви, а также церквей сел Чемаша и Малый Атлым начала XX века есть записи о Гаврииле, Константине, Дмитрие, Диомиде, Иване, Василии, Илье, Илларионе Михайловичах Ямзиных и членах их семей. Можно предполагать, что эта ветвь пошла от упоминавшегося в начале очерка Михаила Никифоровича Ямзина.

¹⁶ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 18. Д. 125; Гор. хроника // Сиб. листок. 1912. 25 марта; Накоряков Н. Из далекого прошлого // Доронин И. Семья Дорониных. Свердловск, 1966. С. 10; ТГИАМЗ. Научный архив. Д. 1048. Л. 26.

Как награда разошлась с героем

Не зная себе равных деятельность священника Ивана Яковлевича Тверитина на севере Тобольской губернии в 1850–1860-е гг. с самого начала привлекала к себе внимание как начальства Тобольской губернии и Западно-Сибирского генерал-губернаторства, так и российских ученых обществ — Вольного экономического, Русского географического, Казанского экономического, Московского общества сельского хозяйства. В селе Юганском близ г. Сургута, где Тверитин был настоятелем Богоявленской церкви, он около 20 лет исследовал возможности выращивания на местной почве хлебов. Перед собой он поставил дерзновенную задачу: доказать собственной практикой, что Сургутский край может, пусть частично, обеспечивать себя хлебом. Иван Яковлевич вполне справился с задачей — он не только собирал хорошие для северных условий урожаи ржи, но и построил мельницу, на которой перерабатывал зерно.

В советское время в Сургутском районе действительно колхозы выращивали зерновые культуры, дававшие очень низкие урожаи, но об опытах И.Я. Тверитина никто уже не вспоминал. Напомнила о них новосибирский историк Юлия Алексеевна Белоножка, опубликовав результаты своих архивных поисков в сургутской газете «К победе коммунизма»¹. Позднее по предложению редакции журнала «Югра» она составила сборник документов, который с ее же вступительной статьей был выпущен в 1993 г. отдельным изданием под заголовком «Священник-хлебороб И.Я. Тверитин» в серии «Библиотечка журнала «Югра».

Ежегодно Тверитин посылал отчеты о своих земледельческих опытах в Русское географическое и Казанское экономическое общества, его сообщения печатались в «Трудах» обществ. О Тверитине писали «Русский инвалид» и «Земледельческая газета»². В 1860, 1864 и 1872 гг. он участвовал во всероссийских выставках в Петербурге и Москве, получил от выставочных комитетов две серебряные медали и одну бронзовую. Научные общества также награждали его своими медалями.

¹ Белоножка Ю.А. Хлебопашец // К победе коммунизма. 1974. № 5, 12, 23, 30.

² О хлебопашестве в Сургутском отделении Березовского округа // Русский инвалид. 1860. № 38. Опыт хлебопашества в Березовском округе Тобольской губернии // Земледельческая газета. 1867. № 25.

Казалось бы, деятельность, направленная на очевидное для всех благо, не может, не должна вызывать неприятия и встречать препятствия. Но эта аксиома раз за разом жизнью опровергается.

Найденные в Государственном архиве г. Тобольска документы, с одной стороны, дают новые материалы об И.Я. Тверитине, а с другой — иллюстрируют сказанное тремя строчками выше о неприятии и препятствиях.

Высшее начальство Западной Сибири в лице генерал-губернатора Г.Х. Гасфорта и тобольского губернатора В.А. Арцимовича высоко оценило начинание и первые успехи И.Я. Тверитина и обратилось в апреле 1857 г. к епископу Тобольскому и Сибирскому Феогносту с предложением об исходатайствовании для священника государственной награды — ордена Святой Анны 3-й степени. Вполне обоснованная инициатива положила начало делу, которое частично завершилось только в 1860 году.

Желание начальства достойно вознаградить предпринявшего смелый опыт священника встретило сопротивление недоброжелателей Тверитина. В своем рапорте Тобольской духовной консистории от 15 июля 1857 г. сургутский благочинный священник Василий Кайдалов в довольно неприязненном тоне пишет, что пионером в деле выращивания хлеба в Сургутском крае является не Тверитин, а он, т.к. им первым «в 1851, 1852 и 1853 годы были брошены в небольшом огороде семена ячменя, овса, льна и конопли» и получен урожай, за этот опыт он получил награду от Русского географического общества. При этом Кайдалов как будто не видит разницы между маленьким огородом и полем, специально подготовленным на месте вырубленного леса. Затем в Березовское духовное правление пришла жалоба: Тверитин обвинялся в издоимстве и сварливости. Было назначено следствие.

Тем временем тобольский губернатор предъявлял генерал-губернатору новые аргументы в пользу награждения Тверитина: священник пожертвовал принадлежащий ему дом в с. Юганском под сельскую остояцкую школу и убедил нескольких жителей села взять на содержание 10–12 мальчиков-учеников, изъявил желание вместе с сыном, причетником этой же церкви, безвозмездно учить этих мальчиков русской грамоте, построил мельницу для размола зерна, овин и сушильню. Это заставило Тобольскую духовную консисторию организовать, наконец, следствие. За волокиту, приведшую к обострению отношений духовной власти с гражданской, она наказала членов Березовского духовного правления протоиерея Заборовского и иерея Александра Тверитина и поручила следствие священнику самаровской Покровской церкви Нестору Вергунову.

Следствием обвинения с отца Иоанна Тверитина были сняты. 10 ноября 1860 г. преосвященный ответил генерал-губернатору, что согласен на представление Тверитина к ордену. В № 47 «Тобольских губернских ведомос-

тей» за 1860 г. была помещена статья священника села Селяировского Василия Успенского «Юганское земледелие и плоды его». Не сдерживая восхищения увиденным, Успенский писал: «По здешнему климату я не надеялся найти его поле в совершенном виде... Но как приятно было сердцу, когда увидел ее (рожь. — В.Б.) едва ли еще не лучшей той, которая родилась на моей родине и которую я видел по тракту от Калуги до Тобольска».

И.Я. Тверитин продолжал свой труд в условиях, как стали говорить и писать в советское время, «рискованного земледелия», имел успехи, терпел поражения и продолжал без прикрас сообщать об итогах очередного сезона ученым обществам и начальству с надеждой на поддержку. 30 октября 1864 г., по получении от него отчета, генерал-губернатор А. Дюгамель писал: «Ваше благословение. Принося искреннюю мою признательность за доставленные Вами сведения о развитии хлебопашества в Березовском крае и радуясь таким благотворным последствиям трудов Ваших, которые Вы посвятили в течение девяти лет на пользу общую, я сердечно желаю и на будущее время более радостного успеха в принятом Вами на себя деле развития хлебопашества. Поручая себя молитвам Вашим, я прошу принять уверение в совершенном моем почтении и преданности»³.

Орденом И.Я. Тверитин награжден не был, но за подвижнический труд ему был высочайше пожалован участок освоенной им земли в 15 десятин 1496 сажень в потомственное владение. Земля эта, политая священническим потом, как утверждают, была постепенно смыта рекой Юган.

³ ГИАОмО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 6068. Л. 4.

Дерзание Земцова

Вспоминая об этом выдающемся человеке, каждый раз еще более укрепляешься в мысли, что история — это прежде всего люди. Впервые мы узнали о Василии Трофимовиче Земцове, когда стала широко доступной переизданная у нас книга Х.М. Лопарева «Самарово». Потом стали открываться новые источники, появился ряд новых публикаций. И все же остается такое чувство, что мы еще чего-то важного не узнали, нужно искать.

В середине XIX века в Тобольской губернии отмечена волна переселенцев из Рязанской губернии. Несколько крестьян из села Любичи Зарайского уезда оказались на Тобольском Севере: В.Т. Земцов — в Самарове, его двоюродные братья Евгений и Андрей Иоакимовичи Рязанцевы — в Селиярове, Александр Иванович Попов — в Филинской волости Тобольского округа. Бывший, по свидетельству Х.М. Лопарева, в близких отношениях с Земцовым финский лингвист Август Алквист утверждал, что поначалу Василий Трофимович поселился в Березове, там они могли и познакомиться во время первой экспедиции ученого на Тобольский Север в 1856 г. «Василий Трофимович Земцов, еще в юности добровольно переселившийся в Сибирь, — пишет Алквист, — усердием и трудом заработал в Березове немалое состояние»¹.

Избрав местом постоянного жительства Самарово, Земцов развернул здесь многостороннюю хозяйственную деятельность. Помимо рыбного промысла, без которого жизнь на Обь-Иртышском Севере и представить себе невозможно, торговал вином (со временем завел винный склад), хлебом, который завозил барками из южных округов Тобольской губернии. Так, в 1896 г. он доставил в Самаровскую волость 25000 пудов муки². Натуре Земцова было противно наживаться на крестьянской нужде, и он в голодные годы не взвинчивал цены на муку, чему есть ряд письменных свидетельств. «Сибирский листок», № 5 за 1892 год: «Муку в Самарово кулаки продают за 1 р. 40 — 1 р. 50 к., один Земцов отпускает по 1 р. и 1 р. 20 к. У него выходит запас». С.К. Патканов в работе «По Демьянке»: «Особенною гуманностью... отличается Василий Трофимович Земцов, кото-

¹ Алквист А. Среди хантов и манси: путевые записи и этнографические заметки / пер. с нем. и публикация Н.В. Лукиной. Томск, 1999. С. 71.

² Тоб. губ. вед. 1896. № 32. С. 862.

рый постоянно имеет значительные запасы муки, припавленной из Томской губернии, и которою он снабжает остяков и крестьян по весьма умеренным ценам, именно ныне летом по 45 коп. за пуд, между тем как более корыстолюбивые отпускали ее по 55 коп. и, не растрчивая свои запасы, выжидали то время, когда у Земцова выйдет вся мука, чтобы тогда еще поднять цену».

Малоизвестна еще одна сторона деятельности Земцова, о которой пишет тот же С.К. Патканов, бывший в Самаровской волости на рубеже 80 и 90-х годов XIX в. — торговля мясом. «... в низовых волостях скотопрмышленность находится главным образом в руках богатых торгующих крестьян, например, Башмаков в селе Базьяновом и Земцов в селе Самаровском скупают у крестьян и инородцев смежных волостей скот, бьют его и продают в продолжение осени и зимы в селе Самаровском, которое представляет из себя крупный центр на Севере, а также сбывают его в виде туш в более отдаленные пункты, как Березов и Сургут. Еще недавно они были единственными поставщиками мяса в названные города и отправляли туда более тысячи туш ежегодно»³.

Предприимчивый Земцов не мог, конечно, оставить без внимания то обстоятельство, что Самарово находилось на перекрестке водных дорог: тут и устье Иртыша, и путь вверх по Оби в Томскую губернию, и близость устья Конды — ворот на запад, в мансийский край. В Самарове, примерно в версте ниже села, он построил пароходную пристань, ставшую средоточием его предпринимательской деятельности. Здесь находился склад, с которого заготовленные им дрова отпускались на проходившие вверх и вниз пароходы в качестве машинного топлива. «Капитаны пароходов дают ему в течение лета квитанции в приеме известного количества сажень дров, по которым Земцов и получает деньги осенью», — писал Лопарев в книге «Самарово».

Во второй половине 1880-х или в начале 1890-х гг., при губернаторе В.А. Тройницком, Василий Трофимович просил отдать ему в аренду перевозку почты между Самаровом и Обдорском, прошел даже слух, будто он приобрел для этой цели пароход «Казанец». Слух оказался ложным: ходатайство Земцова было отклонено, отказ мотивирован тем, что заявитель должен иметь не один, а несколько пароходов, чтобы «в случае какого-нибудь несчастья с пароходом» не было прервано на неопределенное время сообщение с Севером⁴.

Современники примечали и еще одну характерную черту хозяина пристани — любовь к тщательному исполнению чего бы то ни было. Директо-

³ Патканов С. К. Соч. в 5 т. Тюмень, 2003. Т. 4: Экономический быт крестьян и инородцев Тобольского округа Тобольской губернии. Ч. 3. С. 225.

⁴ Сиб. листок. 1893. 5 сент.; 1899. 4 июля.

ру Тобольской ветеринарно-фельдшерской школы Н.А. Лыткину очень понравилось, как устроена пристань. «Есть даже что-то в виде деревянной набережной, — писал он, — на которой лежит масса сосновых и кедровых дров. Над пристанью величественно поднимается с крутым спуском гора, обросшая прекрасным лесом. <...> Лес этот, по-видимому, оберегается здесь заботливо, ибо при выходе с пристани сейчас же бросается в глаза надпись на столбе: «Рвать шишки, ломать ветви кедров и раскладывать костры в лесу строго воспрещается». На берегу около пристани стоит небольшой домик для пассажиров и несколько строений для служащих на пристани»⁵. По словам посетивших Самарово в 1876 г. немецких ученых О. Финша и А. Брэма, имелась на пристани и баня.

К этой-то пристани и подошел ранним утром 9 июля 1891 года пароход, на котором следовал из Томска в Тобольск наследник российского престола Николай Александрович. Радужный хозяин пристани постарался подготовить встречу самаровцев с цесаревичем наилучшим образом. «На паровой пристани, — пишет Х.М. Лопарев в книге «Самарово», — была устроена В.Т. Земцовым палатка, украшенная щитами и гербами, обвитая зеленью и обшитая белым полотном, с распущенными флагами. Деятельно шла работа и по устройству лестницы на горную возвышенность и дерновых скамеек на случай отдохновения здесь августейшего путешественника».

Участник этого события тобольский купец А.А. Сыромятников несколько дней спустя сообщал в своей газете «Сибирский листок»: «В 7 часов его высочество соизволил выйти на платформу, приложился к кресту и принял хлеб-соль от крестьян Тобольской губернии». Один из них был В.Т. Земцов. А.А. Сыромятников приводит здесь же и такой малоизвестный факт: «В ознаменование столь памятного дня собравшиеся в с. Самаровском депутаты устроили подписку на стипендию для воспитания сына бедного крестьянина Тобольской губернии в Томском университете, всего собрали 2513 рублей. [...] Но его высочество через г. начальника губернии объявил о желании своем, чтобы эта сумма была употреблена на устройство ремесленного училища»⁶. Не отсюда ли ведет свое происхождение ремесленное отделение Самаровского сельского училища, открытое в 1906 году? Замечу еще, что, несмотря на немалые затраты на подготовку к встрече высокого гостя Василий Трофимович принял существенное участие в этой подписке — внес 50 рублей.

Со ссылкой на путешественника, проезжавшего через Самарово в 1876 г., Х.М. Лопарев во втором издании «Самарова» сообщает: «В настоящее время в с. Самаровском считается жителей до 400 человек, занимающихся частью

⁵ Лыткин Н. Село Самаровское // Тобольские губ. вед. 1890. № 4. С. 13.

⁶ Сыромятников А. От Сургута до Тобольска // Сиб. листок. 1891. 14, 18 июля.

мелочную торговлю, а более рыбопромышленностью и заготовлением рыболовных судов, как-то: барок, каюков и лодок. Один из таких каюков, щегольски отделанный крестьянином Земцовым... кокетливо красовался на берегу Иртыша; чистота отделки его и удобства помещения были поистине образцовые, хотя ценность материала и работы не превышала 200 рублей»⁷.

Благодаря незаурядной душевной щедрости хозяина этот каюк сослужил неоценимую службу не только российской, но и европейской науке. Если бы кто-то занялся специальным исследованием и восстановил историю этого судна, проследил маршруты путешествий, имена участников, число пройденных верст, могла бы открыться впечатляющая и поучительная картина.

Вот каков был этот каюк в описании петербургского зоолога И.С. Полякова: «По приезде в Самарово я действительно нашел огромную крытую 8-весельную лодку длиной 24 аршина; в ее передней чистой каюте весьма легко могут поместиться 3 человека, причем в ней даже возможно ходить; поставивши стол, в ней вполне удобно можно заниматься, писать и пр.; в задней каюте можно поместить пудов до 250 клади и скрыть всех гребцов, которых застигла бы непогода...»⁸

Более удобное для путешественника-исследователя того времени средство передвижения трудно себе представить. С обычной лодкой, конечно, и сравнивать нечего. А пароходное сообщение, существовавшее в Тобольской губернии всего лишь второе десятилетие, было нерегулярным, да и ходили пароходы только по Иртышу и Оби, не заходя в притоки и далеко не везде останавливаясь. Каюк же был в полном распоряжении путешественника и предоставлял вполне комфортные походные бытовые условия. Построил его Земцов, по-видимому, исключительно из желания облегчить труды ученых исследователей.

В этом каюке и отправился в 1876 г. вниз по Оби консерватор зоологического музея Академии наук И.С. Поляков со спутниками. Доплыв до Обдорска, Поляков возвратился уже пароходом. В своем отчете Поляков писал: «Получивши каюк в дар от В. Тр. Земцова, я в свою очередь предоставляю его в пользование всех тех лиц, которые явятся в долине Оби с научными целями, и таким образом прекрасная лодка пусть будет на суровом Севере рассадником идей “человеколюбия, истины и справедливости”»⁹. Так определилась специализация этого единственного в своем роде судна.

Каюк перезимовал у Полярного круга, а в следующем году им воспользовался Август Алквист, чтобы добраться до Самарова. В дальней-

⁷ Лопарев Х. М. Самарово. СПб., 1896. С. 67.

⁸ Поляков И. С. Письма и отчеты о путешествии в долину р. Оби, исполненном по поручению Императорской Академии наук. СПб., 1877; Тюмень: Изд-во Юрия Мандрики, 2002. С. 26–27.

⁹ Лопарев Х. М. Указ. соч. С. 66.

шем судно, как эстафетная палочка, переходило от путешественника к путешественнику. В 1880 г. на нем снова уходил в плавание А. Алквист, в 1892-м — купец А.А. Сыромятников с членами его экспедиции. Летом 1894 г. в прессе появлялось сообщение о предстоящем выезде на каюке Земцова казанского профессора Якобия, изучавшего быт ханты¹⁰. Через год им уже пользовался москвич князь А.А. Ширинский-Шихматов. В 1897 г. Земцов безвозмездно предоставил его зоологу К.М. Дерюгину¹¹. Это суденышко испытало на себе шторма низовьев Оби, царапало днище о камни уральского притока Оби Войкара, рыскало по извилистому руслу Конды, проплывало вдоль берегов Северной Сосьвы.

Но нельзя ограничиться разговором об одном только каюке. Общавшиеся с Земцовым исследователи ценили и уважали его как знатока края и добросовестнейшего информатора. С.К. Патканов, дотошно проверявший всякое сообщение, сделал характерное признание, что в разделе его труда, касающемся рыбного промысла, «только сведения относительно песков “Дурного” и “Каменского” отличаются высокой степенью достоверности, так как сообщены ему одним из самых почтенных людей Тобольского севера рыбопромышленником Земцовым»¹². Не случайно много лет Василий Трофимович оставался в составе губернского статистического комитета и был избран его почетным членом.

Для ученых много значили и приветливость хлебосольного самаровского крестьянина, его готовность предоставить кров в своем просторном доме, дать ценный практический совет, помочь делом в подготовке к продолжению экспедиции. Со своей стороны путешественники, как могли, благодарили Василия Трофимовича. В подарок от Полякова он получил подзорную трубу, А. Брэм и О. Финш прислали изданную на немецком языке книгу о путешествии в Западную Сибирь и диплом члена Бременского Географического общества, французский этнограф Шарль Рабо — серебряные часы с выгравированной надписью. Август Алквист после третьей поездки по Тобольскому Северу обратился как профессор Императорского Александровского университета к его канцлеру наследнику престола Николаю Александровичу с просьбой наградить «друга науки» В.Т. Земцова, и в 1882 г. золотая медаль с надписью «За усердие» для ношения на шее была ему вручена¹³. Если бы все знаки признательности В.Т. Земцову, в большин-

¹⁰ Городская хроника // Сиб. листок. 1894. 17 июля.

¹¹ Дерюгин К. М. Путешествие в долину среднего и нижнего течения реки Оби и фауна этой области. СПб., 1898.

¹² Патканов С. К. Соч. в 5 т. Тюмень, 2003. Т. 3: Экономический быт государственных крестьян и инородцев Тобольского округа Тобольской губернии. Ч. 2. С. 166.

¹³ ГИАОмО. Ф. 3. Оп. 9. Д. 17134.

стве своем наверняка нам неизвестные, сохранились, они могли бы составить впечатляющую экспозицию современного краеведческого музея. Но мы не отличаемся бережным отношением к своему прошлому.

Для самаровцев, по-видимому, особенно дорого было то, что Земцов построил в селе на собственные средства школьное здание. Это событие зафиксировано в литературе несколькими авторами. А. Алквист при посещении Самарова в 1877 г. видел этот строящийся дом. Чиновник А.В. Титов, служивший в 1870-е гг. земским заседателем в с. Кондинском, позднее писал: «Неподалеку от церкви и волостного правления красуется большое новое одноэтажное здание сельского двухклассного училища с квартирой для учителя — дар местного жителя крестьянина Земцова, представляющее совершенный контраст со старым, отвратительным на вид зданием волостного правления»¹⁴. За этот свой дар селу Земцов удостоился серебряной медали с надписью «За усердие». Тут нужно заметить, что Василий Трофимович был и образцовым попечителем училища.

После всего сказанного выглядит совершенно безупречным тот выбор, который сделал тобольский окружной исправник А.А. Павлинов, когда ему нужно было после изучения возможностей организации в губернии школы подготовки мастеров рыбообработки предложить место размещения школы и кандидатуру ее руководителя. Он назвал Василия Трофимовича Земцова. Доводы в пользу устройства школы в Самарово он привел следующие: близость рыбных промыслов, наличие парходной пристани, возможность найти помещение для занятий. В пользу Земцова: «Отзывчивость и готовность служить делу учреждения школы своими трудами и денежными средствами я встретил в торгующем по купеческому свидетельству крестьянине села Самаровского Василии Трофимовиче Земцове, когда обратился к нему с предложением по настоящему делу. Он... изъявил согласие устроить и содержать школу... на свои собственные средства, не требуя от правительства никакой материальной помощи»¹⁵.

В.Т. Земцов обратился к губернатору с заявлением, в котором просил ходатайствовать перед министром земледелия и государственных имуществ о принятии школы в ведение министерства, оказании содействия в приискании опытного и добросовестного техника для преподавания в школе и в указании торговых фирм, куда бы будущая школа могла сбывать консервы¹⁶.

Спустя некоторое время в 45-м номере «Тобольских губернских ведомостей» за 1896 г. появилась заметка из Петербурга, в которой сообща-

¹⁴ Титов А. В. Мои воспоминания о северном крае Тобольской губернии // Подорожник: краеведческий альманах. 2007. Вып. 8. С. 16.

¹⁵ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 37. Д. 137.

¹⁶ Там же.

лось, что министерство земледелия и государственных имуществ разрешило В.Т. Земцову учредить на свой счет «школу-мастерскую для приготовления мастеров по обработке рыбы и приготовлению консервов из нее». В договоре с департаментом земледелия Земцов брал на себя обязательство содержать школу в течение четырех лет со дня открытия на свои собственные средства, устроить при ней необходимые мастерские и другие хозяйственные заведения, библиотеку и учебную коллекцию. В более поздней публикации подтверждалось, что Василий Трофимович действительно отказался от предложенной правительством субсидии в 3,5 тысячи рублей и взял все расходы по содержанию школы на себя¹⁷.

2 марта 1897 г. после торжественного молебна школа открылась. Девять самаровских юношей из крестьянских семей в возрасте от 15 до 17 лет, окончившие местное двухклассное училище, приступили к занятиям. Это были Скрипунов Нестор Семенович, Хозяинов Антип Егорович, Кузнецов Иван Матвеевич, Соскин Иван Михайлович, Соскин Николай Павлович, Кузнецов Филипп Матвеевич, Кузнецов Федор Прокопьевич, Мухин Александр Иванович и Чукреев Василий Карпович. 11 сентября к ним присоединился 18-летний березовский мещанин Лапотников Михаил Иванович, окончивший приходское училище¹⁸. Учили приглашенные Земцовым из европейских губерний преподаватели-мастера. Учителя и ученики получали от него жалованье: первые — от 400 до 800 рублей, вторые — по 60 рублей в год.

Школа открылась во временном помещении — небольшом домике на краю села. Тем временем Василий Трофимович заканчивал около паромной пристани строительство комплекса сооружений, предназначенных специально для школы, куда вскоре она и переехала. Главное здание размером 30х10х4 аршина было разделено на три одинаковых по площади отделения — консервное, паяльное и балычное; над паяльным отделением было надстроено помещение для провески балыков. Позади главного здания стоял дом с кирпичным полом, где производились чистка и мытье рыбы и другие подготовительные работы. В комплекс входили также копильня, ледник, дом для мастеров и учеников. На все строительство Земцов потратил 1340 рублей¹⁹.

Как и было задумано, школа имела практическую направленность и должна была в итоге двухлетнего курса обучения выпустить первых мастеров рыбообработки из местных жителей, а дальней своей целью имела распространение среди сибиряков знаний современных технологий при-

¹⁷ Сиб. листок. 1897. № 58.

¹⁸ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 37. Д. 137.

¹⁹ Первая рыбная школа в Сибири // Сиб. торг. газета. 1900. № 52; Дунин-Горкавич А. А. Тобольский Север. Т. 1. С. 238–239.

готовления рыбной продукции. Учителя были не педагогами, а производителями, сам учредитель и руководитель школы — рыбопромышленником, а школа — одновременно и предприятием, поэтому теоретические знания давались в небольшом объеме. Основная часть учебного времени уходила на выработку навыков обработки рыбы для сбыта (замораживания во льду, копчения холодным и горячим способами, соления), обработки икры, приготовления рыбьего жира, клея, жестяных банок²⁰. Ученики под руководством преподавателей делали осетровые и нельмовые балыки, зернистую икру, консервы из осетра, стерляди, нельмы, муксуна, сырка, сосьвинской сельди и других видов рыб, а когда были перебои с рыбой — из дичи, оленьих языков, рачьих шеек, готовили вареные и копченые колбасы. За первые 11 месяцев были выработаны и быстро распроданы в Тобольске, Тюмени, Томске и других местах 1796 фунтовых и 3426 полуфунтовых банок на сумму 1951 руб. 51 коп.

Немало изобретательности потребовалось от В.Т. Земцова для того, чтобы бесперебойно обеспечивать школьное производство сырьем высокого качества. Так, летом 1897 г. он отправил в г. Березов преподавателя В. Шпера с четырьмя учениками для консервирования на месте лова сосьвинской сельди²¹. Предполагалось, что эти консервы со временем заменят для Тобольского Севера заграничные и отечественные сардины. Летом 1899 г., когда при большом спросе на консервы из стерляди не было возможности дешево закупать рыбу поблизости от Самарова, Земцов вместе со своим школьным коллективом совершил поездку вверх по Оби. Взяв с собой все нужные материалы, учителя и ученики переезжали на попутных пароходах от одного места лова к другому и прямо под открытым небом готовили консервы из свежей стерляди. Проехав за три недели от Самарова до Нарыма Томской губернии и обратно, школа изготовила 2 тысячи коробок консервов²².

В 1900 г. Земцов заказал для школы в Москве несколько брезентовых кошелёв для перевозки живой рыбы в воде на лошадях прямо из невода в сады и в устроенную им на рыболовном песке Соспас мастерскую²³. К.Д. Носилов сообщал также о намерениях Василия Трофимовича устроить живорыбный садок при новых зданиях школы и даже завести небольшой пароход для подвоза рыбы с Оби. Все это опять говорит нам о том, что школа, как и многие другие затеи В.Т. Земцова, о которых уже сказано, была его глубоко личным, творческим делом, ради него он не жалел ни денег, ни своих старческих сил.

²⁰ Носилов К. Самаровская рыбная школа // Сиб. торг. газета. 1897. № 42, 43.

²¹ Носилов К. Новости Севера // Сиб. торг. газета. 1897. № 26.

²² Сиб. листок. 1899. № 66.

²³ Сиб. торг. газета. 1900. № 73.

Особенно важно было для школы иметь собственную рыбопромысловую базу, закрепленную за ней на длительный период. Как рыбопромышленник Земцов арендовал песок Соспас, находившийся в пользовании у крестьян и остяков деревни Шапшинской и одноименных юрт, но договор сохранял действие только до 1900 г., и среди самаровских промышленников были другие претенденты на аренду этого уголья. Содействовать Земцову в этом непростом деле пытался А.А. Дунин-Горкавич. 4 декабря 1899 г. он направил письмо в департамент земледелия с ходатайством о том, чтобы начавшаяся между самаровскими крестьянами-рыбопромышленниками тяжба была разрешена в пользу Земцова, т. к. без своего рыболовного песка «существование школы невысказано». К своему письму Дунин-Горкавич приложил и ходатайство А.А. Павлинова, бывшего в то время советником губернского управления, как «главного организатора школы»²⁴.

Весной 1899 г. закончился курс обучения в школе, все ученики выдержали экзамен, но были оставлены еще на год для совершенствования практических навыков. Месячное жалованье каждого Земцов увеличил с 5 до 8 рублей. Специальная комиссия оценила качество приготовленных ими консервов как хорошее. По ее представлению Императорское Российское общество рыболовства и рыбоводства также произвело испытание рыбных консервов и постановило наградить Земцова бронзовой медалью общества и довести до сведения министра земледелия и государственных имуществ о его полезной деятельности²⁵.

Позднее, по-видимому, в начале 1902 г. школа была награждена серебряной медалью за изделия, представленные на рыбопромышленной выставке в Петербурге²⁶. В 1899 г. «Сибирский листок» сообщал в № 66, что от Самаровской рыбной школы будут посланы на Парижскую всемирную выставку образцы консервов, а также фотографии рыб, которые идут на их приготовление. Из заметки, напечатанной в этой же газете в 1903 г., мы знаем, что консервы Земцова побывали на Парижской выставке, и их хорошее качество было отмечено большой бронзовой медалью и дипломом.

К детищу Земцова особые симпатии питала с самого его рождения та часть чиновничества и интеллигенции, которая была кровно заинтересована в развитии производительных сил губернии. Газеты, особенно «Сибирский листок» и «Сибирская торговая газета», регулярно печатали сочувственные заметки, отчеты, корреспонденции, очерки о школе, возлагали на нее большие надежды, предрекали успех.

²⁴ Дело о песке Соспас // Новости Югры. 1997. 22 марта.

²⁵ Пионер консервного производства / публ. Т.А. Пановой // Новости Югры. 1996. 27 февр.; Сиб. листок. 1900. № 1.

²⁶ Сиб. листок. 1902. № 21.

Внимательно следил за работой школы и хорошо знал ее проблемы, как и вообще положение в рыбной промышленности Тобольского Севера, А. А. Дунин-Горкавич. 30 ноября 1899 г. он направил губернскому агроному Н. Л. Скалозубову письмо по вопросу выработки проекта устава «Самаровской школы обработки рыбных продуктов и подготовки из учеников практических мастеров», в котором высказал мнение, что для успеха будущей промышленности севера Тобольской губернии школу необходимо реорганизовать, субсидировать ее от казны и обеспечить рыболовными угодьями²⁷.

Близок к школе был Н.Л. Скалозубов. В 1899 г. министерство земледелия и государственных имуществ поручало ему представить свои соображения о постановке этой школы при условии пособия от казны. В этом же году в редактируемом им «Отделе сельского хозяйства и кустарной промышленности» (приложение к «Тобольским губернским ведомостям») был напечатан под заголовком «Первая рыбная школа в Сибири» подробный отчет о работе школы за период со 2 марта 1898 г. до 2 марта 1899 г. Дважды — в 1899 и 1901 гг. — он выезжал в Самарово, чтобы присутствовать на выпускных экзаменах в школе²⁸.

Такая поддержка укрепляла в В.Т. Земцове решимость продолжать начатое дело, хотя оно и было ощутимо убыточным для него, о чем говорит сопоставление цифр затрат и доходов за второй год существования школы (со 2 марта 1898 до 2 марта 1899 г.). На закупку инвентаря, выплату жалованья, приобретение сырья и материалов для изготовления консервов, строительство комплекса школьных зданий и сооружений и их содержание было потрачено 7053 руб. 53 коп., а от продажи балыков и консервов получено всего 2242 руб. 47 коп. Убыток составил 4811 руб. 06 коп. По итогам четвертого года работы убыток учредителя равнялся 1524 руб. 98 коп.²⁹

По истечении четырех лет со дня открытия заканчивался срок обязательства В.Т. Земцова содержать школу на свои средства. Он заблаговременно обратился в Министерство земледелия и государственных имуществ с просьбой об ассигновании в дальнейшем средств на выдачу жалованья преподавателям и ученикам. Все остальные расходы — на отопление, освещение, ремонт и очистку помещений, устройство новых помещений для хранения и обработки рыбы, доставку рыбы и всех материалов для ее приготовления, наем и содержание артелей рабочих для лова рыбы и пр. — учредитель школы изъявлял готовность взять на себя.

Поддерживая это прошение, губернатор Л.М. Князев писал в департамент земледелия: «Содержимая Земцовым школа признается наиболее полезным учреждением, необходимым для севера Тобольской губернии.

²⁷ См.: Дело о песке Соспас.

²⁸ Сиб. листок. 1899. № 86; 1901. № 91.

²⁹ Отчет Самаровской рыбной школы // Сиб. торг. газета. 1901. № 66.

Земцов явился пионером не только в Сибири, но и в России в распространении в здешнем малокультурном и отдаленном крае столь полезных, столь необходимых знаний в отрасли рыбного дела, развитие которого значительно влияет на поднятие экономического положения северной части Тобольской губернии, существующей исключительно от рыбных промыслов. Заслуга Земцова тем более почтенна, что он не пощадил своих старческих сил... и ни материальных издержек, чтобы в течение четырех лет вести школу в нужном направлении»³⁰.

Вероятно, школа, получив государственную поддержку и будучи реорганизованной, продолжала бы свою полезную деятельность и дальше, если бы в самом начале пятого года со дня открытия ее не постигло непоправимое несчастье: 21 марта 1901 г. в возрасте 70 лет умер Василий Трофимович Земцов. Власти ждали, не изъявит ли согласие продолжить дело отца Евстафий Васильевич Земцов, известный на Севере рыбопромышленник, которому на основании представления нового тобольского губернатора А.П. Лаппо-Старженецкого по высочайшему повелению было назначено к выдаче 1500 рублей в возмещение убытков, понесенных учредителем³¹. Действительно, школа существовала еще более года, но это уже было время прозябания и угасания. Внук Василия Трофимовича П.В. Земцов писал 16 ноября 1902 г. Х.М. Лопареву: «... Дела у Евстафия Васильевича неутешительны после дедушки. Вот два лета промыслы очень плохие, да и, как слышно, Евстафий Васильевич сильно закредитовался, в Самарове дело суживает, в рыбной школе часто бываем без работы, ученики расходятся, осталось только пять человек... В Сургуте, говорят, дела у него тоже незавидны...». Эту оценку состояния дел Е.В. Земцова разделял и самаровский священник Н.И. Вергунов, тоже переписывавшийся с Лопаревым и в письме 11 марта 1903 г. огорчивший его такими строками: «Товарищ молодости Вашей Земцов Евстохий плохо ведет дела торговые и, кажется, в недалеком будущем отведет к лику прогоревших. Да, не стало добрейшего старца Василия Трофимовича, и сразу пали дела»³². Справедливость этих оценок вскоре подтвердилась.

2 июля 1903 г. тот же П.В. Земцов писал Н.Л. Скалозубову: «Евстафий Васильевич рыбную школу в Самарове прекратил, весь инвентарь школы увез в Сургут... и открыл в Сургуте «Консервное заведение Е.В. Земцова»³³. Однако каких-либо сведений о существовании консервного производства в Сургуте в первом десятилетии XX в. отыскать не

³⁰ См.: Пионер консервного производства.

³¹ Сиб. листок. 1903. № 33.

³² Самаровский петербуржец: письма сибиряков к Х.М. Лопареву. Ханты-Мансийск, 2008. С. 121, 126–127.

³³ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 147. Оп. 1. Д. 28. Л. 4.

удалось. Сын не унаследовал лучших качеств отца. В Сургуте он на некоторое время снискал себе репутацию мецената, оказывал существенную материальную поддержку церковно-приходской женской школе, но вскоре растратил имевшиеся средства и был признан несостоятельным должником. Все его подворье, располагавшееся в центре Сургута, было куплено с торгов тобольскими купцами братьями Баскиными, сам Е.В. Земцов умер в Сургуте 27 ноября 1916 г. в 55-летнем возрасте, как записано в метрической книге Троицкой церкви, «от старости».

Каков же результат благородных устремлений и немалых усилий Василия Трофимовича Земцова, избравшего последним большим делом своей жизни подготовку мастеров рыбообработки? Ценный материал для прояснения этого вопроса дает «Протокол испытания учеников Самаровской школы обработки рыбных продуктов В.Т. Земцова», состоявшегося 2 декабря 1901 г. Испытания проводились комиссией под председательством Н.Л. Скалзубова, в составе которой были протоиерей Н.И. Вергунов, заведующий Самаровским двухклассным училищем С.В. Серков, старшина Самаровской волости И.Т. Горшков и преподаватель школы Э.К. Рейнке³⁴.

К этому времени в составе учащихся произошли значительные изменения. Лишь четверо из десяти «проработали» (так в протоколе) в рыбной школе со дня ее открытия до 2 декабря 1901 г., то есть четыре года и девять месяцев: А.И. Мухин, Н.П. Соскин, А.Е. Хозяинов и В.К. Чукуреев. Н.С. Скрипунов, поступивший вместе со всеми, в апреле 1899 г. был взят из школы отцом, но потом вернулся к прерванным занятиям и, таким образом, проучился два года и два месяца. Еще один из державших экзамен — М.Е. Кузнецов — пришел в школу позднее остальных, 2 мая 1899 г. Выбыли к этому времени Ф.П. Кузнецов (по неизвестной причине), М.И. Лапотников и И.М. Соскин (оба поступили на консервную фабрику Плотниковых, открывшуюся в 1898 г. на песке Питлярском в 110 верстах ниже Березова), а также И.М. и Ф.М. Кузнецовы (один умер, другой — по неизвестной причине).

Каждому из пятерых было предложено рассчитать, сколько полуфунтовых коробок консервов выйдет из пуда осетра, нельмы, муксуна, сколько на это количество коробок потребуется томата, масла, лука, моркови, сахару, перцу и пр. и сколько балыка выйдет из пудового осетра. Расчеты всеми испытуемыми были выполнены верно.

Вторым этапом экзамена (один из пятерых, Чукуреев, в нем не участвовал по болезни) было приготовление муксуна, осетра и нельмы в маринаде, консервирование их с маслом и копчение нельмы. В протоколе подробно описаны технологические процессы по каждому из заданий. Каждый из учеников в присутствии членов комиссии проделал все операции,

³⁴ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 37. Д. 137.

начиная с очистки рыбы и кончая запаиванием коробок и их кипячением. При этом выяснилось, что все они твердо усвоили необходимые практические знания, работа была выполнена четко и быстро.

Экзаменационная комиссия постановила признать учеников Мухина, Соскина, Скрипунова и Хозяинова достойными получения свидетельств об окончании курса по специальности «изготовление консервов в коробках». Консервы, сделанные во время экзамена, было решено отправить в Императорское общество рыболовства и рыбоводства с просьбой дать отзывы о работе каждого ученика. По окончании испытаний Н.Л. Скалозубов предложил ученикам школы воспользоваться двумя стипендиями департамента земледелия для дальнейшего совершенствования одного из них — в консервном деле на фабрике торгово-промышленного товарищества А.К. Дубинина в Одессе, другого — в посоле рыбы на рыбных промыслах фирмы братьев Сапожниковых в Астрахани. Выезжал ли кто-либо по этим адресам, неизвестно.

Подытоживая четырехлетнюю деятельность школы В.Т. Земцова, современники разошлись в оценках. Ихтиолог Н.А. Варпаховский, обследовавший Обь-Иртышский бассейн, один из инициаторов организации школы, считал, что она не выполнила своей основной задачи — научить население улучшенным способам посола рыбы, ограничившись подготовкой мастеров консервного дела. По мнению А.А. Павлинова, этого нельзя ставить школе в вину, так как она все время находилась в неблагоприятных условиях (отдаленность от Тобольска, отсутствие квалифицированного руководства и др.). Школе не повезло с мастерами по засолу рыбы, приготовлению балыков и паюсной икры: первые два умерли вскоре по прибытии в Самарово, а третий оказался малосведущим в этом деле. Неудачным был и выбор мастера по приготовлению сосьвинских сельдей, работа его не имела успеха. Но зато консервному делу школа обучила основательно. Неплохо усвоили они и пайку консервных банок. И это, заключает Павлинов, несомненная заслуга Самаровской рыбной школы³⁵.

Если взглянуть на дело Земцова и всех, кто ему помогал, из сегодняшнего дня, то оно выглядит весьма значительным новаторским опытом, который, даже независимо от практического результата, всегда поучителен своей отвагой, благородной устремленностью к общественной пользе и красив неповторимой красотой подвига. Столь невиданное дело мог начать только незаурядный, широко мыслящий человек, каким и был Василий Трофимович.

³⁵ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 37. Д. 137.

Башмаковы

Эта фамилия, не одно столетие доминировавшая в селе Базьяновском, расположенном на берегу Иртыша близ Самарова, довольно часто встречается в книге Х.М. Лопарева «Самарово». Первое упоминание о Башмаковых датируется в ней 1691 годом. В 1830 году «базьяновские остяки за два с половиной рубля продали самаровским ямщикам Башмаковым свои рыбные ловли и сенокосы», в 1814 году один из носителей фамилии был волостным старостой, примерно в это же время некий Иван Башмаков нес обязанности старосты сельской церкви.

Около середины XIX в. в Базьяновском сложился семейный клан рыбопромышленников и торговцев Башмаковых, коренных базьяновцев. Главу его звали Василием Афанасьевичем (ок. 1792 — 1868). Он имел младшего брата Ивана и троих сыновей — Василия, Илью и Константина. Все трое были известны как люди вполне преуспевающие и состоятельные. Жили они в небольшом сельце, но своей деятельностью охватывали значительную территорию, добывая рыбу, скупая у ханты меха и торгуя хлебом и другими товарами. Судя по разрозненным и отрывочным сведениям, никакое сулящее выгоду дело не проходило мимо Башмаковых.

Это подтверждает одно характерное свидетельство. В 1893 и 1894 годах известный путешественник и литератор К. Д. Носилов опубликовал в тобольских газетах очень интересное сообщение о том, как крестьяне села Кондинского на Оби проложили зимний путь до уральского села Гари, по которому гаринские рыботорговцы уже несколько лет вывозили на Урал обскую рыбу. Автор не приводит точной даты открытия этого сообщения. «Лет пятнадцать тому назад», пишет он, кондинские крестьяне решили сделать дорогу своими средствами, но так как их на то, чтобы прорубить просеку в 200 верст, не было, они попросили сделать это «купца Башмакова». Тот согласился в обмен на право в течение 12 лет промыслять в богатых здешних кедровниках, и просека шириною от пяти до десяти сажений была прорублена¹. В результате прибавился еще один солидный источник дохода Башмаковых — торговля кедровым орехом.

Еще пример. С самого начала 1891 года в Самаровской волости, как и во всей Тобольской губернии, из-за неурожая исключительно остро встал

¹ Носилов К. Корреспонденции // Тобольские губ. вед. 1893. 25 авг. С. 539; Носилов К. Новый путь с Оби на Урал // Сиб. листок. 1894. 6 янв.

хлебный вопрос. «Сибирский листок» сообщал: «...ввиду предстоящей весенней голодовки самаровское общество просит высшее местное начальство выдать ему ссуду в 1000 р., имея в виду приобрести на эти деньги хлеба у крестьянина Башмакова в селе Базьяновском, у которого имеется значительный запас»; «Бедствие от недостатка хлеба в последнее время доходило до того, что крестьяне смежных деревень брали у Башмакова... ржаное зерно, которое, кое-как раздробив в ручных жерновах, употребляли в пищу...»². Предприимчивость Башмаковых сослужила добрую службу землякам, при этом и сами они не остались внакладе.

Теперь нужно сказать о каждом из трех братьев в отдельности, тем более что они были известны не только как предприниматели, но и как граждане, откликнувшиеся на общественные нужды и в особенности — на потребности родного села.

Старшего из них, Василия Васильевича (ок. 1820 — 1894), знали в губернии как рыбо- и мехоторговца. О масштабах его деятельности можно судить по следующей заметке: «Белки в нынешнюю весну собрано и отправлено в Россию с севера Тобольской губернии — из Обдорска, Березова, Сургута и других мест — до 300000 штук. Около половины этого количества, 140000 штук, принадлежат известному богатому торговцу Севера В.В. Башмакову. Половина всего этого числа продана весной, так что на Нижегородскую ярмарку отправлено около 150 тысяч штук, в том числе Башмаковым — до 60000 штук». В конце 1894 г. «Тобольские губернские ведомости», извещая о смерти Василия Васильевича, называли его «известным богачом нашего низового края, оставившим громадное наследство»³.

29 июня 1873 г., когда в Самарово останавливался проездом член императорской фамилии великий князь Алексей Александрович, зажиточные местные крестьяне решили ознаменовать это событие учреждением стипендии имени его высочества в Тобольской гимназии. На нее учился потом Х.М. Лопарев. Братья Василий и Константин Башмаковы внесли на образование стипендии 300 рублей. По возвращении в Петербург великий князь послал каждому из жертвователей подарки (одним — свой фотографический портрет, другим — серебряные часы с надписью). Вместе с этими реликвиями у Башмаковых, как свидетельствует Х.М. Лопарев, хранилась и копия указа 1734 года из Сибирской губернской канцелярии в Самаровский ям, в которой упоминаются Башмаковы⁴.

² Кузнецов С. Внутренние известия. Село Самаровское // Сиб. листок. 1891. 7 февр.; Внутренние известия // Сиб. листок. 1891. 6 июня.

³ Торговый отдел. Тобольск // Сиб. листок. 1891. 1 авг.; Хроника // Тоб. губ. вед. 1894. № 49. С. 10–21.

⁴ Из Тобольского округа // Тоб. губ. вед. 1873. № 35. С. 2–3; Лопарев Х. М. Самарово. СПб., 1896. С. 64, 183–184.

Из троих братьев только Василию Васильевичу суждено было иметь многочисленное потомство. У его сына Василия Васильевича (ок. 1850 — 1897) выросли четверо сыновей и две дочери, но сам он пережил отца всего лишь на 3 года. По-видимому, он оказался лучшим в семье помощником отца.

В своих детях Василий Васильевич-младший сумел посеять интерес к учению. Старший сын Иван пять лет учился в Тюмени в Александровском реальном училище. Выбыл из него уже после смерти отца. Вернулся на родину, пытался продолжить родительское дело, но интереса к нему не обнаружил в себе и стал искать другого поприща. Через некоторое время Иван поступил на частные счетоводческие курсы в Санкт-Петербурге, состоявшие в ведении Министерства финансов. Здесь он прослушал курсы бухгалтерии, коммерческой корреспонденции, торгового законоведения и коммерческих вычислений и, показав хорошие знания, 30 мая 1903 г. получил свидетельство об окончании специального отделения курсов по банковскому счетоводству.

Чем занимался И.В. Башмаков следующие пять лет — неизвестно. Возможно, помогал базьяновским родственникам вести торговые дела. Но после смерти Константина Васильевича поступил в начале января 1908 г. на службу в Тобольское управление государственных имуществ канцелярским служителем. Летом того же года брал на четыре месяца отпуск с намерением выехать для лечения за границу, после чего вернулся к службе. В мае 1913 г. он получил назначение в Тобольское отделение Государственного банка на должность счетного чиновника и через два с половиной года переведен помощником бухгалтера. В конце ноября 1919 года был призван на военную службу⁵. Как продолжился его жизненный путь — нам неизвестно.

Младшие братья И.В. Башмакова Александр и Георгий учились в Тобольской гимназии, а сестры Татьяна и Александра — в Тобольском епархиальном женском училище⁶.

Василий Васильевич Башмаков-младший, как и его отец, не чужд был благотворительности: в 1884 г. они сделали пожертвование в пользу общества вспомоществования бедным студентам Тобольской губернии, в 1887 — на строительство здания тобольского музея. В том же году они представили целую коллекцию предметов быта остяков на Сибирско-Уральскую научно-промышленную выставку и по итогам ее награждены малой серебряной медалью Уральского общества любителей естествознания⁷.

⁵ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 177. Оп. 1. Д. 1233.

⁶ Городская хроника // Сиб. листок. 1914. 3 июля; ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 417. Оп. 2. Д. 29. Л. 36.

⁷ Тоб. губ. вед. 1884. № 37; 1887. № 47, 43.

О среднем из сыновей Василия Афанасьевича Башмакова Илье Васильевиче (ок. 1826 — 1904) сохранилось меньше сведений, чем о братьях, но и он не остался безвестным. В 1873 г., в день торжественной встречи на Самаровской пристани великого князя Алексея Александровича, он как волостной голова подносил высокому гостю от местных крестьян хлеб-соль. Тогда же Илья Васильевич принял участие в образовании вышеупомянутой стипендии при Тобольской гимназии, вложив от себя 150 рублей⁸. В 1900 г. он получил благодарность и похвальный лист за пожертвование в пользу попечительства о нуждах Тобольского кафедрального собора 200 р⁹.

Илья Васильевич, как и братья, занимался рыбным промыслом, торговал и был одним из наиболее зажиточных крестьян своего села. Ему принадлежали два дома: один — крытый железом, другой — под тесовой крышей. Но семья его, как свидетельствуют данные переписи 1897 г., была не по-деревенски мала: жена и дочь Ирина. Вместе с ними жили вдова умершего сына с дочерью и не имевший детей брат Константин Васильевич с женой Таисьей Ивановной, уроженкой Сургута¹⁰.

В конце XIX — начале XX столетия в Тобольской губернии и в особенности в ее северной части был широко известен младший из братьев — Константин Васильевич Башмаков (ок. 1840 — 1907), и не только как предприниматель, но и как жертвователю на нужды церкви и школы. Во второй половине 90-х годов он вместе с племянником Василием Васильевичем стал инициатором устройства церкви в родном селе. Оба сделали значительные пожертвования и были удостоены благословения Святейшего Синода с вручением грамот. Через два года Константин Васильевич — в то время попечитель базьяновской Петропавловской церкви — был награжден за заслуги по духовному ведомству золотой медалью с надписью «За усердие»¹¹.

Не менее впечатляющи деяния К.В. Башмакова в сфере народного просвещения. В 1899 году он изъявил желание устроить в Базьянах на свои средства общежитие для бедных учеников из соседних деревень и ремесленный класс при Базьяновском сельском училище, относившемся к ведомству министерства народного просвещения. Год спустя газета «Сибирский листок» сообщала:

«Конечно, и среди населения есть люди, искренно сочувствующие школе и проявляющие о ней особенную заботливость. К таким горячо ратующим за необходимость образования среди народа нужно отнести почетного попечителя Базьяновского училища Константина Васильевича

⁸ Из Тобольского округа // Тоб. губ. вед. 1873. № 35. С. 2–3.

⁹ Хроника // Сиб. торговая газета. 1900. № 36.

¹⁰ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 417. Оп. 2. Д. 404. Л. 12–12а.

¹¹ Тоб. епарх. вед. 1898. № 17. С. 189; 1900. № 12. С. 117.

Башмакова. Он лично на свои средства построил прекрасное здание для училища, снабдил его необходимыми пособиями, приобрел довольно порядочную библиотеку и заботится об училище действительно как истинный попечитель. Много пришлось перенести ему невзгод с устройством училища. Крестьяне на всяком шагу старались ставить всякого рода препятствия и препоны г. Башмакову, составляли приговоры о ненужности школы вообще, а затем, когда школа была уже построена и со стороны г. Башмакова предложено было взять обществу на себя лишь отопление училища, то тут вновь появились приговоры об обременительности для общества поставлять 10–15 сажень дров в год на училище. Только благодаря содействию крестьянского начальника крестьяне составили приговор, в котором высказали желание принять уже готовое здание и заботиться об отоплении его. Но слова своего не держат и по-прежнему ругают г. Башмакова, что он навязал им излишнюю обузу. Г. Башмаков вообще проявляет горячее сочувствие к школе, не ограничиваясь только Базьяновским училищем; так, при постройке Самаровского двухклассного образцового министерства народного просвещения училища оказался сильный недостаток в средствах; достаточно было инспектору обратиться за содействием к К. В., как он уже на первый раз пожертвовал 300 руб.; в то же время, как человек опытный, обещал помогать при постройке здания своими советами и указаниями»¹².

Как попечитель сельского училища Константин Васильевич продолжал заботиться о нем и дальше, приобретал для воспитанников письменные принадлежности, книги для внеклассного чтения. После его смерти училищу достались завещанные Башмаковым 1000 рублей¹³.

Отзывчивость и щедрость К.В. Башмакова не могли остаться незамеченными в среде тобольской интеллигенции. Он был приглашен в действительные члены губернского музея, вовлечен в Общество вспомоществования бедным студентам Тобольской губернии. Крупным пожертвованием в 1000 рублей он принял участие в укреплении материального положения амбулатории Красного Креста в Тобольске.

¹² Сиб. листок. 1899. 28 окт.; Городская хроника // Сиб. листок. 1900. 14 дек.

¹³ Тоб губ. вед. 1906. № 31. С. 2; Из тобольской хроники 1907 года // Памятная книжка Тобольской губернии на 1908 г. Тобольск, 1908. С. 102.

Приключения одного наследства

Возвращение к теме «Башмаковы» связано с обнаружением в Государственном архиве г. Тобольска документов, приоткрывающих завесу над тайной пропажи наследства богатого торгующего крестьянина с. Базьяновского Константина Васильевича Башмакова.

23 октября 1907 года Константин Васильевич умер, и вскоре же началась авантюрная история наследования его собственности, движущей силой которой были чьи-то корыстные интересы и, по-видимому, скрытые стороны родственных отношений.

По нотариальному духовному завещанию, подписанному в начале 1903 года, Башмаков оставлял по 10 тысяч рублей жене Таисье Ивановне (урожденной Вергуновой), внучке старшего брата Василия Таисье Александровне Башмаковой и своему племяннику и крестнику Степану Григорьевичу Тетюцкому (сыну богатого сургутского мещанина Г.С. Тетюцкого, чья жена Вера Васильевна, по-видимому, была родной сестрой завещателя). Недвижимость Константин Васильевич завещал в пожизненное владение жене, а в собственность — внучке Таисье Александровне, остальное же имущество (наличные деньги, процентные бумаги, долговые расписки, счета, векселя и пр.) разделил пополам между племянником Тетюцким, назначенным душеприказчиком, и женой.

Однако между 1903 годом и концом октября 1907 года произошли важные события, повлиявшие на исполнение воли завещателя. 30 ноября 1905 года умер в Ялте от чахотки душеприказчик С.Т. Тетюцкий. Незадолго до смерти К.В. Башмакова тяжело заболела и уехала на лечение в Тобольск его жена Таисья Ивановна. 16 ноября 1907 года в Тобольский окружной суд от нее поступило заявление об утверждении в правах наследства к имуществу, оставшемуся после смерти мужа. А через неделю, 24 ноября, оставила этот мир и она.

Трудно судить, насколько точно осведомлена была Т.И. Башмакова о стоимости имущества мужа, но, составляя два своих духовных завещания, она исходила из представления, что располагает примерно 50-ю тысячами рублей. Эти завещания наделали много шума, о них писала тобольская газета «Сибирский листок». Еще бы, щедрость пожертвований была ошеломляющей: 17500 рублей в пользу церкви Тобольской епархии, 7000 — на устройство больницы с аптекой в селе Базьяновском,

1000 — губернской больнице приказа общественного призрения на улучшение содержания и питания больных, 2000 — четырем тобольским богатырям на содержание призреваемых.

Назначив своей душеприказчицей и исполнительницей завещаний упомянутую выше Таисью Александровну Башмакову, вдова К.В. Башмакова предоставляла ей право «объявить цену всему оставшемуся имуществу, ликвидировать его, обратить в капитал и произвести сказанные отдачи, а если бы оказалось, что имущества у меня остается меньше, то произвести выдачи из оставшегося пропорционально назначенным суммам».

Всего лишь три месяца спустя после смерти завещательницы, 27 февраля 1908 года, умерла ее душеприказчица Т.А. Башмакова. Юристы и полицейские чиновники оказались перед фактом, что нет ни ответчика, ни представителя имущества завещательницы. Ситуация с наследством еще более запутывалась. Тем временем по поручению епархиального начальства, желавшего получить завещанные церквям деньги, тобольский священник Петр Поникаровский возбудил в окружном суде дело об утверждении завещаний Т.И. Башмаковой, и 25 апреля 1908 года они были утверждены к исполнению.

С исполнением все оказалось очень и очень непросто. Обнаружилось, что денег в наличии нет и неясно, от кого их следует получить. Начались расспросы, разбирательства, выяснение истинного положения дел с участием базьяновского сельского старосты, пристава 3-го стана Тобольского уезда, мирового судьи, уездного исправника, распорядившегося «выяснить, кто завладел имуществом и капиталами Башмаковой, и мне представить незамедлительно», и других лиц.

В ходе расследования, продолжавшегося несколько лет, выяснилось, что фактически доля Т.И. Башмаковой в наследстве мужа была намного меньше, чем она полагала, а собственного капитала она не имела. Опрошенные становым приставом ее родные братья священник самаровской Покровской церкви Нестор Иванович Вергунов и священник базьяновской Петропавловской церкви Гордей Иванович Вергунов за собственными подписями свидетельствовали, что под влиянием душевной болезни Таисья Ивановна составила «фантастическое» духовное завещание, на самом деле ничего не имея.

14 июля 1914 года податный инспектор Тобольского участка докладывал в казенную палату, что, по собранным им на месте сведениям, «никакого капитала после смерти Т.И. Башмаковой не осталось. Осталось лишь право ее на наследство по закону после смерти ее мужа Константина Васильевича Башмакова... Завещание Башмаковой, по циркулирующим в Самаровской волости слухам, вызвано следующими обстоятельствами. Муж

Т.И. Башмаковой... обладал большим капиталом в наличных деньгах, хранившихся у него, по старинному обычаю, дома. Незадолго до его смерти Т.И. Башмакова поехала лечиться в Тобольск, и в ее отсутствие К.В. Башмаков скончался в с. Базьяновском. Находившаяся при его кончине какая-то родственница воспользовалась всеми деньгами...».

И действительно, один чиновник казенной палаты утверждал, что незадолго до смерти К.В. Башмаков взял из Тобольского отделения Госбанка свои 60 тысяч рублей, полагая, что на руках у него они будут вне опасности. Но наличных денег после его смерти оказалось, согласно описи, всего 713 рублей 30 копеек.

В итоге решением Тобольского окружного суда, состоявшегося 29 января 1913 года, вместо указанных в завещании Т.И. Башмаковой 1000 рублей Верхне-Лумпокольской церкви было присуждено всего 85 руб. 73 коп., Шеркальской церкви — 68 руб. 58 коп. и т.д.

В Самаровской волости еще долго ходили слухи, что капиталы К.В. Башмакова раскрадены родственниками. Говорили даже, будто кто-то из опекунов над его имуществом был предан суду за участие в сокрытии капитала, но документов, подтверждающих это, в фонде Тобольского окружного суда не встречено.

По всей видимости, скрытый от нас опыт родственных отношений послужил для оставшихся после смерти К.В. и Т.И. Башмаковых их близких основанием для «исправления ошибок» завещателей и раздела наследства «по справедливости», вопреки закону.

Диктуя свое завещание, Т.И. Башмакова помнила и о двух сиротах, несовершеннолетних сыновьях Василия Васильевича Башмакова, племянника ее мужа, — Александре и Георгии, учившихся в Тобольске. На их содержание и обучение она определила 5000 рублей. Их право наследования суд рассматривал отдельно, в итоге им достались 1537 рублей.

Семья Василия Васильевича-младшего, пожалуй, единственная в Базьянах пеклась об образовании детей, затрачивая на него, по-видимому, немалые средства. Старший сын Иван учился в Александровском реальном училище в Тюмени и, не окончив его, вернулся в Базьяны. Известно его письмо к Х.М. Лопареву в Петербург, в котором он признавался, что к хозяйственным делам призвания не имеет и просил совета, как выучиться на учителя. Сестры Татьяна и Александра учились в Тобольском епархиальном женском училище, а братья Александр и Георгий — в Тобольской гимназии.

Время для получения образования Александру и Георгию выпало не самое благоприятное — годы революции и Гражданской войны. Об Александре известно, что в 1914 году он получил аттестат зрелости, а в 1919-м был призван со студенческой скамьи в армию, служил фельдшером в Ека-

теринбургском военном госпитале и в 1920 году уволен для продолжения образования. В 1924 году он окончил медицинский факультет Иркутского университета и работал врачебным инструктором здравоохранения Тобольского окрисполкома. Потом оказался в Москве, где, по слухам, жили его сестры, а в послевоенные годы, как сообщает живущая в Санкт-Петербурге его родственница И.В. Заложнева, много лет работал врачом в детском санатории Глядены в Сухоложском районе Свердловской области.

О Георгии Васильевиче И.В. Заложнева рассказывала, что, будучи исключенным из гимназии за какой-то проступок, он тем не менее сумел подготовиться и поступить в Бауманское высшее техническое училище.

Одновременно с инженерным он, имея дар рисования, получил и художественное образование на четырехлетних курсах. В годы войны Георгий Васильевич из Москвы был эвакуирован в Свердловск, где жила его двоюродная сестра, и до 82 лет преподавал в политехническом институте начертательную геометрию и для студентов-архитекторов — рисунок. А в свободное время приглашал в свою холостяцкую квартиру мальчишек со двора и учил рисованию, не спрашивая за это никакой платы.

Эти скупые биографические справки дают нам право полагать, что часть наследства К.В. и Т.И. Башмаковых, доставшаяся юным братьям Александру и Георгию, пошла впрок и помогла им стать достойными людьми. О прочем же мы не имеем возможности судить.

При подготовке данной публикации использованы документы фондов 152, 154, 158 и 434 государственного архива в г. Тобольске.

Сургутсковы

Наиболее раннее упоминание этой фамилии встретил в «Таможенной книге Томска 1624–1627 гг.»: «Майя в 9 день взято служивово с Семейки Сургуцково с мяхкие рухляди 2 д.»¹. В документах и литературных источниках пишется она по-разному: Сургуцкой, Сургутской, Сургутский, Сургуцков, Сургутсков.

Эта фамилия сразу же ставит вопрос: а есть ли связь с Сургутом? Иртышское село Реполово, в котором фамилия локализовалась и на протяжении нескольких столетий оставалась одной из самых распространенных, и расположенный на берегу Оби Сургут разделяет небольшое по сибирским меркам расстояние, и легко предположить происхождение фамилии от названия города. По-видимому, такое предположение небеспочвенно: вполне мог найтись среди сургутян человек, для которого привлекательными оказались переезд на новое место и поступление на ямщицкую службу. При зачислении в ямщики он и мог получить фамилию по названию поселения, откуда прибыл. Однако возможно и такое предположение: есть старинный городок Сургут и на Волге — возможно, предок сибирских Сургутсковых когда-то прибыл оттуда?

Издавна жили Сургутсковы и в Самарове. Это село, расположенное на перекрестке речных дорог, стягивало к себе представителей практически всех русских фамилий из близлежащих сел и деревень.

Первое упоминание о Сургутсковых в книге Х.М. Лопарева «Самарово» относится к 1768 году. В конце XVIII столетия самаровским волостным старостой был Матвей Сургутцков, а в начале XIX — Иван Сургутской. Последний имел солидный достаток: в 1808 году он одалживал бухарцу Ташкею Калыеву 500 рублей и в этом же году сделал значительный вклад (25 р.) в строительство новой самаровской церкви². Упоминаются в книге и другие Сургутсковы. Но все же местом, где они жили особенно плотно, было не Самарово, а Реполово: в 1808 году около десятка реполовских Сургутсковых было в списке жертвователей на строительство Покровской церкви.

¹ Таможенные книги сибирских городов XVII века. Вып. 2 Туринск, Кузнецк и Томск. Новосибирск, 1999. С. 103.

² Лопарев Х.М. Самарово: село Тобольской губернии и округа: Хроника, воспоминания и материалы о его прошлом с картой, планом и шестью видами. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1896. С. 46, 197, 202.

От прошедших веков сохранилось очень мало подробностей частной жизни ямщиков, крестьян, мещан Тобольского Севера, которые могли бы сегодня стать материалом для выстраивания биографий. В подавляющем большинстве люди жили оседло, умирали там же, где родились, род занятий — рыбный промысел и подсобное домашнее хозяйство — наследовали от родителей и передавали детям. Грамотных было мало, а если и водились среди них те, кто записывал что-то на досуге для памяти, то записи эти давно исчезли без следа. Периодическая печать на нашем Севере появилась только в 1930-е годы. Частично сохранились церковные метрические книги, но из них можно почерпнуть лишь немногие разрозненные факты и в лучшем случае — сведения для воссоздания родословных. Вот почему дореволюционное крестьянство Тобольского Севера остается для нас монолитной безликой массой, и если появляется возможность писать о личностях, то только главным образом в тех случаях, когда люди сумели выбраться из своего сословия.

Таких Сургутских мы находим в Самарове, а затем и в Березове. В книге Х.М. Лопарева упоминаются Семен Сургутской, служивший, по некоторым сведениям, в почтовом ведомстве, и Иван Семенович Сургутсков (1778–1846), имевший сына Василия и внуков Ивана, Василия и Александру. Семейство каким-то образом разбогатело, и Иван Семенович в 1828 году записался в березовские купцы третьей гильдии. Вполне вероятно, что он и не жил в Березове, а вел свои дела, имея постоянное жительство в Самарове. Во всяком случае, могила его с мраморным памятником находилась в ограде Покровской церкви среди немногих других могил наиболее видных самаровцев³.

Внуки Ивана Семеновича также вели торгово-промышленную деятельность. Иван Васильевич некоторое время числился в березовском купечестве, во второй половине 1850-х годов арендовал рыболовные пески Птичий, Лей-Пугор и Сосновский на Оби. Иван Васильевич причастен к созданию в начале 1860-х годов Березовской женской школы: сделал в ее пользу единовременное пожертвование и изъявил желание вносить ежегодно по 3 рубля. В 60-е годы переписался в березовские мещане⁴. У Ивана Васильевича были сыновья Александр, Иван и Федор. Двое из них, оставаясь березовскими мещанами, скорее всего, были и рыбопромышленниками, но ничем особенным на общем фоне не выделялись. Нетрадиционным путем пошел Иван, о котором скажем подробнее.

Иван Иванович Сургутсков (1860 — после 1914) первоначальное образование, видимо, получил в Березовском уездном училище, а продолжил его в Тобольской духовной семинарии. В 1882 году ее окончил, получил сан

³ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 154. Оп. 8. Д. 532. Л. 311 об.; Лопарев Х.М. Указ. соч. С. 46, 207.

⁴ Тобольские губ. вед. 1858. № 28; 1861. № 51.

священника и был направлен на службу в Березовский Воскресенский собор. С самого начала церковная карьера его складывалась удачно. В Березове он был не только настоятелем собора, но и благочинным, т.е. старшим по своему положению среди всего духовенства Березовского округа, и законоучителем местных приходских училищ — мужского и женского.

В 1891 году отца Иоанна перевели в Тобольск — сначала священником церкви Петра и Павла, а затем — кафедрального собора. Здесь он, как и в Березове, оброс должностями: с 1895 года стал благочинным городских церквей, в это же время исправлял обязанности делопроизводителя епархиального комитета православного миссионерского общества. В 1896 году И.И. Сургутскову пришлось переехать в Курган на службу наблюдателя церковно-приходских школ Курганского округа и священника Троицкой церкви, с 1899 года начался длительный период службы в Тюмени настоятелем Ильинской церкви, а с 1914 года — Благовещенской. Как и все предшествующие годы, в Тюмени отец Иоанн много занимался школьными делами в качестве уездного наблюдателя церковно-приходских школ и заведующего Ильинской одноклассной городской школой.

И.И. Сургутсков был деятелен не только как служитель церкви, но и как гражданин. Длительное время он состоял членом губернского статистического комитета. Одним из первых Иван Иванович в 1890 году откликнулся на предложение учредить Тобольский губернский музей и впоследствии состоял его действительным членом. Он передал музею из Березова медальон, принадлежавший князю А.Д. Меншикову, жертвовал книги в библиотеку музея, среди них — «Несколько сведений о гор. Березове» с автографом Н.А. Абрамова и девятый том издававшейся в Тобольске «Библиотеки» за 1794 г.⁵

Необыкновенным человеком был младший брат купца (позднее — березовского мещанина) Ивана Васильевича Сургутскова Василий, живший в Самарове. Неведомо как в этом крае почти сплошной неграмотности он проникся огромным желанием распространять среди земляков грамоту и, став удачливым предпринимателем, много средств затратил на открытие сельских школ. Вот как свидетельствовали об этом современники.

«Тобольские губернские ведомости» в 13-м номере за 1857 г.:

«Жительствующий в селе Самарове Тобольского округа березовский купеческий внук Василий Сургутсков, впоследствии умерший, выстроил в 1854 году в селе Самаровском деревянный дом, стоящий с мебелью до 400 руб. сер[ебром], для помещения в нем сельского приходского училища для обучения крестьянских мальчиков грамоте. Означенный дом с раз-

⁵ Научный архив ТГИАМЗ. Д. 891. Л. 174–175; Белобородов В.К., Пуртова Т.В. Ученые и краеведы Югры: биобиблиографич. словарь. Тюмень, 1997. С. 283.

решения господина председательствовавшего в совете Главного управления Западной Сибири принят в 1857 году в ведение Самаровского сельского общества, которое обязалось об исправном содержании училищного дома и об отдаче детей своих в училище. О чем, по распоряжению г. тобольского гражданского губернатора, объявляется во всеобщее сведение».

Но неразворотливая государственная машина и косное сельское общество не спешили воспользоваться плодами благотворительности этого замечательного человека. Лишь через четыре года в этой же газете появилась следующая заметка:

«С особенным удовольствием заносим в нашу местную хронику добрую весть о предположенном и уже утвержденном открытии сельской школы в селе Самаровском Тобольского округа. При этом приятнее всего сообщить, что жители села Самаровского сами сознали необходимость распространения у себя грамотности и сами ходатайствовали через земское начальство об учреждении школы, т.к. отсылать детей в ближайшую сельскую школу, находящуюся в селе Демьянском, отстоящем от Самаровского на 350 верст, они, по справедливости, считали чрезвычайно обременительным и почти невозможным для людей бедных и неудобным даже для людей зажиточных. Для школы нашелся и дом, пожертвованный для этой цели еще в 1848 г. купцом Сургутским»⁶.

Кондинский земский заседатель (в приблизительном «переводе» на современный язык — глава волости, занимавшей примерно территорию нынешнего Октябрьского района) А.В. Титов в своей записке в Омск в Главное управление Западной Сибири среди наиболее острых проблем Березовского округа назвал и распространение грамотности. Указывая на незаинтересованность губернской власти этой проблемой, он привел такой пример: Тобольская казенная палата только в 1872 г. открыла приходское училище в селе Сухоруковском, тогда как предпосылки к этому были созданы В.В. Сургутским примерно тридцатью годами раньше.

Приведу еще одну длинную цитату.

«Первоначальное открытие в селе Сухоруковском училища, — писал А.В. Титов, — принадлежит покойному Василию Васильевичу Сургутскому, к давно забытой деятельности которого грешно бы было в данном случае не отнестись с должным сочувствием и не почтить память этого простого, почти малограмотного русского человека добрым словом, рассказав краткую биографию его перед теми, кто в настоящее время глубоко сочувствует народному образованию и всецело преданы этому святому делу.

Покойный Василий Васильевич, как рассказывают его современники и как свидетельствуют памятники его деятельности, был в высшей степе-

⁶ Тоб. губ. вед. 1861. № 35.

ни живой, энергический и выше своего времени человек. В 40-х годах, будучи лет тридцати, не более, он вел довольно большую и удачную торговлю пушным товаром, который приобретал в Березовском округе. Вращаясь по своим делам по большей части среди крестьян и инородцев охотников-звероловов и рыбаков Березовского края, он и в то темное еще для края время провидел, что для лучшей будущности оного нужны радикальные реформы, нужно пробить, хотя и с великим усилием, окно, через которое бы пробился светлый луч цивилизации. Но достигнуть что-либо подобное в то время было если не совсем невозможным, то совершенно трудным делом.

Под влиянием своих светлых идей и окружающей темной обстановки он задумал частным путем сделать что-нибудь полезное для края и начал именно с главного — принялся за распространение грамотности в народе как среди инородцев, так и крестьян. Он открыл одновременно на свой счет три бесплатные школы, а именно в селах Мало-Атлымском, Сухоруковском и Самаровском (в последнем — как пограничном с Березовским округом и месте его жительства). Нанявши помещения для школ, омебелировав их и заручившись соглашением учителей, он вошел в сношение с московскими книгопродавцами, которые и стали доставлять ему все необходимые учебные пособия. Прямыми сотрудниками по открытым школам были местные причты⁷. Но недолго существовала (лет пять) полезная деятельность Василия Васильевича, смерть рано уложила его в могилу...

Из основанных В.В. Сургутским школ остались и превратились в правительственные только две — Самаровская и Сухоруковская... а Мало-Атлымская и поныне находится только лишь в проекте ее возрождения.

В селе Сухоруковском в настоящее время имеется грамотных, учившихся в школе Сургутского, до 15 человек, в селе Мало-Атлымском и окрестных юртах 19 человек, из них 9 человек инородцев⁸.

* * *

Расскажу теперь об одном из Сургутских — современников, с кем был лично знаком — об уроженце Реполова, старом речном капитане Андрее Дмитриевиче Сургутском (1921–2002). К знакомству привела потребность в сотрудничестве, в привлечении интересных авторов на страницы журнала «Югра», который я в первой половине 1990-х гг. редактировал. Андрей Дмитриевич оказался замечательным рассказчиком. В редакцию он присылал заметки по истории родного села, описания старых способов рыбной ловли и охоты, которые хорошо знал с детства, много

⁷ Причт — священно- и церковнослужители одного храма.

⁸ ГИАОмО. Ф. 3. Оп. 9. Д. 15201; Титов А. Где тонко — тут и рвется: заметка о Березовском крае // Подорожник. Вып. 1. — Тюмень, 2002. С. 91–92.

времени проведя на таежных речках, курьях и озерах вместе с отцом и дедом. Что особенно ценно — они были проиллюстрированы рисунками автора. Писал Андрей Дмитриевич и о своем жизненном пути, накрепко связанном с рекой.

«Вскрытие реки было событием чрезвычайной важности, — вспоминает он в биографическом очерке «И вновь бы пошел за той же мечтой». — Все ждали, когда освободится от ледового плена река, свободным светом вод озарится природа, наступит половодье и придет долгожданный первый пароход. <...> В дошкольном возрасте для меня не было момента счастливее, чем побегать по прогулочным палубам парохода. Хорошо запомнился случай, когда в Реполово стоял под выгрузкой пароход «Боткинский завод». <...> Увидев командира парохода, я с трудом набрался смелости и почти дрожащим голосом обратился к нему с большой просьбой, сказав, что я тоже стану капитаном, когда вырасту, и хочу посмотреть рубку и как управляют пароходом. Он согласился, повел меня на капитанский мостик и в рубку. Я, конечно, был на седьмом небе»⁹.

Мечта Андрея Дмитриевича сбылась, благодаря его целеустремленности. В 1937 году, окончив Реполовскую школу-семилетку, он поступил в Омское речное училище, в 1941-м окончил его, но любимую работу вскоре пришлось отложить — призвали в армию. Отвоевав некоторое время на Северо-Западном фронте в составе воздушно-десантной дивизии, после ранения и госпиталя Андрей Дмитриевич опять попал в водную стихию — получил назначение в Днепровскую военную флотилию. И служил в ней уже до конца войны, пройдя от Сталинграда до центра Берлина. Ну а после демобилизации — опять на родную реку, в Иртышское речное пароходство.

Многие старожилы нашего округа знали А.Д. Сургутскова как капитана пассажирского теплохода «Ленинский комсомол». Этот теплоход в 70-е годы несколько навигаций совершал «писательские рейсы» по Иртышу и Оби. Пассажирами были участники Дней советской литературы в Тюменской области — прозаики и поэты со всей страны. Капитан был для них не просто гостеприимным хозяином судна, но и близким по духу человеком с лирически настроенной душой. Чтобы почувствовать это, стоило только взглянуть на его пейзажные зарисовки речных видов акварелью и маслом.

Познакомились мы посредством почты, а спустя некоторое время увиделись на пристани Ханты-Мансийска. Андрей Дмитриевич, уже неработающий пенсионер, плыл до Салехарда, захватив с собой все необходимое для рисования. Немного позднее, приехав в Омск в командировку, я встретился с Андреем Дмитриевичем и его заботливой и замечательно гостеп-

⁹ Сургутсков А.Д. И вновь бы пошел за той же мечтой // Новости Югры. 1997. 26 июля. Прил.: С. 11–13. (Краевед; № 8).

риимной женой Клавдией Александровной в иртышском селе Чернолучье, где они проводили каждое лето, занимаясь огородом. Стены небольшого домика были увешаны картинами, почти на всех с любовью и точно до деталей изображены либо пароходы, катера и морские старинные парусники, либо речные пейзажи. Об этом увлечении Андрея Дмитриевича рассказала в журнале «Югра» искусствовед М.В. Кайгородова в очерке «Художник и река»¹⁰. Здесь же старый капитан показывал своим гостям составленный им альбом «Писательские рейсы», в котором собраны стихи участников Дней советской литературы в Тюменской области, газетные статьи, фотографии, и фотоальбом «Суда Обь-Иртышского бассейна». Вот это все и было личным богатством Андрея Дмитриевича.

Любопытная деталь: по словам А.Д. Сургутскова, капитанами речных теплоходов, кроме него, стали реполовцы Павел Николаевич, Виктор Николаевич и Петр Дмитриевич Сургутсковы (последний — его родной брат).

¹⁰ Кайгородова М. Художник и река // Югра. 1995. № 11. С. 12–13.

«...на прямой путь и полезный труд»

Александр Иванович Иконников (1833, Ирбит — 1917, Чердынь) был, возможно, крупнейшей фигурой березовской политической ссылки середины XIX века. Коренной уралец, выпускник Пермской духовной семинарии и Казанской духовной академии, он начал трудовую деятельность в 1854 г. учителем Пермской семинарии, но вскоре перешел на гражданскую службу и к октябрю 1861 г. дослужился до должности чиновника для особых поручений при губернаторе¹. Как вскоре обнаружилось, этот весьма дельный чиновник уже около года руководил нелегальной политической организацией из 40–50 человек, ставившей своей целью изменение существовавшего в России политического строя. Летом 1862 г. это тайное общество было раскрыто², руководитель его выслан в Тобольскую губернию и в сентябре прибыл в Березов.

В Березове Иконников не был мрачным затворником, томительно ожидавшим освобождения, напротив, с его приездом заметно оживилась местная общественная жизнь. По донесению военно-окружного начальника полковника П.И. Гинца, он «с разрешения начальника губернии занимается разбором статистических сведений из архивных источников березовских присутственных мест, участвует в литературных вечерах» и «прекрасным поведением заслужил общее внимание как служащих лиц, так и местных жителей, принят у всех с радушием»³. Кроме указанных в донесении занятий, Иконников еще обучал мальчиков церковному пению, а главное — основательно изучал экономику края и вообще местную жизнь, что дало ему материал для обширного очерка «Из Березова».

В очерке не оставлено без внимания ни одной из главных составляющих экономической жизни Березовского края, обрисовано положение в рыбной промышленности, пушном промысле, торговле, транспорте, выявлены причины упадка северной экономики. Самая очевидная причина — неблагоприятные природные условия. Участвовавшие наводнения нанесли урон не только рыбному промыслу, но и животноводству (из-за позднего освобождения лугов от воды мало заготавливалось сена и нечем стало

¹ Фильгус В. Е. Революционные демократы А.И. Иконников и Ф.П. Некрасов в тобольской ссылке // Исторический сборник / Тюм. гос. пед. ин-т. Тюмень. 1967. Т. 33. Вып. 1(6): Ученые записки. С. 117.

² Устюгова В. Н. Пермское тайное общество (кружок А.И. Иконникова) // Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург, 1998. С. 406, 409.

³ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 1. Д. 95. Л. 11–12.

кормить скот), и единственному зимнему виду транспорта — гужевому (из-за той же бескормицы), и, как следствие, торговле (не на чем вывезти рыбу на продажу в Тобольск и другие места), а отсюда и пропитанию населения ввиду недостаточного завоза товаров и их дороговизны, и его здоровью. Но автор называет и другие веские причины. В рыбной промышленности — низкое качество обработки рыбы, в торговле и только что зародившемся пароходном сообщении — монопольное положение крупных предпринимателей из Тобольска и других городов. Не в последнюю очередь способствовали упадку и недостатки в местном управлении.

Уроженец Ирбита, конечного пункта для значительной доли производимого на Севере товара, Иконников подробно исследовал состояние Обдорской ярмарки и особенности пушной торговли края. В частности, он оценил как положительное явление колонизацию края зырянами из Архангельской губернии, порождавшую конкурентов русским скупщикам пушнины и этим способствовавшую повышению уровня жизни аборигенов. В очерке также подробно описаны летние и зимние торговые пути, подчеркнута настоятельная необходимость в развитии пароходного сообщения юга губернии с низовьями Оби. Внимательно рассмотрел автор и положение «иностранцев» — коренного населения Низового края.

Как видно из текста, материал для очерка автор черпал не только из архивов березовских присутственных мест. В своем исследовании он опирался на данные последних лет как по Березовскому, так и по Сургутскому краю, которые могли быть получены и от местных жителей, и от приезжавших в Березов чиновников, и, возможно, даже из родного Ирбита.

Это исследование Иконников провел по поручению тобольского губернатора А.И. Деспот-Зеновича. Недавно вступивший в должность губернатор нуждался в объективной информации с Севера, население которого оказалось в трудном положении. Особенно остро встал вопрос о положении «иностранцев», как тогда называли ханты, манси и ненцев⁴. Рассчитывать на получение такой информации от местных чиновников не приходилось, они обязательно о чем-нибудь бы умолчали, а что-то представили в выгодном для себя свете. Беспристрастную картину мог дать образованный и опытный человек со стороны, не связанный личными интересами и давно сложившимися отношениями. Иконников как раз и был таким человеком, и Деспот-Зенович остановил на нем свой выбор (широкого выбора у него и не было), определил местом его ссылки Березов, наделил не свойственными политссылному функциями, и даже, возможно, была оговорена возможность перевода после выполнения работы в местность с более здоровым климатом. Этим объясняется и информированность автора очерка, и доброжелательное отношение к нему березовского общества, и сама возможность публикации в губернской

⁴ См.: ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 40. Д. 148.

газете. В данном конкретном случае губернатор и политссыльный оказались единомышленниками и действовали согласно.

В январе 1864 г. Деспот-Зенович посетил Березов и виделся с Иконниковым, а 30 января последний направил губернатору докладную записку, в которой просил исходатайствовать для него возможность служить в Тобольской губернии, а если этого сделать нельзя, то перевести в один из южных городов губернии или дозволить проживать в Обдорском участке и смежном Туруханском крае, где он надеялся найти частные занятия в промышленной компании купца М.К.Сидорова и принести пользу краю исследованием этой местности⁵.

14 февраля 1864 г. А.И. Деспот-Зенович писал генерал-губернатору Западной Сибири А.О. Дюгамелю: «Желая дать Иконникову какое-нибудь занятие, приличное полученному им образованию, и тем обеспечить его нравственное направление, я поручил ему собрание статистических сведений о Березовском крае и разработку и поверку их на месте. Труды эти исполнены были им со всевозможным усердием и должною отчетностью». И далее: «Получив докладную записку Иконникова и считая одной из главнейших обязанностей всякого честного администратора направлять деятельность способных людей на прямой путь и полезный труд... я решил всепокорнейшее просить ваше превосходительство употребить ходатайство Ваше о дозволении отставному коллежскому асессору Иконникову вступить на службу в Тобольске под непосредственную и личную мою ответственность. Смею уверить Ваше Высокопревосходительство, что способности, ум и образование дадут в нем правительству одного из лучших и полезнейших деятелей, а школа несчастий, сознание ошибок и искреннее раскаяние не дозволят уклониться от прямого пути»⁶.

Разрешения вернуться на государственную службу Иконников не получил, но просьба его о переводе была удовлетворена. В 1864 г. Александр Иванович переехал из Березова в Курган, а оттуда в следующем году в Тюмень, где жил уже с семьей и работал частным образом при городской думе и общественном банке, а в последующие годы — секретарем городской думы и сиротского суда. Изредка его сообщения из Тюмени появлялись в «Тобольских губернских ведомостях». Около 1880 г. А.И. Иконников возвратился в родной Ирбит, где много сил отдал общественной деятельности в земских учреждениях и учебных заведениях города, был мировым судьей⁷.

Исследование, проведенное политссыльным А.И. Иконниковым в Березовском округе, — один из примеров сотрудничества власти и оппозиции, которого, вероятно, всегда не хватало России, как не хватало и администраторов, подобных А.И. Деспот-Зеновичу.

⁵ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 1. Д. 95. Л. 13–16.

⁶ Там же. Л. 18–20.

⁷ Фильгус В.Е. Указ. соч. С. 122–126.

Благонамеренный Титов

В конце 1999 года в Государственном архиве Омской области удалось обнаружить несколько служебных записок чиновника Алексея Титова — земского заседателя¹ Кондинского участка Березовского округа. Первая из них была составлена 22 ноября 1877 года и подана в Главное управление Западной Сибири. Называлась она «Где тонко — тут и рвется: Заметка о Березовском крае». За ней вскоре последовали другие: «О значении Самаровской ярмарки для Березовского края», «Обдорская ярмарка. По рассказам очевидцев и деятелей», «По поводу вопроса о Самаровской ярмарке». Хорошо знавший Тобольский Север земский заседатель обстоятельно описывал в них положение населения Березовского округа и его нужды. Тексты так и просились «на свет». Но как публиковать их, ничего не зная об авторе?

Только в следующем году в Тобольском архиве были найдены скудные строки биографии этого беспокойного человека, а затем и некоторые сведения о нем в старых газетах.

Согласно формулярному списку², составленному 29 июня 1880 г., когда Алексею Васильевичу Титову было уже 45 лет, родился он в семье мелкого чиновника. Воспитывался и обучался в Тобольском полубатальоне военных кантонистов, где получил знание основ межевого дела. Выдержав специальный экзамен, Титов получил должность землемера по ведомству министерства юстиции и 8 ноября 1849 г. вступил в службу младшим чертежником в Тобольскую губернскую чертежную.

В 1851–1852 гг. начальство командировало его во временную межевую партию Сибирского казачьего войска, оттуда возвратило обратно в губернскую чертежную. Службу Алексей нес исправно, получал денежные награды, а к 1858 г. заслужил права личного почетного гражданина. В 1868 г. губернатор назначил Титова столоначальником одного из отделений Тобольского общего губернского управления, и ему пришлось оставить межевое дело. Отслужив на этом месте три года, он был переведен в Курганский округ, а 8 марта 1873 г. отправлен на Север земским заседателем в село Кондинское Березовского округа.

С этого назначения началась для Титова полоса ответственного и значительного служения на Тобольском Севере, когда им были выполнены

¹ Полицейский чиновник, управлявший частью уезда или округа.

² ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 30. Д. 187.

важные поручения губернского начальства и подготовлены отложившиеся в архивах записки. По всей видимости, не случайно этот период совпал со временем, когда Западно-Сибирским генерал-губернаторством управлял Н. Г. Казнаков (1875—1881), всюду искавший прогрессивно мыслящих и дельных работников. Ведь именно в Омске, а не в губернском центре Тобольске сохранилась большая часть найденных записок Титова. Далее мы увидим, что были случаи, когда Алексей Васильевич прямо обращался к генерал-губернатору, через голову тобольского губернатора. Трудно себе представить, чтобы чиновник столь невысокого ранга мог позволить себе это, не имея санкции начальства. Бросается в глаза еще и то, что по характеру изложения и даже по заголовкам некоторые из этих текстов мало похожи на официальные доклады: они вольнее в изложении, не столь последовательны, автор даже позволяет себе публицистические нотки. Это дает основание предполагать их полуофициальный характер.

Постоянно находясь по своей должности заседателя среди местного населения, как русского, так и инородческого, Титов разглядел болевые точки народного быта. Экономическое положение Березовского края было незавидным. Опустошительные лесные пожары подорвали пушной промысел, составлявший прежде основу экономического благополучия края. Вместо пушнины главным местным товаром стала рыба. Но, как в прежние годы пушнину, промышленник не вывозил рыбу для продажи, а ждал покупателя на месте. На это были свои веские причины и прежде всего огромные расстояния до рынков, даже ближайшего — Тобольска, и отсутствие транспортных средств. Это ставило северянина в зависимость от приезжего скупщика, диктовавшего свои цены, и в результате рыба сбывалась очень дешево. Конечно, северяне не были пассивными вздыхателями по своей незавидной доле. Они искали новые зимние транспортные пути и пытались осваивать новые рынки, но все это были очень трудоемкие и маловыгодные варианты.

Некоторое облегчение экономического положения Березовского края ожидалось от учреждения Самаровской ярмарки для торговли добытой на Севере рыбой в самом начале зимы. Такое предложение было подано еще в 50-е годы XIX века березовским военно-окружным начальником Г. А. Колпаковским, но после его отъезда на новое место службы дело остановилось. А. В. Титов вернулся к этому проекту, заново обосновал его и в мае 1878 г. подал в Главное управление Западной Сибири записку «О значении Самаровской ярмарки для Березовского края». Автор был уверен, что экономическое положение вверенного ему Кондинского участка Березовского округа значительно улучшит учреждение этой ярмарки. Не остановившись на этом, в декабре 1878 г. он пишет еще одну записку — «По поводу вопроса о Самаровской ярмарке», прямо утверждая, что учреждение ярмарки заты-

гивается по причинам бюрократического свойства, а также из-за сопротивления наиболее богатых самаровских крестьян, чьи экономические интересы расходились с интересами населения Нижней Оби.

Ярмарка в Самарове так и не была учреждена, но в том, что проект А.В. Титова имел под собой серьезные основания, убеждает следующий факт. Летом 1893 г. газета «Сибирский листок» в разделе «Городская хроника» сделала сообщение о поступившем в Тобольскую городскую думу предложении об открытии осенне-зимней ярмарки в Тобольске. Аргументы были те же: изобилие рыбного товара в северных округах в начале зимы, трудность его сбыта и, следовательно, выгодность ярмарки для рыбопромышленников. Разница лишь в том, что путь северян до ярмарки удлинился бы на несколько сотен верст.

Одну из корневых причин отсталости края и медленности преобразований Титов видел в неграмотности населения. Сам пробившийся из низов общества и приобретающий знания не столько за школьной партой, сколько самостоятельно, он считал непременным условием прогресса Тобольского Севера народное просвещение. Эта проблема подробно и убедительно им разобрана в записке «Где тонко — тут и рвется. Заметка о Березовском крае».

Очень насыщен событиями был у А.В. Титова 1879 год. 4 января он был определен в штат Тобольского общего губернского управления, а уже 21 января губернатор поручил ему исследовать местность от Тобольска до Самарова (550 верст) в связи с предполагаемым соединением этих пунктов телеграфной линией. Он должен был собрать подробные статистические сведения о торговых и промышленных оборотах Самарова и окрестных местностей, составить маршрут предполагаемой линии с обозначением населенных пунктов и, в конечном счете, дать заключение о возможности или невозможности прокладки телеграфной линии.

Поручение было выполнено своевременно. Алексей Васильевич представил губернатору не только подробную объяснительную записку, но и письма самаровских торгующих крестьян, согласных сделать пожертвования на устройство телеграфа.

27 апреля в статье без названия, помещенной в «Тобольских губернских ведомостях», К. Г[олоднико]в писал: «Из собранных по этому делу губернатором через особо командированного чиновника сведений видно, что к устройству телеграфного сообщения на вышеозначенной местности значительных препятствий не представляется, а торговое и промышленное сословия в сочувствии своем к столь полезному предприятию изъявили уже желание содействовать ему своими пожертвованиями. Так, крестьянин Николай Шеймин предложил построить на собственный счет для телеграфной станции в с. Самаровском деревянный дом с необходимой для него мебелью; крестьяне Земцов, Башмаков, Протопо-

пов и Мотешин жертвуют каждый по 100 руб., братья Кузнецовы, Мурин и Кайгородов 90 руб.».

Не успев как следует передохнуть после поездки в Самарово, Титов был снова отправлен губернатором на Север — на этот раз для собирания сведений о мирских сборах с крестьян и инородцев и расходах из мирских капиталов по Тобольскому, Березовскому и Сургутскому округам. Рапорт о выполнении этого поручения он представил 12 февраля.

Весной коллежский ассессор Титов направил в Главное управление Западной Сибири записку о злоупотреблениях по народному продовольствию в Березовском крае, в которой указывал на то, что Березовское полицейское управление допускает на должности смотрителей и вахтеров запасных продовольственных магазинов людей, стремящихся на эти места единственно с целью наживы, отсюда и снижение отчетности и растраты муки смотрителями и вахтерами в свою пользу³. В записке приводились примеры, назывались фамилии. Генерал-губернатор Н.Г. Казнаков сделал запрос тобольскому губернатору и просил сообщить о мерах, которые будут приняты. Разбирательство продолжалось несколько лет. К сожалению, в архивном деле нет сведений о его результатах.

Летом 1880 года умер сургутский окружной исправник Немцов, и для временного исправления этой должности был послан все тот же Титов. Здесь судьба приготовила ему серьезное испытание. Осенью ледостав на Оби наступил необычно рано, и в пределах Сургутского округа, на расстоянии в сотни верст друг от друга были остановлены скоплением льда сразу восемь пароходов с грузами, почтой, а главное — с пассажирами. Создалась чрезвычайная ситуация. Необходимо было в почти безлюдных местностях срочно освободить людей из ледового плена и доставить в близлежащие населенные пункты, что и сделал исправник Алексей Васильевич Титов, проявив завидную распорядительность. О его действиях писали «Тобольские губернские ведомости» в № 49 за 1880 г. Добравшиеся с немалыми трудностями до Сургута пассажиры пароходов были размещены по квартирам, снабжены теплой одеждой и обувью, а заболевшие получили медицинскую помощь.

Автор корреспонденции продолжает: «Одновременно с пароходами затерты были льдами и два рыболовных судна, принадлежавшие купцам Сыромятникову и Глазунову, с рабочими в количестве 150 человек. А так как этих последних необходимо было также снабдить теплою одеждою, каковую в Сургуте найти для столь значительного количества людей было невозможно, то и [справляющий] д[олжность] исправника Титов предложил командиру парохода “Рыбак” отпустить в счет хозяина этих рабочих

³ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 39. Д. 193.

тобольского купца Корнилова необходимое количество одежды и обуви из числа запаса, имевшегося на барже, следовавшей за пароходом. Требование это было выполнено беспрепятственно.

Таковой наплыв в г. Сургут чернорабочего люда, приверженного большею частью к пьянству, поставил местную полицейскую власть в довольно затруднительное положение, но благодаря принятым мерам все обошлось благополучно и к мерам законной строгости прибегать не привелось.

30 октября командир парохода “Заря” довел до сведения и.д. исправника, что груз зернового хлеба, следующий за этим пароходом на барже, вследствие открывшейся в сей последней течи, подвергаясь порче, требует неотлагательной перегрузки в другое более благонадежное место и что в подобных обстоятельствах представляется крайняя надобность в порожних мешках... Г. Титов сделал распоряжение о выдаче командиру парохода “Заря” 200 свободных мешков из ближайшего к пароходу локосовского казенного хлебозапасного магазина с тем, чтобы хозяином “Зари” тобольским купцом Плотниковым взамен выданных возвращены были в таком же количестве и при первой к тому возможности новые мешки. <...> Таким образом, благодаря только разумной распорядительности сургутского полицейского начальства... спасены были пассажиры и груз на потерпевших несчастье пароходах и судах».

В Сургуте А.В. Титов служил более двух лет. Здесь он 28 августа 1881 г. закончил записку на все еще занимавшую его тему — «Ярмарка в с. Самаровском Тобольского округа и значение ее для Березовского края и уральских горнозаводских местностей Пермской губернии».

В конце 1881 г. Титов был переведен из Сургута окружным исправником в Туринск, а оттуда через два года переехал в Тару на должность окружного судьи. По «Адрес-календарю Тобольской губернии на 1888 год» удалось установить, что до этого времени он служил в Тарском окружном суде, но на момент издания календаря должность была уже вакантна. Узнать что-либо о дальнейшей судьбе этого рядового, но совсем не заурядного чиновника пока не удалось.

Демьянский бытописатель

О К.В. Гамолецком, отбывавшем ссылку в Тобольской губернии, я впервые узнал как об исследователе нашего края в середине 90-х годов от историка Н.А. Балюк, работавшей тогда научным сотрудником Тобольского музея-заповедника. В то время в Ханты-Мансийской окружной библиотеке как раз рождался замысел составления сборника «Тобольский Север глазами политических ссыльных XIX—начала XX века», и по инициативе Натальи Алексеевны труд Гамолецкого «Демьянская волость», в котором дано историко-этнографическое описание этой территории, вошел в сборник, изданный в 1998 году под редакцией доктора исторических наук Л.П. Рощевской.

Константин Владиславович Гамолецкий (ок. 1865 — после 1893) родился в Ковенской губернии в семье надворного советника. Учился в Виленской гимназии и по окончании ее поступил в Петербургский университет. В марте 1887 г. был арестован как подозревавшийся в причастности к делу Александра Ульянова, осужден вместе с дворянином Иосифом Пилсудским и еще несколькими лицами и выслан на пять лет в Западную Сибирь под гласный надзор полиции. В начале лета этого же года он прибыл в село Пельмское Туринского округа, а через год был переведен в Демьянское Тобольского округа.

Имея наклонности к исследовательской работе, Гамолецкий еще в Пельме в январе 1888 г. ходатайствовал о разрешении ему отлучек до инородческих поселений для изучения края в этнографическом отношении, но это не было ему дозволено. В Демьянске же нашлись возможности для такого рода занятий. Результатом их стала работа «Демьянская волость».

Успеху труда Гамолецкого, несомненно, способствовали его внутренняя свобода, открытый и независимый характер. Прожив в Демьянске четыре года, он не стал, конечно, своим человеком в селе, но и не был затворником, а свободно сходилась с местными крестьянами, зорко всматривался во все стороны их жизни и многое сумел разглядеть.

В обычной повседневной жизни политссыльный Гамолецкий не стеснялся открыто высказывать свое мнение. Он безбоязненно конфликтовал с волостным старшиной Николаем Овсянкиным и писарем А. Соколовым, чем вызвал их жалобы начальству, что будто бы он распространяет

между крестьянами «вредные поучения» и настраивает их против волостной власти. За оскорбление волостного старшины словом в сентябре 1889 года Гамолецкого заключили в Тобольский тюремный замок, а за оскорбление действием волостного писаря привлекли к следствию.

Однако в работе «Демьянская волость» трудно усмотреть столь сильный темперамент автора. В ней последовательно, систематично, всесторонне описывается сельская жизнь, ее экономические основы, крестьянский семейный уклад и быт, состояние здравоохранения и просвещения, особенности сельского общества. Все интересно автору, вплоть до речи демьянца. И предстает он перед читателем не только как бытописатель, этнограф, развертывающий «простое полотно» жизни северного села, но, пожалуй, в еще большей степени и как социолог: ему любопытен крестьянин с его темным умом индивидуалиста как личность и как общественное существо; за внешней оболочкой он хочет увидеть мотивы его поступков, скрытые движущие пружины сельского социума. Все это делает текст «Демьянской волости» увлекательным чтением, несмотря на отсутствие какой бы то ни было его «художественности».

Вот развернутая картина сельского схода (да простит меня читатель за слишком длинную цитату, очень уж интересен предлагаемый отрывок):

«Любопытную и оживленную картину представляет иногда сельская сходка. Небольшая сборная битком набита народом. Дым махорки застилает воздух. Усатые, бородатые лица, красные от пота, белые шабуры, полшубки; между степенными лицами домохозяев иногда мелькает лицо какого-нибудь юнца, пришедшего послушать старших. Все оживленно толкуют или напряженно слушают. Общий рев и шум. <...> С улицы подходят сходочники, более равнодушные к делам, мирно толковавшие до этого о своих заботах, и прислушиваются к прениям, стараясь понять, в чем дело. Галдение продолжается до глубокого вечера, и члены враждебных на сходе партий подумывают уже, что пора и сход кончать, и кабак открыть.

<...> Наконец, когда общественники догалделись до седьмого пота и когда этим путем мнение большинства определилось, выступает опять на сцену староста и, прочитав обществу приговор, гонит общественников подписываться. “Подписывайтесь! Подписывайтесь!” — кричит он, удивляясь, если какой-нибудь общественник отвечает, что не желает подписывать, не будучи согласен с приговором.

...Самих общественников мало интересует в большинстве случаев, подписаны ли они и под каким приговором. При такой индифферентности массы можно добиться проведения какого угодно приговора, особенно легко уничтожить постановление схода. Стоит только сказать общественникам, что подписей достаточно, как остальные неподписавшиеся повалят со сходки, довольные, что разделались, что можно идти домой или в

кабак. В сельском управлении остаются только более рьяные члены схода — посмотреть, сколько голосов под приговорами, как относятся староста с писарем ко всей этой процедуре и т. д. И из наблюдений этих оказывается, что записаны под приговором не присутствующие на сходе... или что масса находившихся на сходе не записана, что приговоры, утверждение которых желательно почему-либо старосте или «волостным», покрываются подписями и скрепляются должностною печатью через день и позже схода... И выясняется многое другое, свидетельствующее о том, что для массы крестьян общественные дела, общественные интересы менее важны, чем их собственные, домашние дела, что во всякое время общественник готов махнуть рукой на дела общества, говоря: «Как их бьет, так и бей!» Словом, дела обстоят пока благополучно, так же, как и в любой городской думе, где гласные причисляют себя к «интеллигенции»¹. Стоит только заменить лексику XIX столетия на современную — и мы получим картину общественного собрания сегодняшнего дня, с одним только существенным отличием, что дебаты ныне далеко не столь шумны.

Позднее, когда сборник работ политссыльных уже вышел в свет, представился случай прочитать в тобольской газете «Сибирский листок» в рубрике «Внутренние известия» серию корреспонденций из Демьянска 1891 — 1892 гг. Первая была подписана инициалами «К.Г.», остальные напечатаны без подписей. Не пришлось долго ломать голову, чтобы понять, что автор «Демьянской волости» и автор этих корреспонденций — одно и то же лицо. В этом убеждают и идентичность многих сообщаемых фактов и всей тематики, и использование порой одинаковых речевых конструкций, и то, что корреспонденции из Демьянска перестали появляться в газете после сентября 1892 г., когда окончился срок ссылки Гамолецкого и он уехал из Тобольской губернии.

Последний абзац последней корреспонденции, напечатанной в номере за 20 сентября 1892 г., наверняка дописан сотрудником редакции как прощальное благодарственное слово все тому же «К.Г.». «Нельзя пропустить без внимания трудов К.Г., — прибавляет он от себя, — который весной боролся с тифом, а при появлении холеры заявил в волостном правлении о своей готовности оказывать помощь заболевшим; подвергаясь опасности, Г. являлся к больным по первому требованию и, насколько известно, дело вел успешно. Этот добрый человек пожертвовал в Демьянское училище инструменты для переплетного мастерства, а также столярного, в надежде, что рано или поздно учащиеся будут заниматься ручным трудом».

В газетных публикациях выпукло проявилась еще одна особенность, свойственная и труду «Демьянская волость»: автор имел свободу пере-

¹ Гамолецкий К. В. Демьянская волость // Тобольский Север глазами политических ссыльных XIX — начала XX века. Екатеринбург, 1998. С. 257–259.

движения, достаточную для того, чтобы охватить взглядом большое пространство между Тобольском, устьем Иртыша и нижним течением Конды. В корреспонденциях то и дело встречаются сопоставления фактов жизни этих соседних территорий, а одна из них написана не в Демьянском, а в Самарове. Они дополняют содержание «Демьянской волости» и вместе представляют существенно обогащенную новыми деталями картину жизни нашего края. Ценность ее заключается еще и в том, что она помогает преодолеть идущее от учебника схематическое представление о прошлом и сквозь вековую толщу истории увидеть живые черты наших предков.

Во вступительной статье к работе «Демьянская волость» Л.П. Роцевская пишет, что 8 апреля 1892 г. окончился срок ссылки Гамолецкого, и он уехал, а вскоре перебрался в Америку. Хочется думать, что там его способностям нашлось лучшее применение, чем в России, и мы еще когда-нибудь узнаем о его жизни и деятельности за океаном.

Биографические сведения почерпнуты из дела о высылке К.В. Гамолецкого в Тобольскую губернию².

² ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 12. Д. 7.

Аккумулятор общественной энергии

В последние два-три десятка лет стали заметнее люди, почувствовавшие в себе потребность собственными усилиями познать и понять прошлое родного дома и семьи, села, где родился и вырос, края и даже всей России — так ли было, как учили в школе, или по-другому? О чем умалчивалось, что толковалось произвольно, односторонне и в конце концов ложно в угоду политической целесообразности?

Интересы как ныне живущих, так и будущих поколений требуют, чтобы мы восстанавливали и берегли историческую правду от ложных «подновлений» и «осовремениваний» подобно тому, как художник-реставратор кропотливым и осторожным трудом высвобождает из-под слоя красок, нанесенных на старый холст другими живописцами, подлинную картину давно умершего автора и предоставляет ему вести со зрителем прямой диалог, никем не отредактированный и не откорректированный.

Не довольствуясь написанным в Новейшее время, мы обращаемся к старым текстам — и печатным, и рукописным, они питают пробуждающееся историческое самосознание живыми соками. И зачастую это старые газеты. Один из таких интересных источников информации — тобольская частная газета «Сибирский листок», издававшаяся в 1891 — 1919 гг. Только благодаря высокой культуре старой тобольской интеллигенции, умевшей ценить свидетельства прошлого, Тюменская область сегодня располагает единственным, но зато практически полным комплектом этой газеты, который хранится в научной библиотеке Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника.

В начале «нулевых» годов родилась идея выпустить сборник публикаций «Сибирского листка» — своеобразную хрестоматию по истории Тобольской губернии. В 2003 году она осуществилась благодаря энергии и самоотверженности издателя Ю.Л. Мандрики. Пять изданных в Тюмени объемистых томов фактически продлили жизнь «Сибирского листка», переведя газету в иное техническое качество. Возможно, придет замечательное время, когда вся газета будет запечатлена в электронных носителях информации, как и другие духовные богатства Тобольска, и станет широко доступной и столь же широко востребованной. Издание, о котором идет речь, — первый практический шаг на этом пути. И он расширяет наши возможности познавать прошлое не через заучивание прописных истин, а посредством живого восприятия фрагментов бытия наших предков в уголке земли, называвшемся до 1918 года Тобольской губернией.

Что же представляет собой «Сибирский листок» и кто его главные деятели? Как удалось без малого тридцать лет продержаться частной газете, какими и чьими усилиями? К кому обращать нам слова благодарности за то, что посредством печатного слова донесли до наших дней живой «портрет» своего времени?

К возникновению и становлению «Сибирского листка» причастна целая группа деятелей российского революционного движения, отбывавших наказание в Тобольске и Тобольской губернии. Первым мысль об издании частной газеты подал Афанасий Андреевич Зубковский (1854–после 1915). Сын священника Полтавской губернии, он окончил Полтавскую духовную семинарию и учился в Киевском университете. В 1880 г. за принадлежность к тайному сообществу Санкт-Петербургским военно-окружным судом Зубковский был приговорен к лишению всех прав состояния и ссылке в каторжные работы на 15 лет, но в мае 1886 г. по высочайшему повелению переведен на житье в Тобольскую губернию. В мае 1889 г. Зубковскому были возвращены права, принадлежавшие ему до осуждения, и он уехал в Ригу, но ненадолго. Тобольск тянул его обратно, и в следующем году Афанасий Андреевич, оставив в Прибалтике самых близких родных, вернулся¹. Зачем?

Нашлось дело, от которого А.А. Зубковский никак не мог отказаться, потому что связывал надежды на лучшее будущее страны с развитием общественной самодеятельности, гражданского общества и важнейшим средством этого развития видел свободную демократическую общественно-политическую газету. В конце 80-х годов XIX века в Тобольской губернии из светских газет издавались только официальные «Тобольские губернские ведомости», которые заведомо не могли служить такой цели, но предпосылки к созданию газеты желаемого направления были. Прежде всего — единомышленники, и не только среди политссыльных.

В середине 1890 г. Зубковский отправил из Риги письмо тобольскому купцу Александру Адриановичу Сыромятникову (1859–1912), известному своими либеральными взглядами, в котором доказывал настоятельную потребность в издании в Тобольске частной газеты. Одновременно он написал и доверенному Сыромятникова политссыльному Л.Е. Луговскому, попросил его воздействовать на своего работодателя, а также привлечь к этому и других лиц.

Зубковский, конечно, не случайно связывал свои надежды с Сыромятниковым. Александр Адрианович был молод, энергичен, предприимчив, охотно брался за новые дела, живо откликался на общественные нужды. Первым из тобольских предпринимателей он стал безбоязненно брать на работу по-
¹ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 159. Оп. 1. Д. 163: О состоящем под негласным надзором полиции сыне священника Афанасии Андреевиче Зубковском.

литических ссыльных. Ведь и сам он, будучи московским студентом, читал запрещенные издания и за это был отчислен и возвращен в Тобольск, но и здесь дважды, в 1879 и 1881 гг., привлекался к дознанию за хранение запрещенных изданий «Земли и воли» и произнесение «дерзких слов» против царя, несколько месяцев содержался в тобольской тюрьме, два года находился под гласным надзором полиции². Словом, «одного поля ягоды».

Легкого на подъем Сыромятникова не пришлось долго убеждать. Заручившись согласием губернатора В.А. Тройницкого на издание новой газеты, он послал Зубковскому приглашение. В этом же духе ответил и Луговский. В августе 1890 г. Зубковский уже был в Тобольске и немедленно вступил в переговоры с Сыромятниковым о предполагаемом издании. Через несколько дней в Главное управление по делам печати ушло прошение. Правда, по настоянию губернатора первоначально выработанную широкую программу пришлось сократить, ограничив ее исследованием явлений экономической жизни Сибири, иначе местная администрация не соглашалась поддержать ходатайство.

В начале ноября 1890 г. пришло разрешение Главного управления на издание газеты под названием «Сибирский листок». Было решено выпускать ее тиражом 3000 экземпляров. Зубковский составил объявление о подписке на 1891 год, его разослали учреждениям и частным лицам. Он же написал и передовую статью для первого номера, текст ее одобрили все, кто согласился участвовать в газете: Сыромятников, Луговский, Мамеев, Старков и Антонович. 20 декабря вышел первый, пробный, номер «Сибирского листка», подписал его редактор-издатель А.А. Сыромятников.

Текст передовой статьи разъяснял публике задачи газеты. Согласно программе, главная из них — освещение экономической жизни, но Зубковский упорно проводил мысль о том, что экономика лишь, безусловно, очень важная, но все же часть жизни общества, тесно связанная с другими ее сторонами — духовной, моральной, политической, что экономическому состоянию общества всегда соответствуют определенные формы политического сознания народа. В статье подчеркивается необходимость изучения специфики Сибири, ее отличий от европейской части России. Успех этого дела не может быть обеспечен силами только чиновников, здесь требуется участие всех наличных сил — широкая общественная самодетельность. Единственный путь к этому — совместное обсуждение животрепещущих вопросов в местной печати. Зубковский в передовой статье сумел передать подлинную цель нового издания так, как она определена создателями «Сибирского листка», а не сформулирована под давлением власти. И, забегая вперед, нужно сказать, что этой цели газета слу-

² Деятели революционного движения в России: биобиблиограф. словарь. М., 1931. Т. 2. Вып. 4. Стлб. 1658–1659.

жила все 29 лет своего существования, как бы ни менялись экономическое и политическое положение страны и состав редакции.

Для первого этапа жизни газеты, 1890–1893 гг., когда редактором-издателем был А.А. Сыромятников, характерно широкое участие в ее создании политических ссыльных. История этого этапа обстоятельно описана в статье А.А. Зубковского, присланной в редакцию из Томска по случаю 25-летия «Сибирского листка»³. По его свидетельству, с самого начала членом редакции был Антон Петрович Антонович (ок. 1865–1891), сын тобольского мещанина, бывший студент Московского университета, отчисленный за «неодобрительное поведение и участие в студенческой демонстрации» и высланный из Москвы на родину под гласный надзор полиции⁴. Он заведовал конторой газеты и отчасти вел отдел корреспонденции. Ранняя смерть прекратила его сотрудничество с товарищами по редакции.

Ценным сотрудником оказался Николай Николаевич Подревский (ок. 1855–1916), приехавший в Тобольск в середине 1891 г. из Туринска, куда был отправлен в ссылку по приговору Киевского военно-окружного суда 26 июля 1880 года «за недонесение о принадлежности известных лиц к тайному противозаконному сообществу, имевшему целью ниспровержение путем насилия государственного и общественного порядка в России». В сентябре 1894 г. Подревский получил право возвратиться в пределы Европейской России⁵ и, по-видимому, вскоре уехал из Тобольска. 25 февраля 1916 г. «Сибирский листок» перепечатал телеграфное сообщение из Астрахани в газете «Русское слово» о смерти Н.Н. Подревского — лучшего педагога города. «Н.Н. Подревский, — прибавлял от себя «Сибирский листок», — хорошо знаком многим тоболякам, так как в начале 90-х годов он жил в Тобольске, где также занимался педагогией. Покойный был одним из самых деятельных сотрудников «Сибирского листка» в первые годы издания».

С 1892 года к числу работников «Сибирского листка» присоединилась Мария Николаевна Костюрина, прибывшая из Якутии, а с 1894-го — ее муж Виктор Федорович Костюрин. И она, и он с этого времени связали свою жизнь с газетой до последнего года ее существования.

В 1891–1892 гг. одним из наиболее заметных авторов был К.В. Гамолецкий, регулярно присылавший корреспонденции о жизни населения Демьянской и Самаровской волостей и нижнего течения р. Конды. Из Барнаула писал С.П. Швецов (С. Марусин). Устанавливать авторство по газетам того времени чрезвычайно трудно, так как большая часть публикаций либо подписана псевдонимами, либо совсем не имеет подписей, но

³ Сиб. листок. 1916. 21 янв.

⁴ Деятели революционного движения в России: библиограф. словарь. М., 1933. Т. 3. Восьмидесятые годы. Вып. 1. А–В. Стлб. 98; ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 13. Д. 37.

⁵ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 8. Д. 293.

несомненно, что среди авторов «Сибирского листка» было немало и других политссылных, находившихся в различных уголках Сибири. Именно это обусловило некоторые отличительные особенности содержания «Сибирского листка» в первые годы его издания: географическую широту и общесибирский характер тематики, выдвижение на первый план политически острых вопросов, полемический тон статей.

Из местной сибирской интеллигенции среди активных сотрудников «Сибирского листка» того времени А.А. Зубковский называет тоболяков С.Н. Мамеева, А.А. Крылова, Е.В. Кузнецова, Т.П. Гладышеву, М.С. Знаменского, барнаульца В.К. Штильке, И.Я. Словцова, П.М. Головачева, Ф.К. Зобнина, С.Л. Чудновского, А.В. Адрианова, В.М. Крутовского.

Постепенно многие из ценных авторов отошли от «Сибирского листка» по разным причинам, но, главным образом, из-за тяжелых цензурных условий, в которых статьи, не оплачивавшиеся гонораром из-за отсутствия у редакции средств, к тому же еще и уродовались или совсем не попадали в газету.

Причины некоторых особенностей внешнего облика газеты раскрывает анонимный автор статьи «Двадцать пять лет»⁶ (вероятно, В.Ф. Костюрин). Он пишет: «Тяжела была цензура, но это имело значение для сотрудников иногородних, так как произведение не пропускалось — и пропал труд; для горожан же цензура никакого значения не имела — город маленький, всякий сообщивший что-нибудь, видя свою изуродованную заметку, знал, что она появилась в таком виде не по желанию редакции, а по воле цензуры, и старался сам всем и каждому разъяснить, что вылетело, конечно, в выражениях менее сдержанных, чем была написана заметка».

«...Цензор был общий враг, а в борьбе с цензурой обыватель объединялся с своей местной газетой <...>. Во времена цензуры, благорасположенной к газете, можно было обходить программу простым «экономическим заголовком» или вводя вопрос в “Местную хронику”, так как рубрика эта по своей неопределенности могла вместить многое, но стоило цензору сменить милость на гнев, как вылетали целые страницы, и приходилось заполнять место старым, давно вышедшим уже объявлением о калошах».

Были в этот период у «Сибирского листка» и доброжелатели, оказывавшие ему денежную и материальную поддержку. В конце первого года издания, когда А.А. Сыромятников, удрученный убыточностью газеты, хотел отказаться от обязанностей издателя, Зубковский обратился к известному меценату купцу Н.М. Чукмалдину с просьбой о помощи, и от него было получено значительное денежное пособие. Крупный сибирский купец и меценат А.М. Сибиряков в течение двух лет снабжал «Сибирский листок» бумагой, опять же по просьбе Зубковского. В качестве ответной услуги Сибиряков попросил издать в Тобольске его брошюру о северных

⁶ Сиб. листок. 1915. 20 дек.

водных путях Сибири, что и было исполнено. Тобольский купец И.И. Корнилов, известный как талантливый композитор, оказал денежную помощь, попросив Зубковского взамен подыскать ему автора либретто для задуманной оперы «Сузге». Либретто было написано приват-доцентом Московского университета П.М. Головачевым⁷.

Но основная тяжесть материального обеспечения издания лежала в 1890—1893 гг. на А.А. Сыромятникове. Впрочем, забота эта никогда не теряла остроты на всем 29-летнем пути газеты, кто бы ее ни издавал.

Таковы были условия издания «Сибирского листка» в начальный, «сыромятниковский», период его истории. А каков был сам «Листок» тех лет: чем наполнялся, какие ценности утверждал?

Как уже было сказано, едва возникнув, газета стала голосом не одной только Тобольской губернии, но и всей Западной, а отчасти и Восточной Сибири. Наряду с сообщениями из Тюмени, Кургана, Тары, Березова, Обдорска, Сургута, Кондинского края и других ближних мест в ней печатались корреспонденции из Пельма, Ирбита, Барнаула, Красноярска, Иркутска, «Ангарские письма», «Якутские письма», «Письма с Урала» Мамина-Сибиряка... За всем этим стоит мало кому заметная огромная внутренняя организационная работа редакции, от которой, к сожалению, уже не осталось следов.

Адресуясь ко всем сибирякам, публицисты газеты заостряли внимание на особенностях положения Сибири в Российском государстве, управления ею в целом и отдельными ее частями, писали о необходимости баланса интересов государства и Сибири при использовании ее природных богатств, многонациональном населении — как коренном, так и пришлом, — и его насущных нуждах, о положении северных территорий, острой потребности в развитии торговых и транспортных путей и многом другом.

На страницах «Сибирского листка» ясно прочитывалось, что огромная восточная часть России нуждается в большем внимании государства, черпавшего из нее немалые ценности, в лучшем управлении и заботе об ее собственном развитии, просвещении населения, создании возможностей для подготовки на месте высококвалифицированных специалистов и т.д. В этом ключе выдержаны большая статья «К вопросу о причинах промышленной отсталости Сибири» (1891. № 55–58), статья, подытоживающая, что дал Сибири 1891 год (1891. 29 дек.), и другие.

«Некоторые господа до сих пор смотрят на Сибирь как на страну завоеванную, — читаем в редакционной статье, опубликованной без подписи в номере за 5 января 1892 года, — которая, по их мнению, не может пользоваться теми правами, какие принадлежат населению остальных частей государства. Но стоит ли возражать подобным господам? Для всякого здравомыслящего человека эта точка зрения не имеет никакого смысла, так

⁷ Сиб. листок. 1916. 21 янв.

как подобный взгляд, получив практическое осуществление и увеличив этим административное разнообразие, должен лишь привести к отчуждению одних частей государства от других».

Управленческая проблема, всегда актуальная для огромной России, была одной из центральных в «Сибирском листке». Газета публиковала краткие и подробные сообщения о деятельности городских дум и управ, в особенности, конечно, тобольских, вникала в состояние городских бюджетов, следила за подготовкой реформирования городского управления в России и 11 июня 1892 года напечатала новое «Городовое положение».

Не могло не заботить редакцию состояние губернского центра — города Тобольска. Бывшая столица всей Сибири, Тобольск в XIX веке все заметнее стал отставать экономически от Омска, Томска и других городов, даже от подчиненной ему Тюмени. Постепенно стали общим местом мрачные и безнадежные сетования тоболяков на серость, скуку, убогость «столичной» жизни, многократно запечатлевшиеся и на страницах «Сибирского листка». Это замедление роста (если не застой) негативным образом отразилось на состоянии северных территорий губернии, так как в силу своего географического положения именно Тобольск оказался наиболее заинтересованным в Севере, почти все влияние на экономику и культуру огромного края исходило из него, но не было средств для его исследования и развития. «Сибирский листок» как тобольская газета много доброго сделал для Низового края (так тогда называли местности, лежащие к северу от Тобольска), бесконечно повторяя застарелые и возбуждая новые вопросы его существования. Вот почему ныне он — ценный источник для познания истории Тобольского Севера. Публикаций о Тобольске было много на самые разнообразные темы. Одна из наиболее крупных и основательных — «Новые горизонты для Тобольска» В.Ф. Костюрина — напечатана в 1893 году в № 91, 92 и 94.

Демократическая сибирская интеллигенция большое значение придавала развитию местного самоуправления, в особенности земства, принесшего заметные результаты в европейской части России. Однако за Уралом земство не вводилось. В цитированной выше статье 5 января 1892 г. так выражена позиция «Сибирского листка»: «Вообще полезность и уместность введения земских учреждений в Сибири слишком очевидны, и мы глубоко убеждены, что только какие-нибудь второстепенные практические соображения удерживают центральную власть от введения в Сибири земских учреждений. Во всяком случае, нам кажется, что в настоящее время следует поставить этот вопрос на очередь». Со своей стороны газета ставила его многократно, тема земства — одна из сквозных в «Сибирском листке». Из-за медленности российских преобразований, революционизировавшей общество, земство пришло в Тобольскую губернию только в 1918 г. и тут же было задушено новой властью.

Внимательно наблюдал «Сибирский листок» за положением местного населения, преимущественно крестьянского в южных районах и инородческого в северных. Этой теме посвящена, в частности, большая статья М.Н. Костюриной «Сибирское крестьянское хозяйство», содержащая в себе обширные и подробные характеристики всех его отраслей. Публикация ее началась в ноябре 1892 г. и растянулась до середины февраля 1893 г. Печатались работы об особенностях сибирского землевладения. Неоднократно газета обращалась к темам переселения в Сибирь крестьян из европейских губерний, нужд переселенцев, их укоренения на новых местах, согласования интересов старожилов и новоселов (статьи «Старожилы и переселенцы в Сибири» С.П. Швецова, «К переселенческому вопросу» В.Ф. Костюрина, путевой очерк «На переселенческой барже от Тобольска до Барнаула» и др.).

В острых случаях газета поднимала тревогу, будоражила общество, зывала о помощи. В пример можно привести замечательную публицистическую статью А.А. Зубковского «К добрым людям» (1891. 21 марта), написанную в ответ на обращение к редакции председателя временного комитета для оказания помощи переселенцам в г. Тюмени с просьбой открыть подписку в пользу переселенцев.

Активным и глубоко нравственным было поведение «Сибирского листка» в голодные 1891–1892 годы, когда для преодоления последствий неурожая, а на севере губернии еще и наводнения пришлось просить помощи государства. Газета входила во все подробности напряженной борьбы с голодом, писала о положении в различных частях губернии, ценах на хлеб, падеже скота на Севере, вызванном наводнением и последовавшей за ним бескормицей, борьбе со вспыхнувшей летом 1892 года эпидемией холеры, организации общественных работ по устройству колесной дороги от Тобольска до Самарова на выделенные из казны 183 тысячи рублей с целью дать заработок какой-то части оставшегося без средств населения, бесплатных народных столовых для бедных и других актах благотворительности (еще одна сквозная тема газеты) и даже о способе приготовления хлеба из соломы.

Одним из материалов, задавших высокий эмоциональный градус этой невольной «газетной кампании», было напечатанное 19 декабря 1891 г. «Открытое письмо по вопросу о продовольствии голодающих» барнаульского общественного деятеля В.К. Штильке, будущего депутата Государственной думы, одного из близких друзей «Сибирского листка».

Народная беда толкала подчас на необычные действия. Любопытно появившееся 14 ноября 1891 г. в рубрике «Внутренние известия» сообщение из Березова. Там городская управа приняла исключительные меры в отношении хлеботорговцев, вознамерившихся обогатиться на острой нужде в продовольствии и поднявших цены: одному из них было запрещено торговать хлебом весь 1892 год, двум другим торговля частично ограничена.

В истории «Сибирского листка» участие в борьбе с голодом было одним из моментов наивысшей близости к населению. Одновременно это и пример продуктивного сотрудничества газеты с властью.

Постоянная обращенность Тобольска лицом к Северу обусловила и интерес «Сибирского листка» к жизни Низового края, его инородческого населения в особенности. В газете мы найдем и чисто этнографический материал, и размышления о различных более или менее острых проблемах, которые породила включенность малочисленных народов в общецивилизационный процесс. Но все-таки не эти темы были главными при разработке северной тематики. Во главу угла ставились вопросы экономики, основу которой составляла рыбная промышленность, и газета давала сообщения о текущем положении на промыслах, описания технологии различных способов лова рыбы, организации его на артельных началах. В начале 90-х годов на повестку дня выдвинулись вопросы охраны здоровья промысловых рабочих, санитарного состояния мест лова и др., для которых также отводилось место в газете.

В тесной связи как с рыбной промышленностью, так и вообще с жизнью Севера стояла потребность в развитии водного транспорта, регулярного сообщения внутри губернии, причем не только грузового, но и пассажирского. Эту проблему ясно обрисовал А. Зубковский в статье «О значении водных путей» (1892. 30 июня). Тема пассажирского сообщения обстоятельно разобрана в декабре 1893 г. (№ 96 и 97) в статье «Необходимо ли срочное пароходство между Тобольском и Обдорском» («срочное» в данном случае означает — расписанное по срокам, т.е. регулярное). В 1892 г. газета живо приглядывалась к упомянутому выше строительству грунтовой дороги от Тобольска до Самарова — опять-таки в свете общей стратегической задачи соединения Тобольска с севером губернии надежными транспортными коммуникациями.

Но особенно настойчиво будоражил «Сибирский листок» общественное мнение своими выступлениями о необходимости для Тобольска железнодорожного пути. Проекты железнодорожного строительства и ходатайства об их осуществлении начали появляться задолго до зарождения газеты, с начала 70-х годов XIX века. Возвратиться к старой теме побудило сообщение о том, что Комитет министров окончательно решил вопрос о постройке Сибирской железной дороги. 21 февраля 1891 года в газете появилась обширная статья А. Зубковского без названия, в которой, приветствуя это решение, автор делал следующий акцент: «...решая вопрос о выгодности постройки железной дороги, ни в каком случае нельзя его рассматривать с точки зрения увеличения специальных доходных статей казны. Единственный, по нашему мнению, прочный источник доходов казны — это общее благосостояние населения страны, и сбережения, получаемые населением вследствие того или иного правительственного мероприятия, ведут к прямым выгодам казны». И далее — о собственно си-

бирском интересе: «Мы ни на минуту не сомневаемся, что при устройстве сплошного рельсового пути Сибирь обогатится рабочей силой. Начнется оживленная деятельность по изысканию богатств страны, лежащих пока совершенно непроизводительно. В настоящее время в Сибири все, кроме сельскохозяйственных продуктов, добывается покупкой и притом иногда довольно дорогой <...> Проведение железной дороги... со временем окажет немалое влияние на развитие нашей обрабатывающей промышленности. Будет также оно способствовать и развитию торгового дела».

Соединение Тобольска с общей российской сетью железных дорог не только поднимало бы его значение как губернского центра, но сразу же благотворно отразилось бы и на Тобольском Севере. Но эта задача оставалась нерешенной еще десятки лет.

Провозгласив с самого начала своей сверхзадачей пробуждение общественных сил для деятельности во имя общественного блага, «Сибирский листок» был последователен на избранном пути, любой факт местной жизни рассматривая в свете этой идеи и при всяком удобном случае вновь и вновь говоря о чрезвычайной ценности гражданской активности. Так, 7 января 1893 г. газета в редакционной статье заявляла: «По нашему мнению, Россия переживает такой момент, когда именно желательно и необходимо развитие местной жизни во всех отношениях, когда желательно, чтобы общество в разных углах России пришло к сознанию, что условия дальнейшего нашего развития лежат в нем, в обществе, в степени понимания им своих гражданских обязанностей, в степени его самостоятельности, и мы думаем, что государство рано или поздно придет на помощь этому общественному движению».

В другой раз (1893. 28 янв.), тоже в редакционной статье, эта же мысль преподносится в таком выражении: «...не виновато ли общество в том, что оно не заботится о нуждах своего края? До известной степени, конечно, да, но далеко не безусловно. Должны существовать органы и учреждения для более мирского выражения общественной деятельности, учреждения, обладающие материальными средствами и некоторой властью для приведения в исполнение своих распоряжений. Одним словом, в дополнение к городскому самоуправлению Сибирь нуждается и в самоуправлении земском».

М. Костюрина в статье «Прогрессирует ли Тобольск?» (1893. 19 дек.) так отвечает на ею же поставленный вопрос: «Прогресс Тобольска выразился скорее в проявлении сознательной общественной жизни; если сравнить Тобольск 70-х и 90-х, то разница будет довольно значительна.

За последнюю четверть века умственный уровень общества заметно повысился, город стал, так сказать, интеллигентнее... Местные деятели, будь то администраторы, церковнослужители, доктора, учителя и т.д., выступая на арену общественной деятельности, могут надеяться на поддержку и сочувствие местного общества, которое не раз уже оказывало содействие вся-

кому полезному доброму делу; желающие искренно работать для «общей пользы» скорее и легче найдут эту возможность, чем прежде, — количество разных обществ и благотворительных учреждений доказывает этот вывод».

Характерно, что, констатируя определенный прогресс, автор заканчивает статью выражением неудовлетворенности: «...В Тобольске инициатива все еще в большинстве случаев принадлежит «просвещенным администраторам», с отъездом которых часто приходит в упадок и начатое ими дело; что касается общественной, городской, инициативы, то тут еще много можно пожелать Тобольску!»

Отсюда нетрудно перейти к мысли о том, что личность, устремленная к деятельности ради общественного блага, — огромная ценность, и нужно воспитывать общественных деятелей, поддерживать и сплачивать их. Эта простая истина повседневно руководила редакцией «Сибирского листка». В противоположность тезису о движущей роли масс в истории газета настойчиво «выводила на свет» личностей — и крупных деятелей российского масштаба, таких, как сибирский генерал-губернатор начала XIX в. граф М.М. Сперанский или тобольские губернаторы середины этого же столетия А.И. Деспот-Зенович и В.А. Арцимович, и местных, не имевших широкой известности. Поводами для этого были и различные более или менее значительные события, и происшествия, достойные заметки в хронике, и юбилеи учреждений и частных лиц, назначения и переводы по службе, отъезды на новое место жительства, проводы в последний путь достойного человека, будь это статский советник или народная учительница, сельская акушерка, искусный сапожник.

Именно благодаря такой ориентации «Сибирского листка» на наших глазах оживает, очеловечивается выглядевшее прежде сухой и скучной схемой прошлое края, и мы знакомимся с такими весьма симпатичными людьми, как врач и музыкант Л.Ф. Леневиц, руководивший в Тобольске хором, тобольский мещанин, путешественник А.И. Тронтхейм, молодой тарский купец, щедрый благотворитель А.Д. Калижников, учитель, художник и музыкант А.Л. Жилин, председатель губернского правления Д.А. Северцов, снискавший уважение простотой обращения с людьми, и многие-многие другие. В том, как газета выбирала своих героев, с какой интонацией писала о людях, содержится ценный материал и о ней самой.

Нельзя не сказать хотя бы несколько слов и о том внимании, какое «Сибирский листок» уделял народному просвещению — еще одной «вечной» теме. Лозунг прогресса, движения к общественному благу невозможно осуществить без грамотности, знания, поэтому всякий шагок на этом пути и всякое препятствие, попавшие в поле зрения газеты, фиксировались в ней.

Особо ценным представлялось публицистам «Сибирского листка» воспитание собственных специалистов высокой квалификации. Большая статья на эту тему под названием «Сибирские отголоски», написанная, по некоторым

признакам, тем же А. Зубковским и печатавшаяся в 1891 году в четырех номерах с марта по июнь, исследует важный вопрос: почему молодые сибиряки после окончания университетов предпочитают оставаться в европейских губерниях, что мешает им возвратиться и служить своей родине — Сибири? Мнение автора по этой острой проблеме вызвало полемику «Сибирского листка» с газетой «Восточное обозрение», закончившуюся только в сентябре.

Конечно, как и в любой газете, в «Сибирском листке» 1890–1893 гг. содержится много разнообразной информации о событиях и фактах — и крупных, как пребывание в Тобольской губернии летом 1891 года наследника российского престола Николая Александровича, и малозначительных, подчас любопытных, как поездка внука обдорского остяцкого князя Тайшина в Петербург, но эта информация уже не может далее рассматриваться в данной статье. Этот непродолжительный «стартовый» этап газетной истории описан и так уже довольно подробно, потому что на нем определилось кредо «Сибирского листка», основные линии его движения, не претерпевшие резких перемен в дальнейшем, когда он неоднократно переходил в другие руки.

На четвертом году издания А.А. Сыромятников, истратив безвозвратно на «Сибирский листок» свыше 6000 рублей, отказался от обязанностей издателя. Перед сотрудниками редакции встала задача подыскать новых людей, которые согласились бы принять на свои плечи тяготы официального представительства. И они нашлись. 23 января 1894 г. газета оповестила читателей: редактором утвержден И.П. Львов, а издателем — Т.С. Никифоров.

Отставной губернский землемер, титулярный советник Тимофей Степанович Никифоров (?–1912) был известен тоболякам как общественный деятель: гласный городской думы, один из основателей местного общества взаимного от огня страхования (пожары того времени наносили огромный урон), действительный член губернского музея. По мере своих возможностей он помогал городским учреждениям деньгами: дому трудолюбия пожертвовал здание стоимостью в 4800 рублей, Александровскому детскому приюту дал 1000 рублей на стипендию⁸.

Учитель гимназии Иван Павлович Львов (ок. 1848 — после 1917) также избирался гласным городской думы, причем неоднократно, был членом-учредителем губернского музея, а также на протяжении многих лет то членом комитета или ревизионной комиссии, то кандидатом на должность хранителя, то членом лекционного бюро. Выйдя в отставку в 1911 г. в чине статского советника после 40 лет службы, он продолжал участвовать в общественной жизни города⁹. Бесспорная заслуга этих людей перед краем состоит в том, что они в очень трудное время поддержали «Сибирский листок» своим бескорыстным участием.

⁸ Городская хроника // Сиб. листок. 1902. 29 авг.; 1912. 12 авг.

⁹ Городская хроника // Сиб. листок. 1911. 3 июля.

К моменту ухода Сыромятникова из «Сибирского листка» газета уже переживала спад. Прежде всего это объяснялось тяжестью цензурного гнета. Доходило до курьезов, когда вычеркивались даже перепечатки из «Правительственного вестника» на том основании, что они выходят за рамки разрешенной узкоэкономической программы. В то же время неоднократные ходатайства о расширении программы отклонялись.

Словно предчувствуя будущие цензурные мытарства, редакция «Сибирского листка» еще в самом первом номере 20 декабря 1890 года в «Местной хронике» позволила себе шутку, которая обернулась суровой правдой. «Влияние природы на человека, — писал публицист, — вне всякого сомнения, а потому и понятно, что в 30 градусов холода, как сегодня, я не могу, хотя бы и хотел, относиться ко всему с теплотой сердечной... в такие морозы умственный горизонт сокращается, мысль сжимается, как под прессом, и, по-моему, в зимние месяцы в Сибири газеты могли бы издаваться совсем без цензуры».

Спустя годы, А.А. Зубковский заметил по этому же поводу устало и грустно: «Кому охота на самом деле посылать статьи, когда последние цензурой или совсем не пропускались, или уродовались путем вычеркивания многих мест?»¹⁰.

Кроме цензуры действовали и другие факторы. Так, в первой половине 90-х годов в сибирских городах появилось несколько новых газет, и они отвлекли на себя часть литературных сил «Сибирского листка».

С переходом газеты к новым издателю и редактору, но с прежним фактическим редактором А.А. Зубковским положение продолжало ухудшаться. У Зубковского прибавилось забот по поддержанию существования газеты и меньше оставалось времени и сил на литературную работу, он стал реже печататься. Редакция старалась не утрачивать связей с другими сибирскими городами. Отчасти ей это удавалось: сохранилось сотрудничество с С.П. Швецовым, Ф.К. Зобниным, В.К. Штильке. Но постепенно ориентация на общесибирские вопросы утрачивалась, газета становилась сугубо местной, тобольской, и притом приближалась к крайней степени упадка: растеряла полемический задор и публицистические краски, обеднела информацией, ослабили ее связи с городами и селами губернии, даже «Городская хроника» сжалась и потускнела. Уменьшилось и число подписчиков.

Нелегко было редактировавшему «Сибирский листок» А.А. Зубковскому. С октября 1892 г. он находился под негласным надзором полиции. Чины корпуса жандармов ежемесячно доносили о поднадзорном, что образ жизни его скромный, религиозный, трезвый и самостоятельный, занимается он в редакции «Сибирского листка» и ни в чем предосудительном в политическом отношении не замечен. Тем не менее в ноябре 1895 г. он был уволен из казенной палаты, где служил столоначальником, якобы за небрежное отно-

¹⁰ Сиб. листок. 1916. № 10.

шение к служебным обязанностям и «крайне вредное его общее направление и неодобрительный образ мыслей». Однако в жандармском управлении существовало мнение, что уволили Зубковского за публикацию в «Сибирском листке» корреспонденции, в которой критиковался управляющий палатой Матвеев. Правда, вскоре Афанасий Андреевич был принят помощником делопроизводителя в управление государственных имуществ.

Рубежный момент для Зубковского наступил в 1896 году. До этого наблюдавшие за ним жандармы писали в ежемесячных лаконичных, составленных по форме листках, что «знакомства и связи не замечены, сношения и переписка не обнаружены». С самого начала 1896 г. в этих же листках появляются фамилии тех, с кем он имел знакомства и связи: поднадзорный Кипельман, губернский агроном Скалозубов, Студницкий, Павел Суханов, Чуйко и, наконец, «все поднадзорные в Тобольске». Это писалось в то самое время, когда Афанасий Андреевич напряженно искал для «Сибирского листка» выход из кризиса.

11 марта 1896 г. Зубковский выехал в Тюмень будто бы для «приискания должности». На самом деле он встретился там с местным предпринимателем и меценатом Н.И. Давыдовским и предложил ему принять на себя издание «Сибирского листка», но получил отказ, после чего ездил еще в Курган, — вероятно, в этой же целью. А интенсивное общение в Тобольске, по-видимому, означает, что одновременно с попытками обеспечить для газеты более надежный экономический фундамент он искал и новую главную движущую силу «Сибирского листка» — замену себе. В середине 1896 г. Афанасий Андреевич возбудил ходатайство о перемещении его на службу в Омскую контрольную палату и в августе выбыл в Омск¹¹.

* * *

В результате настойчивых усилий А.А. Зубковского, деятельность которого в «Сибирском листке» мы вправе оценить как его личный подвиг, у газеты появился новый издатель — А.С. Суханов, сменивший Т.С. Никифорова. Свой первый номер он подписал 4 июля 1896 г. Редактором оставался И.П. Львов.

Алексей Степанович Суханов (ок. 1865 — после 1918), сын тобольского купца, после учебы в местной гимназии некоторое время находился на службе, был помощником письмоводителя канцелярии губернского прокурора, но вышел в отставку, когда ему не исполнилось еще и 28 лет, и в дальнейшем уже не поступал на службу (вероятно, увольнение было связано с деятельностью, которая квалифицировалась как «противоправительственная»). Зато, начиная с 1892 года, на протяжении многих лет Алексей Степанович избирался гласным Тобольской городской думы. Возможности для этого

¹¹ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 159. Оп. 1. Д. 163.

давали ему доставшееся от отца недвижимое имущество и авторитет общественного деятеля. Он открыл в Тобольске 15 октября 1886 г. первую публичную библиотеку и одновременно — книжную торговлю. Библиотечное и книжное дело Суханова успешно развивалось. При магазине проводилась подписка на газеты и журналы, издававшиеся в Сибири и столицах. 2 января 1891 г. при библиотеке открылась дешевая народная библиотека с абонементной платой 5 копеек в месяц, а с 1899 года с разрешения губернатора Алексей Степанович открыл при народной аудитории общественную читальню. В 1916 г. Суханов всю свою библиотеку, почти десять тысяч томов, пожертвовал городу, и она легла в основу публичной библиотеки общества внешкольного образования, открывшейся осенью того же года.

Очень близкое отношение имел А.С. Суханов и к тобольскому любительскому театру: с успехом выступал на сцене, был распорядителем спектаклей, избирался председателем и директором местного драматического общества, хлопотал в городской думе о помещениях для постановки спектаклей, комплектовал театральную библиотеку. По его инициативе давались спектакли и концерты с благотворительными целями. Известен он и как драматург. Пьеса «Дорогой ценой» была поставлена в народной аудитории 10 января 1907 г. В 1908 году «Сибирский листок» напечатал в первом номере еще одну его пьесу — «Встреча Нового года по-новому».

Многое сделал А.С. Суханов для Тобольска и как гласный городской думы и член городской управы: выступал с предложениями и делал в обоснование их доклады, обращался с ходатайствами, возглавлял новые дела либо активно в них участвовал. Например, в 1893 г. он подал в думу заявление об открытии в городе воскресной школы для взрослых, а в дальнейшем заведовал этой школой. В 90-е же годы он был председателем Тобольской городской комиссии попечения о начальном образовании, членом совета ремесленной школы, несколькими годами позднее — членом ревизионной комиссии общества вспомоществования бедным учащимся в Тобольской гимназии, исполняющим обязанности председателя городского дома трудолюбия. С 1891 г. он состоял действительным членом губернского музея и неоднократно делал пожертвования. В конце 90-х годов, когда тоболяки решили на свои средства построить здание народной аудитории, А.С. Суханов участвовал в сборе пожертвований и сам внес 100 рублей, затем принял на свои плечи львиную долю хлопот по строительству здания (того самого «теремка», в котором в советское время помещался театр и который был украшением подгорной части Тобольска, пока не сгорел) и позднее некоторое время заведовал открывшейся народной аудиторией.

Возможности Алексея Степановича послужить родному Тобольску поднялись в 1912 г., когда его избрали членом Государственной думы. В частности, он с присущей ему настойчивостью (к сожалению, безуспеш-

но) хлопотал о продолжении железной дороги до Тобольска. В 1917 г. назначался комиссаром Временного правительства, а в 1918-м был избран членом Учредительного собрания.

Последнее, о чем хочется заметить при представлении читателю нового издателя «Сибирского листка», — это дух солидарности, взаимного уважения и дружественности тех деятелей газеты, которые на разных этапах ее жизни несли всю тяжесть добровольно взятой на себя ответственности и были основной тягловой силой редакционного воза. В 1912 г., когда умер А.А. Сыромятников, «Сибирский листок» писал, что «...среди металлических венков выделялся роскошный венок из живых цветов с надписью: «От товарища по общественной деятельности. А.С. Суханов». А в 1919 г. он же откликнулся в газете «Тобольское народное слово» на смерть своего соратника и последователя, неофициального редактора «Сибирского листка» глубоко прочувствованной статьей «Похороны В.Ф. Костюрина». Вполне были наделены этими качествами и А.А. Зубковский, и супруги Костюрины, о чем свидетельствуют их статьи по истории газеты, написанные к ее юбилеям. Зубковский в свой последний тобольский период жизни, с сентября 1897 по май 1898 г., по донесениям продолжавших наблюдать за ним жандармов, общался с Костюриными, А.С. Сухановым и Луговскими и, конечно, был близок к «Сибирскому листку». Характерно и такое обращение костюринского «Сибирского листка» к публике в номере за 30 ноября 1900 года: «...редакция обращается с покорнейшей просьбой ко всем лицам, могущим сообщить что-либо интересное, относящееся к этим [первым] двум годам существования «Сибирского листка», не отказать поделиться своими сведениями, так как хотелось бы в день десятилетней годовщины газеты помянуть добрым словом всех, потрудившихся для нее в свое время».

Прежде чем перейдем к обзору содержания газеты за этот период от середины 1896 до середины 1900 г., представим еще одного деятеля «Сибирского листка». В 1899 г. А.С. Суханов, с 1898 г. исполнявший обязанности и издателя, и редактора, из-за большой занятости постройкой здания народной аудитории пригласил на должность редактора врача И.И. Покровского. Совместно они обратились в Главное управление по делам печати с заявлением, но там все перепутали и, словно в насмешку, утвердили Покровского издателем, а Суханова редактором¹².

Выпускник Казанского университета Иван Иванович Покровский (ок. 1854 — после 1918) службу в Тобольске начал в 38-летнем возрасте с должности врача-ординатора богоугодных заведений. В начале следующего года сверх того он стал еще и директором Тобольской повивальной школы, а в феврале 1896 г. был назначен помощником губернского врачебного инспектора. Человек добрый и отзывчивый, Покровский постоянно вов-

¹² Двадцать пять лет // Сиб. листок. 1915. 20 дек.

лекался в разнообразные общественные дела. Он состоял членом губернского музея и избирался в его распорядительный комитет, был председателем исполнительной комиссии по заведованию Тобольским домом трудолюбия, председателем общества взаимопомощи учащим и учившим в учебных заведениях Тобольской губернии, преподавал гигиену в епархиальном женском училище и вел много других добровольно принятых на себя и никем не оплачиваемых общественных дел, безукоризненно исполняя при этом свои врачебные обязанности, за что и удостоился орденов Святого Станислава третьей и второй степеней и Святой Анны второй степени. В июне 1894 г. Покровский получил благодарность от губернатора «за прекрасно выполненную подготовку как в теоретическом, так и в практическом отношении воспитанниц повивальной школы»¹³. Но самой большой наградой Ивану Ивановичу была его широкая популярность среди тоболяков, полюбивших врача за чуткое отношение к больным, в особенности руководимой им бесплатной лечебницы для бедных.

14 ноября 1910 г., когда общественность Тобольска чествовала Ивана Ивановича в связи с его отъездом в Демьянск на должность сельского врача, вице-губернатор Н. И. Гаврилов сказал, что его отсутствие «будет наиболее ощутимо для бедных, лечению которых он отдавал так много труда и времени».

Добросовестно отслужив издателем «Сибирского листка» до 1900 года, И. И. Покровский и в следующие годы с готовностью отзывался на нужды газеты и дважды принимал на себя редакторские обязанности на время отъездов редактора-издательницы М. Н. Костюриной по делам в Петербург¹⁴.

Итак, новые деятели исповедовали те же принципы, что и их предшественники. В обращении редакции, напечатанном в первом номере 1897 года, провозглашалась цель сплотить местную интеллигенцию для дружной общественной работы и совместного противостояния всему дурному в местной жизни, создать силу общественного мнения, поставить дело так, чтобы поднятые газетой вопросы становились предметом общественной агитации, — нет, не за революционную ломку, а за то, чтобы возбуждение в газете какого-либо вопроса становилось началом практического дела, и «Сибирский листок» явился бы «своеобразной организацией добровольцев общественной деятельности подобно тому, как в земствах группируются по выбору общественные деятели».

Прежде всего редакция взялась за восстановление прерванных связей с прежними сотрудниками и поиск новых. Удалось возобновить сотрудничество с Барнаулом, Иркутском, некоторыми другими городами. Мно-

¹³ Городская хроника // Сиб. листок. 1904. 29 апр.; Сиб. листок. 1911. 3 июля; ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 30. Д. 212.

¹⁴ Сиб. листок. 1910. 16 нояб.

го потрудились над расширением корреспондентской сети В.Ф. Костюрин и губернский агроном Н.Л. Скалозубов, «охотно согласившийся пользоваться «Сибирским листком» для объединения сторонников общественной самодеятельности в Тобольской губернии; с конца 1896 г. редкий номер выходил без какой-нибудь статьи Н.Л. Скалозубова, его заметки или сообщения с дороги»¹⁵. У газеты появились новые авторы: П. Суханов, В. Студницкий, А. Кугаевский, А. Штернберг, Л. Кориков-Михайлов, Н. Новомбергский, О. Убыткова и др.

Одним из крупных дел, посредством которых «Сибирский листок» старался объединить силы общественности, было строительство здания народной аудитории, которое велось на деньги, собранные самими тоболяками. За ним газета внимательно наблюдала от начала до конца: печатала списки жертвователей, сообщала о закладке здания, открытии нового учреждения и впоследствии очень часто — об его использовании в качестве очага культуры.

Характерна опубликованная во время строительства короткая эмоциональная статья одного из новых авторов Ивана Северного. Автор сетовал: «Стоит у нас блеснуть какой-нибудь более светлой мысли, как каждый сочтет себя обязанным подуть на нее, чтобы загасить. И народная аудитория не избежала подобной участи: несмотря на сочувствие большей части местного общества, сколько недоброжелательства, сколько ядовитых намеков, косых взглядов, лицемерных сожалений! <...> И подумаешь, из-за чего вся эта гора недоброжелательства! Из-за сочувствия публики, из-за щедрых пожертвований, поливших на создаваемую аудиторию. Но, господа, если вы не в силах как следует проникнуться идеей общественной деятельности, постарайтесь хоть вникнуть в нее... Общественные учреждения — это те же звезды на небе... которые должны дружно прояснять темноту ночи; и появление народной аудитории, как появление новой звездочки, не должно печалить существующих, в особенности если ночь нашей общественной жизни так непроглядно темна»¹⁶.

Читатель, вероятно, уже заметил, что ведущие деятели «Сибирского листка», как правило, были близки и к губернскому музею, превратившемуся в 1890-е годы в крупную общественную организацию, охватывавшую своим влиянием не только Тобольск, но и всю губернию, не исключая и ее севера. Музей расширял свои коллекции, собирал библиотеку, вел исследовательскую и просветительскую работу, на его заседаниях обсуждались злободневные вопросы жизни края. При участии многих помощников из разных мест губернии довольно быстро происходило пополнение фондов, и на общем собрании членов музея встал вопрос о рас-

¹⁵ Двадцать пять лет // Сиб. листок. 1915. 20 дек.

¹⁶ Сиб. листок. 1898. 30 июля.

ширении здания. М.Н. Костюрина предложила начать сбор пожертвованных для пристройки дополнительных залов. Предложение было поддержано, и спустя некоторое время музей получил дополнительную площадь для экспозиций.

Как в «Городской хронике», так и в крупных материалах «Сибирский листок» писал о новых поступлениях в музей, дарителях, авторах интересных сообщений. Кустарная комиссия музея распространила анкету, и в газете печатали ответы на ее вопросы из разных мест губернии. Были опубликованы отчет консерватора музея Н.Л. Скалозубова за 1896 год, его письмо в связи с предстоящими выборами в музей и другие работы. При содействии газеты и в результате такой широкой, открытой, гласной и кропотливой деятельности музей без громких деклараций естественным путем становился собирателем общественных сил, что еще больше сближало его с «Сибирским листком».

Из других публикаций этой тематики назову еще статью В.Ф. Костюрина «Роль самосознания провинции» (1897. 21 авг.).

Внимание «Сибирского листка» по-прежнему привлекали как не разрешавшиеся десятилетиями крупные проблемы (железнодорожная, водного транспорта, введения земского управления и др.), так и возникшие в последнее время и связанные со сбытом за границу продукции новой отрасли западносибирской экономики — маслоделия, с большими потерями в оленеводстве в результате широко распространившейся болезни оленей и т. д. В связи с развитием торгового сообщения Северным морским путем между Западной Сибирью и Англией оживленно обсуждался вопрос о таможенных льготах и учреждении таможни в Тобольске. «Сибирский листок» продолжал следить за ходом гидрографических исследований экспедиции А.И. Вилькицкого.

В эти годы происходили некоторые значительные события в рыбной промышленности края, имевшие своей целью рационализировать отрасль и освещавшиеся газетой. Командированный министерством государственных имуществ ихтиолог Н.А. Варпаховский провел основательное исследование рыбных ресурсов Обь-Иртышского бассейна и практики рыболовства. В конце 1895 г. к выработке мер для подъема рыбного промысла и улучшения экономического быта северных инородцев приступило управление государственными имуществами Тобольской губернии под руководством управляющего К.А. Шапошникова. Заговорили о кредите рыбопромышленным артелям низовий Оби, о реорганизации Тобольской ремесленной школы в сельскохозяйственную, в программе которой предполагалось и преподавание рыбного дела. Усиливался интерес к улучшению условий труда и охране здоровья промысловых рабочих, для обсуждения этой проблемы была избрана и работала комиссия из рыбопромышленников; на местах промыслов строили медицинские бараки.

Усилился интерес газеты к Северу, сложилась небольшая группа авторов, присылавших сообщения из Березовского и северной части Тобольского уездов. Здесь наряду с традиционными темами Обдорской ярмарки, культуры и быта коренных народов и посещений Тобольского Севера российскими и иностранными путешественниками заговорили о первой в Сибири школе обработки рыбы, открытой в Самарове крестьянином В.Т. Земцовым, и начале консервного производства торговым домом Плотиновых, поисках золота и рудных месторождений на Северном Урале, развитии огородничества.

Голос газеты вновь обретал публицистические интонации. В 1897 г. Костюрин выступил с еще одной крупной статьей — «Сибирская действительность и мечты американцев о Сибири». Кроме него, воздействовали на гражданские чувства читателей своими статьями братья А.С. и П.С. Сухановы, Н.Л. Скалозубов.

Возбуждение спорных вопросов, острота, эмоциональность, полемичность — естественные черты всякой газеты, но они вызывают протест объектов критики. От обиженных на А.С. Суханова посыпались жалобы, опровержения, рапорты начальству. Несмотря на то, что при новом губернаторе Л.М. Князеве, сочувственно относившемся к частной прессе, цензура стала мягче, все же не прекратились трения и с цензорами.

«Как раз в это время, — читаем в статье, посвященной 10-летию газеты, — как из рога изобилия посыпались привлечения А.С. Суханова к суду по обвинению в “клевете” разными лицами. Длиннен этот список: письмо-водитель бывшего крестьянского чиновника Бектышева Абельдяев, частный поверенный Беседных, начальник Обь-Иртышского водного участка г. Александрович и другие более мелкие персоны; все процессы кончились полным оправданием, но сколько все-таки тревоги, потери времени для человека, который считал для себя долгом чести нести тяготу ответственности как дань службы местным общественным интересам...»¹⁷.

Во второй половине 90-х годов все более значительную роль в создании «Сибирского листка» приобретали супруги М.Н. и В.Ф. Костюрины. В январе 1899 г. в их квартиру по Большой Ильинской улице в нагорной части Тобольска переместилась редакция. А с 4 июля 1900 г., благодаря поддержке губернатора Л.М. Князева, М.Н. Костюрина была утверждена редактором-издательницей «Сибирского листка».

Мария Николаевна Костюрина (1862, Тобольск — 6 марта 1943, Тобольск), в девичестве Емельянова, дочь чиновника, окончила Тобольскую Мариинскую женскую школу и затем училась в Петербурге на Высших Бестужевских женских курсах. Посещала вечера, которые устраивались для молодых сибиряков на квартирах Г.Н. Потанина и Н.М. Ядрин-

¹⁷ Тобольск, 20 декабря 1900 г. // Сиб. листок. 1900. 21 дек.

цева их женами, участвовала в революционной работе. Была арестована по делу Германа Лопатина, выслана административно из Петербурга и в мае 1887 г. привезена в Якутскую область. Здесь познакомилась с Виктором Федоровичем, и 20 января 1889 г. они повенчались.

Окончив пятилетний срок ссылки, Мария Николаевна с двумя детьми вернулась в Тобольск, где жила ее мать Мария Матвеевна Емельянова, и сразу принялась за дела: писала статьи для «Сибирского листка», вошла в состав членов губернского музея. Уже по первым публикациям в газете заметен был ее интерес к крестьянскому быту и культуре, который пошел на пользу и музею. В «Ежегоднике» музея М.Н. Костюрина опубликовала работы «Сибирские народные песни, записанные в подгородных деревнях около Тобольска летом 1894 г.» и «Крестьянская свадьба в подгородных деревнях г. Тобольска». А в «Сибирском листке» несколько лет печатались ее «Деревенские письма» из деревни Башковой — яркие натурные зарисовки крестьянского быта. В музее Мария Николаевна составила каталоги этнографической и палеонтологической коллекций и вообще умела быть полезной в нужный момент. Гораздо позже, в начале 20-х годов XX в., она оказалась среди организаторов общества изучения края при Музее Тобольского Севера и на общем собрании была избрана почетным членом общества. Во второй половине 1890-х годов в Тобольске открылся городской дом трудолюбия, предоставлявший работу женщинам. С самого начала и на протяжении многих лет М.Н. Костюрина находилась у его руководства: заведовала бюро труда, женскими мастерскими. Об этом учреждении писала петербургская пресса¹⁸.

Став издательницей «Сибирского листка», Мария Николаевна возобновила хлопоты о расширении программы газеты. В поддержку ее ходатайства, поданного не позднее 1901 г., в Главное управление по делам печати ушло письмо цензора газеты вице-губернатора Н.В. Протасьева с доброжелательным отзывом¹⁹.

Сама Костюрина писала не названному на сохранившейся копии письма корреспонденту: «“Сибирскому листку” в настоящее время приходится переживать крайне неопределенное положение.

Программа “Сибирского листка” крайне узкая — состоит всего из следующих рубрик:

1) Статьи и известия по сельскохозяйственным и торгово-промышленным вопросам.

2) Ведомости о состоянии местных рынков, в особенности хлебных рынков.

¹⁸ Тобольский городской дом трудолюбия // Сибирь. 1897. 20 июня.

¹⁹ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 34. Д. 26. Л. 101–102.

- 3) Котировка денежного курса и фондов.
- 4) Тобольская городская хроника, городские происшествия по сведениям, получаемым из полиции.
- 5) Распоряжения правительства и местного начальства.
- 6) Внутренние известия: местные известия торгово-промышленного характера.
- 7) Телеграммы Северного Агентства.
- 8) Собственные торговые телеграммы.
- 9) Ответы редакции.
- 10) Объявления.

Бывший цензор Протасьев (ныне олонецкий губернатор) не считал нужным держаться этой программы, и «Сибирский листок» имел возможность касаться разных сторон обывательской жизни.

В половине сентября приехал новый вице-губернатор Тройницкий, который объявил, что ему в Главном управлении по делам печати велено строго держаться программы, почему он и вычеркивает буквально все, что не подходит под программу, но сам же он посоветовал жаловаться на него в Главное управление и просить о расширении программы, что и сделано. Ждем ответа из Петербурга, а пока просим писать лишь в рамках программы»²⁰.

Можно себе представить всю глубину неудовлетворенности издателя и редакции таким несоответствием целей двух сторон: частная газета ставит во главу угла не государственный, а общественный интерес, но от нее хотят, чтобы она довольствовалась информацией, поступающей из полиции и других государственных учреждений, и по сути дела повторяла официальные «Тобольские губернские ведомости». Где же тут простор для частной инициативы? Голос гражданина старались всячески заглушить. Поэтому-то Костюрины и обращались ко всем, от кого можно было ждать реального содействия в расширении программы. Пытался помочь Н.Л. Скалозубов. По просьбе Виктора Федоровича продвижением дела интересовался переехавший в Петербург бывший березовский врач, в недавнем прошлом автор многих интереснейших корреспонденций с севера губернии А.Я. Штернберг. Он писал Костюрину в феврале и в апреле 1902 г., что «дело готово к докладу» и «вероятно, препятствий не встретится»²¹.

Только 2 декабря 1902 г. Главное управление разрешило расширить программу «Сибирского листка» следующими отделами: 1) статьи и известия по бытовым, общественным и научным вопросам, 2) фельетон, беллетристические очерки и рассказы, 3) внутренние известия, корреспонденции из разных мест и 4) разные известия из газет»²².

²⁰ РГАЛИ. Ф. 1637. Оп. 1. Д. 29. Л. 1.

²¹ Там же. Д. 73. Л. 1, 3.

²² ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 34. Д. 26. Л. 104.

Одновременно М.Н. Костюрина старалась упрочить положение «Сибирского листка» приобретением собственной типографии. Еще 21 января 1901 г. она обратилась к губернатору с письменной просьбой разрешить ей открыть типографию в доме матери, где уже находилась редакция. В письме перечислялось оборудование, которое издательница намеревалась приобрести²³. И лишь только в № 39 «Сибирского листка» за 1907 г. появилось следующее сообщение: «В Тобольске на днях открывается новая типография М.Н. Костюриной. Уже доставлены шрифты и две машины — американка и с железнодорожным движением фирмы Кениг и Бауэр. Машины и все принадлежности выписаны от фирмы “Франц Марк” в Петербурге».

Открытие своей типографии дало возможность с ноября 1907 г. выпускать газету не два, как прежде, а три раза в неделю: по вторникам, четвергам и воскресеньям, и если в 1907 г. вышло 109 номеров, то в следующем — 154. Мария Николаевна намеревалась еще выпускать при «Сибирском листке» от трех до шести раз в год бесплатное приложение — сборник «Собеседник» со статьями по общественным, научным и литературным вопросам, беллетристикой, критикой, библиографией, внутренним и иностранным обозрениями, публикациями на злобу дня и объявлениями и 19 июля 1907 г. обратилась с соответствующим прошением к губернатору, но, очевидно, не получила разрешения. Во всяком случае, такой сборник нам неизвестен²⁴.

Начало двадцатого столетия было беспокойным для России, и «Сибирскому листку» на этом этапе, в 1900—1919 годы, пришлось пережить многие превратности переменчивой судьбы, но и издательница, и редакция всегда пользовались всеми наличными средствами, чтобы идти к главной своей цели — развитию общественной самодеятельности, или, если воспользоваться современной лексикой, формированию гражданского общества. И теперь нужно сказать о человеке, который в этот период решающим образом влиял на содержание газеты.

Виктор Федорович Костюрин (24 июля 1853 — 2 июня 1919, Тобольск) — народник, известный в революционной среде как Алеша Попович. Сын чиновника, он учился во французском пансионе, затем в Кишиневской гимназии и Новороссийском университете в Одессе. С третьего курса математического факультета он оставил университет, чтобы «пойти в народ». За «распространение преступной пропаганды», побег в 1877 г. из тюрьмы и непринятие мер для предотвращения убийства агента охраны В.Ф. Костюрин был осужден и отбывал наказание в карийской тюрьме в Забайкалье, а с 1886-го по 1894 г. — в Якутии. В августе 1894 г. он приехал в Тобольск к семье и сразу же стал сотрудником «Сибирского листка». Но так как газетная работа не

²³ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 34. Д. 26. Л. 89.

²⁴ Там же. Л. 187.

давала даже малейших средств к жизни, ему приходилось служить вплоть до середины 1901 г. делопроизводителем в губернской больнице.

Как и Мария Николаевна, Виктор Федорович состоял в различных обществах, был действительным членом губернского музея и входил в состав его редакционной комиссии и комиссии по изучению кустарных промыслов Тобольской губернии, вел культурно-просветительную деятельность. Но главным его делом была газета. С приобретением в 1907 г. типографии забот еще прибавилось: помимо писания статей и заметок городской хроники, постоянного посещения заседаний городской думы, репортерских пробежек по Тобольску, редакционной переписки теперь он стал заведовать и конторой типографии.

Вот свидетельство некоего К.Д.: «Кто из жителей Тобольска не видал В.Ф., с его большой развевающейся бородой бегающим по городу по делам своей газеты? Забежит, бывало, в поисках материала для «Сибирского листка» и в городскую управу, и в губернское управление, и в переселенческое управление, и туда, и сюда, и все бегом... Ничтожный доход, какой давал «Листок», не давал покойному средств даже для найма извозчика. И он почти до самой смерти работал, не покладая не только рук, но буквально и ног своих»²⁵.

Незаметной для читателя, но очень важной редакционной обязанностью Костюрина была работа с авторами. Он умел привлечь к газете молодежь, помочь каждому найти свою тему, ободрить, вселить веру в то, что редакция последовательна в своих принципах. Впоследствии некоторые (Г. Дмитриев-Садовников, В. Силин) публично заявляли об испытанном ими сильном добром влиянии Виктора Федоровича.

Одновременно ему приходилось быть и ведущим публицистом, постоянно обращаться к «другу-читателю» (он любил это обращение) по злободневным вопросам дня. В российской жизни происходили большие перемены, и таких вопросов возникало много. Это легко представить, если вспомнить о таких важных событиях и явлениях, как Русско-японская война, революция 1905 года, высочайший Манифест о гражданских свободах 17 октября 1905 года, первые выборы в Государственную думу, скорый роспуск ее, новые выборы, резкая политизация общества и межпартийное противостояние, голод 1912 года, Первая мировая война, Февральская и Октябрьская революции 1917 года, ссылка в Тобольск царской семьи, долгожданное решение о введении земства в Тобольской губернии, Гражданская война.

В своих статьях Костюрин касался всего спектра тем, волновавших местное общество: выборов в Государственную думу, земства, деятельности общественных объединений и гражданской активности, народного просвещения, рыбной промышленности, освоения Северного морского пути и установления торгового сообщения по нему между Сибирью и Западной Евро-

²⁵ Сиб. листок. 1919. 21 июня.

пой, строительства железной дороги до Тобольска и др. и, конечно, как и прежде, пользовался всяким случаем, чтобы сказать доброе слово о товарище по общественной деятельности или другом достойном, порядочном, уважаемом человеке. Виктор Федорович ценил и любил таких людей; чтобы увидеть это, достаточно прочесть его отклики на смерть И.И. Суханова, В.Д. Жарникова, Н.В. Пигнатти, А.А. Сыромятникова и других тоболяков.

По мере того, как российская политическая жизнь становилась интенсивнее, напряженнее, эмоциональнее и многоцветнее, менялся и «Сибирский листок», особенно с 1903 г., после того, как М.Н. Костюрина добилась разрешения на расширение программы газеты. Впервые газета приняла участие в политической борьбе, за что в январе 1906 г., сразу после выхода в свет первого номера, выпуск ее был приостановлен. Закрытие «Сибирского листка» на неопределенное время предшествовала публикация подробного отчета о проведенном в декабре 1905 г. Н.Л. Скалозубовым и группой его единомышленников крестьянского съезда и некоторых других острых материалов. Скалозубов, Костюрин и еще несколько человек были посажены в тюрьму и в марте отправлены до августа в ссылку на Север — в Березов и Сургут.

Против М.Н. Костюриной власти возбудили уголовное дело. Оно слушалось 30 мая 1906 г. в Тобольске в здании окружного суда, защитником выступил частный поверенный Н.В. Пигнатти. В вину Костюриной ставилась публикация 15 декабря 1905 г. двух статей «преступного содержания»: «Чего хотят люди, которые ходят с красным флагом» и «Весть о свободе в деревне» (в последней изложена речь одного из волостных писарей при объявлении Манифеста 17 октября 1905 г. в с. Чернавском Курганского уезда) и приглашения волостным писарям Курганского уезда на съезд в Кургане в номере за 1 января 1906 г. М.Н. Костюрина виновной себя не признала, в своем последнем слове она утверждала, что газета всегда была «за мирные и легальные способы воздействия на жизнь». Суд признал ее невиновной²⁶.

Второй номер «Сибирского листка» 1906 года вышел только в июне. Вот что говорила редакция своим читателям в статье, помещенной на первой странице: «Горько было пять месяцев быть немymi свидетелями событий величайшей важности, стоять в стороне во время горячей избирательной борьбы, молча радоваться успехам выборщиков, молча мучиться во время оргии черносотенцев, разославших без вины виноватых по селам и юртам глухого Севера. Отраднo было воочию видеть, что работа многих культурных одиночек над выработкой самосознания населения не прошла даром, что дружными усилиями народа и общества проведены в Государственную думу люди, достойные доверия избирателей. Единодуш-

²⁶ Процесс редактора-издательницы «Сибирского листка» М.Н. Костюриной // Сиб. листок. 1906. № 2.

но преодолели избиратели все препятствия, и в конце концов тобольский депутат был возвращен из ссылки в Сургут и торжественно отправлен в Петербург «стоять за правду, добывать свободу и землю»²⁷.

Эта статья, между прочим, подтверждала искренность и справедливость вышеприведенных слов редактора-издательницы, сказанных на суде. Государственная дума, по мнению автора, «есть колоссальная плотина, сдерживающая до времени бушующие волны революции, — сдержит она напор их или сама погибнет в волнах — неизвестно, но каждый, кто боится потоков крови, кому жаль вконец измученной родины, не может не стоять за Думу».

Следующий год, 1907-й, редакция «Сибирского листка» начала с кампании выборов во Вторую Государственную думу: печатались заметки в «Городской хронике», редакционные статьи, письма. В номере за 18 января появилась заметка беспартийного избирателя «Почему мы должны выбирать Николая Лукича Скалозубова?». В результате голосования прошли в Думу Н.Л. Скалозубов и В.В. Колокольников.

18 февраля в статье без названия Костюрин писал о необходимости связи между депутатами и населением, а затем Колокольников прислал статью о самоопределении населения и записки «Из дневника депутата». «Сибирский листок» действительно устанавливал такую связь, но вскоре Вторая Дума, как и Первая, была распущена, свои «Петербургские письма», напечатанные 16 августа и 13 сентября, Колокольников писал уже после роспуска.

Началась новая избирательная кампания. В этот период В.Ф. Костюрин опубликовал статью «К вопросу о содействии реформам». 28 октября 1907 г. «Сибирский листок» знакомил читателей с биографиями Николая Лукича Скалозубова, Владимира Ивановича Дзюбинского и Константина Ивановича Молодцова, избранных членами Третьей Государственной думы от Тобольской губернии. В следующие годы, вплоть до середины 1912-го, номера «Сибирского листка» были насыщены актуальной политической информацией, с редкой добросовестностью поставляемой Скалозубовым. Теперь пора подробнее рассказать и о нем.

Николай Лукич Скалозубов (29 октября 1861, Кострома — 4 марта 1915, Курган) вышел из семьи приказчика по хлебным делам. В 1881 — 1885 гг. учился в Петровской сельскохозяйственной академии, где проникся народническими взглядами. По окончании академии служил в Красноуфимской уездной земской управе Пермской губернии, заведовал губернским статистическим бюро. Собрав и обработав обширный материал, Скалозубов издал «Материалы для статистики Красноуфимского уезда», «Очерк экономического положения башкирского населения», работу «Пермская губерния в сельскохозяйственном отношении».

²⁷ Процесс редактора-издательницы «Сибирского листка» М.Н. Костюриной // Сиб. листок. 1906. № 2.

В 1893 г. Николай Лукич получил назначение в Тобольскую губернию на должность губернского агронома. В Тобольске он вскоре стал одной из центральных фигур местного общества, приняв на свои плечи несколько важных дел. Прежде всего, конечно, он был озабочен выяснением состояния сельского хозяйства и поиском возможностей его развития. Основательный, безукоризненно честный, совершенно чуждый соображениям личной выгоды и всегда готовый к сотрудничеству, он много ездил по губернии, изучал местное земледелие, животноводство, маслоделие, пчеловодство, рыболовство, оленеводство, искал людей, заинтересованных в деле, со многими из них сблизился (например, с курганским купцом, энтузиастом маслоделия А.Н. Балакшиным), старался оказать поддержку.

Уже в 1895 г. Скалозубов организовал сельскохозяйственную и кустарную выставку в Кургане. Одновременно стал издаваться «Справочный листок» выставки, а затем вскоре его сменил «Отдел сельского хозяйства и кустарной промышленности» (приложение к «Тобольским губернским ведомостям»). Обе газеты выходили под его редакцией. В 1900 г. по его же инициативе открылась под Тобольском в д. Соколовке сельскохозяйственная школа²⁸.

В первый же год службы в Тобольске Николая Лукича избрали консерватором музея, и он сумел так организовать совместную деятельность всех заинтересованных изучением края, что музей через несколько лет стал авторитетным культурным самостоятельным учреждением Сибири.

Одновременно, как уже говорилось выше, Скалозубов стал одним из ближайших сотрудников «Сибирского листка». Из многих его статей особый интерес представляют те, что посвящены задаче пробуждения творческих сил народа — «К вопросу о введении земства в Сибири» (1898), «Несколько слов о самодеятельности населения» и «Еще о самодеятельности населения» (1905), «Сельский учитель и крестьяне» (1907) и др. В то же время Николай Лукич, удивительным образом сочетавший в себе идейную устремленность и практичность, опубликовал много сугубо адресных материалов консультативного характера, рассчитанных на непосредственное применение: «Какие продукты можно изготовить из кости» (1898), «О работе сенокосилок в северном крае Тобольской губернии» (1905), «Об искусственных удобрениях» (1908) и др.

Судьбы Скалозубова и главных деятелей «Сибирского листка» этого периода — Костюриных — еще прочнее связала публикация в конце декабря 1905 г. материалов первого вольного крестьянского съезда в Тобольске. За организацию этого съезда Николай Лукич был арестован и на полгода сослан в Березов, но и там неумоимо действовал: заводил зна-

²⁸ Иваненко А. С. Четыре века тюменского поля. Свердловск, 1990. С. 88–92, 96–100, 173, 174, 183, 184; Рощевская Л. П. Н. Л. Скалозубов // Тобольский Север глазами политических ссыльных XIX — начала XX века. Екатеринбург, 1998. С. 358, 359.

комства со знатоками местной жизни, изучал быт населения, собирал гербарий, писал в «Сибирский листок» о положении политссыльных и на другие темы. А возвратившись в Тобольск в разгар кампании по выборам депутатов Второй Государственной думы, когда газета убеждала граждан голосовать за него, не метался от аудитории к аудитории в погоне за головами и не раздавал обещаний, а писал статьи о нуждах рыбного дела в губернии и изобретенной недавно ручной машине для вязания сетей. И в этом весь Николай Лукич: для него соображения общественной пользы были не разменной монетой, а повседневным правилом личной жизни.

В период деятельности Н.Л. Скалозубова в качестве члена II и III Государственной думы одной из доминирующих рубрик «Сибирского листка» были «Письма депутатов». Это был образец добросовестности депутата, всегда помнящего о своей ответственности перед теми, кто послал его в Думу. Николай Лукич прислал редакции несколько десятков подробнейших сообщений по многим вопросам думской деятельности с особым акцентом на их сибирских аспектах. Кроме того, время от времени он приезжал в Тобольск, ездил по губернии, делал доклады то в помещении городской управы, то в народной аудитории, то в музее, и затем они печатались в «Сибирском листке». Всем этим он оказал сильное влияние на политическое воспитание населения губернии, будучи сам не политиком в узком смысле этого слова по своему внутреннему складу, а глубоко мыслящим и дальновидным интеллигентом, ориентированным на практическую деятельность.

В разгар выборных страстей 1907 года «Сибирский листок» очень к месту перепечатал откуда-то короткое эссе «Три спутника». Эти коварные спутники, следующие буквально по пятам за общественным деятелем, чтобы как-нибудь сбить его с пути, — интрига, клевета и популярность. Николаю Лукичу удалось пройти испытание ими без потерь и сохранить свою репутацию. В конце концов, разочарованный в политике, он предпочел вернуться к своей профессии агронома-исследователя и отказался баллотироваться в IV Думу.

На рубеже веков у «Сибирского листка» раздвинулся горизонт в освещении вопросов общественной самодеятельности: функционировали народная аудитория — детище тоболяков, плод их объединенных усилий, городской дом трудолюбия с женскими мастерскими, недавно возникшее общество взаимного вспомоществования учащим и учившим в учебных заведениях Тобольской губернии, пробивались в разных местах ростки кооперации (в Тобольске, например, было учреждено общество потребителей с характерным названием «Самосознание»).

Вот интересный пример развития одной из таких тем (указывающий, между прочим, на то, что «Сибирский листок» стоял за путь реформ, а не революций). «В 1905 году, — вспоминал 10 лет спустя кто-то из руково-

дителей газеты, — когда начался в России период реформ, «Сибирский листок» пытался поднять вопрос о необходимости образования сибирского «Общества содействия реформам». Статья цензором была пропущена, но когда редакция пожелала отпечатать несколько тысяч отдельных оттисков для широкого ее распространения, тогдашний цензор А.Н. Троицкий не разрешил этого, находя это вредной агитацией»²⁹.

В 1907 г. тоболяки В.И. Куркин, С.Ф. Раев, И.И. Покровский, И.И. Зальмунин и некоторые другие вновь подняли вопрос об открытии «Общества содействия развитию местного самоуправления в связи с общегосударственными реформами», но губернское по делам об обществах присутствие (появилось на свет и такое!) не дало разрешения на это³⁰.

Но идея не была оставлена. Думские депутаты Н.Л. Скалозубов, В.В. Колокольников и другие в Петербурге с этой целью организовали общество, зарегистрированное как «Общество изучения Сибири и улучшения ее быта». 10 апреля 1908 г. «Сибирский листок» напечатал его устав. В дальнейшем газета возвращалась к теме, хотя губернская администрация не поддерживала деятельности общества. Так, в 1909 г. в своем 34-м «Письме депутата» Скалозубов писал о содействии, которое общество оказало студентам сибирских землячеств в организации летних работ по изучению Сибири.

Земскую тему «Сибирский листок» до последних лет своего существования не имел возможности рассматривать предметно на примерах из жизни Тобольской губернии, но он продолжал горячо агитировать за земское самоуправление многими и в основном крупными публикациями («К вопросу о введении земских учреждений в Сибири» (1903), «Почему нужно земство в Сибири» (1905) и др.). В 1905 г. был напечатан доклад Н.Л. Скалозубова, имевшего опыт земской службы в Пермской губернии, «К вопросу о земских учреждениях в Тобольской губернии» на общем собрании членов музея, в 1907 — проект основных начал «Положения о земских учреждениях в Сибири», в 1908 — основные положения соответствующего законопроекта.

На скорейшем введении земского самоуправления дружно настаивали думские депутаты от сибирских губерний. Но только 21 января 1918 г. открылась первая чрезвычайная сессия Тобольского земского собрания, на которую В.Ф. Костюрин откликнулся статьей «Привет губернскому земству». После смерти Виктора Федоровича губернское земское собрание, считая, что «в лице его тобольское земство потеряло лучшего друга»³¹, учредило стипендию его имени в местной сельскохозяйственной школе.

«Сибирский листок» начала XX века зафиксировал и некоторое оживление «медвежьих углов» Тобольской губернии сообщениями об открытии

²⁹ Двадцать пять лет // Сиб. листок. 1915. 20 дек.

³⁰ Городская хроника // Сиб. листок. 1907. 13 мая.

³¹ Сиб. листок. 1919. 15 июня.

кооперативных лавок в юртах Цингалинских на Иртыше, в Нахрачах и Болчарах на р. Конде, обществ потребителей, кредитных товариществ, о решениях и ходатайствах сельских сходов, зарождении новых производств — например, мыловарения в с. Реполово, проникновении на Север торгово-промышленных фирм (так, известная компания Зингер открыла в с. Самарово магазин по продаже швейных машин).

Переходя к экономической тематике, нужно сразу сказать, что общее ее направление В.Ф. Костюрин сформулировал еще в 1897 г. в большой статье «Морской путь и дешевый хлеб», поставив вопрос: «Сибирь экономически слаба — что ей нужно, чтобы стать экономически сильной?». «В задачу сибирской прессы, — писал он, — входит способствовать выяснению тех путей, какие должны вести к подъему народного благосостояния в Сибири. Каждый новый фактор сибирской жизни должен быть утилизирован именно в этом смысле».

В обозреваемый период появились и «новые факторы», и окрасились в новые оттенки старые темы. Тоболяки продолжали настойчиво заявлять о необходимости для губернского центра железнодорожного пути. Обсуждались разные варианты, посылались в разные инстанции, вплоть до председателя правительства П.А. Столыпина, ходатайства, докладные записки, расчеты. Активно участвовали в этом И.М. Плотников, А.А. Сыромятников, Д.И. Голев-Лебедев, Г.Я. Маляревский, А.С. Суханов. В 1909 г. появился проект северной дороги Обдорск—Рыбинск, а в 1916-м еще два: Обь—Мурманск и Кондинск—Котлас. Ни один из них не был осуществлен. «Сибирский листок» часть вины за это возлагал на самих тоболяков, обвиняя их в не предприимчивости.

Касаясь вопросов развития сообщений по водным путям, газета продолжала темы Северного морского пути и удовлетворения давно назревшей потребности в замене лодочного пассажирского сообщения по рекам пароходным. Выяснялись возможности прокладки водного пути между Обью и Печорой, для этого в 1909 г. снаряжалась экспедиция под руководством А.Д. Мочульского, которая дала отрицательный результат. Усиливающийся интерес к водным путям сообщения привел к организации в том же 1909 г., в феврале, Тобольского отдела Императорского общества судоходства. В эти годы наконец-то получил разрешение долго обсуждавшийся пароходчиками, рыбопромышленниками и всеми северянами вопрос о телеграфной связи между Тобольском и северными уездами.

Что касается такой важной отрасли, как рыбная, то прежде всего надо сказать о всплеске интереса к ней, который вызвал в 1903 г. А.А. Дунин-Горкавич своим докладом в Русском географическом обществе о положении обского рыболовства и, в частности, предложением о передаче рыболовных угодий инородцев в казенную эксплуатацию. Многие были с ним не согласны, в «Си-

бирском листке» раздавались резкие возражения. Тем не менее Дунин-Горкавич, несколько лет изучавший Тобольский Север и собравший обширный материал о состоянии рыбной промышленности, поставил действительно злободневные вопросы и стимулировал их всестороннее обсуждение.

В среде самих рыбопромышленников также накопилась неудовлетворенность сложившимся положением. В начале 1902 г. в Тобольске группа промысловиков обсуждала проект общего устава рыболовства и рыбопромышленности в низовьях Оби, а в октябре 1903 г. в Тобольске организован отдел Российского общества рыбоводства и рыболовства. «Таким образом, — подытоживала газета, — крупная отрасль промышленности, которую, главным образом, живет громадный Обь-Иртышский район, получила возможность выяснения всех условий своего существования и развития и возможность коллективного воздействия на эти условия»³². В дальнейшем печатались протоколы его текущих и годовых общих собраний.

Из того нового, что требовало оценки и ответных шагов, нужно назвать факты деловой активности предпринимателей из европейской части России и иностранцев на Тобольском Севере. В 1907 г. одна английская фирма предлагала устройство холодильных погребов³³, в 1909-м появились сведения о том, что в Обской губе ловят дельфинов норвежцы³⁴, в 1913-м сообщалось об усиливающемся притоке рыбопромышленников из Архангельска и Прибалтики в Обскую и Тазовскую губы. Они несли с собой более высокую культуру рыбообработки, на некоторых судах имелись приспособления для замораживания рыбы. Это заставляло местных рыбаков задумываться о том, что с теми варварскими способами приготовления рыбы, к которым они привыкли, им грозит неконкурентоспособность и разорение.

В 1912—1914 гг. в связи с сильным падежом оленей в тундре остро встал ветеринарный вопрос. На Север посылались специальные экспедиции С.И. Драчинского (1912) и А.Н. Чеботарева (1914).

Из других экономических тем «Сибирский листок» много внимания уделял маслоделению. В обсуждении проблем этой отрасли, поставлявшей свою продукцию на западноевропейский рынок, участвовали А. Балакшин, К. Преображенский, томский губернский агроном И. Окулич, крестьяне южных уездов. В начале 1908 г. газета объявила о том, что в Кургане начинает действовать «Союз сибирских маслодельных артелей», объединивший 28 артельных заводов.

Вот круг экономических вопросов, более всего интересовавших редакцию «Сибирского листка». По опубликованной информации, и, в частности, по большому объему и разнообразию печатных объявлений, со-

³² Городская хроника // Сиб. листок. 1903. 2 нояб.

³³ Городская хроника // Сиб. листок. 1907. 30 авг.

³⁴ Городская хроника // Сиб. листок. 1909. 1 янв.

дается впечатление, что первые полтора десятилетия XX века были временем подъема частной инициативы в Тобольской губернии.

Из ряда статей и многих кратких сообщений «Сибирского листка» можно составить довольно подробную картину культурной жизни губернии в начале столетия. На первом плане стояли вопросы образования, которое заметно развивалось и вширь, и вглубь, становилось гибче и многообразнее.

В обществе обсуждалась осознанная в эти годы потребность во внешкольном образовании населения, как городского, так и сельского. Для малонаселенных районов Севера устраивались передвижные школы. Среди авторов газеты появились сельские учителя.

Почти каждый год происходили какие-нибудь значительные события. В мае 1903 г. открылся санаторий для учителей в с. Екатерининском Тарского уезда. В 1905-м высочайше разрешен прием семинаристов в университеты, чем не замедлили воспользоваться воспитанники Тобольской духовной семинарии. В 1906-м открылось ремесленное отделение в Самаровском двухклассном училище, в первый год школьники обучались кузнечному и слесарному делу.

В 1907 г. «Тобольские губернские ведомости» начали выпускать приложение «Школьный листок». В 1911 г. при Тобольской Мариинской женской школе открылся дополнительно восьмой, педагогический класс, а с 1913-го школа преобразована в женскую гимназию. В 1912 г. тоболяк А.Н. Хвастунов предложил открыть в городе торговую школу. Через два года предложение было осуществлено, а вскоре последовали открытия учительской семинарии, учительского института и музыкального училища.

В это же время происходили и примечательные события культурной жизни. В 1901 г. тоболяки с интересом посетили первую выставку картин местных художников. Тогда же состоялось знакомство с кинематографом с помощью заезжих демонстраторов, а через несколько лет начали открываться и собственные «электротeatры». В народной аудитории публику привлекали чтения общеобразовательных лекций. Появились первые народные дома на севере губернии.

Из сказанного видно, что львиная доля происходящего падает на Тобольск. Но при этом в «Сибирском листке» продолжали раздаваться сетования на скуку и серость местной жизни, вызванные сравнением Тобольска с другими сибирскими городами. М.Н. Костюрина даже избрала для своих регулярно печатавшихся иронических монологов рубрику «Злоба дня захолустья», которая только около 1910 г. утратила эмоциональную окрашенность и сократилась до простой «Злобы дня». «У нас замечательно отсталый город, мы всегда, во всех случаях жизни, немного опаздываем», — писала она в 1903 г. А годом позднее вновь: «Волею судьбы наш сонный, мирный, тихий город объявлен на военном положении».

Остановимся же теперь, заканчивая беглое обозрение тематики «Сибирского листка», на этой самой «злобе дня», которая была далеко не только поводом для выражения скепсиса и снисходительности, но прежде всего — главным предметом рассмотрения в газетных номерах. Начало века, как уже говорилось, поставляло много горячих тем.

Возьмем для примера Русско-японскую войну 1904–1905 годов — как она выглядела на полосах «Сибирского листка»? Вовсе не только урапатриотически, потому что рядом со списками награжденных и сообщениями о присылке в редакцию денег в пользу Красного Креста помещались подробные письма земляков, мокнувших в окопах и участвовавших в сражениях, и длинные списки нижних чинов, убитых, раненых и пропавших без вести. Было даже сообщение о высланных с Дальнего Востока в Тобольскую губернию японцах. Подобной информации не давали советские газеты 1941 — 1945 годов.

Начиная с весны 1917 г. по газете можно увидеть подробности упразднения старых и формирования новых органов губернской власти, многократных перемен власти, приезда и отъезда из Тобольска семьи свергнутого монарха Николая Романова и, наконец, самой горькой страницы истории — Гражданской войны. От газетных полос этих лет, даже от их изменившегося не в лучшую сторону внешнего вида, остается тягостное впечатление безопорности жизни, утраченности основ, растерянности населения, разброда и смуты, бессилия власти.

25 июня 1917 г. «Сибирский листок» сообщал: «На днях в Тобольске на заводе Сыромятникова произошла печальная история, о которой прямо стыдно говорить, — солдаты разгромили всю квартиру, выпили и растащили вино и наливки, причем в расхищении им помогали жители Вершины, старые и малые, растаскивая по домам бутылки и бутылки, напиваясь до бесчувствия...».

А вскоре редакция получила горький политический урок: аукнулась эта самая заметка о погроме на сыромятниковском заводе. Погромщиков взяли под свою защиту «Известия Тобольского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов». Между газетами завязалась полемика. В качестве аргумента в свою пользу «Известия» опубликовали протокол комиссии Совета депутатов, предписывавший типографии М.Н. Костюриной увеличить зарплату и улучшить условия труда рабочих, а далее последовала угроза бойкота типографии со стороны Союза работников печатного дела, если требования не будут выполнены. По поводу этого инцидента В.Ф. Костюрин выступил 29 августа со статьей «На суд публики». Он объяснил читателям, что суть конфликта вовсе не в недовольстве рабочих типографии, а в подстрекательстве местных «партийных пустосвятов, наобещавших рабочему люду немедленное осуществление всех социалистических

идеалов». В январе 1918 г. угроза была приведена в исполнение. Работа в типографии остановилась, и газета перестала выходить.

Всегда помнящий об ответственности перед подписчиками, Костюрин обратился за поддержкой в городскую думу и, не получив ее, вынужден был пойти на тягостную уступку Союзу рабочих печатного дела. Для компенсации дополнительных расходов пришлось повысить подписную цену. Все это Виктор Федорович объяснил в статье «Нашим подписчикам». Так благородный девиз «Все для народа» в житейской практике пришел в конфликт с поведением самого «народа», искашаемого новыми лидерами.

Зная истинную цену происшедшему, газета «Вестник Тобольской губернии» в некрологе «В. Ф. Костюрин» писала: «Уклонение революционных событий в сторону большевизма, нет сомнения, было для Виктора Федоровича источником огорчений и разочарования: стала очевидной односторонность деятельности той части русской интеллигенции, которая в беззаветном увлечении была слишком непрактична в осуществлении девиза “Все для народа”. “Народ” оказался неподготовленным к надлежащей оценке благ культуры, а вместе с тем и труда тех, кто призывал его к свету и разумному творчеству в деле жизни. При большевиках даже такие призывающие, к которым принадлежал и Виктор Федорович, попали в число “буржуев”»³⁵.

История «Сибирского листка» закончилась в 1919 году, но она поразительно точно подытожена следующими словами самооценки, сказанными четырьмя годами раньше о ее 25-летнем отрезке: «Она не блещет ничем выдающимся и, быть может, тому, кто вздумал бы перелистывать его («Сибирского листка». — В. Б.) страницы, показалось бы монотонным его содержание — все те же мечты о железной дороге, которая связала бы Тобольск с югом губернии и всем остальным миром, из года в год повторяющиеся все те же мечты о земстве, о подъеме и расширении общественной самодеятельности, все те же разговоры о необходимости культурно-просветительной деятельности на пользу меньшей брата, те же упреки в отсутствии забот о нуждах бедноты, все те же напоминания о необходимости объединения для того, чтобы “обыватель” стал “гражданином” — все это повторяется из года в год в надежде, что исполнится по словам Писания — “толцые и отверзется!”».

Но такова уж доля не только провинциальной прессы, и все живут одной надеждой — “чем ночь темней, тем ближе час рассвета”»³⁶.

³⁵ Вестник Тобольской губернии. 1919. 21 июня.

³⁶ Двадцать пять лет // Сиб. листок. 1915. 20 дек.

«Рядовой человек с более или менее развитой совестью»

Ныне редко слышны разговоры об общественном деятеле. О специалисте, о работнике пишет пресса, но лишь в редких случаях выявляются мотивы его деятельности, общественные взгляды, гражданская позиция. Смена в России коммунистической ориентации на рыночную привела к утрате еще как-то сохранявшейся и поддерживавшейся в советское время потребности в общественно полезном деянии. И хотя гражданственность тогда обычно понималась всего лишь как проявление полной подчиненности личности интересам государства, теперь это понятие, кажется, совсем лишено содержания. Трудись, обогащайся, если сможешь, — вот все, что от тебя, гражданин, требуется.

Интересно в этой связи обратить взгляд в прошлое — на деятеля конца XIX — начала XX в., в данном случае — на тобольского губернского агронома, депутата Государственной думы 2-го и 3-го созывов Николая Лукича Скалозубова (1861–1915). Вся жизнь этого человека была общественной деятельностью в точном значении этого слова, то есть направленной на благо общества — прежде всего крестьянства, а за ним и других слоев.

Автор не претендует на сколько-нибудь полное описание деятельности Н.Л. Скалозубова, для этого потребовалось бы основательное исследование. Могу только обратить внимание читателя на отдельные узловые моменты его жизни, характерные поступки, сведения о которых почерпнуты из его статей, писем, документов.

Николай Лукич окончил в 1885 году Петровскую сельскохозяйственную и лесную академию в Москве и поступил на службу в Пермскую губернию — в Красноуфимскую уездную земскую управу. Здесь он широко и основательно изучил крестьянскую жизнь. Итогом исследования стали изданные «Материалы для статистики Красноуфимского уезда». Затем на основе данных уже по всей губернии как заведующий губернским статистическим бюро он опубликовал труды «Пермская губерния в сельскохозяйственном отношении» и «Очерк экономического положения башкирского населения».

Важное значение для Тобольской губернии имела «прививка» Скалозубова на сибирскую почву: в 1894 году он, уже опытный земский деятель, прибыл в губернскую столицу на должность правительственного агронома.

Теоретически существовал выбор: быть чиновником, встроенным в вертикаль, независимым от местного населения, работать по указаниям сверху, «от сих до сих», или принять на себя ответственность целиком за все сельское хозяйство губернии, за настоящее и будущее сельского населения и в тесном сотрудничестве со всеми, кто устремлен к этой же цели, долгие годы идти этим путем.

Но совесть Скалозубова не предполагала такого выбора, он мог встать только на второй путь, не обещавший, конечно, легкой жизни. Его свобода проявилась в сознательном выборе полностью отдаться служению интересам населения губернии.

Можно полагать, что, зная личные качества своего ученика, профессор академии К.А. Тимирязев предрекал ему незаурядную будущность. Но сам Николай Лукич смотрел на это совершенно иначе. 24 апреля 1892 года он писал из Красноуфимска своей сестре Александре Лукиничне:

«... от всей души желаю, чтобы хорошие, благородные стремления, которые ты чувствуешь, крепи, развивались и вылились бы в форму стойких убеждений и твердого желанья жить не одною личною жизнью. <...> Только чур не унывать. Не жалуйся на слабость своих сил... <...> Каждый обладает только тем, что ему дано. Искать большего напрасно. <...> Я в той же мере, как и ты, недоволен собой, но, давно уже передумав все, решил, что нужно считаться с тем, что есть... <...> Прошу тебя убедительно видеть во мне рядового человека с более или менее развитою совестью, стремящегося употребить свои небольшие силы на пользу общую»¹.

Едва подыскав в Тобольске квартиру и устроив семейный быт, Николай Лукич отправился в разъезды по огромной губернии — знакомиться со спецификой местного крестьянского хозяйства, людьми и природными условиями.

В дневниках поездок, хранящихся в государственном архиве Тобольска, запечатлены подробности этой интенсивной разъездной работы — обширный первичный «полевой» материал, богатая пища для размышлений.

Интерес Скалозубова, опытного статистика, не был заранее замкнут в заданные рамки, любая деталь может неожиданно оказаться очень значительной. Почвы, погода, качества местных злаковых культур, сорные растения, насекомые-вредители и способы борьбы с ними, удобрения, животноводство, особенности лесопользования, подсобные кустарные промыслы и многое другое — все это были составляющие благополучия или неблагополучия крестьянской семьи, и ничто не было несущественным для губернского агронома.

Но главное — люди, знатоки местных условий, наиболее успешные хозяева, у которых и черпал он бесценные знания о сельском хозяйстве края.

¹ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 147. Оп. 1. Д. 57.

Николай Лукич ежедневно и последовательно опровергал сказанное о самом себе в письме к сестре, словно бы не замечая этого противоречия между сказанным и реальностью. На следующий год своей службы в Тобольской губернии, летом 1895 года, Н.Л. Скалозубов совершил первое большое, трудоемкое дело на сибирской земле: он сумел заинтересовать многих замыслом провести губернскую сельскохозяйственную и кустарную выставку и привлечь к ее организации и проведению. Выставка, очевидно, мыслилась как смотр состояния и потенциалов сельского хозяйства губернии и отправная точка для его развития. Прошла она в Кургане в августе и сентябре. В дни работы выставки под редакцией Скалозубова выпускалась газета «Справочный листок Курганской сельскохозяйственной и кустарной выставки 1895 года». Всего вышло 54 номера тиражом 300 экземпляров.

Выставка имела большой успех. Спустя 20 лет тобольский публицист В.Ф. Костюрин вспоминал: «Участники и посетители курганской выставки, вероятно, хорошо еще помнят то одушевление, с каким шли подготовительные работы к ней, и то праздничное настроение, какое царило на этой выставке, где каждый отдел с большой любовью, вкусом и возможной в глухой провинции научной обстановкой был обставлен. Представители ведомств лесного, учебного, ветеринарного, врачебного, крестьянские начальники, священники, частные крупные землевладельцы, рядовые крестьяне, все торопились внести свою лепту в общее дело, — всех сумел увлечь и сплотить Николай Лукич, и маленькая выставка поражала щегольством, изяществом, разнообразием и содержательностью»².

Уже на этом первом крупном деле общественность губернии отчетливо увидела одну из характерных черт Скалозубова: при самом широком сотрудничестве он львиную долю труда и ответственности брал на себя. И 22 сентября, при закрытии выставки, как писал «Сибирский листок», подняли бокалы «за главного деятеля в устройстве выставки Н.Л. Скалозубова».

«Справочный листок», как вскоре обнаружилось, не был проходным эпизодом в жизни Николая Лукича. В газете он видел большое подспорье развитию сельского хозяйства и в 1896 году начал выпускать в качестве приложения к «Тобольским губернским ведомостям» новую газету — «Отдел сельского хозяйства и кустарной промышленности». В год выходило от 11 до 21 номера, тираж поднимался до 860 экземпляров.

Это опять была газета, стремившаяся просветить сельского труженика, дать ему знания, нужные в его хозяйственной практике, вызвать на раздумья и разговор о насущном. Редакция напоминала: «Читатель! Лишь зная ваши нужды и вашу жизнь, «Отдел сельского хозяйства и кустарной

² Костюрин В. Памяти Николая Лукича Скалозубова // Сиб. листок: 1912–1919. Тюмень, 2003. С. 300.

промышленности» может удовлетворить ваши запросы... Пишите о нуждах в семенах, скоте и прочее. Пишите так, как писали бы доброму знакомому, но пишите правду и подписывайтесь полным именем с адресом...»³.

Газету интересовал накопленный крестьянами-старожилами хозяйственный опыт, особенно важный для укоренения на сибирской земле переселенцев из европейских губерний, и все нарождавшееся новое, повышающее эффективность деревенского хозяйства. Высвечивались выдающиеся для местных условий достижения — например, опыт артельного маслоделия, широко распространившегося по югу губернии.

Газетные страницы сохранили на себе и отпечаток личности редактора, его повседневной устремленности к собственному практическому участию в общем деле. Так, во время Русско-японской войны Скалозубов призвал читателей помочь раненым воинам-землякам и тут же сделал свой взнос — 340 рублей. Издание «Отдела сельского хозяйства и кустарной промышленности» продолжалось десять лет, все эти годы газету вел Скалозубов.

В первый же год своей службы в Тобольске Скалозубов заинтересовался положением местной ремесленной школы, существовавшей с 1868 года. В 1893 году в «Сибирском листке» в статье М.Н. Костюриной была подробно прослежена история школы и констатировалось ее текущее состояние. Оно было незавидным: отпускаемых городом средств не хватало, пожертвования от частных лиц тоже не удовлетворяли нужд школы. Город не имел ясного представления даже о ближайшем будущем школы. В 1894 г. в «Сибирском листке» появилось сообщение: городская управа попросила заняться проектом реорганизации школы губернского агронома⁴.

10 июня на заседании городской думы рассмотрен предложенный Скалозубовым план преобразования ремесленной школы в сельскохозяйственную. Была надежда на то, что новая школа обретет более прочную основу, чем существующая, так как сельскохозяйственные школы пользовались финансовой поддержкой правительства. Не быстро двигалось дело, но 23 января 1900 года на заимке близ деревни Соколовой открылась Тобольская низшая сельскохозяйственная школа — новый предмет неустанных забот Николая Лукича. Ведь он считал, что школа будет иметь успех лишь в том случае, если не ограничится учебным процессом, но подкрепит его опытнической работой и установлением неразрывной связи с местным крестьянством и исследовательскими учреждениями — такими, как губернский музей. И делал все возможное, чтобы все так и было.

Вскоре при школе возникло сельскохозяйственное общество, стали читаться лекции для учителей сельских школ. При обязательном участии Николая Лукича школа стала одним из центров распространения сель-

³ Бычин Б.П. Образец для подражания // Тюм. изв. 1999. 12 авг.

⁴ Городская хроника // Сиб. листок. 1894. 19 мая.

скохозяйственных знаний. Он разрабатывал учебные курсы, по поручению департамента земледелия написал серию учебников по предметам, преподававшимся в земледельческих училищах. В 1910 году в Петербурге вышла в свет его книга «Что нужно знать земледельцу о жизни растения (Краткий курс физиологии растений)». В 1905 году, когда созрело мнение о возможности развивать, по примеру южных уездов, маслоделие и на Севере, по поручению школы ученик Кузнецов выезжал в Березовский уезд для демонстрации возможности заготовки большого количества сена с помощью конных косилок⁵.

Важный поворот в судьбе Николая Лукича прямо связан с царским Манифестом 17 октября 1905 года, которым провозглашены гражданские свободы и учрежден законодательный орган — Государственная дума.

Вместе с чиновником А.Н. Ушаковым и еще несколькими тобольскими интеллигентами он с разрешения губернатора устроил съезд крестьянских уполномоченных Тобольского уезда для выяснения нужд сельского населения и способов их удовлетворения. Съезд прошел в Тобольске 15–17 декабря 1905 года. Подробный отчет «Первый вольный крестьянский съезд в Тобольске» опубликовал «Сибирский листок». Нигде не были переступлены границы закона, и все-таки последовала кара: издание «Сибирского листка» приостановлено, организаторы съезда посажены в тюрьму, а в марте 1906 года отправлены в ссылку на север губернии. Скалозубову местом отбывания наказания определен Березов. Это и было причиной прекращения издания «Отдела сельского хозяйства и кустарной промышленности».

Арест и ссылка дались Николаю Лукичу душевно очень тяжело. Вполне законопослушный, благонамеренный человек, никакой не революционер, он недоумевал: за что? Может быть, чтобы устранить от участия в выборах в Государственную думу нежелательного кандидата? Но он уже публично заявил о своем отказе баллотироваться...

Оторванный от семьи, отлученный от дела, в апреле 1906 г. он писал сестре: «Здесь 35 человек ссыльных. Народ разношерстный, с разными привычками, взглядами, убеждениями. Шум, гвалт. Одним словом, орда, а не общество. Обстановка эта действует на меня угнетающе». В Березове Николай Лукич искал уединения для собственных занятий, знакомился с местными жителями, от которых можно было что-то узнать о крае и с кем было возможно какое-то общее дело. О том, чем он был занят в Березове, Скалозубов сам подробно написал в дневнике⁶. Достаточно упомянуть, что с Севера он привез в Тобольск внушительного объема гербарий — 7000 листов.

⁵ Скалозубов Н. О работе сенокосилок в северном крае Тобольской губернии // Сиб. листок. 1905. 30 окт.

⁶ Скалозубов Н. Л. Дневник // Тобольский Север глазами политических ссыльных XIX — начала XX века. Екатеринбург, 1998. С. 359–390.

В августе 1906 г. Н.Л. Скалозубов был освобожден губернатором Н.Л. Гондатти от дальнейшего отбывания наказания и возвращен в Тобольск. Пожалуй, он единственный из тобольских чиновников, подвергшихся преследованиям в начале года, не был уволен от должности. За него вступилось министерство земледелия, прекрасно знавшее его преданность делу и огромную работоспособность.

Тем временем российская жизнь менялась с небывалой быстротой. Уже была распущена едва начавшая работать I Дума, в которой Тобольск представлял соратник Скалозубова А.Н. Ушаков. Начиналась новая избирательная кампания. За время ссылки Николай Лукич переменил прежнее отношение к депутатству и решил не уклоняться от баллотирования, если будет выдвинут кандидатом. За него настойчиво и убедительно агитировал «Сибирский листок», принадлежавший его единомышленникам М.Н. и В.Ф. Костюриным.

В начале 1907 года он стал членом II Государственной думы, которая в июне того же года была распущена. В конце 1907 г. он был избран в III Думу и проработал в ее составе по август 1912 года.

Собираясь в 1907 году в Петербург, Николай Лукич твердо знал, что не навсегда оставляет агрономическую службу, и писал сестре Александре: «Меня очень беспокоит, получила ли ты мой ящик с рукописями и дневниками — это все мое богатство...»⁷. Это совсем не означало, что в Думе он собирался быть лишь наполовину. Напротив, с переходом к депутатской деятельности напряжение только увеличилось. Н.Л. Скалозубов был душой сибирской фракции III Думы. Он состоял в четырех комиссиях (бюджетной, по переселенческому делу, сельскому хозяйству, рыболовству), представил в Думу докладные записки о Северном морском пути и судоходстве на сибирских реках, ходатайствовал о строительстве железной дороги до Тобольска, опубликовал 80 брошюр и статей, 175 депутатских писем, сделал 10 докладов, активно участвовал в работе Общества изучения Сибири и улучшения ее быта.

Он принадлежал к числу самых доступных для населения депутатов⁸, был одним из наиболее активных авторов журнала «Сибирские вопросы», поднимавшего самые острые проблемы жизни края. Но больше всего депутат Скалозубов печатался в «Сибирском листке», с которым начал сотрудничать еще с середины 90-х годов. Первое письмо, озаглавленное «Письма к избирателям тобольских депутатов», было написано совместно с В.В. Колокольниковым по пути в Петербург в вагоне поезда.

Всего опубликовано в тобольской газете несколько десятков его писем, по которым можно проследить в многочисленных подробностях де-

⁷ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 147. Оп. 1. Д. 57.

⁸ Очерки истории Тюменской области. Тюмень, 1994. С. 313.

путатскую деятельность Николая Лукича. Многие из этих писем воспроизведены в изданном в 2003 г. издательством «Мандр и К^а» пятитомном сборнике избранных публикаций «Сибирского листка». Они и теперь актуальны как пример служения депутатскому долгу.

Писание заметок и статей было для Н.Л. Скалозубова привычным занятием. Когда он был отлучен от агрономической деятельности, выслан в Березов и волей-неволей должен был думать о средствах существования для семьи, то писал сестре, что рассчитывает, в случае продолжительной ссылки, зарабатывать литературным трудом. Печатался Николай Лукич во многих газетах и журналах, как сибирских, так и столичных. Изпод его пера выходили и краткие сообщения сугубо практической направленности — о фактах рационального хозяйствования, ценных и перспективных новшествах, и крупные статьи. Для тех и других характерны простота, отсутствие лишних слов и малейшей заботы о «красивости» слога, общих рассуждений, внешних эффектов.

Сила публицистики Скалозубова не в восклицательных знаках, не в накале страсти. Она — в его всегдашней настроенности на честный диалог и тщательной аргументации своих утверждений и возражений. Он заранее предполагает возможность несогласия и высказывается открыто и ясно. Никаких припрятанных козырей и «три пишем — два в уме», никакого лукавства. Никакого полемического накала. Не развенчание и уничтожение противника, а убеждение. Таковы статьи «О содействии сельской интеллигенции делу изучения природы» (1899), «Несколько слов о самодеятельности населения» (1905), «Еще о самодеятельности населения» (1905), «К добрым людям» (о помощи голодающим крестьянам Европейской России, 1906), «Сельский учитель и крестьяне» (1907), «О русской непредприимчивости» (1915).

Вот отрывок из статьи «Еще о самодеятельности населения»:

«До сих пор правительство игнорировало общественные силы, не придавало им значения, не вызывало их к жизни, не культивировало их; как отразилось это на строе государственной жизни, показывает грустная действительность. Но это одна сторона дела — государственная, общественная организация идет до известного предела, за которым начинается область частной, личной и общественной инициативы и деятельности; в этих сферах уже все в руках сильных, способных, жизнедеятельных личностей. Вот о культуре самодеятельности здесь, в этой сфере, я и говорил. Здесь слагаются убеждения, навыки, культурные требования и привычки. Сумма этой частной деятельности и частного почина и создает ту упругость, то общественное давление, если можно так выразиться, которое противостоит «внешним условиям». В рыхлой, инертной, бездеятельной массе населения и создается та Торичеллиева пустота, которая заполняется внешними условиями»⁹.

⁹ Сиб. листок: 1901–1907. Тюмень, 2003. С. 313.

Еще одно крупное дело Н.Л. Скалозубова, о котором никак нельзя умолчать, — Тобольский губернский музей. Вскоре после вступления в должность губернского агронома Николай Лукич был избран консерватором (хранителем) музея и оказался в центре, может быть, самой значительной как по численности, так и по размаху деятельности общественной организации губернии. И благодаря ему музейная жизнь стала еще насыщеннее: появились новые участники общего дела в разных местах губернии, расширились контакты с другими музеями, научными обществами и учреждениями, пополнялись коллекции, росла библиотека. В личном фонде Н.Л. Скалозубова в тобольском архиве хранятся сотни писем к нему от тех, кого он привлек к сотрудничеству и кто искал сотрудничества с ним.

По собственному признанию Николая Лукича, у него не было потребности в развлечениях, в интенсивном общении («Общества я не люблю», — писал он родным из Красноуфимска в 1893 г.), он предпочитал тратить время на работу. Его не привлекали большие собрания, это не раз отмечали близкие ему современники. Но как человек действия, желавший пользы обществу, он не мог действовать в одиночку и повсюду искал сотрудничества. И находил его. И радовался ему. Он входил в контакты, и непосредственные, и письменные, с чиновниками, учителями, врачами, купцами, церковнослужителями, учащимися.

К участию в музейных делах он старался привлечь деятелей сельского хозяйства — таких, как А.Н. Балакшин, К.С. Колмаков, А.Ф. Памфилов, Л.Д. Смолин. На почве общего дела вырастали и дружеские связи. Развитие тобольского музея в те годы — не что иное, как сумма частных результатов многих и многих двусторонних контактов.

Ради привлечения новых и новых радетелей о музее Скалозубов составлял подробные программы сбора сведений и коллекций. Многое он внес от себя в музейный «Ежегодник», начало которому было положено в 1893 г. Отчеты консерватора в нем — это подробный анализ коллективной работы с добросовестнейшим упоминанием всех ее участников, независимо от вклада, и длинными списками жертвователей, в которых никто не был забыт.

Прибегал Николай Лукич в интересах музея и к печатному слову. 21 января 1904 года, в день, на который было назначено общее годовичное собрание членов музея, он в статье без названия писал: «Издали нам кажутся привлекательными общественные предприятия Запада: и музеи, и ученые общества, и народные университеты. На Запад мы любим ссылаться, где все так хорошо организовано. Обратимся же к местным, общественным нашим учреждениям, каков, например, тобольский музей. Испробуем на нем силу нашего желания и силу нашего умения сделать что-нибудь полезное для края».

Обращаясь к жителям губернии, желающим помочь музею, он в «Сибирском листке» сообщает, в чем могла бы состоять их помощь. Это и составление этикеток к каждому из предметов коллекций, и описание карт, планов, рисунков, фотографий, и составление библиографического указателя для облегчения работы посетителям музейной библиотеки, и изготовление чучел животных и птиц, различных макетов, и фотографирование и пр. Не забудем, что музей тогда существовал как общественная организация, не финансировался государством и не имел штатных сотрудников.

Николай Лукич подал мысль создать в Тобольске художественный музей и сразу же к ее осуществлению привлек своего тестя, живописца академика Василия Максимовича Максимова (1844–1911). По просьбе последнего многие российские художники подарили Тобольску свои картины. 27 мая 1901 года музеем в помещении Народной аудитории была впервые в городе устроена художественная выставка.

В музее Н.Л. Скалозубов был центром, не претендовавшим ни на какую власть. Он занимался текущими делами, вокруг него пульсировала общественная инициатива, все живые нити тянулись к нему. Музей оказался делом, которого Скалозубов не мог покинуть и тогда, когда втянулся в нескончаемые депутатские хлопоты. Приезжая из Петербурга в Тобольск, он делал здесь доклады и сообщения. Так, в сентябре 1911 года в этих родных стенах он выступил с сообщением «Как финны изучают свою родину и что можно позаимствовать из их метода». Сохранилось около двух десятков его писем к новому консерватору В.Н. Пигнатти, в которых обсуждались музейные дела. И, конечно же, Николай Лукич продолжал дарить музею книги.

Кстати будет заметить и то, что Н.Л. Скалозубов, казалось бы, в силу своей должности губернского агронома обязаный целиком уйти в дела сельскохозяйственного юга губернии, имел тем не менее живую связь и с северными уездами и успел что-то полезное сделать и для Севера. Не раз он бывал в низовьях Иртыша и Оби: в 1896 году вел подготовку к первой всеобщей переписи населения (за этот труд награжден орденом Святого Станислава 3-й степени), в 1901-м — участвовал в приеме экзаменов у учеников Самаровской рыбной школы В.Т. Земцова, в 1906-м — изучал в Березове местную флору, знакомился с хозяйственной деятельностью здешних мещан, собирал сведения о крае.

Его интересовало состояние рыбной промышленности, оленеводства, животноводства, кустарных промыслов, положение аборигенных народов и русского крестьянства, их культура. По этим вопросам он писал статьи¹⁰.

¹⁰ См: Копытная болезнь оленей // Сиб. листок. 1896. 14 июня; От Тобольска до Обдорска // ЕТГМ. 1906. Вып. 16; Нужды рыбного дела в Тобольской губернии // Сиб. листок. 1907. 11 февр.; Молочная ферма на севере Сибири: (г. Березов) // Молочное хозяйство. 1907. № 37; О ручной сетевязальной машине Ли // Сиб. листок. 1909. 26 апр.

Среди его корреспондентов-северян были становые приставы Н.С. Матиясевич и Л.Н. Ямзин, мещанский староста Г.В. Кузьмин, податный инспектор Э.И. Пугачевский, пионер северного маслоделия С.П. Шахов, священник В.Н. Герасимов, фельдшер Л.А. Кориков-Михайлов, крестьянин П.В. Земцов, исследователи культуры коренных народов К. Карьялайнен, У. Сирелиус, А. Каннисто и многие другие.

Последний, кратковременный период жизни Н.Л. Скалозубова наступил в 1912 году. Кончился срок, отпущенный III Государственной думе. Разочарованный в политической деятельности, не видевший плодов своих депутатских усилий, Скалозубов отказался баллотироваться в IV Думу. За эти годы он ничуть не соблазнился властью, да и не считал себя представителем власти, ходил по правительственным и прочим кабинетам как ходатай от имени населения Тобольской губернии. Власть не была для него ценностью. Вернувшись в Сибирь, он поселился близ Кургана, в имении своего давнего единомышленника Л.Д. Смолина, и занялся селекцией яровой пшеницы и семеноводством¹¹. Внезапная смерть Н.Л. Скалозубова в начале 1915 года, оборвавшая его деятельность селекционера, имела широкие отголоски. Откликнулись многие газеты. Особенно заметны были статьи М.Н. Костюриной и В.Ф. Костюрина в «Сибирском листке». Губернский музей посвятил памяти своего выдающегося деятеля 27-й выпуск «Ежегодника» и учредил премию его имени за лучшие сочинения по флоре и сельскому хозяйству. На образование капитала для этой премии прислали деньги даже те, кто давно уже уехал из Тобольской губернии, в частности, бывший губернатор Л.М. Князев. Повсюду высказывалось много прочувствованных добрых слов.

Хочется привести здесь слова, сказанные не в 1915 году, а значительно раньше, 18 января 1907 г., в «Сибирском листке», во время предвыборной кампании. Автор статьи «Почему мы должны выбирать Николая Лукича Скалозубова?», подписавшийся как «беспартийный избиратель», убеждал: «Нравственный облик Николая Лукича Скалозубова, жизнь которого в течение долгого ряда лет протекала на глазах местного населения, особенно ярко и тепло выделяется на нашем довольно-таки сереньком общественном фоне, омраченном чрезмерным у нас избытком разного рода «деятелей» с более или менее подмоченной репутацией.

Как губернский агроном, практический деятель, отдававший в течение многих лет всю свою энергию, громадные специальные познания и крупную работоспособность великому делу внесения в местную крестьянскую массу света знания и культуры, Николай Лукич Скалозубов дав-

¹¹ См.: Скалозубов Н. О сибирском семенном хозяйстве Л.Д. Смолина и Н.Л. Скалозубова близ г. Кургана Тобольской губернии // Вестн. Западной Сибири. 1913. 25 дек.

но уже пользуется почетною и вполне заслуженною известностью среди широких слоев местного крестьянского населения.

Как писатель по вопросам крестьянского быта вообще, а техники и экономики крестьянского хозяйства в частности, Николай Лукич благодаря своим многочисленным печатным трудам, число которых доходит ныне до сотни, известен не только в Сибири, но и во всей земской России. И не раз уже в нашей специальной и общей литературе подчеркивался тот факт, что наш уважаемый Н.Л. Скалозубов является одним из лучших и видных представителей русской земско-агрономической деятельности. Вот одно из лиц, которым мы можем безбоязненно доверить святое дело нашего представительства. Подадим же за него свои голоса 20 января и поставим его пред лицом наших крестьян — членов избирательного собрания. И на этом кончится наша задача»¹².

В прощальной статье в «Сибирском листке» В.Ф. Костюрин, много лет рука об руку трудившийся вместе со Скалозубовым и вместе с ним пострадавший в 1906 году после проведения крестьянского съезда, делает характерную оговорку: «Перечислить все, что сделано Николаем Лукичом за время его службы губернским агрономом — это значит набросать историю сельскохозяйственной жизни губернии за целых 10 лет, я за это не берусь — мне хочется только дать легкий набросок оснований того обаяния, которое производил Николай Лукич на всех, кому приходилось с ним сталкиваться, и подчеркнуть ту потерю, какую понесла общественная жизнь нашей губернии с его смертью»¹³.

Настоящая публикация — куда более легкий набросок впечатлений от знакомства по литературе с незаурядной, нравственно чистой и красивой, магнетической личностью Николая Лукича Скалозубова.

Но теперь, когда после его смерти минуло почти столетие, наверное, пришла пора и нам что-то сделать существенное в знак уважения к памяти человека, столь много и безо всякой корысти сделавшего для края. Прежде всего, думается, нужно дать молодому современнику, решающему, с кого делать жизнь, возможность побольше прочесть, погрузиться в мир Скалозубова. В архиве и музее Тобольска достаточно материала для составления большого сборника статей, писем, дневников или даже собрания сочинений, тщательно комментированного. Разве это был бы не благодарный труд?

¹² Сибирский листок: 1901–1907. Тюмень, 2003. С. 474.

¹³ Сибирский листок: 1912–1919. Тюмень, 2003. С. 301.

«Деятельная интеллигентная сила»

(общественная деятельность А.Я. Штернберга в Березове в 1898–1901 годах)

Особенностью северных городов Тобольской губернии в XIX в., включая и его последнее десятилетие, было слабое проявление общественной самодеятельности. Местное население редко выдвигало из своей среды деятелей подобного рода. Дефицит общественной активности если и преодолевался отчасти, то непродолжительными всплесками, благодаря энергии отдельных людей, приезжавших на службу, таких, как березовский военно-окружной начальник Г.А. Колпаковский или педагог Н.А. Абрамов. А городское казачество и мещанство жило привычным, давно заведенным порядком и не обнаруживало потребности в обновлении общественной жизни.

Типичную картину времяпрепровождения в Березове дал Ф.Ф. Ларионов в своих воспоминаниях «Семейная хроника (материалы к истории культуры Западной Сибири)», описав званый вечер у штатного смотрителя уездного училища. С легкой заметной иронической интонацией он пишет:

«Хозяин после очередной выпивки, желая внести разнообразие в слишком уж монотонное течение вечера и занять тех гостей, которые остались вне карточных столов, приглашает присутствующих спеть что-нибудь. Сразу же обнаруживается несколько талантов в области вокально-музыкального искусства. Капитан, сверкая металлической оправой темных очков, вооружась ученической линейкой вместо дирижерской палочки, предлагает спеть “Мой костер в тумане светит”. Предложение принимается. Неискушенные в пении граждане порядочно козлоголосят, но, подогретые винными парами, поют с большим воодушевлением. Доктор исполняет несколько отрывков из оперных арий, например:

Гаснут дальней Альпухары
Золотистые края.
На призывный звон гитары
Выйди, милая моя!

Но слушатели на фоне серой березовской жизни и холодной весны с трудом представляют себе знойную Испанию и поэтому, когда певец с жаром восклицает:

О, выйди, Нисета,
Скорей на балкон! —

публика остается безучастной и равнодушной».

Упомянутый Ф. Ларионовым доктор — Арон Яковлевич Штернберг. В короткий период между 1898 и 1901 гг. он был в Березове весьма приметной фигурой — инициатором и организатором целого ряда событий местной культурной жизни, активнейшим корреспондентом тобольской газеты «Сибирский листок», выразителем интересов Тобольского Севера, побуждавшим читателей к сознанию новых потребностей и действиям для свершения назревших перемен.

А.Я. Штернберг родился 19 января 1871 г. в Житомире. В 1890 г. окончил с золотой медалью гимназию, а в 1896 г. — медицинский факультет Императорского Киевского университета св.Владимира. Работать начал в качестве ассистента в Киевской городской больнице, откуда направлялся в Москву для участия в международном конгрессе врачей, а в декабре 1897 г. был определен сургутским городовым врачом. Оттуда в начале 1898 г. переведен в Березов.

В отличие от большинства сверстников-врачей, начинавших службу, Штернберг не настраивался на неизбежные годы тоскливого прозябания в глуши, а планировал для себя активную творческую жизнь. Еще на пути к месту назначения он подал в Тобольское врачебное отделение рапорт: «Желая на месте, в г. Сургуте, подробно заняться исследованием остяков, нахожу нужным предварительно поработать в местном музее, где имеется обширная литература по этнографии Сургутского округа. Вопросы, интересующие меня, имеют также целью выяснить подробно положение санитарно-медицинского дела в Сургутском округе»¹. В этом шаге можно усмотреть влияние старшего брата молодого врача, Льва Яковлевича Штернберга (1861–1927 гг.), известного революционера-народовольца, сосланного на Сахалин и изучавшего там быт и религиозные воззрения коренного населения, впоследствии автора трудов по этнографии народов Сибири и первобытной религии, члена-корреспондента Российской Академии наук.

Возможность остановиться в Тобольске Штернберг получил. Здесь он познакомился с Н.Л. Скалозубовым и другими ведущими деятелями губернского музея, узнал, что собой представляет Тобольский Север, которому так много внимания уделял музей, и в дальнейшем исполнил свои намерения.

Есть немало свидетельств его высокой квалификации и добросовестного служения врачебному долгу. Молодой врач энергично боролся с инфекционными заболеваниями, заботился о лекарственном обеспечении

¹ ГУТО ГА в. г. Тобольске. Ф. 352. Оп. 1. Д. 524. Л. 15.

сельского населения, облегчении материального положения своих помощников-фельдшеров, заявлял о необходимости строительства новой иногородческой больницы в Березове и коренной реформы всего медицинского дела в уезде, безвозмездно преподавал гигиену в уездном училище. 1 апреля 1901 г. «Сибирский листок» сообщал о том, что Штернберг и двое приезжих врачей впервые за все время существования березовской больницы провели операцию лапаротомии (чревосечения)!

Занялся Штернберг и изучением этнографии коренного населения. 12 марта 1898 г. он стал действительным членом Тобольского губернского музея и по предложению Н.Л. Скалозубова приступил к сбору коллекции лекарственных трав, сведений по народной медицине и технологии изготовления крапивного холста. «Сибирский листок» сообщал: «В числе вещей, поступивших в музей, есть между прочим интересная коллекция крапивы во всех стадиях ее приготовления, собранная врачом Штернбергом для зоологического музея Академии наук». В 14-м выпуске музейного ежегодника напечатана его статья «Крапива у остяков Березовского уезда»², а в 12-м — «Остяцкая легенда о сотворении мира», записанная со слов Никиты Киндышева и проверенная путем расспроса еще пяти человек. Под заголовком «Сотворение мира» она открывает сборник «Мифы, предания, сказки хантов и манси» (М., 1990).

Таким образом, А.Я. Штернберг, как и планировал, усиленно занимался и врачебной практикой, и исследованием края, однако и этого ему было мало. Как человека открытого и весьма общительного, его очень интересовала внутренняя жизнь города. Он не мог мрачно констатировать «однообразие и монотонность» местной жизни и этим довольствоваться, хотелось всколыхнуть замкнутое березовское общество какими-нибудь новациями — ну, хотя бы благотворительными. И Арон Яковлевич пробует устраивать подписки: в помощь семье умершего мещанина, на сооружение в Барнауле памятника патриоту Сибири Н.М. Ядринцеву и др. Общество откликается, находятся жертвователи.

3 января 1899 г. «Сибирский листок» сообщил одной фразой: «Нам пишут из Березова, что врач А.Я. Штернберг на пожертвование местной интеллигенции устраивает чайную, при которой будет бесплатная народная библиотека-читальня». А 18 февраля продолжил: «Березов. 28 января. С этой почтой местный врач А.Я. Штернберг отправляет ходатайство о разрешении открыть в нашем городе чайную и при ней читальню по уставу тобольского общества трезвости. Средствами на это доброе дело уже заручились: ежемесячные взносы участников дадут от 30 до 35 р.; кроме того, газеты и журналы жертвует А.Я., который их выписывает в

² Автограф хранится: ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 147. Оп. 1. Д. 49. Л. 6–7.

текущем году на 65 р. В чайной предполагаются всевозможные игры (конечно, не карты, а общеобразовательные), музыкальные вечера (здесь есть любители-музыканты в количестве 4-х человек, которые заменяют нам оркестр), чтения, собеседования и т.п. Мысль эта встречает полное сочувствие в публике, особенно между купцами и мещанами, и вся суть теперь в разрешении».

По-видимому, открыть чайную не удалось, но всего лишь несколько месяцев спустя, весной, желание образованных березовцев дать горожанам возможность для регулярного чтения вылилось в новый замысел — открыть общественную библиотеку в память 100-летия А.С. Пушкина. Идея эта получила энергичное организационное подкрепление, библиотека через несколько месяцев открылась. Как писал в «Семейной хронике» Ф.Ф. Ларионов, «широкую поддержку агитацией и книгами оказал этому прогрессивному начинанию врач А.Я. Штернберг».

Библиотека размещалась в здании уездного училища, заведовал ею штатный смотритель училища П.Н. Грязнов, а обязанности библиотекаря выполнял учитель Ф.Ф. Ларионов. Здесь же, в училище, устраивались время от времени любительские спектакли, вечера, елки для детей. Таким образом, училище приняло на себя функцию городского культурного центра. Штернберг старался укрепить и развить ее некоторыми интересными новшествами. Еще живы были ученики штатного смотрителя середины XIX в. Н.А. Абрамова, автора «Описания Березовского края» и ряда статей по истории Березова, и Арон Яковлевич заразил их идеей заказать портрет учителя и подарить его уездному училищу (предполагалось поместить его в библиотеке).

Как немногие понимая значение личности Абрамова, Штернберг в очерке «Николай Абрамов», напечатанном в № 90 «Сибирского листка» за 1900 г., писал: «Повсюду, во всех его работах, проглядывает это его сознание своих обязанностей перед обществом как интеллигентного деятеля, считающего священным долгом посвятить свой досуг не праздности, а работе на общую пользу». В конце статьи автор от имени учеников и почитателей Абрамова обратился к родственникам и знакомым последнего с просьбой о присылке его портрета для снятия копии.

Задуманное удалось исполнить. Через год тот же «Сибирский листок» (1901. № 90) извещал: «...побуждаемые добрыми воспоминаниями о покойном гуманном наставнике, они [его ученики] на свои средства, при деятельном участии врача А.Я. Штернберга, изготовили прекрасный портрет и подарили его училищу».

В другой раз, воспользовавшись тем, что городской староста устроил у себя вечер по случаю проезда через Березов руководителя экспедиции по изысканию железнодорожной линии от Обдорска до берега океана инженера Гетте, Штернберг подал на вечере мысль об устройстве при уездном же

училище музея. Предложение поддержали, Гетте пожертвовал на будущий музей 25 рублей, а всего было собрано больше 50 рублей. Так было положено начало фонду для создания музея, но довести дело до конца Штернберг не успел, так как весной 1901 г. уехал в четырехмесячный отпуск, а затем вышел в отставку и поселился в Петербурге. «Сибирский листок» писал в конце 1901 г.: «Вообще будучи, по мнению большинства, очень искусным и добросовестным врачом, г. Штернберг представлял из себя деятельную интеллигентную силу. Недавно возникшая общественная библиотека и проектируемый при ней музей (как филиальное отделение Тобольского губернского музея) лишились в нем весьма многого».

Нельзя не упомянуть и еще об одном замысле Арона Яковлевича. 13 июня 1898 г. «Сибирская торговая газета» преподнесла читателям такую новость: «...доктором А.Я. Штернбергом возбуждено ходатайство о разрешении издания в г. Березове ежемесячной газеты под названием «Тайга». Газета будет издаваться на двух языках — русском и французском; программа намечена очень широкая; главная задача — изучение севера Тобольской губернии. Газету предполагается издавать без предварительной цензуры. «Тайга» будет выходить с 1899 г. Это будет единственная газета в своем роде».

Ни о том, как намеревался Штернберг исполнить свой дерзновенный план, ни о выходе газеты в свет никаких сведений нет. Скорее всего, издание ее не было разрешено. Но то, что Арон Яковлевич имел все необходимые журналистские качества, можно уверенно утверждать, прочитав его многочисленные заметки, корреспонденции и статьи в «Сибирском листке». От внимания северного корреспондента не ускользали самые, казалось бы, заурядные стороны жизни, скрытое значение которых он с мастерством профессионального газетчика умел раскрыть перед читателем.

Не все опубликованные работы Штернберга выявлены, часть их увидела свет под псевдонимами, чье тождество с фамилией Штернберг еще не установлено. Есть также сведения, что он печатался в томской газете «Сибирская жизнь», а также и в других сибирских изданиях. Но все же главным местом приложения его литературных усилий был «Сибирский листок», подшивки которого представляют нам творчество березовского автора достаточно полно.

О чем писал А.Я. Штернберг? Круг его тем разнообразен. С появлением его среди периферийных сотрудников газеты в ней открылись рубрики «Березовская хроника», «Березовские письма». Хроники вмещали в себя по несколько заметок и небольших корреспонденций, в них констатация простых будничных фактов (погода, происшествия, случаи заболеваний, цены, уловы рыбы) сочеталась с выявлением злобы дня. Так, в номере за 4 января 1901 г. хроника открывается фразой: «Начну с того, о чем

легче всего говорить — с погоды». Но, развиваясь, тема погоды подводит читателя к острой проблеме: «В местном уездном училище из-за холодов несколько дней не было учения: температура в помещении училища (старое, противоречащее всем требованиям школьной гигиены здание) иногда ниже +5° R. Вопрос о постройке нового здания для училища, поднятый во время приезда (в конце ноября) гг. директора и инспектора народных училищ, требует немедленного разрешения».

История с пароходом Корнилова «Алтай», застрявшим осенью на мели, дает Штернбергу повод поставить вопрос о необходимости изучения реки и улучшения условий судоходства. «Пресловутое русское “авось”, — пишет он, — должно отойти в область преданий. Пора уже иметь карту великой и многоводной Оби, пора уже знать ее фарватер, ее мели, ее изгибы, ее каждый поворот. Если подсчитать все аварии и убытки, понесенные рыбопромышленниками на Оби и при желании обменяться товарами с Англией через Карское море, то этого хватило бы, по мнению одного почтенного путешественника, на целую сеть речных знаков, маяков и на телеграфную линию по всей Оби и Енисею» (1900. № 44).

С явным удовольствием сообщает Арон Яковлевич о хороших новостях. Одной из подборок его заметок даже дан характерный подзаголовок: «Из области отрадных фактов». Вот он пишет о том, что крестьяне сел Сухоруковского и Елизаровского постановили на своих сходах выделять на сельские медицинские аптечки по 50 рублей ежегодно. Как врач Штернберг не может не радоваться этому: теперь елизаровский фельдшер будет располагать втрое большим запасом медикаментов на свой громадный участок, чем раньше.

Прошел слух, будто есть надежда на скорое разрешение вопроса о еженедельном ходе почты — Штернберг сообщает о нем, а через пару месяцев — о принятом по этому поводу решении губернского начальства и замечает: «Наконец-то осуществляется горячее желание всех жителей Березовского уезда, кому приходится иметь какие-нибудь сношения с остальным миром». В Березове уже месяц работает приезжий фотограф Андреев, делает красивые снимки и с каждым днем приобретает все больше заказчиков — тоже приятный сюрприз для далекого северного городка.

«Скучные» будни на самом деле не так уж бесцветны и скучны, и осмысление подобных новых для северян фактов помогает им осознать свои интересы и потребности.

Одна из любимых тем Штернберга — изучение края. Он рассказывал о ходе золотопромышленной экспедиции Грязнова, об обследовании лесов Березовского уезда Дуниным-Горкавичем, предостерегая от завышенных ожиданий тех, кто рассчитывал на леса Тобольского Севера как на топливную базу уральской металлургии: северная природа восстанавливается медленно.

Особенно подробно проследил Штернберг все этапы экспедиции инженера Гетте, изучавшей возможность прокладки железнодорожного пути от Обдорска до Белковской губы на побережье Северного Ледовитого океана. По расчетам, эта дорога должна была обойти Карское море, очень опасное для мореходов. Грузы предполагалось подвозить к Обдорску в навигационное время, а оттуда до Белковской губы, где намечалось сооружение образцовой гавани, — по железной дороге. Далее товары должны были морем идти за границу. Целью этой проектируемой дороги было облегчение вывоза сибирского сырья в Европу и ввоза в Сибирь важнейших русских и зарубежных изделий.

Понимая громадное значение для Севера надежного круглогодичного транспорта, березовский корреспондент старался поддерживать в читателях интерес к теме железнодорожного строительства, и когда стало ясно, что экспедиция Гетте не привела к желаемому результату, он обнадеживает северян слухом о проектировании железной дороги от Архангельска до западной части Березовского уезда (истоков реки Ляпин). Дорога, писал он, послужит делу оживления богатого Березовского уезда, который называют Калифорнией Тобольской губернии, и далее приводил расчеты, какие грузы и в каком количестве могла бы вывозить Сибирь в Европу по новой дороге.

Об интересе Штернберга к этнографии сибирских народов уже упоминалось выше. Он всячески старался заразить им и читателей, извещая, например, о планах и результатах поездок по Северо-Западной Сибири финских исследователей Сирелиуса, Карьялайнена и др. 1 октября 1900 г. в «Сибирском листке» появилась большая его статья «Инородцы Северо-Западной Сибири и роль венгерских и финских ученых в деле их изучения». В своих газетных сообщениях на «инородческую» тему Арон Яковлевич делился и собственными наблюдениями, интересными для этнографа. Так, в «Березовской хронике» за 25 декабря 1900 г. он писал: «Ученым, этнографам, лингвистам, фольклористам, а в особенности антропологам здесь еще большое поле для чрезвычайно интересных работ. <...> По Березово-Самаровскому тракту интересующиеся вопросом о метисации найдут особое селение, Олтурминские юрты, в 3 вер. от с. Елизаровского, населенные остяками, почти сплошь женатыми на русских. Для русского исследователя в особенности интересно изучение влияния русской культуры в виде русской жены и матери на коренное изменение инородческого образа жизни и инородческого мировоззрения. К сожалению, меньше всего научным изучением инородцев нашего уезда интересуемся мы, русские, отдавая все иностранным ученым, с работами которых впоследствии могут быть знакомы только очень немногие».

В другой раз, рассказывая о случае удачной охоты инородцев на медведя и состоявшемся после нее медвежьим празднике, он замечает: «На

Сосьве и Ляпине медвежий праздник подробно изучен Гондатти, но все-таки приходится пожалеть, что не производится повторных поверочных исследований или, по крайней мере, дополнительных. Сельские священники, учителя, фельдшера, становые пристава и другие интеллигентные люди, кому выпало на долю жить в глуши, могли бы принести большую пользу делу изучения края, если бы взялись за бесхитрое собирание этнографических сведений... Пишущий эти строки с охотой возьмет на себя труд выслать всем желающим печатные программы по собиранию этнографических и других сведений по нашему уезду».

Очень близка была Штернбергу и тема экономики края, которую он рассматривал как в отношении ее современного состояния, так и возможных путей развития. Один из этих путей он видел в преодолении оторванности края от остальной России. Как раз в годы службы его в Березове закончилась неудачей попытка иркутского купца А.М. Сибирякова проложить удобный торговый путь из Сибири в Европу через территорию Березовского уезда. Оценивая этот опыт, Штернберг пишет: «Еще рано подводить итоги. Но одно можно сказать, что та цель, благородная и высокая, какую преследовал Сибиряков... не достигнута. Получился для Сибирякова дефицит, а для инородцев обширного края, который должен был быть оживлен сибиряковским предприятием, кроме вреда от эксплуатации их, — ничего. Остается пожалеть, что хорошее дело... не дало ничего, благодаря тому, что исполнители были слишком далеки от идеалов их повелителя»³.

Касаясь вопросов основной отрасли экономики Тобольского Севера — рыбной промышленности, Штернберг обращает главное внимание на наболевшие проблемы и прогрессивные новшества. Одним из острых вопросов, вызвавших бурную полемику в тобольских газетах в 90-е гг., было положение рыбопромышленных рабочих. В «Березовских хрониках» можно было встретить сообщения о побегах рабочих с рыболовных песков — несомненным доказательстве того, что, по словам автора, «порядки на песках ненормальны и все обское рыбопромышленное дело при таких раскладах построено “на песке”»⁴.

Широко и обстоятельно рассматривает Арон Яковлевич эту проблему в одном из «Березовских писем», снабженном подзаголовком «К вопросу об урегулировании отношений между обскими рыбопромышленниками и их рабочими» (Сиб. листок. 1900. 6 июля). В результате своего анализа он приходит к выводу: «Чувствуется, что современный строй рыбопромышленного дела несостоятелен, что надвигается гроза, и он, этот строй, рухнет во что бы то ни стало. Но когда предвидится крушение, не лучше ли будет не

³ Березовская хроника // Сиб. листок. 1900. № 63.

⁴ Сиб. листок. 1900. № 70.

дожидаться последнего момента, а воспользоваться всеми мерами для предотвращения грозящей беды». И предлагает в качестве мер, способных изменить обстановку, установление государственного надзора за санитарно-гигиеническим состоянием рыболовных песков, организацию общества рыбопромышленников, «целью которого было бы урегулирование отношений между рабочими и хозяевами, выработка правил найма и содержания рабочих, страхование их и пр.», учреждение особой промысловой инспекции, которая на месте разрешала бы незначительные споры.

В этой же статье автор упоминает и о другом наболевшем вопросе — низком качестве обского рыбного товара. Здесь он целиком на стороне тех промышленников, которые явились инициаторами применения новых способов переработки рыбы. «Пока что в деле консервирования рыб, — пишет он, — сделали шаг вперед только г[оспо]да Плотниковы. Есть надежда, что в скором времени сосвинские сижки... будут изготавливаться в виде килек и сардинок. <...> Консервный мастер фирмы “Плотников и С-вья” г. Пашин говорил мне, что и он готовил из “сельдей” консервы, и его мнение, что из них могут быть изготовлены отличные кильки и сардины. Если это так, то эксплуатация этого промысла обещает развиваться в большое дело, за которое нужно только кому-нибудь, кому Господь дал талант и деньги, взяться с энергией. Ведь только начало трудно»⁵.

Позднее Штернберг подробно рассказал о поездке березовского промышленника Семена Прокопьевича Шахова в Юрьев, Ревель, Ригу и другие города для знакомства с новейшими способами приготовления рыбы и налаживании им по возвращении сетного промысла сосвинской сельди (наряду с неводным) и выпуска консервов из нее.

Сообщая о разнообразных приметах нового, Штернберг не упускал случая особо отметить полезную инициативу местных деятелей. Тот же С.П. Шахов, будучи городским старостой, главой местного самоуправления, затеял строительство в Березове пристани. В одной из заметок Арон Яковлевич пишет, что пожертвования на строительство поступают медленно, крупные местные торговцы очень неохотно раскошеляются на это доброе для всего города дело. «Наиболее щедрым и сочувствующим полезному делу, — продолжает он, — оказался, как и всегда, купец Окунев, подаривший барку... Как бы было хорошо, если бы и прочие купцы взяли пример с г. Окунева и дружными усилиями помогли бы осуществить полезное дело. Большое спасибо городскому старосте за то, что, несмотря на все неблагоприятные условия, у него не падает энергия, не опускаются руки»⁶.

Разумеется, не оставлял Арон Яковлевич без внимания подобные факты и в наиболее близких ему областях здравоохранения, народного образова-

⁵ Сиб. листок. 1900. № 44.

⁶ Там же.

ния и культуры. Так, он дважды откликнулся на постановление городского общественного управления выдавать ежегодно 36 рублей квартирных одному из фельдшеров. «Факт этот достоин отметки, — радуется он, — т.к. доказывает, что общество в лице городского управления умеет входить в положение людей, готовых всегда идти к ним с помощью по первому их призыву»⁷. Когда решение городского управления было утверждено губернатором, Штернберг писал: «Приговор этот крайне интересен как пример нарождающейся у нас общественности, благодаря которой общество не может закрывать глаза перед теми или другими житейскими фактами. Побольше бы этой общественности и тогда теплее жилось бы у нас всем бедным труженикам (фельдшерам, народным учителям и др.), работающим не покладая рук и не оставляющим зачастую семье ничего, кроме доброго имени».

Всей душой был Штернберг на стороне тех, кто старался скрасить каким-нибудь общественным развлечением «однообразие и монотонность жизни». «За время распутицы, — делится он с читателями номера за 23 ноября 1900 года, — Березов, оторванный от всего мира, как полярный остров, постарался оживиться. С этой целью был устроен маскарад, собравший значительную публику и давший 50 руб. чистой прибыли — на этом вечере публика веселилась и танцевала от всей души. Под широтой, на которой находится Березов, всякое разумно устроенное увеселение должно быть приветствуемо. Тем более, если доход с увеселительного вечера идет на такое крайне полезное просветительное учреждение, как Березовская Пушкинская общественная библиотека».

Описывая праздник у елки, проходивший в уездном училище 5 января 1901 г., Арон Яковлевич счел нелишним отметить, что вместе с детьми на нем были некоторые родители учеников и учениц, а также «представители местной интеллигенции и бюрократии, что является некоторым признаком сближения нашей школы с обществом».

Своим публицистическим пером А.Я. Штернберг, безусловно, оказал влияние на общественность не только Березова, но и всей губернии — поддерживал патриотические настроения сибиряков, помогал увидеть не вполне еще проявленное значение новых событий, побуждал к деятельности. Его газетные работы привлекли внимание губернии к Березовскому уезду, а внимание березовцев — к собственным делам, возможностям и перспективам. Для современного историка они — ценный источник информации.

Березовский корреспондент действовал в общем демократическом русле «Сибирского листка». Свое понимание специфики газеты и ее общественного призвания он так выразил в статье «Газета (по поводу десятилетия со дня выхода пробного № 1 «Сибирского листка»)»: «Что такое газета? Газета — это печатный лист, рождающийся утром, чтобы умереть

⁷ Сиб. листок. 1900. № 92.

вечером. Эти печатные листы, рождаясь и умирая, чтобы возродиться вновь в виде печатных листов, вполне подобны клеткам нашего организма, которые миллионами умирают ежедневно, чтобы на их месте выросли новые миллионы жизнедеятельных клеток.

В этом вся параллель между жизнью организма и печатного органа.

Но между телом и печатным органом та огромная разница, что тело, ежедневно умирая, в конце концов действительно умирает, а печатный орган, чем он старше, чем большее количество умерших печатных листов он имеет в своей истории, тем больше его сила. Газета, ежедневно умирая, растет и ширится, ее горизонты становятся огромнее, запросы глубже, мысли более вдохновенными. С годами растет и нравственная связь между газетой и обществом, для которого свой печатный орган становится необходимой потребностью».

Оценивая значение «Сибирского листка» для Тобольской губернии, Арон Яковлевич писал в этой же статье, что этот печатный орган «сослужил громадную службу, которую продолжает и теперь, освещая жизнь так, как она есть, не замалчивая зол, выдвигая вперед все доброе и высокое, проповедуя подробное изучение родного края, ратуя за просвещение и цивилизацию в лучшем значении этого слова».

Заканчивая статью, Штернберг пожелал газете такой же полезной жизни еще на много десятков лет. Сам же он вскоре вышел из круга ее лучших корреспондентов, переехав весной 1901 г. в Петербург, но не прервал связей с Сибирью и с редакцией. В Березове он оставил своим преемником врача И.И. Зальмунина, который унаследовал и его литературное дело, опубликовав в «Сибирском листке» несколько подробных «Березовских писем» и ряд заметок. Не кто иной, как Штернберг откликнулся на смерть Зальмунина некрологом в этой же газете⁸. Живя в столице, Арон Яковлевич получал письма из Березова и был неплохо осведомлен о происходящих в нем переменах. Продолжал он поддерживать связи и с ведущим сотрудником «Сибирского листка» Виктором Федоровичем Костюриным. В Петербург газету ему присылали из Тобольска. Из сохранившихся писем известно, что Штернберг пытался содействовать продвижению ходатайства издательницы М.Н. Костюриной о смягчении для «Сибирского листка» цензурных ограничений.

Почти полтора десятилетия редакция газеты считала своим долгом скупыми сообщениями информировать читателей о дальнейших шагах по жизни своего бывшего корреспондента: конец 1901 г. — отправлен медицинским департаментом на Южный берег Крыма для предупреждения эпидемии чумы; лето 1902 г. — послан на Дальний Восток принять меры против занесения холеры; весна 1904 г. — хирург в действующей армии в

⁸ Сиб. листок. 1900. № 41.

Федор Васильевич Киселев
(«Киселевы»)

Трубочный мастер
Валентин Андреевич Киселев с родственниками

Г.Н. Тверитин
(«Поэт, сторонившийся славы»)

Из фондов
Российского государственного архива
литературы и искусства

Супруги К.И. и М.А. Протопоповы.
Тобольск, 1925 г.
(«Юганский культурно-санитарный
отряд»)

М.А. Протопопов
с юными краеведами.
Окрестности Свердловска,
лето 1967 г.

Э.М. Сенкевич
с женой и детьми

Экспозиция зала Э.М. Сенкевича
в Свердловском областном музее
истории медицины
(филиал «Красноуфимская
земская больница»)

Мансийские дети-охотники.
Пелым. Начало XX в.
Фото Э.М. Сенкевича

Мансийская семья. Начало XX в.

Фото Э.М. Сенкевича

*Все фотоработы
Э.М. Сенкевича —
из фондов
Свердловского
областного
краеведческого
музея*

В мансийской избе. Мужчина
в постели, рядом с ним мальчик.
Начало XX в.

Фото Э.М. Сенкевича

Манси с выловленной рыбой
у запора. Начало XX в.

Фото Э.М. Сенкевича

Томск. Дом Ф.К. Зобнина,
в котором в 1919 г.
жил Г.Н. Потанин

Ф.К. Зобнин с сыном
(«Берегите семейные
архивы»)

Ф.К. Зобнин.
Алтай. 1912 (?)

Тобольск,
ул. Семена Ремезова, 14.
Дом, в котором помещалась
редакция и типография газеты
«Сибирский листок».
Не сохранился. Авг. 1999 г.
(«Аккумулятор общественной
энергии»)

Архимандрит Всеволод
(Владимир Алексеевич
Баталин).
Сургут, август 1958 г.

Дом Баталиных на ул. Народной в Сургуте. 1981 г.
Снесен

Харбине; начало 1905 г. — врач лазарета Красного Креста в Чите; 1915 г. — старший врач 176-го пехотного запасного батальона.

Такая долгая память свидетельствует о признании современниками значительности тех дел, которые врач и общественный деятель Арон Яковлевич Штернберг успел совершить за короткие три года службы в Березове.

Сведения об А.Я. Штернберге, ставшие материалом для очерка, были почерпнуты из 352-го фонда тобольского архива, корреспонденций и записок «Сибирского листка». После публикации этого текста в 2000 г. в «Очерках истории Югры» долго теплилась, но никак не сбывалась надежда узнать что-нибудь о послеберезовской жизни этого весьма заметного человека, который никак уж не должен был потеряться бесследно. Надежда питалась еще и тем, что старший брат Арона Яковлевича Лев Яковлевич Штернберг (1861–1927) был крупным этнографом, членом-корреспондентом Академии наук, и где-то должны были сохраниться его бумаги, а среди них могли быть и письма, фотографии и другие документы брата.

Летом 2006 г. в один из дней командировки в Санкт-Петербург зашел в филиал архива РАН для первого знакомства с фондом Х.М. Лопарева и попутно узнал, что здесь же есть и фонд Л.Я. Штернберга, а в нем — письма Арона Яковлевича к брату и его невесте, а затем и жене Саре Аркадьевне Рагнер из Березова, Харбина, Берлина, Милана, Минска и других мест 1891–1941 годов. Одно из них написано на листке со штампом директора Ленинградской клиники женской урологии профессора А.Я. Штернберга.

Три письма ко Льву Яковлевичу из Березова были опубликованы в девятом выпуске альманаха «Подорожник» в 2008 г.⁹ В них Арон Яковлевич извещает брата, что старается не терять попусту времени и помимо занятий медициной сотрудничает с редакциями «Сибирской жизни» (Томск) и «Сибирского листка» и имеет намерение написать очерк Березовского края; что Березов — сравнительно оживленный городок, здесь ему удалось завести знакомства с такими весьма интеллигентными людьми, как венгр профессор Йожеф Папай, магистр Сирелиус из Финляндии, вице-инспектор корпуса лесничих Маркграф. В последнем из писем он сообщил об успешной сложной операции, проведенной в канун нового, 1900 года — ампутации обеих ног у одного зырянина, который в 49-градусный мороз отморозил ступни¹⁰.

⁹ Березов на рубеже XIX и XX веков в письмах А.Я. Штернберга // Подорожник. Тюмень, 2008. Вып. 9. С. 29–34.

¹⁰ ПФА РАН. Ф. 282. Оп. 2. Д. 334.

Берегите семейные архивы

К находке, которая дала материал для очерка, привело обыкновенное любопытство. Вот как это было. В 1990-е годы — годы возрождения интереса к местной истории — не могло не всплыть из омута забвения, наряду со многими другими, и имя уроженца Усть-Ницынской слободы Тюменского округа Филиппа Козьмича Зобнина. В журнале «Лукич» были вновь напечатаны его полузабытые этнографические труды¹, напомнившие тюменцам о деревенском быте дедов и прадедов — той почве, духовный состав которой они при желании могут ощутить и в себе.

Немного позднее открылось, что свой путь педагога Зобнин начинал в Сургуте, три года преподавал в мужском приходском училище. Затем прибавилось еще знание о том, что он был одним из близких сотрудников тобольского «Сибирского листка». После Сургута жил в Кургане, Семипалатинске, Барнауле, Томске. Ясного видения личности при таком скупом наборе сведений, конечно, не было, и редактор-издатель «Лукича» Юрий Мандрика, публикуя исследование Зобнина «Из года в год», сделал такую сноску: «Помещая статью под рубрикой «Текст-раритет», редакция надеется найти краеведа, который бы смог рассказать биографию Ф. Зобнина». Никто на его просьбу не ответил.

И вот весной 2005 года на глаза попала энциклопедия «Инженеры Урала». По укоренившейся привычке заглядывать во все издания, содержащие биографическую информацию, в особенности новые, стал перелистывать. На странице 210-й внимание остановила фамилия «Зобнин» и следом — отчество «Филиппович» и указание на учебу в Томском технологическом институте. Да неужели это сын Филиппа Козьмича?

О представленном в энциклопедии Б.Б. Зобнине (внуке?) сказано, что он — профессор горного института в Екатеринбурге. Этот факт сразу актуализировал старую истину: мир тесен. В этом же вузе есть другой профессор — Ю.И. Туринцев, в давно минувшие годы мой земляк-сургутянин. Послал ему письмо с просьбой проверить предположение. И совсем скоро получил ответ от самого Б.Б. Зобнина, подтверждающий догадку. Далее все потекло удивительно складно: позвонил Борису Борисовичу, узнал, что сохранился архив его деда и мне разрешают с ним ознакомиться, попросил командировку, приехал, пережил волнующие часы погружения в историю замечательной семьи, скопировал несколько документов и фотографий. За один вечер был с лихвой, просто сказочно награжден за несколько лет поиска.

¹ См.: Лукич. 1999. № 4. С. 86–124; 2000. № 3. С. 59–85.

Просмотрев бережливые вырезки из газет с публикациями Ф.К. Зобнина, впервые понял, что тяготение к литературе, к публицистике было одной из определяющих черт его натуры. Дошла до наших дней часть книг Филиппа Козьмича, собственноручно переплетенная их владельцем, берегли в семье и принадлежавшую деду картину знаменитого алтайского художника-самородка Гуркина, ученика Шишкина. Попутно отгадалась и давно занимавшая загадка псевдонима «К. Мирович». Оказалось, это самый ранний из многих литературных псевдонимов Зобнина, так он подписывался в рукописном журнале «Семинарист», который редактировал в годы учебы в Омской учительской семинарии. Целый каскад фактов свалился на мою счастливую голову в тот вечер.

До сих пор свежо чувство благодарности Борису Борисовичу и Нине Александровне Зобниным за то, что они своим бережным отношением к семейному духовному наследству дают возможность более или менее обстоятельно рассказать о замечательном человеке — Филиппе Козьмиче Зобнине.

* * *

За долгую жизнь Сургута здесь немало перебивало незаурядных людей, для которых наш край стал всего лишь эпизодом биографии. Почти все они тяготились службой на Севере, суровыми климатическими условиями, не находили достаточного применения своим знаниям, благоприятной общественной среды и возможности для удовлетворения культурных потребностей. Одним из таких временных жителей города был учитель Филипп Козьмич Зобнин (1868–1930).

Уроженцу слободы Усть-Ницынской Тюменского округа, выпускнику Омской учительской семинарии Филиппу Зобнину не было еще и 20 лет, когда он, удостоенный свидетельства на звание учителя начальных училищ и похвального листа как лучший в своем курсе, летом 1888 года изъявил желание поехать учить детей в далекий северный Сургут.

От природы живой и любознательный, Зобнин испытывал острый интерес к людям северного городка — их речи, поверьям, особенностям быта. Сохранилась записная книжка Филиппа Козьмича с занесенными в нее характерными местными словечками и выражениями — свидетельство его устойчивого интереса к сибирской диалектологии. Позднее, уже покинув Сургут, он опубликовал в 1896 г. в журнале этнографического отдела Русского географического общества «Живая старина» небольшую статью «Вещица, или труболетка» (о проделках этого мифического существа он, конечно же, много раз слышал рассказы сургутян), в 1899 г. там же был напечатан «Список тобольских слов и выражений», составленный из материалов Патканова и Зобнина, в котором немало специфических сургутских словечек.

Но бывшему редактору «Семинариста» хотелось продолжить журналистскую деятельность в какой-нибудь газете, и такую возможность он

получил на третьем году своей учительской службы в Сургуте — сразу, как только начал издаваться в Тобольске «Сибирский листок». Редактировавший газету в первые годы ее издания А.А. Зубковский в письме из Томска по случаю 25-летия «Сибирского листка» назвал Ф.К. Зобнина среди лучших иногородних сотрудников.

В год десятилетия «Сибирского листка» Зобнин прислал в редакцию статью, в которой так писал о начале своей корреспондентской деятельности: «Годы 1888 — 1890 для города С. были как раз годами затишья: перевелись все газетные корреспонденты, и к вящему благополучию обывателей стало совсем спокойно. Газетные корреспонденции превратились в предмет неприятных воспоминаний старожилов. <...> И вот в такое-то мирное время появился “Сибирский листок” со своими корреспонденциями из С. Перечитывая теперь, по истечении десятилетней давности, свои корреспонденции, я решительно не понимаю, что в них так тревожило обывателя? С чего ... он плевался и ругал корреспондента вместе с газетой?»²

В самом деле, давайте посмотрим, о чем писал сургутский автор газеты в этот тяжелый для всей Тобольской губернии 1891 год? О том, что на Севере не только люди испытывают нужду в хлебе, но и домашний скот голодает: из-за сильного разлива Оби к заготовке сена смогли приступить только в сентябре, корма мало и он плохого качества — приходится скот забивать. Об ограниченной возможности для заработка сургутян в зимнее время и отсутствии в городе каких-либо ремесел. О том, что при довольно широко распространенной в городе грамотности жители его все же невежественны, и это видно по тому, как многие из них сопротивляются проведению дезинфекции во время эпидемии дифтерита — значит, одной грамотности мало, необходимо истинное просвещение, желательно при таком большом количестве грамотных открытие народной библиотеки и пр.

«Мои немногочисленные сообщения из С., — продолжает автор статьи, — конечно, не могли служить полным отражением или зеркалом местной жизни. Жизнь эта для молодого человека, пропитанного лучшими литературными традициями и притом крайне впечатлительного, представляла весьма богатый материал. Объемистые тетради дневников в прозе и виршами служат и поныне живым памятником пережитой эпохи. Корреспонденции для “Сибирского листка” составляли только резюме всех этих “ума холодных наблюдений и сердца горестных заметок”». Можно себе представить, с каким захватывающим интересом читались бы нынешними сургутянами эти заметки. Я спросил у Бориса Борисовича Зобнина, затаив надежду, не сохранились ли тетради? Конечно, ответ был разочаровывающий.

Да, к сожалению, за давностью лет след Ф.К. Зобнина на сургутской земле стерся и многие подробности его жизни в эти годы ныне неизвест-

² Сибирский листок: 1901–1907. Тюмень, 2003. С. 94–95.

ны³, но все же из сказанного мы видим, что в это сургутское трехлетие Зобнин успел заявить о себе во всех тех областях культурной деятельности, в которых впоследствии заслужил известность в Западной Сибири, в том числе и в краеведении. Здесь он сделал первые шаги на пути краеведа-исследователя, приняв на себя в первый же год службы труд наблюдателя метеорологической станции, основанной четырьмя годами раньше.

Опираясь на данные наблюдений, он написал статью «О климате Сургутского края»⁴, 1 ноября 1891 г. директор Екатеринбургской магнитной и метеорологической обсерватории Г. Абельс писал ему: «С удовольствием я готов высказать, согласно Вашему желанию, свое мнение о метеорологических наблюдениях, сделанных Вами в Сургуте. Нашедши во время моего пребывания в Сургуте в августе с. г. все приборы в порядке да убедившись затем, что мальчик Тарасов, оставленный Вами наблюдателем после Вашего отъезда из Сургута, получил надлежащие указания, так что он делал наблюдения верно и с пониманием их значения, и, узнав, наконец, от жителей Сургута, что Вы всегда аккуратно ходили на станцию, я, конечно, должен был убедиться, что и Вами наблюдения делались добросовестно и с пониманием дела». Несколько лет спустя данными Зобнина воспользовался сургутский врач В.Е. Клячкин в работе «Санитарный очерк г. Сургута Тобольской губернии».

После переезда из Сургута четыре года Зобнин преподавал в старшем отделении Курганского Богородице-Рождественского училища, много писал в «Сибирский листок», поддерживал связи с губернским музеем и дарил книги его библиотеке. Самостоятельно изучив французский язык, он делал переводы литературных сочинений и публиковал их в газетах — в частности, в том же «Сибирском листке» в 10 номерах печаталась переведенная им повесть Ф. Сарсэ «Приключения одного китайского чиновника».

В 1895 г., очевидно, под давлением житейских обстоятельств⁵, заставивших искать более высокооплачиваемой должности, чем учительская, Филипп Козьмич перешел на службу акцизного чиновника в Семипалатинск. Его сын Борис Филиппович так объяснял эту перемену:

«Дальнейшая трудовая жизнь отца делится на две части. Для заработка, содержания семьи — служба в акцизном ведомстве, для удовлетворения стремлений к научной и общественной деятельности — занятия этнографией, начавшиеся еще во времена учительства, и активная журналистская работа.

³ 30 сентября 1891 г. Ф.К. Зобнин, сообщая о своем переезде в г. Курган, жаловался: «В Сургуте 16 руб. месячного содержания с семьей». — ПФА РАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 631.

⁴ Минович К. О климате Сургутского края // Степной листок. 1894. 1 июля.

⁵ В письме к В.И. Ламанскому Ф.К. Зобнин сообщал: «В январе 1895 года мне в интересах своего здоровья удалось переехать в г. Семипалатинск...». ПФА РАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 631.

Первая часть не ознаменовалась заметными успехами, да он к ним и не стремился. К концу своей 24-летней службы в 1916 году он имел должность делопроизводителя и “за выслугу лет” — наинизший чин 14-го класса Табели о рангах — коллежского регистратора... Зато в делах, к которым “лежала душа”, отец достиг намного большего. За свои труды по этнографии, археологии, истории и метеорологии Западной Сибири он в ноябре 1900 года был избран действительным членом Русского географического общества... Это общество наградило его двумя серебряными медалями “За полезные труды”»⁶.

Со времени переезда в Семипалатинск Ф.К. Зобнин приобретает твердую репутацию одаренного этнографа и публициста. «Живая старина» еще в 1894 г., публикуя его работу «Из года в год. Описание круговорота крестьянской жизни в слободе Усть-Ницынской Тобольской губернии», так отзывалась о ней: «Эта прекрасная, столь же художественная, сколько и научная статья даровитого автора — приносим ему за его сообщения глубокую нашу благодарность — будет, без сомнения, прочтена читателями “Живой старины” с живейшим интересом»⁷. За ней последовали работы «Игры в слободе Усть-Ницынской Тюменского округа» (1896), «Поездка на Алтай» (1897), «Усть-Ницынская слобода Тюменского уезда Тобольской губернии» (1898), «Свадебные обряды и обычаи среди казачьего населения Усть-Каменогорского уезда» (1900), «К вопросу о невольниках, рабах и тюленгутах в Киргизской степи» и другие. Две из названных статей — «Усть-Ницынская слобода...» и «Из года в год» — стали доступными местному читателю благодаря их воспроизведению в тюменском журнале «Лукич», имеющемся в фонде Ханты-Мансийской окружной библиотеки. Обе — увлекательное повествование о крестьянском быте конца XIX века.

Но, наверное, большая часть написанного Ф.К. Зобниным — это журналистские работы, публицистика. После Семипалатинска он жил в Каинске, Барнауле, Томске и всюду искал и находил возможности сотрудничества с прессой. Он печатался во многих газетах и журналах, преимущественно сибирских — «Тобольских губернских ведомостях», «Сибирском листке» (Тобольск), «Восточном обозрении» (Иркутск), «Памятной книжке Семипалатинской области» и «Записках Семипалатинского подотдела Русского географического общества», «Степном листке» и «Степном крае» (Омск), «Алтайской жизни», «Голосе Алтая» и «Алтайском крестьянине» (Барнаул), «Обской жизни», «Народной летописи», «Советской Сибири» (Новониколаевск, Новосибирск), «Сибирской газете», «Сибирском вестнике», «Сибирской жизни», «Сибирских отголосках», «Сибирском наблюдателе»

⁶ Зобнин Ф. К., Зобнин Б. Ф. О Григории Николаевиче Потанине (написанное отцом, сохранившееся в памяти сына) // Югра. 2006. № 3. С. 75.

⁷ Живая старина. 1894. Вып. I. С. 37–64.

(Томск), «Сибирских вопросах», «Роднике», «Живой старине» (Петербург). По сообщению доктора исторических наук Н.М. Дмитриенко, с января 1919 г. Зобнин некоторое время редактировал «Вестник Томской губернии».

Как писал Борис Филиппович Зобнин, он «сотрудничал в газетах исключительно прогрессивного направления, где помещал материалы, освещавшие крестьянскую жизнь, явления природы и быта, почерпавшиеся автором из соприкосновения с народной жизнью Сибири». По мнению Б.Ф. Зобнина, на почве общих интересов в области науки о Сибири и сибирской публицистики произошло сближение Ф.К. Зобнина с Г.Н. Потаниным⁸. В частности, с ним Зобнин неоднократно обсуждал в письмах вопросы сибирской прессы. Так, 22 ноября 1910 г. он писал из Барнаула: «...у меня осталось одно убежище — “Обская жизнь”. “Сибирские вопросы” приняли мою статью “На пути” — полубеллетристика с сокращениями, но, на беду мою, кажется, эти “Вопросы” чуть ли вовсе не прекратились. Я был полмесяца в поездке и пропустил газетные сообщения об этом, а с почты вот уже месяц журнал не получается...»⁹. Вместе с Потаниным Зобнин работал в Томском обществе изучения Сибири, будучи казначеем общества. В 1919 г., 15 июня, он опубликовал в «Сибирской жизни» статью «Болезнь Г.Н. Потанина». В конце своей жизни Григорий Николаевич некоторое время прожил в доме Зобнина в Томске, дом этот с мемориальной доской я сфотографировал в 2006 (?) г. Долгое время у сына Ф.К. Зобнина Бориса Филипповича хранились несколько вещей, принадлежавших Потанину. В 1967 г. он передал их в Томский краеведческий музей.

Если бы кто-то вознамерился собрать опубликованное Зобниным, это было бы непросто сделать из-за множества псевдонимов, которыми он подписывал свои статьи и корреспонденции. Вот наверняка неполный их перечень: К. Мирович, Каэм, К. М., К. М-ч, К. Л. М., Эф, Ф., Ферт, Эфиоп, Устьницынский, Ф. Сибиряк, N, Spiritus, Это он, Ив. Пустоутробин, Г-н Корреспондент.

В семейном архиве Б.Б. и Н.А. Зобниных бережно хранятся некоторые из корреспонденций Филиппа Козьмича, опубликованных до 1915 г. Их в свое время вырезала из газет и наклеила на листки бумаги старшая дочь Ф.К. Зобнина Леонилла Филипповна, благодаря которой они и дошли до наших дней. Но ведь сохранились в разных архивах и библиотеках сами газеты, а значит, и есть возможность для исследования на тему «Сибирский публицист Ф.К. Зобнин». В актуальности темы сомнений нет, но найдется ли исследователь?

⁸ В фонде Г.Н. Потанина в отделе редких книг и рукописей научной библиотеки Томского государственного университета сохранилось 12 писем Ф.К. Зобнина, написанных в период с 1911 по 1913 г.

⁹ РГАЛИ. Ф. 381. Оп. 1. Д. 59.

Учитель Павел Иванцев

Во втором десятилетии XX в. одним из активнейших сотрудников Тобольского губернского музея на севере губернии был учитель Павел Иванович Иванцев (1885 — после 1921).

Детство его прошло в селе Конево Тобольского округа близ Самарова, где его отец Иван Сергеевич, бывший крестьянин Рязанской губернии, с 1886 г. служил псаломщиком Пророко-Ильинской церкви. В 1900 г. отец переехал в Ишимский уезд и продолжал псаломщическую службу в церквях сел Чесноковского, Дубинского и Петуховского¹.

Некоторое время Павел учился в Тобольском духовном училище, но в основном, по-видимому, образовывался под руководством отца.

В 1903 г., согласно прошению, был определен в псаломщики. Служил в селах Екатерининском и Петуховском (в последнем в 1904 г. заменил вышедшего за штат по болезни отца), а в мае 1909 г. по собственному желанию перемещен на близкий с детства Север — в Богоявленскую церковь села Болчары на р. Конде. «Читает и поет очень хорошо», — замечено в его послужном списке².

Но церковная карьера у Павла Иванцева не состоялась. Помешал живой интерес к природе, к естественным наукам — ко всему, что окружало. Решающим образом на его судьбе отразилась экспедиция на Конду летом 1910 г. консерватора Тобольского губернского музея В.Н. Пигнатти³, который привлек к выполнению исследовательской программы экспедиции и Иванцева, с воодушевлением включившегося в работу.

¹ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 156. Оп. 24. Д. 423. Л. 366–367; Справочная книга Тобольской епархии к 1 сентября 1913 г. Тобольск, 1913. С. 24 «Алфавитного перечня...».

² Тобольские епархиальные ведомости. 1900. № 7. С. 58; 1904. № 1–2. С. 6; ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 156. Оп. 24. Д. 529. Л. 351–352.

³ Пигнатти Василий Николаевич (1877–1919), адвокат, общественный и государственный деятель. Учился на филологическом факультете Московского университета и юридическом факультете Парижского университета. Высылался под надзор полиции в Тобольск. Служил частным поверенным, участвовал в делах Тобольского губернского музея. Особенно много сделал для него в 1908–1915 гг., когда выполнял обязанности хранителя фондов. В марте 1917 г., после упразднения в России должности губернатора, избран губернским комиссаром и утвержден Временным правительством. Через год отстранен советской властью. С июня 1918 до осени 1919 г. — тобольский губернский комиссар Временного Сибирского правительства и правительства Колчака.

После отъезда экспедиции он писал в Тобольск: «Многоуважаемый Василий Николаевич!.. Если нужны будут мои услуги в чем-либо музею, то, пожалуйста, располагайте мной, поверьте, что я постараюсь их исполнить по мере своих сил. Если нужно делать наблюдения по метеорологии — вышлите приборы, я сохраню их в целости... <...> За то время, что Вы жили у нас, я успел почувствовать к Вам симпатию и уважение и постараюсь отплатить Вам за участие и простоту добросовестностью и старанием...»⁴.

С лета 1910 г. и началось быстрое краеведческое «взращение» П.И. Иванцева, его становление как исследователя и сотрудника губернского музея при тесном сотрудничестве с В.Н. Пигнатти и его поддержке. В том же году он собрал для музея в окрестностях села Болчары гербарий, в «Хронике музея» за 1910–1925 гг. есть отметка о получении этого гербария 30 ноября. Тогда же Пигнатти предложил и вполне посильную для псаломщика сельской церкви тему исследования: по записям в метрических книгах Болчаровской церкви проследить динамику численности местного остяцкого населения, и Павел Иванович с радостью взялся за работу. «Я старался, насколько мог, разработать статистический материал (не знаю, насколько мне это удалось), — писал он своему наставнику, закончив работу, — и теперь представляю его на Ваше усмотрение. Наверное, что-нибудь окажется лишним, что-либо сделано не так, как нужно, — прошу извинить, т. к. я в первый раз взялся за подобную работу. Уж не откажитесь, пожалуйста, сообщить о том, отвечает ли работа тем требованиям, какие нужны». А в декабре Иванцев уже вошел в состав группы, которая готовила экспозицию Тобольского музея для будущей 1-й Западно-Сибирской выставки в Омске (выставка состоялась летом 1911 г., музей представил на ней предметы быта ханты)⁵.

И в это же время готовился, может быть, решающий поворот в судьбе Иванцева — его переход к учительской службе. Произошел он при содействии Пигнатти довольно быстро, уже 27 января 1911 г. указом духовной консистории Иванцев был уволен от службы, а в апреле выдержал в педагогическом совете Тобольской гимназии испытание на звание учителя начального училища⁶. Вскоре Павел Иванович получил место учителя в иртышской деревне Слинкиной Тобольского уезда.

Перейдя на учительскую службу, он уже по одному только роду занятий и положению в селе стал ближе к музею и продолжал укреплять связи

⁴ Коновалова Е., Шварева Е. Об авторах «Ежегодника Тобольского губернского музея» // Лукич. 2001. № 2. С. 131.

⁵ Изделия остяков Тобольской губернии: Объяснительный указатель к этнографической коллекции Тобольского губернского музея на Первой Западно-Сибирской выставке в г. Омске. Тобольск, 1911.

⁶ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 156. Оп. 24. Д. 529. Л. 351–352; Циркуляр по Западно-Сибирскому учебному округу. Томск, 1911. № 5–6. С. 145.

с ним. По просьбам из Тобольска и по собственной инициативе он вел интенсивную собирательскую работу, отыскивал недостающие предметы для пополнения коллекций, даже иногда делал скромные пожертвования. В 1912 г. собрал в окрестностях д. Слинкиной коллекцию грибов полипор. В 26-м выпуске «Ежегодника» опубликовано исследование Иванцева «Материалы по статистике кондинских остяков», проведенное по предложению В.Н. Пигнатти в 13 населенных пунктах прихода Болчаровской церкви. Текст дополнен шестью таблицами, которые были составлены по метрическим книгам церкви села Болчаровского и охватывали период с 1870 по 1909 г. В них собраны данные о числе рождений, смертей, смертности детей в возрасте до 7 лет, числе и составе браков, возрасте вступающих в брак, движении населения по годам, об умерших в возрасте от 15 до 40 и старше 75 лет.

В Государственном архиве г. Тобольска хранятся письма П.И. Иванцева, адресованные В.Н. Пигнатти и свидетельствующие о сильном влиянии последнего на молодого сельского интеллигента. Они дают представление как об условиях жизни и круге интересов начинающего учителя, жаждущего новых знаний и служения общественному благу, так и о характере его отношений со старшим, более образованным и опытным коллегой, на чью помощь он рассчитывал не только при выполнении работ для губернского музея, но и в другой затруднительной житейской ситуации. Вот строки из одного письма в качестве иллюстрации к сказанному:

«Каждое мое письмо содержит какую-нибудь просьбу к Вам, следовательно, и настоящее не составляет исключения: если читальной музея получается журнал “Свободное воспитание”, то нельзя ли переслать вышедшие №№ мне, по весне я их привезу. Не имею возможности послать рубль-два на какую-нибудь газету, а на журнал и подавно, и остаюсь пока до лета без чтения». Подобные же просьбы есть и в письмах сотрудничавшего с тобольским музеем священника В.Н. Герасимова из с. Щекурьинского Березовского уезда к Н.Л. Скалозубову — видимо, полунищенское состояние сельского интеллигента, оторванного от культуры, подталкивало к таким «выцыганиваниям» и было характерным явлением времени.

Кроме В.Н. Пигнатти, становлением Иванцева-краеведа, полного желания учиться, руководил также член распорядительного комитета музея Василий Александрович Ивановский. Советами и критикой он старался уберечь его от множественности увлечений и разбросанности, помочь найти главный исследовательский интерес и сосредоточиться на нем, содействовал в оснащении полевым снаряжением, помогал подготовить к печати «Материалы по статистике кондинских остяков».

В марте 1912 г. Ивановский, предпочитавший всегда объясняться без обиняков, уведомлял Пигнатти: «...Пишу П.И. Иванцову. Его нужно отодрать прямо вожжами — бросается туда и сюда, как шальная лошадь... и

портит свое дело. А всякое сложное дело идет лишь тогда хорошо, когда в основе его лежит обдуманый расчет, а не случайные побуждения... Я пишу ему инструкцию ботанических занятий»⁷.

Безусловно, оказало влияние на Иванцева и знакомство и сотрудничество с ровесником и коллегой, но более опытным — ларьякским учителем Григорием Матвеевичем Дмитриевым-Садовниковым. И хотя они были разделены большим расстоянием и могли встречаться только в Тобольске во время летних каникул и переписываться, тем не менее их многое связывало: и общая устремленность к знанию, к просветительской и исследовательской работе, и одинаковое положение сельского учителя, во многом похожие трудности и разочарования, и то, что их привлек к сотрудничеству с музеем В.Н. Пигнатти.

В 1915 г. Павел Иванович продвинулся по службе, был переведен в двухклассное училище в Демьянск, а Григорий Матвеевич двумя годами раньше из Ларьяка перебрался в Обдорск. Через год Дмитриев-Садовников, готовивший по поручению музея экспедицию на р. Надым, предложил ввести в ее состав Иванцева. В экспедиции Павел Иванович собрал гербарий из 840 листов, до 500 образцов мхов, лишайников и древесных грибов, около 5000 насекомых⁸.

Был еще один род деятельности, который сближал Иванцева и Дмитриева-Садовникова — журналистика. Оба печатались в тобольской газете «Сибирский листок». Дмитриев-Садовников в течение нескольких лет был самым плодовитым из северных авторов, опубликовал много заметок и корреспонденции из Ларьяка и Обдорска. Иванцев печатался редко. Его статьи — это подробный анализ разных сторон деревенской жизни, так или иначе соприкасавшихся со школьным делом. В статье «К вопросу о школьных общежитиях в начальных школах» он предлагает устраивать при сельских школах интернаты, которые дали бы возможность преодолеть индифферентное отношение крестьян к школе, создать детям лучшие условия для занятий и этим повысить полезный эффект учительского труда⁹.

В статье «Неотложное дело» автор обрисовывает неблагоприятное экономическое положение северной деревни, при котором низкая платежеспособность крестьянина парадоксальным образом соединяется с ростом материальных потребностей деревни. При этом хозяйство не развивается, не открываются никаких новых производств, хотя природа содержит в себе потенциал для развития. Вся беда — в недостаточной образованности, косности крестьянина. Но и деревенская школа не помогает крестьянину, не дает детям практических знаний, которые побуждали бы к

⁷ Коновалова Е., Шварева Е. Указ. соч. С. 134–135.

⁸ Дмитриев-Садовников Г. М. Река Надым // ЕТГМ. 1917. Вып. 28. С. 1–2.

⁹ Сиб. листок. 1913. 5 дек.

хозяйственным новациям, оттого крестьянин и равнодушен к ней. Автор считает, что пора открывать в сельских училищах классы ручного труда, ремесленные отделения¹⁰.

Однако в жизни все гораздо сложнее. В соседнем с д. Слинкиной селе Новом стараниями губернского начальства решено было открыть при двухклассном училище ремесленное отделение, была ассигнована на его устройство необходимая сумма. Жителям села предлагалось только взять на себя расходы по отоплению и освещению. Сельский сход отказался. Об этом П.И. Иванцев с горечью пишет в корреспонденции «Впечатления схода»¹¹.

При всей нескончаемой череде больших и малых проблем деревенского деятеля просвещения, несмотря на недоброжелательство сельского мира, нищету и постоянные долги, Иванцев оставался верен школе, только поменял место жительства: в 1917 г. из Демьянска переехал в Обдорск, где приступил к заведованию двухклассным училищем.

Портрет П.И. Иванцева будет неполным без нескольких строк о его общественной деятельности. Понимая необходимость в учительской солидарности, он вступил в общество взаимного вспомоществования учащихся и учивших в учебных заведениях Тобольской губернии и поддерживал его своими взносами. Когда Февральская революция 1917 г. привела к смене власти на местах, он вошел в состав Обдорского комитета общественной безопасности, а в 1918 г., при создании впервые в Тобольской губернии долгожданных земских учреждений, был избран гласным Обдорского волостного земства, участвовал в первой чрезвычайной сессии губернского земского собрания, работал в комиссии по распределению функций между губернским и уездными земствами, вошел в состав губернского земства от Березовского уезда. Кроме того, губернское земское собрание в 1919 г. избрало его председателем комиссии по делам Севера¹².

Можно полагать, что рекомендовал Иванцева на эти должности В.Н. Пигнатти, бывший в те годы тобольским губернским комиссаром и подбиравший на ключевые должности в уездах известных ему деятельных, надежных людей.

Быть общественным деятелем в революционное время, при неоднократных и непредсказуемых сменах власти — дело нелегкое и опасное не только для самого деятеля, но и для членов его семьи. У нас нет точных сведений, но, вероятно, из-за резкого расхождения с большевизировавшимся Обдорским комитетом общественной безопасности Иванцев переехал в Тобольск. Эта перемена места жительства свидетельствуется не-

¹⁰ Сиб. листок. 1914. 2 янв.

¹¹ Сиб. листок. 1914. 3 апр.

¹² Протоколы Первой чрезвычайной сессии Тобольского губернского земского собрания. Тобольск, 1918; Тобольское народное слово. 1919. — 11 (24) июня.

давно найденным в Государственном архиве Тюменской области «Делом заведующего отделом снабжения и складов Райрыбы Иванцева Павла Ивановича».

Странное превращение учителя в снабженца объясняется условиями переживаемого момента. Работавший воспитателем трудовой коммуны № 3 для дефективных детей, Павел Иванович в начале октября 1920 г. «компартией был откомандирован на продовольственный фронт». Тобольский отдел народного образования в письме в уездный исполком от 13 октября того же года убеждал: «Дети нуждаются в особо внимательном надзоре и воспитательном воздействии и не могут оставаться без воспитателя. Отдел народного образования оказался в величайшем затруднении: у него нет совершенно подходящего лица для воспитательной работы. Единственное лицо, которое, благодаря своему многолетнему опыту, с большей пользой могло быть воспитателем и которое охотно берется за этот труд, является счетоводом в...».

На просьбу отдела народного образования вернуть ему ценного и незаменимого работника Райрыба ответила запиской в политбюро о намерении назначить Иванцева заведующим отделом снабжения — политбюро не возражало. 22 ноября 1920 г. заведующий отделом народного образования М. Тарутин вновь обратился с этой же просьбой теперь уже в Губрыбу — привилегированная контора на это ответила, что Иванцев «как сотрудник милитаризованного учреждения и вообще незаменимый ответственный работник откомандирован быть не может». 20 декабря 1920 г. П.И. Иванцеву был выдан мандат в связи с командированием его в Тюмень, Екатеринбург и Москву, а также другие пункты «для разрешения всех вопросов, касающихся снабжения промыслов и ловецкого населения материалами, орудиями лова и предметами первой необходимости»¹³.

Как удалось Павлу Ивановичу выбраться из цепких лап Губрыбы, неизвестно, но документы утверждают, что в 1921 г. П.И. Иванцев опять учительствовал в Обдорске — в высшем начальном училище, вместе с известными педагогами В.М. и Е.А. Новицкими. На этом сведения о нем заканчиваются. В списках учителей и служащих обдорских школ на 4 июня 1921 г. его фамилия не значится, не встречена она и в более поздних документах и печатных источниках¹⁴.

¹³ ГУТО ГАТО. Ф. 1818. Оп. 2. Д. 741.

¹⁴ ГАХМАО. Ф. 432. Оп. 1. Д. 19. Л. 23; ГАЯНАО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 10. Л. 55.

Поэт, сторонившийся славы

Душевный дар сибирского поэта Георгия Николаевича Тверитина (13 февраля 1889 — 31 декабря 1921) с самого рождения нашел себе благоприятную почву. Ребенок появился на свет в казачьей станице Щучинской Акмолинской области первенцем в семье молодого священника Николая Александровича Тверитина — настоящего сельского интеллигента, скромно и упорно трудившегося для просвещения местных казаков и крестьян. В Щучинской он заведовал одновременно тремя церковно-приходскими школами (кроме станичной, — в двух соседних деревнях), устраивал литературные чтения, вечера, позднее, когда был переведен священником в станицу Вознесенскую, создал там богатую библиотеку. Хорошую библиотеку имел и дома, выписывал журналы «Нива», «Природа и люди», «Родная речь», «Родина». Дочь Анастасия вспоминала: «В голодный 1891 год он выхлопотал для школ горячие завтраки для учащихся, которые в подавляющем большинстве были дети бедняков...».

Георгий рос в атмосфере родительской любви и сам светился любовью к родившимся следом за ним сестрам Анастасии, Евгении и Анне и брату Пете, позднее с благодарностью вспоминавшим о нем. «Рано и как бы шутя, — писала Анастасия, — он выучился грамоте и пристрастился к чтению. Прочитав сказку или рассказ, он его тотчас же представлял в лицах вместе с друзьями и сестрой с подружками... Обладая богатой фантазией, Юра часто рассказывал своим брату и сестрам разные фантастические рассказы, им самим придуманные... Он говорил, что много раз уже жил на земле, но все в разных странах, где испытывал разные приключения и трагически погибал, чтобы снова родиться в другой стране и жить среди другого народа». Младшая сестра Анна дополняет: «...нам, малышам, он часто помогал в играх, устраивая и придумывая разные сценки в стихах, которые мы разучивали и играли. Помню одну сценку “Разбойник-чудак”, где я играла роль цыганки, попавшей к разбойникам, и слова: “Развеселая цыганка, а зовут-то меня Анка, я к разбойничкам попала, воровать я с ними стала”. А сестра Женя была полицейским и говорила: “Именем закона арестую вас”».

Судите сами, легко ли было десяти- или одиннадцатилетнему живому, любознательному фантазеру и книгочею покинуть родной дом, расстаться с привычной деревенской средой и поехать в Ишимское духовное училище.

Наверное, и отец, зная сына, с тяжелым сердцем отправлял его учиться семейной профессии церковнослужителя. Учился Георгий, или Юра, как его звали в семье, прилежно. «Внимательно слушая на уроках и схватывая все на лету, он во время вечерних занятий в интернате помогал малоспособным ученикам готовить уроки и писать сочинения, — рассказывала в письме сестра Анастасия. — Писал он хорошо и делал переводы с греческого и латинского языков в стихах. Писать стихи он начал еще в училище, и одно из стихотворений было напечатано на обложке детского журнала «Задуманное слово», который он выписывал на свои сбережения от денег, посылаемых отцом на лакомства». Но общий строй бурсацкой жизни был казенным, однообразным и безрадостным, и Юра всегда с радостью ехал домой на зимние каникулы и даже приезжал и на весенние, нарушая запрет отца, который опасался трудностей поездки из-за распутицы.

В 1905 г. Георгий окончил училище и поступил в Тобольскую духовную семинарию. Литературный дар его продолжал развиваться. Учеба в Тобольске началась на фоне российских революционных событий, которые не могли не повлиять и на семинаристов: менялись их настроения, взгляды на жизнь и предназначение человека. Произошли перемены и во внутренней жизни семинарии, содержании учебного процесса. «Жизнь у нас поставлена по-новому, — с удовлетворением констатировал начинающий семинарист. — Разрешено посещать театры и устраивать общесеминарские сходки без надзора начальства... Ученическая библиотека тоже отдана в ведение воспитанников. Открыта ученическая читальня, в которую допущены все журналы и газеты без исключения». В это время в сочинениях и дневниковых записях Тверитина звучат мотивы духовного поиска, самоопределения, личностной свободы.

Очень ценную духовную поддержку получил в это время Георгий от своей тети, сестры матери Таисьи Михайловны Фарафоновой, — тобольячки, окончившей в 1897 году словесное отделение Высших женских Бестужевских курсов в Петербурге. О ней известно очень немного — в частности, то, что человеком она была деятельным и прогрессивно настроенным, имела переписку с Г.Н. Потаниным, собирала материалы о Н.М. Ядринцеве, писала статьи в газеты.

«Более близкое общение с юным племянником, — пишет Т.М. Фарафонова, — установилось у меня с 1904 г. ...Мать переслала мне 2–3 тетради его ранних стихотворений, что обнаруживало в мальчике большие возможности. В конце лета того же года возобновилось наше личное знакомство, и между нами установилась прочная дружба и началась деятельная переписка, продолжавшаяся с небольшими перерывами до конца его жизни... Я внимательно следила за духовным ростом юноши и всячески поощряла его творческие порывы».

Своими письмами и всеми иными доступными средствами Таисья Михайловна поддерживала в племяннике стремление к образованию, творчеству и общественно полезной деятельности, посылала деньги, когда Георгий учился в Петербурге. Судя по многочисленным письмам Тверитина к тете, она стала для него наиболее близким духовно человеком, с ней он обсуждал самые важные вопросы жизни, прежде всего — о литературе и призвании писателя, ей посылал свои стихи и рассказы. Таисья Михайловна сберегла это единственное богатство племянника — его бумаги. Ныне они находятся в Российском государственном архиве литературы и искусства в Москве и составляют фонд 1184 «Тверитин Георгий Николаевич». Здесь собраны стихотворения, рассказы, юношеские дневники, письма, воспоминания сестер и биографический очерк, написанный Т.М. Фарафоновой.

«Поэзия и вообще писательство, — признавался Георгий в письме 1 декабря 1906 г., — кажется мне таким святым делом, которое никогда нельзя употреблять бесполезно, без толку... Мне было стыдно и неловко употреблять на грязные анекдоты поэтический слог, и я никогда не писал ничего «для забавы» в виде различной заборной литературы. А теперь мне хочется сказать что-то такое, в чем не было бы ни одного ненужного, бесполезного слова. Может быть, это смешно и даже несколько тщеславно, но не думай так: я не ищу славы и не хочу быть известным. Я хочу быть только полезным человеком».

В конце 1906 года Георгий организовал в своем семинарском классе кружок самообразования и воспитания. Чтобы стать полезным, он хотел как можно больше познать, продолжал запоем читать и мечтал о продолжении образования в университете. Однако положение его в семинарии было незавидным, духовная самостоятельность и общественная деятельность (он редактировал рукописный сатирический журнал «Овод») не могли не навлечь на него неприязни семинарского начальства.

«Мне предлагают бросить писать, — с горечью сообщал Георгий тете 17 марта 1908 г., — бросить то, чем я занимаюсь уже столько лет, ловят каждый мой шаг, заставляют начать какую-то новую жизнь, тогда как и эта-то жизнь мне тесна. Иногда так больно, что взял бы да и выкрикнул всю правду в глаза и ушел от них куда-нибудь далеко-далеко. Вот только папу с мамой огорчать жаль...»

Ученье в семинарии продолжалось. Георгий переходил из класса в класс, продолжая писать, с осени 1909 г. стал публиковать стихи и рассказы из степной жизни в газете «Омский вестник» под псевдонимом Юрко Сибирский. Но положение его в семинарии оставалось прежним, т.к. он душой все больше расходился со своими наставниками. «Хочется на волю, на воздух, куда-нибудь к живым людям, к жизни! — жаловался он в письме 18 марта 1910 г. — Вся эта тупая планомерность, вся сухая машинная

работа преподавателей достаточно мне опротивела. Живые слова, живые речи видишь только в книгах, да и то в таких, что называются у нас запрещенным плодом... Жизнь наша так пуста и бесцветна, все так опустились, что иногда даже лучших товарищей трудно вывести из оцепенения и поговорить с ними по душе. Тоскливая жизнь...»

Кончилось тем, что в марте 1911 г. Георгий был уволен из семинарии с «четверкой» по поведению. Это лишило его возможности воспользоваться предоставленным семинаристам, окончившим полный курс, правом поступления в университет. И Тверитин поступил на юридический факультет Петербургского психоневрологического института.

Столичная жизнь не сильно изменила Георгия внутренне, он сохранил свои душевные привязанности, продолжал писать стихи и рассказы, предлагал их разным издательствам и даже немного зарабатывал литературным трудом, работал над повестью о семинаристе (вероятно, автобиографической) «Жизнь Кедронского», но особенно увлекся стихотворным переложением казахского эпоса «Песнь о Козы-Корпече и Баян-Слу».

Здесь нужно вернуться к годам детства Георгия и сделать небольшое отступление. Детство его прошло в местах, где русские и казахи жили в тесном соседстве. Мальчику не было еще и пяти лет, когда в станице Щучинской закрылась миссионерская школа для казахских детей и двое братьев Джемакаевых, круглых сирот, остались без крова и поддержки. Ребят взял в свою семью отец Георгия Николай Александрович. Из Щучинской они в 1894 г. переехали в Вознесенскую и продолжали жить в семье Тверитиных до совершеннолетия. От них и узнал Георгий многое о жизни и быте казахов, научился их языку. Позднее, уже взрослым, он побывал в юртах казахов, кочевавших близ Воскресенской, слушал их легенды, одна из которых особенно тронула. «Думаю переделать в стихах одну распространенную среди киргиз¹ сказку о Казу-Курпече и Баян-Слу. Очень хорошая сказка, имеющая в своем основании подлинную историю», — делился он замыслом в письме к тете от 6 сентября 1913 г. Как пишет Т.М. Фарафонтова, песнь «привлекала автора тем лирическим, сильно волнующим читателя настроением, которое гармонировало с неизменно ровным, спокойным характером самого автора».

После окончания института Георгий Николаевич поступил на службу в управление железной дороги. Началась Первая мировая война, следом — революция, но Георгий, предрасположенный к жизни внутри себя, продолжал облекать в стихотворную форму «Песнь о Козы-Корпече и Баян-Слу». В 1917 году она была готова к печати.

«Революция теперь мало-помалу перешла в спокойную созидательную работу, — сообщает Тверитин в письме 5 апреля 1917 г. — Все прошло

¹ Так в дореволюционное время официально именовались казахи.

быстро и сравнительно безболезненно. Я как неполитический деятель был все время не более чем простым зрителем, хотя, конечно, первые дни провел на улице... <...> Чуть было не издал свою сказку. Уже и денег достал — составили издательский фонд мои сослуживцы, но как раз грянули события, и дело само собой распалось. Придется выждать некоторое время». Здесь же Георгий высказывает озабоченность будущим сестер и брата: «Петю думаю взять сюда в Петроград. Вероятно, ему придется поступить в какое-либо военное училище, так здесь, пожалуй, будет лучше и удобней. А с будущей осени, когда наши девочки кончат, думаю забрать сюда всех: ведь, вероятно, захочется учиться, а жить всем вместе гораздо лучше и дешевле. Можно даже будет снять отдельную квартиру».

Однако мирные житейские заботы пришлось все-таки оставить, вихрь политической бури втянул в себя и Георгия Тверитина. В 1919 году он принял предложение поступить на культурно-просветительную работу в штаб 11-й армии, с которой прошел от Астрахани до Баку. Вступил в ВКП(б). В декабре 1920 года был делегирован от армии на VIII Всероссийский съезд Советов. В это время у него стал обостряться начавшийся еще в Петербурге туберкулезный процесс, но он все откладывал лечение, надеясь заняться им по выходе из армии на учительскую работу, которую Т.М. Фарафонтова уже подыскала для него в Харькове. 31 декабря 1921 года Георгий Николаевич умер в Петербурге на 32-м году жизни. Похоронен в Александро-Невской лавре «на коммунистической площадке против старого собора» (могилу отыскать не удалось). В некрологе, напечатанном в газете «Красная Звезда», сказано: «...обладая редкой самоотверженностью и преданностью пролетарскому делу, он мало заботился о себе». Да, это было время, когда жертвенность была слишком часто востребована в сравнении с другими качествами личности.

«Песнь о Козы-Корпече и Баян-Слу» была опубликована после смерти автора. В 1940 г. в № 7 и 8 журнала «Литература и искусство Казахстана» напечатана статья Т. М. Фарафонтовой «Письма Георгия Тверитина».

С духовной миссией по Сибири

Когда сидел в Российском государственном архиве литературы и искусства над документами фонда «Тверитин Георгий Николаевич», работе то и дело мешал навязчивый вопрос: хотя родом Георгий из Акмолинской области, но нет ли у него северных корней? Фамилия-то, как я привык считать с детства, сургутская. Чуть позднее предположение подтвердилось: отец Георгия Николай Александрович родился в Березове в начале 1860-х гг., когда его отец Александр Яковлевич Тверитин служил здесь священником Богородице-Рождественской церкви, будучи по происхождению сыном пономаря Богоявленской церкви с. Юганского, расположенного близ Сургута, Якова Алексеевича Тверитина, чего и следовало ожидать, т. к. Тверитины еще в XVII веке сконцентрировались в Сургуте.

Разберем все по порядку. По документам переписи населения 1834 г. (8-я ревизия) у 49-летнего пономаря Якова Алексеевича Тверитина были сыновья — Иван, 24-х лет, служивший тоже пономарем в сургутской Троицкой церкви, Григорий, 17 лет, Ефим, 12 лет, и восьмилетний Александр¹.

Семейство Якова Алексеевича оказалось незаурядным. Его старший сын Иван достаточно широко известен своими растениеводческими опытами, переросшими в создание целого опытного хозяйства². Нужно только добавить, что Иван Яковлевич занимался также и просвещением ханты. Став священником юганской Богоявленской церкви, он одновременно был и учителем существовавшей при ней школы, содержал учеников-ханты за свой счет, переводил на язык юганских ханты молитвы и за все это неоднократно награждался церковным начальством.

Для нашего повествования важно отметить, что и младший брат Ивана Яковлевича Александр Яковлевич Тверитин (ок. 1825–1889) оставил заметный след. После окончания в 1850 г. Тобольской духовной семинарии он был направлен священником в Христорождественскую церковь села Сосвинского (теперь — Сартынья) Березовского округа. Оттуда в 1855 г. переведен в Богородице-Рождественскую церковь г. Березова, был благочинным, одновременно со службой безвозмездно преподавал Закон Божий в Березовской женской школе. 28 апреля 1867 г. «в видах пользы

¹ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 154. Оп. 8. Д. 532. Л. 275 об.

² См. о нем в этом сборнике статью «Как награда разошлась с героем».

службы» переведен в обдорскую Петропавловскую церковь для несения весьма обременительных обязанностей миссионера.

Летние, а порой и осенние месяцы священник-миссионер проводил в постоянных разъездах по инородческим кочевьям — проповедовал православную веру среди ханты и ненцев, склонял их к крещению, исповедовал и причащал крещеных. В первый же год службы в Обдорске А.Я. Тверитин находился в разъездах с августа по ноябрь, в 1868 г. — с июня по октябрь³. В журналах миссии запечатлелись подробности встреч с ханты и ненцами, разбросанными по тайге и тундре, картины их быта, путевые наблюдения. Особенно отличаются остротой наблюдений и живостью слога журналы А.Я. Тверитина.

В начале 1870 г. Александр Яковлевич попросил о переводе из Обдорска, мотивируя ходатайство тем, что за время миссионерской службы заметно подорвал свое здоровье и что наступила пора позаботиться об учении четверых сыновей, родившихся за годы, прожитые в Березовском округе, — Николая, Семена, Александра и Алексея. В августе 1870 г. он был переведен священником церкви с. Преображенского, что под Тобольском, а через год — священником тобольской кладбищенской церкви Семи Отроков. В 1879–1882 гг. Александр Яковлевич снова в Березове — теперь уже протоиереем Воскресенского собора.

Последним местом службы А.Я. Тверитина был Туринский Крестовоздвиженский собор. После его смерти священник Георгий Зубов, прослеживая земной путь протоиерея, особо отмечал в некрологе его подвижническую деятельность в народном просвещении: «Как наблюдатель церковно-приходских школ покойный, благодаря своему нравственному влиянию на подведомственное его благочинию духовенство, успел побудить почти все причты открыть в своих приходах церковные школы и школы грамотности. Особенно ревностно заботился он об организации этих школ, как-то: об удобстве помещений, о снабжении их необходимыми учебными принадлежностями, о приобретении хороших учителей и проч. Любимым предметом покойного в разговорах и беседах с людьми влиятельными в обществе всегда был вопрос об образовании народа в духе церковном и о той пользе, какую может привнести этот дух в жизнь народную. Вообще можно сказать о покойном, что он был одним из видных деятелей в Тобольской епархии в заботах о судьбе церковно-приходских школ...»⁴. А.Я. Тверитин был награжден многими церковными знаками отличия, а также орденом Святой Анны 3-й степени.

³ Путевые журналы миссионеров Обдорской миссии (60–70-е гг. XIX века) / сост. и коммент. В. Темплинга, вступ. ст. и коммент. С. Турова. Тюмень, 2002.

⁴ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 156. Оп. 24. Д. 198. Л. 124–126; Ф. 716. Оп. 1. Д. 16. Л. 224–225; Зубов Г. Протоиерей Александр Яковлевич Тверитин // Тобольские епарх. вед. 1889. 1 мая (№ 9). С. 194–196.

В год смерти А.Я. Тверитина его старший сын Николай, окончивший четырьмя годами раньше Тобольскую духовную семинарию, был начинающим священнослужителем в станице Щучинской Акмолинской области. 10 мая 1894 г. он был переведен на место священника в станицу Воскресенскую, расположенную близ г. Петропавловска⁵. О его пристрастии к насаждению грамотности было уже сказано в предыдущей статье (видимо, просветительство — наследственное в этом роду Тверитиных), но есть и еще интересные факты. Так, на письме сына Георгия к тете Т.М. Фарафоновой из Воскресенской 1 декабря 1905 г. он делает приписку: «Милая Тая! Я устраиваю здесь библиотеку для народа...». И далее просит раздобыть в Питере и прислать старых журналов. В дневнике Георгия, героя предыдущей публикации, есть заметки об экскурсии летом 1907 г. учеников Николая Александровича в Омск, во время которой он был помощником отца. В 1913 г. Георгий сообщал Т.М. Фарафоновой: «Ася [одна из сестер] учительствует под руководством папы».

А вот что писала об отце дочь Анастасия: «Его заветной мечтой было открыть читальню, в которой можно было бы устраивать по вечерам воскресных дней народные чтения, а ежедневно каждый из читающих мог получить бесплатно чай в неограниченном количестве. К читальне он думал привлечь лучших учеников из окончивших школу, чтобы они полюбили книгу и не забывали ее до конца жизни. Но мечте этой не суждено было осуществиться, т. к. в 1914 году общество трезвости в Петербурге обещало ему отпустить 3000 рублей на здание для школы и библиотеки с читальней, но грянула империалистическая война, и обещанные деньги им получены не были. Во время войны отец, служа бригадным священником, создал для солдат небольшую библиотечку с произведениями русских классиков. В Барнауле он получил бесплатный пропуск на три дневных спектакля для 40 солдат на каждый спектакль. В Пензе (по-видимому, там дислоцировалась во время войны сибирская казачья бригада. — В. Б.) часто был посредником между солдатами и офицерством, и часто по его просьбе невинные освобождались от назначенного им наказания».

Упомяну здесь и других членов этой большой семьи, о которых удалось что-то узнать. Старший сын юганского священника Ивана Яковлевича Тверитина Василий Иванович, имея всего лишь домашнее образование, дослужился до священнического сана и большую часть жизни прожил в Курганском округе. Известен он стал тем, что был одним из первых пчеловодов в местности, считавшейся непригодной для такого занятия. В 1895 г. он участвовал в Курганской сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставке и награжден малой серебряной медалью. Из сы-

⁵ Омская епархия / сост. К. Скальский. Омск, 1900. С. 85–86.

новой протоиерея Александра Яковлевича Тверитина Семен в 1900 г. был священником церкви села Нижне-Лумпокольского Сургутского уезда, а Алексей стал чиновником Тобольского губернского управления, заслужил орден Св. Станислава 3-й степени и личное дворянство.

Принято считать, что в конце XIX — начале XX в. жители Тобольского Севера безвыездно проживали в своих городах и тем более селах от рождения до старости, так и не повидав других мест. Род юганского причетника Якова Алексеевича Тверитина отрицает это мнение своей широкой «экспансией» по российским просторам аж до самого Петербурга.

Врач, охотник и писатель Э.М. Сенкевич

Первым источником информации об Э.М. Сенкевиче, искусном враче, интересном писателе и замечательном человеке, была для меня встретившаяся в окружной газете «Ленинская правда» (прежнее название «Новостей Югры») заметка А. Сергиевского «На древней земле вогулов»¹. Автор кратко сообщал о враче, который в начале XX века по долгу службы много разъезжал по Кондинскому краю, попутно изучая его. Заметка была написана на основе очерка самого Сенкевича «В стране вогулов», напечатанного в № 20 журнала «Вестник знания» за 1928 г. Вырезанная из газеты, пролежав два десятка лет, она вдруг пригодилась, став импульсом к поиску.

В середине 90-х годов, разыскивая сведения о разных людях для биобиблиографического словаря «Ученые и краеведы Югры», который готовила к изданию Ханты-Мансийская окружная библиотека, я снова встретил это имя в бумагах Государственного архива Омской области: в «Списке экспедиций и обследований по Тобольскому Северу за период 1900–1937 гг.» значилась экспедиция в верховья Конды доктора Э.М. Сенкевича². Это уже нельзя было оставить без внимания. И вот в тобольском архиве, просматривая опись фонда врачебного отделения Тобольского губернского управления, нашел запись о деле № 1010 «О допущении к исполнению обязанностей пелымского объездного врача Эмиля Мариановича Сенкевича»³, по материалам которого и была составлена статья для упомянутого биобиблиографического словаря.

Архивное дело открывало человека с незаурядной биографией. Э.М. Сенкевич родился 21 апреля 1882 г. в Бирском уезде Уфимской губернии в семье ссыльного польского дворянина. В 1902 г. окончил полный курс медицинских наук в Варшавском университете и в 1905 году заведовал холерным баракком в г. Кургане Тобольской губернии. Первый же лист дела интригует тем, что обнаруживает тяготение образованного молодого человека к глухой провинции: он просит направить его в Березовский край или другое отдаленное место Тобольской губернии «в видах тех, что интересуюсь в медицинском отношении указанными местами».

В августе 1905 года Сенкевич получил назначение на должность пелымского объездного врача. В сентябре следующего года он был отпущен

¹ Сергиевский А. На древней земле вогулов // Ленин. правда. 1975. 4 сент.

² ГИАОмО. Ф. 1074. Оп. 1. Д. 168. Л. 7.

³ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 352. Оп. 1. Д. 1010.

для сдачи экзаменов в Казанском университете. Экзамены выдержал с отличием, получил степень лекаря и вернулся в Кондинский край, где отслужил еще около двух лет. В 1905–1908 гг. Сенкевич по своим врачебным делам преодолел многие сотни километров пути по обширным болотам, рекам и речушкам бассейнов Конды и Тавды, производя попутно антропометрические измерения вогулов и на досуге знакомясь с местной природой, фотографируя и охотясь. Эти странствия в одиночку и были названы омскими краеведами «экспедицией».

В марте 1908 года Сенкевич обратился к начальству с прошением о четырехмесячном отпуске за границу, так как получил возможность «воспользоваться бесплатным проездом, содержанием и слушанием курсов хирургии в Париже, Вене, Чикаго, Бостоне, Цюрихе и Женеве». При этом он заверял, что по окончании отпуска вернется в Пелым. Отпуск был разрешен, и в письме от 14 сентября 1908 года Сенкевич уже просил врачебное отделение переслать полагающиеся ему квартирные деньги в Нью-Йорк. Затем его письма приходили в Тобольск из Вены, Парижа и других европейских городов.

Поездка потребовала гораздо больше четырех месяцев, и он вынужден был просить об отставке.

В 1909 году, обогащенный европейским и американским медицинским опытом, Сенкевич вернулся в Тобольскую губернию. О потерянном ввиду отставки месте в Пелыме Эмиль Марианович, видимо, жалел. В своем прошении во врачебное отделение он опять уведомлял о желании получить работу на Севере и просил сообщить об условиях службы в Самаровском участке. По неизвестной причине желание это не сбылось. Как видно из последнего документа архивного дела № 1010, датированного 31 декабря 1910 года, судьба забросила Сенкевича в уральский городок Красноуфимск. На этом след обрывался, но с того времени фамилия «Сенкевич» постоянно была в моей оперативной памяти.

Недолгое время спустя, работая в Екатеринбурге в областной библиотеке имени Белинского, опять «встретился» с Сенкевичем. На этот раз он открылся совсем с другой стороны. В журнале «Уральский охотник» за 1924–1931 гг. обнаружилось около двух десятков его охотничьих очерков, рассказов и статей. Подписывался Эмиль Марианович как собственной фамилией и заглавными буквами имени и фамилии, так и псевдонимами «Старый охотник», «Военный врач» и «Пелымец». О том, что это тот же самый Э.М. Сенкевич, говорили разбросанные по текстам детали биографии, в особенности — многочисленные упоминания о врачебной деятельности в кондинских местах. Особенно интенсивным было сотрудничество Эмиля Мариановича с редакцией «Уральского охотника» в 1924 году, когда журнал опубликовал более десятка его работ. Журнал

«Хозяйство Урала» так отозвался о них: «В прошлых номерах выделяются работы С. Качиони⁴ и рассказы Э. Сенкевича как интересной трактовкой темы, так и литературностью слога»⁵.

Хотя по большей части это охотничьи очерки и рассказы, но в них содержатся во множестве сведения о природе и людях верховий Конды начала прошлого века, то и дело встречаются знакомые мансийские названия рек, речек, селений (Конда, Евра, Тап, Вына, Касат, Немнел, Юконда, Муломья, Супра, Оронтур, Шаим, Нерпалы, Есунт...), живописные бытовые картинки, описания способов охоты и случаев из охотничьей практики, даны яркие пейзажные зарисовки и короткие, меткие психологические характеристики охотников-вогулов. В текстах много характерных местных словечек.

Говорят, можно сто раз произнести слово «халва», но слаще во рту от этого не станет, поэтому для читателя представлю начало и конец небольшого рассказа «Разочарование»⁶.

«В конце мая спускались мы на двух осиновых челнах вниз по реке Конде.

Была тихая светлая северная ночь без звезд, — не наша, грешная, теплая, благоухающая, с хорами лягушек и с соловьями, а безмолвная, строго чистая и до боли холодная...

Все живое спряталось и замолкло, и даже обычно бурливая, беспокойная Конда теперь как бы присмирела и бесшумно катила свои воды в мягких илистых берегах.

В такую ночь нет места ни беспокойным мыслям, ни мечтаниям: человек сливается с природой, живет с ней одной жизнью, одним пониманием и словно перестает существовать отдельно <...>

С тех пор прошло уже 15 лет. Воспоминания об этой ночи все так же обаятельны и свежи, хотя медведь и оказался просто майским облезлым зайцем.

Много раз в жизни на других поприщах страстно желанные медведи оказывались только зайцами...

И еще более грустно становится, когда теперь, прожив жизнь, с удивлением узнаешь и в себе самом облезлого зайца вместо того могучего медведя, каким так хотелось быть смолоду...»

В небольших рассказах и очерках Сенкевич является читателю как охотник, любитель природы, талантливый повествователь, но в нескольких других работах он открывается как исследователь. Одна из них — «О речных бобрах в Тавдо-Кондинском крае». В ней он описывает район оби-

⁴ Редактор журнала «Уральский охотник».

⁵ Библиография. «Уральский охотник» // Хозяйство Урала. 1925. № 4. С. 153.

⁶ Разочарование // Уральский охотник. 1924. № 4. С. 30–31.

тания бобров и предлагает объявить эту местность заказником, обосновывая свое предложение и даже намечая границы⁷.

Но представление об Э.М. Сенкевиче как человеке с исследовательскими задатками складывается вполне после чтения самой крупной из известных его работ — «В дебрях Уральского Севера. Тавдо-Кондинский край в промысловом и бытовом отношении»⁸. В ней дана широкая экономико-географическая картина территории двух левых притоков Иртыша — Тавды и Конды. Эта территория как раз и была в начале XX века районом работ пельымского объездного врача, и в статье «О речных бобрах...» Сенкевич писал: «В течение трех лет (с 1905 по 1908 год) я изъездил весь Тавдо-Кондинский край, производя антропологические измерения». Отправным пунктом исследовательских маршрутов было, по-видимому, село Табаринское, позднее ставшее железнодорожной станцией Тавда, так как оно было определено местом жительства объездного врача Пельымского участка⁹.

Текст работы состоит из общего географического обзора, характеристики населения края, общей характеристики района (как тавдинской, так и кондинской стороны) в промышленном отношении (здесь использованы собранные автором данные из церковных архивов), описания способов и средств охоты на соболя, лося, медведя, бобра, северного оленя, картин быта промышленников, весьма нелегких условий путешествия по краю. На мой взгляд, она остается ценным источником и для современного исследователя.

При чтении «Уральского охотника» из текстов Сенкевича были выловлены кой-какие дополнительные биографические подробности. Автор упоминает о деревнях Тюкалинского уезда Тобольской губернии (Называева, Климина и др.), в окрестностях которых он еще мальчиком охотился вместе с отцом на уток и зайцев, о своей службе в Красноуфимске и участии в качестве военного врача в Гражданской войне.

Но все наличные сведения казались отрывочными и недостаточными для того, чтобы представить Э.М. Сенкевича как автора и воспроизвести его забытые сочинения в виде небольшой книжки. Некоторые попытки найти старых екатеринбуржцев, знавших врача-писателя, успехом не увенчались. И вот весной 2007 года в Интернете неожиданно был найден очерк Л. Вишневской «Человек высокого благородства и чести», в котором повествование о жизни и деятельности Э.М. Сенкевича построено на личных воспоминаниях, рассказах членов семьи и сохранившихся докумен-

⁷ Сенкевич Э. О речных бобрах в Тавдо-Кондинском крае // Уральский охотник. 1924. № 10.

⁸ Уральский охотник. 1927. № 1. С. 35–42; № 2. С. 31–38; № 3. С. 27–34; № 4. С. 29–36; № 5. С. 36–44.

⁹ Календарь Тобольской губернии на 1890 год. Тобольск, 1889. С. 225.

тах. Сенкевич был другом ее деда художника Василия Ивановича Горбунова, преподававшего в промышленном училище и женской гимназии г. Красноуфимска. Горбунов и Сенкевич познакомились в 1909 году, вскоре подружились (помимо прочего, сблизила их и страсть к охоте), и Эмиль Марианович часто бывал в доме друга. После того, как В.И. Горбунов был репрессирован, дружеские связи с его семьей сохранялись до конца жизни Сенкевича — вот причина безупречной авторской осведомленности.

Прекрасный очерк Л.Г. Вишневской с разрешения автора был воспроизведен в журнале «Югра»¹⁰, но здесь вновь повторю некоторые сведения из него. С 1909 по 1918 год Э.М. Сенкевич служил хирургом и главным врачом Красноуфимской уездной больницы и пользовался большим авторитетом как хирург, уролог и гинеколог. К своей работе он относился чрезвычайно ответственно и вдумчиво, тщательно анализировал успехи и ошибки. Некоторые из его отчетов о работе больницы перед земской управой публиковал Московский университет. Основываясь на опыте шести тысяч операций, написал книгу для молодых врачей по хирургии¹¹.

В 1918 г. Сенкевич добровольно вступил в Красную армию и по 1922 г. служил военным врачом (вот откуда один из его литературных псевдонимов). По-видимому, считает Л. Вишневская, сказало влияние его отца Мариана Анастасьевича, участника революционных событий 1863 года в Польше. В 1924–1929 гг. Эмиль Марианович работал в клинике Ленинградской военно-медицинской академии и Ленинградском институте усовершенствования врачей. Затем «после недолгого пребывания в Иркутске с начала 30-х гг. и до конца своей трудовой деятельности работал в Свердловском государственном медицинском институте, где защитил диссертацию» в 1952 г. Сенкевич — автор 44 научных работ, 11 из них изданы за рубежом на нескольких языках. (Сам Сенкевич знал английский, немецкий и польский). В августе 1953 г. Э.М. Сенкевич погиб в результате несчастного случая, похоронен на Красноуфимском кладбище.

После счастливой встречи с очерком Л.Г. Вишневской у меня состоялась удачная командировка в Екатеринбург, где от директора Свердловского областного краеведческого музея В.К. Уфимцева узнал, что есть областной музей истории медицины. На телефонный звонок сотрудник музея Г.В. Чукреев ответил, что кое-что о Сенкевиче в музее есть, а, кроме

¹⁰ Вишневская Л. Человек высокого благородства и чести // Югра. 2007. № 9. С. 64–69.

¹¹ Вероятно, это следующее издание: Сенкевич Э. М. Техника и ошибки первых операций. Свердловск, 1935. 258 с. — Кроме того, известна и другая его книга — «Хирургия земского врача», изданная в 1924 г. Обе книги есть в Свердловской областной библиотеке имени Белинского. Сообщения о том и другом изданиях получены от сотрудников Свердловского областного музея истории медицины.

того, имеется у музея еще и филиал «Красноуфимская земская больница», где также есть экспозиция, посвященная этому почитаемому в городе врачу. При содействии директора медицинского музея Б.В. Соколова, его заместителя М.Г. Сажинной и Г.В. Чукреева удалось сделать копии старых фотографий. Копии шести снимков самого Э.М. Сенкевича, сделанных столетие назад, благодаря содействию В.К. Уфимцева, были найдены в фондах областного краеведческого музея и записаны на дискеты.

И, наконец, Б.В. Соколов дал номер телефона редакции красноуфимской газеты «Городок», опубликовавшей очерк «Человек высокого благородства и чести». Ее редактор Юлия Мазеина сообщила номер телефона автора — Л.Г. Вишневецкой, с которой удалось подробно поговорить. К сожалению, для поездки в Красноуфимск времени уже не оставалось.

Когда вспоминаешь, что 20 лет назад мы ничего не знали об Э.М. Сенкевиче, он был забыт, то может показаться, что теперь знаем много. Но что нам известно о ленинградском периоде его жизни? Даже и о свердловском я пока ничего не знаю, хотя, может быть, сотрудники музея истории медицины и имеют информацию. Хочется съездить в Екатеринбург, в Красноуфимск.

Из найденного, прочитанного складывается весьма привлекательный образ российского интеллигента — свободного человека, для которого сознательный выбор — его естественное состояние. Он хотел совершенствоваться в избранной специальности врача и решил на выход в отставку ради возможности стажироваться в европейских и американских клиниках, хотя отставка лишала его привлекательной должности пельимского объездного врача, которая позволяла ему не только заниматься врачебным делом, но и удовлетворять страсть к охоте и путешествиям — это был отказ от другого сознательного выбора. Он был одинаково внимателен как к своим успехам, так и к неудачам, и делился личным опытом с другими, желая уберечь их от подобных ошибок. Он смог проявить свой литературный дар и при этом не пытался извлечь из него выгоду. Он был верен в дружбе, и когда друг погиб в сталинском лагере, ничуть не изменил своего отношения к оставшимся членам семьи, пренебрегая соображениями личной безопасности.

Путешествие от скуки

Почти сто лет пролежал в научном архиве Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника невостребованным один весьма любопытный дневник. В нем зафиксированы подробности, может быть, единственной в своем роде экспедиции: все ее участники были политссыльными, среди них не было ни одного профессионального исследователя-путешественника, но главной целью было объявлено научное описание Кондинского края¹.

Всему «виной» был недоучившийся 21-летний студент Киевского политехнического института Моисей Гершович Корсунский. Изобличенный в принадлежности к Киевской военно-революционной организации РСДРП и высланный на три года в Тобольскую губернию под гласный надзор полиции, в начале осени 1907 г. он оказался в селе Самаровском в обширной компании таких же молодых людей из разных мест Европейской России.

Приближалась зима — время томительного вынужденного безделья, особенно для тех, чьим занятием был умственный труд. Хочешь не хочешь, а ты обречен на монотонное растительное существование, не к чему приложить силы. Оставалось только смириться с положением ссыльного и поставить крест на трех ближайших годах, заранее считая их потерянными. Но этому-то и воспрепятствовал Корсунский. Он подал сумасбродную, на первый и на второй взгляд, идею отправиться в длительное путешествие. И сумел заразить ею несколько человек. Свежи еще были впечатления от «Робинзона Крузо» и «Детей капитана Гранта», по-юношески открыты души окружающему миру, и так хотелось уйти от гнетущего положения поднадзорного на свободу, на простор.

24 октября 1907 г. из Самарова ушло письмо в Тобольск к губернатору Н.Л. Гондатти, в котором Корсунский извещал, что хотел бы в конце марта следующего года отправиться с тремя товарищами в Обдорск, откуда совершить 4–5-месячный лыжно-пеший переход по полуострову Ямал до океана и затем пройти берегом океана и Обской губы. В пути предполагалось вести глазомерную и нивелирную съемки, изучать геологию береговой полосы, собрать коллекцию флоры и фауны. Словно бы ничуть не сомневаясь в том, что губернатор, сам в молодости путешествовавший по

¹ См.: Корсунский М. Очерк экскурсии на Конду летом 1908 года // Подорожник. Тюмень, 2005. С. 232–318.

Тобольскому Северу, должен поддержать благой порыв, Корсунский приложил к письму список необходимого снаряжения из 28 пунктов, не забыв включить в него две винтовки и два карабина².

Получив отказ, Корсунский не успокоился. 27 февраля 1908 г. он, теперь уже совместно с товарищем по ссылке, бывшим студентом Московского университета Агапьевым, обратился к губернатору с новым планом. На этот раз речь шла о том, чтобы со вскрытием реки вшестером отправиться в прямо противоположном направлении — к верховьям Иртыша — и возвратиться в сентябре³. Но и это предложение не нашло поддержки.

В конце концов 21 июня 1908 г. тобольскому уездному исправнику из губернского управления было отправлено уведомление о том, что губернатор разрешил Моисею Корсунскому, Гершу Бабкину, Николаю Рецкому, Петру Годомину и Александру Агапьеву отправиться на реку Конду для научных исследований и предписал выдать им удостоверения и, в виде исключения, кормовые деньги за июнь, июль и август⁴.

К этому моменту путешественники уже четвертый день находились в плавании, выехав из Самарова 17 июня с 15 рублями в кармане, запасом продуктов на полтора месяца вместо трех и в превосходном настроении. В качестве замены внезапно переведенному в другое место шестому товарищу Корсунский, как он сам писал 12 июня губернатору, «пригласил к участию в поездке сургутского ссыльного Тимофея Миронова... в силу того, что для несения всей предстоящей работы был необходим еще один человек»⁵. Эта вольность сошла Корсунскому с рук и не имела последствий, Миронова с дороги не вернули.

Беспечные путешественники вышли в плавание на собственноручно изготовленной лодке, благо среди них были два столяра и кузнец. Приключений на их долю выпало предостаточно. Плохо проконопаченная лодка протекала и в отдельные дни приходилось вычерпывать из нее до 30 ведер воды. Не зря один из путешественников, как видно, веселый и одаренный интуицией, предложил назвать ее «Утопией». В первые же дни подмокла часть продуктов, которых и без того было мало. Приходилось лодку ремонтировать. Из-за незнания реки случалось нередко подолгу блуждать по протокам Конды, чтобы попасть в ближайшую деревню. Река показывала свой нрав: то попадали на мели, то на быстрыны, с которыми с трудом справлялись.

Ни на один день не отпускали заботы о продовольствии, так как отплыли из Самарова с небогатыми запасами. Рыбалка далеко не всегда была удачной, как и охота. К тому же часто приходилось всей экспедицией искать заблуд-

² ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 21. Д. 60. Л. 59–60.

³ Там же. Л. 66.

⁴ Там же. Л. 113.

⁵ Там же. Л. 73.

дившихся охотников, и хорошо, что заканчивалось все благополучно. Поэтому все были единодушны в желании побыстрее добраться до очередного населенного пункта: это давало шанс заработать починкой ружей, пайкой прохудившихся самоваров, фотографированием. Да и просто можно было надеяться на гостеприимство деревенских жителей. Пиршества перемежались с полуголодным состоянием, когда одни грибы вырубали.

Хотя никакого задания ни от кого экспедиция не получала, Корсунский организовывал в пути кой-какие действия для оправдания присвоенного ей названия «научная»: маршрутную съемку, наблюдения за составом горных пород, слагавших ложе реки, ландшафтами, флорой и фауной местности, метеорологические наблюдения; опросы местных жителей давали сведения об экономическом быте населения юрт, деревень и сел нижнего течения Конды — остяков и русских. Для фиксации этих сведений Корсунский, взявший на себя ответственность за результаты экспедиции, иногда затрачивал во время остановок по две ночи подряд. В дневнике путешествия, который он вел, есть интересные заметки о расположенных на берегах Конды населенных пунктах Реденькое, Чилимка, юртах Каменных (теперь — д. Кама), Алтайских, Красноярских, Байбалинских, Кельсинских, Сиглинских, Богдановских, Болчаровских, деревнях Зимняя и Летняя Пушта, Есаул, селе Нахрачи. Большинство из них уже нет теперь. По всей вероятности, материалы Корсунского заинтересовали консерватора Тобольского губернского музея В.Н. Пигнатти, и он вскоре предпринял собственную экспедицию в эти же места.

В «Списке материалов, добытых на реке Конде» Корсунский указывает, что археологические находки и 25 экземпляров засушенных растений переданы в тобольский музей. В архиве музея до настоящего времени сохранился и журнал съемки р. Конды от юрт Болчаровских до устья. Другую часть гербария, образцы воды и почв, журнал метеорологических наблюдений Корсунский хотел передать в Киевский университет и политехнический институт, 60 негативов — Географическому обществу, а материалы статистических опросов населения Конды намеревался предложить купить губернской администрации.

В точности ли исполнил он эти намерения — неизвестно. Есть сведения о том, что собранный им и Рецким гербарий посылался из Киевского университета в Петербург ботанику Б.Н. Городкову и был возвращен⁶. В письме матери Корсунского к Н.Л. Скалозубову из Киева есть такая фраза: «Материалы его находятся в некоторых лабораториях наших профессоров и очень медленно обрабатываются». Доехав на пароходе до Тобольска, Корсунский, по-видимому, заканчивал там экспедиционные дела, пытался кого-

⁶ Городская хроника // Сиб. листок. 1908. 30 сент.; Городков Б. Очерк растительности низовьев реки Конды // ЕТГМ. 1912. Вып. 20. С. 3; ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 151. Оп. 1. Д. 36. Л. 153.

то заинтересовать новыми проектами, устроить дальнейшие судьбы свою и товарищей. 27 сентября 1908 г. губернское управление извещало тобольского уездного исправника, что Корсунскому и Годомину разрешена вице-губернатором временная отлучка в Тюмень, срок которой не указан⁷.

10 февраля 1909 г. Р. Корсунская писала Н. Скалозубову: «В настоящее время положение сына моего отчаянное, срок ссылки кончается лишь 9 апреля 1910 г. Остаться 14 месяцев в Сибири оторванным от науки и своих близких, без всякого дела, не имея возможности сколько-нибудь зарабатывать, подвергаясь всяким лишениям и стеснениям, больше он не в силах, его душевное состояние очень плохое⁸. По всей видимости, она надеялась, что член Государственной думы Н.Л. Скалозубов, известный своей готовностью хлопотать за каждого нуждающегося, сможет добиться досрочного возвращения сына на родину.

Однако другие документы свидетельствуют, что душевное состояние ее сына было далеко не столь упадочным. Более того, он был полон идей, регулярно уведомлял власти о своих новых занятиях, связанных с отлучками из Тюмени, и просил содействия в осуществлении проектов, порой очень похожих на авантюры. Так, предлагая консерватору тобольского музея В.Н. Пигнатти проект новой экскурсии, он просит о материальной поддержке, подчеркивая: «в моральной я не нуждаюсь».

19 июня 1909 г. Корсунский письмом попросил у губернатора разрешения остаться в Тюмени еще на 9 месяцев — до окончания срока работы по исследованию оврагов. 10 июля 1909 г. в секретной записке тюменскому уездному исправнику помощник начальника губернского жандармского управления писал: «Оставление Корсунского в Тюмени, конечно, нежелательно, и чем скорее он уедет отсюда, тем лучше»⁹. По-видимому, беспокойство местной власти он причинял не крамолой, а своими бесконечными инициативами и склонностью мало считаться с положением поднадзорного. При всем этом каким-то образом ему удавалось оставаться в Тюмени.

Как раз в это время, 14 июля 1909 г., Корсунский снова обратился к губернатору за разрешением отправиться в августе в составе научной экспедиции на зимовку на р. Вах. Когда губернатор поинтересовался, почему Корсунский до сих пор находится в Тюмени, а не в Самарове, и кто его приглашает в научную командировку, он ответил, что приглашен Киевским обществом естествоиспытателей, но отказался, т.к. уже поздно.

В последнем из известных нам обращений Корсунского к губернатору 20 января 1910 г. он извещал, что по окончании срока ссылки, которое было уже близко, решил поступить вольноопределяющимся в летный батальон и

⁷ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 21. Д. 60. Л. 116.

⁸ Там же. Ф. 147. Оп. 1. Д. 55. Л. 768 об. — 769.

⁹ Там же. Ф. 152. Оп. 21. Д. 60. Л. 128.

изучает теорию воздухоплавания. Одновременно он просил городское полицейское управление разрешить испытание построенного им планера¹⁰.

Важно еще отметить, что в Тюмени Моисей Корсунский обработал дневник экскурсии и пытался «протолкнуть» его в какое-нибудь периодическое издание, надеясь заработать гонорар. Сначала предлагал Географическому обществу, потом петербургскому журналу «Сибирские вопросы» и, наконец, тобольскому музею. Сохранился отзыв о дневнике одного из ведущих деятелей музея В.А. Ивановского. По его мнению, работа Корсунского в представленном виде для ежегодника музея не годилась и могла быть напечатанной лишь при условии сокращения втрое или вчетверо и серьезной правки, вообще же больше она подходила для юношеского или литературного журнала либо для «Сибирской торговой газеты».

Нельзя не согласиться с общей оценкой В.А. Ивановского: это обычный литературно обработанный путевой дневник, мало содержащий в себе сведений научного характера. Но по прошествии без малого столетия этот текст, безусловно, имеет значение краеведческого документа и вместе с тем привлекает той магией, какая исходит от любого повествования о путешествии по незнакомым местам.

Что сообщает нам дневник об его авторе? Это человек целеустремленный, настойчивый, инициативный. Запас его любознательности и деловитости неисчерпаем, и сам он готов работать ночь напролет. С людьми сходится легко. Находчив, психологически устойчив. Похоже, что в пути Корсунский не командировал и старался поддерживать дух товарищества. О товарищах он пишет скупно, никого не характеризует, не осуждает, не передает подробностей споров, конфликтов, не выражает отношения к действиям и поступкам. Заметна только его близость к Годомину, и то как к сотруднику и не более.

И напоследок еще раз об итоге экспедиции. Дневник Корсунского раскрывает нам как существенную часть итога то, чем была экспедиция для самих ее участников. Очертя голову они пустились в это бесшабашное плавание. Целое лето — с 17 июня по 8 сентября — шестеро молодых людей, сосланных в Сибирь за революционную деятельность, провели на свободе. Чем была эта свобода? Изнурительным трудом гребцов, блужданиями по реке и прибрежным лесам, ночевками под дождем, нескончаемыми заботами о пропитании, охотничьим азартом, узнаванием как Сибири и ее людей, так и самих себя. Были случаи, которые могли иметь трагический исход, но обошлось. Каждый из них совершил свое путешествие вовремя — в юности. После участия в «классовой борьбе» это было испытание совсем иного характера, востребовавшее иных личных качеств, заставившее забыть о газетах и прокламациях, о политических страстях. Этот опыт так или иначе должен был отразиться на судьбе каждого из них.

¹⁰ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 21. Д. 60. Л. 99, 136.

Инцидент на Белоярской пристани

Тонущее большое судно, уходя на дно, тянет за собой все, что плавает близ него. Правда, то, что жизнеспособно, вскоре возвращается на поверхность, снова оказывается на плаву, но в момент катастрофы корабля окружающее пространство находится в «стрессовом» состоянии. Понятный всем пример — крушение корабля по имени «Самодержавная Россия». Но можно найти множество подобных же примеров среднего, малого и мельчайшего «калибров». Всякое уходящее явление чревато своей «революцией». Об одном из них, имевшем место на нашем западносибирском Севере, и пойдет речь дальше.

Тему породил интерес автора этих заметок к истории русских старожильческих родов Тобольского Севера. Однажды при просмотре описей одного из фондов Тобольского государственного архива обнаружилось «Дело Тобольского общего губернского управления по ходатайству сургутских казаков о переселении их в станицы Сибирского казачьего войска для понесения службы», начатое в 1882-м и оконченное в 1886 году. Загорелся любопытством: кто же переехал и куда двинулись дальше по сибирским просторам исконно сургутские фамилии, представители которых в минувшие века много измерили собственными ногами зауральских земель? Но, как это нередко бывает, при знакомстве с делом выяснилось, что название его не вполне точно выражает содержание собранных в нем документов, и вопрос возник вовсе не по инициативе казаков, которых вполне устраивала их сургутская жизнь.

Сургутское и березовское городское казачество выполняло важные задачи в первые века сибирской истории, но со временем его роль охранителя государственных интересов сошла на нет. В первой половине XIX века правительство еще находило кой-какие дела для казаков, но к концу столетия бессмысленность содержания этих казачьих команд стала очевидной. 19 мая 1881 года император утвердил мнение Государственного совета о целесообразности упразднения казачества в городах Березове, Сургуте и Нарыме и перевода казаков в податное сословие. Тем, кто хотел остаться на службе, предоставлялось право переехать, но без пособия от казны, в южные станицы Сибирского казачьего войска — туда, где сохранялась потребность в казачьей службе.

Мало кто из сургутян всерьез задумывался о такой перспективе. За несколько столетий поколения казаков хорошо приспособились к мест-

ным условиям и, находясь на государственном содержании, занимаясь рыбным и охотничьим промыслами, небесприбыльно торгуя с ханты, жили вполне благополучно. От добра добра не ищут. Но им, считавшим себя потомками членов дружины Ермака, казалось несправедливым, что их лишают государственного содержания.

Не в одночасье казаков превращали в мещан. С момента их перечисления в мещанское сословие они еще пять лет получали от казны паек, но на эту льготу смотрели лишь как на свидетельство возможности вернуться к своему прежнему положению. И если березовские и нарымские казаки безропотно подчинились воле государя, то сургутяне на протяжении целых десяти лет игнорировали ее, отказываясь называть себя мещанами, не платя податей, регулярно посылая все новые ходатайства в Тобольск, Омск и Петербург, порой со своими представителями, и настойчиво требуя разрешения на прием их депутации государем императором¹.

Своей кульминации конфликт достиг в начале июля 1891 года, когда наследник престола Николай Александрович, проезжавший на пароходе вниз по Оби, остановился на Белоярской пристани близ Сургута. На пристани казаки, если верить официальным документам, устроили настоящий скандал, домогаясь, чтобы его императорское высочество принял их с хлебом-солью отдельно от прочих граждан города — именно как представителей казачества. Вот как изложены подробности этого инцидента сургутским окружным исправником М.Е. Вакариным и тобольским губернатором В.А. Тройницким.

Протокол

1891 года июля 8/9 дня, Белоярская пароходная на реке Оби пристань города Сургута Тобольской губернии.

При посещении 8-го числа Белоярской пароходной пристани его императорским высочеством государем наследником цесаревичем и великим князем Николаем Александровичем, прибывшим к пристани на пароходе «Николай» в сопровождении парохода «Казанец», с соизволения его императорского высочества, господином тобольским губернатором были представляемы к его императорскому высочеству на пароходе депутации от города, округа, инородцев и пр., которые были милостиво приняты его императорским высочеством. Депутации же от общества отставных казаков города Сургута, отказавшихся вместе с другими лицами из бывшего сургутского казачьего сословия участвовать вместе с другими гражданами г. Сургута в поднесении хлеба-соли его высочеству и домогавшимися поднесения хлеба-соли отдельно от других для узаконения, так сказать, своей изолированности от сургутских мещан, к которым они были причислены по

¹ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 40. Д. 10. Л. 3.

упразднении в Сургуте казачьего сословия, в поднесении отдельно от других граждан гор. Сургута было отказано, о чем и было им тогда же объявлено чрез земского заседателя 2 участка Тюменского округа Кузнецова, прибывшего на пристань с 8 человеками низших полицейских служителей по распоряжению господина тобольского губернатора для содействия здешней полиции. Тогда лица, продолжающие себя называть казаками г. Сургута, просили принять от них прошение, что было допущено. Но им этого было недостаточно, им надо было тотчас же добиться узаконения, так сказать, своей обособленности от сургутского мещанского общества. Тогда эти лица, стоявшие до того против лестницы, спускающейся с яру на самую пристань, и занявшие даже это место без дозволения, а насильно, и неистово кричавшие тут «ура!» с целью обратить на себя преимущественное внимание с парохода, с помоста отправились позади дома мещанина Конева скопом — толпою человек в тридцать, составленную отставными казаками, в фуражках с красными околами, преимущественно: Николаем Алексеевым, Ефимом Буканиным, Ефимом Галактионовым Кайдаловым, Николаем Яковлевым Клепиковым, Галактионом Степановым Клепиковым, Плешановым, Ефимом Степановым Клепиковым, Егором Клепиковым, Михаилом Долгополовым, Григорьем Кайдаловым, Андреем Лаврентьевым Тарасовым и другими, к трапу, спущенному с кормовой части парохода «Николай», откуда в это время носились с берега на пароход дрова, позади каюты, устроенной на берегу крестьянином Земцовым. Тут «казаки» были усмотрены ишимским мещанином Копосовым, находившимся на платформе. Здесь казаки оттолкнули нижних полицейских служителей (тюменских). Земский заседатель Кузнецов выбежал на угол платформы к загородке, воспрещал «казакам» спускаться к пароходу и просил их обратиться взад, но «казаки» с дерзостью и грубостью на это закричали ему: «Убирайся прочь! Не твое тут дело...» и стали спускаться по берегу, подойдя к амбару с криком «ура!». При этом они кричали, неся хлеб-соль на блюде оловянном и икону: «У нас разве хлеб-соль поганые, что их не принимают? Ваше Императорское Высочество! нас не допускают! Ура... Идите дружно на пароход» — и натиском-стеной двинулись на и[справляющего] д[олжность] сургутского окружного исправника, прибежавшего с пристани по берегу через загородку снизу навстречу «казакам» и запрещавшего им двигаться дальше. Но ничего не помогало, и.д. исправника схватился за шашку, но «казаки» с зверским остервенением прижали его к загородке и несший впереди хлеб-соль Ефим Галактионов Кайдалов и икону Ефим Семенов Буканин, предшествуемые Николаем Алексеевым Кайдаловым, Иваном Ивановым Кайдаловым (Градсков), Андреем Лаврентьевым Тарасовым, под прикрытием с обеих сторон своих «казаков» подошли с криком «ура!» и другими криками почти к самому трапу, но были приостановлены шедшими по трапу людьми с

дровами и и.д. исправника, пока с парохода не доспел высланный конвой его императорского высочества, но и тот смог остановить стремительный натиск «казаков» только тогда, когда кто-то был ударен, кажется, из передних шашкою и когда собственный конвой его императорского высочества не обнажил шашек. Тут «сургутские казаки», величающие еще себя «потомками Ермака», начали наносить конвою его императорского высочества грубости и дерзости, а затем, видя, что дальше не пробраться, стали мало-помалу отходить от этого места. Но и в других местах они продолжали проявлять дерзость и непочтение к прибывшему великому гостю. Весь остальной народ был потрясен этим прискорбным событием, и все старались хоть сколько-нибудь замять и скрыть дерзость «казаков». К этому присовокупляется, что по отбытии его императорского высочества с Белоярской пристани из казаков почти никого не было на молебне, совершенном в Троицкой церкви в г. Сургуте, о благополучном путешествии его императорского высочества, к принятию его императорского высочества на Белоярской пристани «казаки» ничего не захотели сделать и ничем — ни средствами, ни трудом — не помогали другим сословиям города и округа, а напротив, насколько могли, мешали всем начинаниям — они намеревались учинить такой же скандал на реке против Сургута, но это им не удалось сделать потому, что лодки из Сургута систематично под разными предлогами стягивались на Белоярскую пристань, и на пристани «казаки» отнеслись с дерзостью к увещаниям господина тобольского губернатора и господ губернского прокурора и начальника жандармского управления, — в Сургуте «казаки» отказались дать подписку в объявлении им распоряжения о невозможности допущения поднесения его императорскому высочеству хлеба-соли от общества казаков и в другом распоряжении господина тобольского губернатора об оставлении топки печей в Сургуте в дни, назначенные для прибытия его императорского высочества, и если подчинились последнему распоряжению, то только потому, что было объявлено распоряжение полиции принимать противопожарные меры против всякого появления где-либо огня в эти дни в г. Сургуте. Постановлено о таком сопротивлении распоряжениям правительства и неповиновении установленным властям лиц, именующих себя сургутскими казаками, предусмотренном в 263, 264 и 265 ст. Уложения [о наказаниях] и других узаконениях, составить акт и представить по принадлежности. В протоколе написано Плешанов иначе называется Тверитинов. Настоящий протокол составлен исправляющим должность сургутского окружного исправника Вакариным отчасти на основании собственных наблюдений, отчасти на показании посторонних лиц, причем каждый из них мог видеть только часть события, так как таковое совершалось не на одном месте и публика обращала преимущественно взоры на пароход, а не на «казаков», которые только всему служили помехою; — в том и подписуемся. И.д. сургутского окружного исправника М. Вакарин. Свиде-

тели, находившиеся на платформе: вр[еменно] и.д. начальника Сургутской местной команды поручик Ермолаев 1-й, Клавдия Тверитина, фельдшер Семен Батенев, при высказанных в сем акте действиях сургутских мещан из бывших казаков находился помощник сургутского окружного исправника надворный советник Иван Вахнин, а о том, что еще мною особо было замечено во время нахождения г. исправника под горой у парохода, могут добавить при спросе Елена Вахнина, псаломщик село-юганской Богоявленской церкви Федор Орловский, и.д. псаломщика Николай Дмитриев, канцелярский служитель Иван Станевич, ишимский мещанин А. Копосов. Свидетели, находившиеся на пристани: священник Стефан Тверитин, священник Владимир Чегаскин, диакон Гордий Вергунов, псаломщик Флегонт Попов, Анна Тетюцкова, Сусанна Вакарина, член Общества спасения на водах сургутский купец Григорий Тетюцкий, сургутский окружной врач Клячкин, Дарья Клячкина, мещанский староста В. Тетюцкий, мещанин Андрей Ф. Силин, священник село-юганской Богоявленской церкви Василий Тверитин, секретарь сургутского полицейского управления П. Михайлов (находился на платформе).

Верно: и.д. сургутского окружного исправника М. Вакарин².

Отд. 1 ст. 1

30 июля 1891 г.

№ 3759

Господину министру внутренних дел

Возвратясь из поездки, совершенной мною для встречи и сопровождения его императорского высочества государя наследника цесаревича, имею честь почтительнейше донести, что проезд его высочества был вполне благополучен.

Пароход, на котором следовал государь наследник, приблизился к Сургутской пристани 8 июля в 5 час. пополудни, миновал Тобольск с недолгою остановкою 10 июля вечером и 14 июля в 4 часа пополудни причалил в Омске, его высочество все время находился в вожделенном здравии и поездкой своей остался видимо доволен, соизволил выразить мне при отбытии из Тобольска милостивую благодарность за порядок, соблюденный в городе, а при прощании в Омске изволил осчастливить меня двумя подарками и драгоценными для меня словами: «Благодарю за отличный проезд». Донося о сем, я не смею умолчать о двух нежелательных случаях, бывших в пути.

Прибыв в г. Сургут для встречи заранее, я был поражен усердием, с которым этот бедный и забытый городок старался, не жалея значительных затрат, украсить пристань; но тут же я узнал, что кроме поднесения хлеба-соли от местного мещанского общества, готовится поднести блюдо и ико-

² ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 13. Д. 106. Л. 2–5.

ну отдельная группа мещан, именующих себя доньине казаками и не желающих признавать распоряжение правительства, которым они еще в 1885 году зачислены в мещане.

История этого перечисления подробно известна в министерстве. Последний раз, в 1889 году, при проезде бывшего товарища министра внутренних дел ныне киевского генерал-губернатора графа Игнатьева казаки эти подали его сиятельству прошение о возвращении их в казачье звание. Прошение это было передано мне для доставления сведений, и я от 15 августа 1889 г. доставил подробную записку, причем ввиду давнего беспримерного упорства небольшой кучки людей, не признающих обязательности закона, просил в пример другим выслать административным порядком хотя бы одного мещанина Николая Кайдалова, служащего всегда зачинщиком их смут. Распоряжения на это никакого не последовало.

Призвав ныне к себе троих из бывших казаков, я старался им внушить, что они должны примкнуть к мещанскому обществу для поднесения хлеба-соли, на что получил дерзкий ответ, что они не желают идти с мещанами и если лапотникам позволяют подносить, то им, потомкам Ермака, никто не смеет запретить. Тогда я обещал им доложить его высочеству о их желании и требовал только ответа, что они сделают, если государь цесаревич не пожелает принять. Они на это заявили, что они будут в голос кричать и просить его. Испробовав все убеждения и лично, и чрез жандармского полковника и губ[ернского] прокурора, бывших со мной, я увидел ясно, что люди эти не останутся произвести шум и испортить впечатление его высочеству при первом прибытии его в губернию. Дозволить им исполнить их желание значило бы вновь поднять их дух и опять на бесконечное время поставить город и полицию в зависимое положение от этой горсти людей, не платящих повинностей и не подчиняющихся никаким требованиям; удалить их силою не представлялось возможным, так как полиц[ейская] сила моя состояла из 12 челов[ек], из которых 8 были привезены мною из Тюмени, а называющих себя казаками было до ста человек; воинская команда в 28 человек находилась в Сургуте, а мы были на пристани в 8 верстах и другого сообщения, кроме лодки, не было; а между тем виднелся уже дым пароходов.

По прибытии его высочества, прежде чем он изволит идти на берег, я счел долгом вкратце доложить ему положение дела, и государь наследник выслал к этим людям офицера из своей свиты для принятия прошения и объявления, что его высочество на гору не поднимется и хлеба-соли не примет; а все другие депутации приказал привести на пароход, что и было исполнено.

Когда его высочество изволил сесть за обеденный стол пред отходом парохода, мне было доложено, что называющие себя казаками силой ломаются на пароход. Тогда я обратился без шума к князю Барятинскому, и он по моей просьбе послал казачьего офицера с десятком казаков, сопровождав-

ших его высочество, для того, чтобы не пускать буйнов; но они пробовали прорваться силою и остановились только, когда казаки взялись за шашки.

О происшествии этом составлен акт, и делу предполагается дать судебный ход и привлечь помянутых мещан, называющих себя казаками, к ответственности; но я позволяю себе вновь высказать мнение, что это беспримерное слушание прекратится, только если нескольких человек из зачинщиков и первого мещанина Николая Кайдалова было бы признано возможным удалить из Сургута.

(Остальная часть представления не относится до беспорядков в Сургуте, почему и не прописывается).

Верно: вр. и.д. столоначальника Ямзин³.

Мнение губернатора В.А. Тройницкого было уважено. В тобольском архиве хранится дело общего губернского управления по обвинению сургутского мещанина, отставного урядника Николая Алексеевича Кайдалова в подстрекательстве к беспорядкам, из которого видно, что департамент полиции разрешил губернатору поселить главного виновника смуты на два года в одном из отдаленных округов губернии под надзор полиции. Сосланный в Туринский округ, он и оттуда ходатайствовал перед генерал-губернатором, называя себя доверенным сургутских казаков, о причислении их обратно в казацкое сословие, а также просил возвратить его в Сургут. Ходатайство не было признано заслуживающим уважения.

Николай Алексеевич вовсе не был, как может представиться, молодым, переполненным энергией человеком, в 1893 г. ему было уже 67 лет, и можно только подивиться его стойкости в отстаивании общественного интереса. Летом 1893 г. он был возвращен в Сургут и, как докладывала обязанная негласно надзирать за ним местная полиция, в дальнейшем «вел себя хорошо и ни в чем предосудительном не был замечен». Так закончилась сургутская казачья смута.

Дело, конечно, было не в одном Н.А. Кайдалове. Невозможно себе представить, чтобы к столь незаурядному событию не оказались причастными, хотя бы косвенно, отбывавшие ссылку в Сургуте до конца 1880-х годов революционеры-народники. Лишенные возможности зарабатывать на пропитание и медицинской помощи, обреченные на бездеятельность, они писали дерзкие коллективные письма тому же губернатору Тройницкому, министру внутренних дел, не подчинялись требованиям местной полиции, организовали демонстративный побег двух своих товарищей — А.Н. Лебедева и И.И. Лазаревича, в подготовке которого участвовали и местные жители. Вот что пишет историк сургутской ссылки Ю.Н. Подбельский о политическом влиянии их на местное население: «Оно сказа-

³ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 13. Д. 106. Л. 6–7.

лось в «тлетворных» идеях, зародившихся в головах не одного десятка сургутских жителей, в утрате группой сургутской молодежи бывшего почтения и трепета перед царской властью, в новых революционных песнях, распевавшихся молодежью и постепенно вошедших в ее репертуар. <...> Было бы преувеличением сказать, что эта молодежь целиком восприняла от ссыльных-восемидесятников их политическую веру и тем более их социалистические взгляды, но она сочувственно прислушивалась к их проповеди и незаметно заражалась от них духом критики и протеста»⁴.

Протест сургутских политссыльных в начале 1888 года против систематического нарушения их прав, безусловно, был примером для бывших казаков. Они увидели возможность непослушания и саму «технологию» противостояния власти, осуществившиеся в их демонстрации на Белоярской пристани в июле 1888 года.

Такова картина события, составленная на основании документов. Но неординарность его породила и литературную, художественную трактовку этого белоярского инцидента.

Обращаясь к прошлому, нередко приходится иметь дело с мифами. Старики говорят со всей убежденностью, что раньше не воровали, не запирали замков, свято берегли природу и т.п., а в старых хрониках, отчетах путешественников и других источниках то и дело натыкаешься на опровержения этой благодной картины: сообщения о кражах и мошенничествах, свалках навоза на берегах, захламлении лесов, окружающих селения, кедрах, срубленных местными жителями ради нескольких десятков шишек, варварском промысле, когда во время линьки сотни уток, не способных летать, легко добываются с помощью невода, мешках со смолой, спущенных конкурентом-рыбопромышленником в воду, чтобы у соседа не ловилась рыба... Зачем-то нам нужно идеализировать прошлое.

Пример такой — художественной — трактовки события, основанной на рассказах будто бы очевидцев, — рассказ А.И. Силина «Не угодили»⁵. Для прочитавшего его очевидно, что историческая основа в этом произведении отсутствует. Различия в интерпретации одного и того же события поразительны, но этот контраст заставляет задуматься: почему подлинная картина события и та, что остается в памяти потомков действовавших когда-то лиц, так непохожи?

⁴ Подбельский Ю. Н. Культурное наследие сургутской политической ссылки // Тобольский Север глазами политических ссыльных XIX — начала XX века. Екатеринбург, 1998. С. 395.

⁵ Силин А. И. Не угодили. (По рассказам старого казака Панкина Андрея Ивановича) // Подорожник. Вып. 4. С. 72–80.

Круги на воде

В 2007 году минуло ровно сто лет со дня весьма громкого события: побега политического ссыльного Л.Д. Бронштейна, широко известного под фамилией Троцкий, из города Березова, где он находился на пути к месту своей ссылки — Обдорску. Сам Троцкий в первом томе книги «Моя жизнь: опыт автобиографии», изданной на русском языке в Берлине в 1930 году, обстоятельства побега описывает легко, весело и не без самодовольства. Но побег довольно болезненно затронул интересы местного населения Березовского уезда, и круги от брошенного камня расходились по воде в течение нескольких лет. Своим прямым следствием побег имел отстранение от должности уездного исправника И.В. Евсеева, вызвавшее беспорядочный разгром населения. Пора рассказать и об этом, т.к. иначе представление о событии остается односторонним, каким его обрисовал Троцкий: блестяще удавшийся дерзкий побег и только. Взглянем же на него глазами березовцев, но прежде обратимся к послужному списку бывшего исправника.

К 1907 году Иринарх Владимирович Евсеев, сибиряк, сын фельдшера, выпускник Тобольского уездного училища, был уже опытным полицейским чиновником. В Березов он приехал, имея за плечами годы службы уездным исправником в Тюмени и Сургуте. Весьма высоко оценивал деятельность Евсеева в сургутский период службы А.А. Дунин-Горкавич. Во втором томе «Тобольского Севера» он пишет о его настойчивых и энергичных действиях, направленных на повышение благосостояния ханты. Он добился введения более выгодного для них способа уплаты повинностей — звериными мехами вместо денег, что способствовало накоплению инородческого капитала, улучшению снабжения ханты мукой, порохом, дробью. Он же пресек злоупотребления волостных администраций, сделал более «прозрачной» отчетность хлебозапасных магазинов, организовал широкую продажу населению Ваховского края предметов первой необходимости по заготовительным ценам.

Столь же полезную деятельность развернул И.В. Евсеев и в Березовском уезде, куда был переведен из Сургута в октябре 1903 г. Заслуги его были отмечены производством в декабре 1905 г. в чин коллежского асессора и награждением орденом Святого Станислава 2-й степени. Но еще значительнее то, что они были признаны местным населением.

Спустя месяц-полтора после побега Троцкого, березовцы, не видя исправника в городе, забеспокоились. На имя тобольского губернатора стали поступать телеграммы из Самарова, бывшего тогда конечным пунктом телеграфной линии из Тобольска на Север. Первой 7 апреля была получена телеграмма, подписанная березовским городским старостой Г.В. Кузьминым: «Ввиду распространившихся слухов по поручению уполномоченных управления почтительнейше ходатайствую об оставлении исправника Евсева на службе в Березове, ибо только ему одному обязаны своим спокойствием в это смутное время...»¹.

Следом 13 апреля пришла новая телеграмма: «Общества Кондинской [и] Котской волостей покорнейше просят ваше превосходительство оставить на службе березовского уездного исправника Евсева. Если ваше превосходительство не имеет своей властью разрешить остаться в Березовском уезде исправнику Евсееву, то просим войти с этим ходатайством [к] г. министру об оставлении его в нашем уезде как человека для нас нужного и входящего во все крайние нужды уезда...».

Далее по почте до Тобольска добрались приговоры волостных сходов и собрания уполномоченных г. Березова, единодушно настаивавшие на возвращении Евсева. Прошедший в селе Кондинском сход уполномоченных от крестьян Кондинской волости и инородцев Котской инородной управы просил: «Имея в виду, что г. исправник Евсеев за время его службы в нашем уезде большую оказал нам пользу как в деле продовольствия, открытия потребительской лавки, поставки дров на пристани и других улучшений нашего быта, а тем более в настоящее время у нас предполагается постройка парохода для всего уезда, что это дело для нас особенно важное, в каковом деле г. исправник Евсеев также мог быть нам полезным, зная наше экономическое и материальное положение. По обсуждении всего вышеизложенного мы единогласно постановили просить (и просим) г. начальника губернии, если господин Евсеев изъявит желание остаться на должности исправника в нашем уезде, то оставить его на означенной должности как лица крайне для нас в настоящее время необходимого и полезного, в том и подписуемся». Подписи заняли более трех страниц.

Приговор собрания уполномоченных г. Березова, мотивируя свою просьбу, характеризовал Евсева как администратора «отзывчивого ко всем нуждам населения». Интересно то, что под этим ходатайством стоит подпись и городского уполномоченного К.И. Коровьи-Ножки — того самого, который своим содействием побегу Троцкого неволью предопреде-

¹ Здесь и далее цитируются документы государственного архива г. Тобольска. Ф. 152. Оп. 34. Д. 142. «О службе Ириарха Владимировича Евсева».

лил увольнение Евсева. Последнее волеизъявление северян датировано 25 июня 1907 г.: сход крестьян Елизаровской волости Березовского уезда просил возвратить Евсева к прежнему месту службы «как человека, являющегося справедливым, деятельным и за время служения своего принесшим немало пользы».

Все эти обращения к губернатору были оставлены без последствий. Колесо судьбы И.В. Евсева поворачивалось в другую сторону. Кто-то, ценивший деловые качества Иринарха Владимировича, хлопотал о предоставлении ему должности по министерству юстиции, губернатор никаких препятствий для этого не видел, и 1 мая Евсеев был назначен на скромную должность архивариуса Тобольского окружного суда. Одновременно дело бывшего исправника было препровождено прокурору, и началось следствие. Тянулось оно долго и наконец в 1909 году поступило в Омскую судебную палату. Ожидая начала процесса, И.В. Евсеев писал губернатору 16 марта 1910 г.: «Полагаю, что не могло быть неизвестно, что, располагая 4 городскими и 9 урядниками на всем огромном пространстве Березовского уезда, было трудно, если совсем не невозможно, предотвратить побегов среди более 300 водворенных там политических ссыльных — людей даже только из принципа всегда готовых на всевозможные крайности в своих отношениях к полиции. Что это именно так, вполне подтвердилось рядом побегов вскоре же по увольнении меня от должности. Быть может, сознанной потом беспомощностью чинов полиции в этих отдаленных окраинах и объясняется тот отрадный факт, что примененная ко мне мера двойного наказания оставлена».

В связи с тем, что на конец июня 1910 г. назначалось слушание его дела, Евсеев просил губернатора представить суду справку о том, что увольнение его от должности было прямым следствием побега из Березова политического ссыльного.

Омская судебная палата оправдала Евсева, но этим дело не закончилось, помощник прокурора опротестовал приговор. Только после рассмотрения дела в Правительствующем сенате оправдательный вердикт окончательно вошел в силу, Евсеев получил лишь замечание. В судебной системе еще вполне властвовал закон, а не «политическая целесообразность».

Можно полагать, что обращения граждан Березовского уезда к губернатору, в которых невольно выразилось их представление о том, какой должна быть местная власть, все же не «оставлено без последствий», как написано на полях их писем. Спустя три года, уже другим губернатором, березовским уездным исправником был назначен уроженец Березова, выходец из местного казачества и тоже энергичный и заботливый администратор Лев Никифорович Ямзин, с пользой служивший землякам до революции 1917 года.

Карьера же Евсеева в 1907 году закончилась. Он продолжал служить, но уже на малозначительных должностях в Тобольске — архивариусом суда, старшим помощником делопроизводителя управления земледелия и государственных имуществ, секретарем казенной палаты. Потерпев крушение карьеры, Иринарх Владимирович не замкнулся в себе и сохранил интерес к общественным делам. Он избирался присяжным заседателем по Тобольскому уезду, большую работу вел как секретарь Тобольского отделения Императорского общества судоходства, руководимого А.А. Дуниным-Горкавичем, был избран почетным членом общества, летом 1908 г. участвовал в экспедиции Дунина-Горкавича в низовья Оби. Весной 1917 г. Евсеев вновь получил назначение в Березов — на этот раз податным инспектором. Не забывшие Иринарха Владимировича березовцы вскоре избрали его гласным городской думы.

Сведений о жизни и деятельности И.В. Евсеева после 1917 года отыскать не удалось. Но известно, что его сын Вениамин Иринархович, родившийся в Березове 25 февраля 1905 г. и окончивший в Оренбурге институт крупного мясного скотоводства и ветеринарии, впоследствии стал видным специалистом по кормам и пастбищам, доктором сельскохозяйственных наук, был директором Оренбургского НИИ молочно-мясного скотоводства.

Непослушный Гурьянов

Среди сотен моих заочных знакомств, состоявшихся во время сидения в архивах, это стоит особняком. Я не искал сведений об этом человеке, но они сами попадались на глаза — при просмотре описей архивных фондов, перелистывании старых газет, церковных метрических книг. Ялуторовский ссыльный, ловкий виноторговец в Тюмени, подозреваемый при расследовании громкого дела о фальшивомонетчике Бельченко (оправдан), березовский мещанин... Неужели это все один человек?

Любопытство, наконец, заставило запросить архивное дело. А позднее с помощью интересующейся местной историей тоболячки Анны Константиновны Михайленко нашлись и живые потомки. Открылся человек с необычной и поучительной судьбой, к которому никак не приклеивается стандартный ярлык ни «положительного» героя, ни «отрицательного». Ну, пойдем по порядку.

Гурьянов Филипп Артемьевич попал в Сибирь из города Хвалынска Саратовской губернии. Там, на родине, он судился «за намерение учинить поджог дома управляющего именем» и отбыл наказание в арестантском отделении. После этого мещанское общество Хвалынска отказалось принять его, почему он и был в 1890 году сослан в Ялуторовск.

О дальнейшем пусть рассказывают документы¹.

7 июля 1895 года управляющий акцизными сборами Западной Сибири писал тобольскому губернатору Н.М. Богдановичу, что ялуторовский мещанин из ссыльных Филипп Артемьевич Гурьянов ведет в Тюмени через подставных лиц беспатентную торговлю вином, нанося тем урон казне. По этой причине против него в 1894 году уже дважды возбуждались уголовные дела (правда, чем они кончились, дошли ли до суда, в письме не указывается). Управляющий полагал, что в интересах акцизного дела, т.е. государственной казны «дальнейшее пребывание Гурьянова в Тюмени как городе населенном и торговом, представляющем для него обширное поле деятельности, положительно нетерпимо» и просил распорядиться о выдворении Гурьянова из Тюмени в место его причисления — город Ялуторовск.

Предлагаемую меру нельзя назвать ни карательной, ни даже жесткой: ведь речь идет всего лишь о возвращении в то место, которое было опреде-

¹ Цитируемые документы хранятся в ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 15. Д. 46 «О состоящем под гласным надзором полиции в г. Березове Филиппе Гурьянове». 1895–1900 гг.

лено для отбывания наказания. И все же на письме управляющего акцизными сборами сделана приписка: «Предварительно расспросить тюменского исправника, действительно ли этот Гурьянов вредный человек?»

Отвечая на этот вопрос, тюменский исправник характеризует Гурьянова как человека «крайне неблагонадежного и принадлежащего по роду своей деятельности к категории особенно неприятных для полиции лиц». Сведения о Гурьянове, изложенные в письме управляющего акцизными сборами, продолжает он, «вполне справедливы, но далеко еще не исчерпывают всех дурных качеств этого авантюриста».

Факты? Вот они. Не обладая как ссыльный правом вести торговлю, Гурьянов нашел способ обойти этот закон и имеет в Тюмени три пивных лавки, две из которых находятся в его собственных домах. Кроме того, занимается игрой в карты, принимает заклады. Местом своей деятельности он избрал «малодоступные для правильного надзора» кирпичные сараи и соседний с ними Кузнечный квартал, «славящиеся обилием воров и совершаемыми безобразиями». Заявления о неблаговидных поступках этого смелого и не боящегося грязи человека (видимо, по пословице «Грязь не сало, высохла — отстала») поступали не раз, но он, «благодаря своей ловкости и опытности, а также поддержке приказчиков» всякий раз уходил от ответственности.

Словом, тюменский исправник был полностью на стороне управляющего акцизными сборами. Губернатор поддержал обоих, и Гурьянов получил предписание возвратиться в Ялуторовск.

Казалось бы, тут и делу конец, но вышло так, что хлопот у полиции только прибавилось. Следующие два года жизни Гурьянова были, похоже, полны приключений, в большинстве своем оставшихся для тюменской полиции тайной. Получив предписание о выселении в два дня, Гурьянов и его мать Евдокия Кузьминична обратились к губернатору с просьбой удлинить этот срок до двух месяцев, мотивируя тем, что за два дня невозможно распорядиться имеющимся в Тюмени недвижимым имуществом. Сочтя просьбу отчасти резонной, губернатор дал просимый срок матери, а относительно сына остался тверд в первоначальном решении. Тогда Гурьянов послал ходатайство в Петербург и просил уже продлить срок до полугода. Обстоятельства дела были рассмотрены в особом совещании министерства внутренних дел, и строптивому просителю местом высылки вместо Ялуторовска назначили Березов. Туда он должен был отправиться под гласный надзор полиции на три года, считая с 27 ноября 1895 года.

Тем временем Гурьянова искали в губернии. 28 октября 1895 года тюменский исправник с несколько растерянной интонацией докладывал письменно губернатору, что по получении предписания Гурьянов из Тюмени выбыл, но, как позднее выяснилось, вовсе не в Ялуторовск, а... неизвестно куда. По словам матери, он уехал в Петропавловск, но и там его не нашли.

Тюменский исправник докладывал губернатору о безуспешном поиске и просил разрешить просматривать переписку матери Гурьянова, но департамент полиции ответил отказом на том основании, что Евдокия Гурьянова под гласным надзором полиции не состояла.

Точку под всем этим поставил сам Гурьянов. Он явился в Березов, о чем и сообщил губернатору письмом от 21 мая 1897 года.

В письме он уведомлял: «Не получив своевременно возможности ликвидировать мои дела в Тюмени и нуждаясь в дальнейших средствах к своему существованию, я в течение почти двух лет находился в городах Томске и Красноярске, занимался торговлей и состоял на службе. В течение этого времени я проживал по законному паспорту от ялуторовского старосты и по отсрочке томской полиции». (В приписке на полях — недоумение: «Каким образом Гурьянов мог получить от ялуторовского мещанского старосты паспорт?» Ответа на этот вопрос в деле нет).

«Это обстоятельство, — невозмутимо продолжает возвратившийся беглец, не мытьем так катаньем отсрочивший себе ссылку, — я осмеливаюсь привести пред вашим превосходительством в удостоверение того, что я не скрывался тайно от властей и не уклонялся от задержания на основании распоряжения губернских властей. Моя торговля и служба в городах Томске и Красноярске дала мне в последнее время возможность составить для себя некоторый запас материальных средств, наличность которых и полученное мною известие, что состоялось распоряжение относительно меня на водворение в г. Березове, и побудило меня ныне самолично и добровольно явиться в г. Березов...».

25 августа 1897 года департамент полиции сообщил тобольскому губернатору, что так как Гурьянов скрывался от отбывания наказания, то срок гласного надзора за ним надлежит исчислять со дня фактического подчинения его надзору — с 9 июня 1897 г.

В Березове Гурьянов освоился быстро. 10 августа 1897 года окружной исправник рапортовал губернатору, что вдова хвалынского мещанина Евдокия Кузьминична Гурьянова открыла в городе «ренсковой погреб» (магазин виноградных вин) «с продажей питей на вынос». Приказчиком к ней поступил ее сын Филипп, на самом деле управлявший всей торговлей. 10 октября 35-летний Филипп Артемьевич положил конец своей затянувшейся холостой жизни, вступив в законный брак с 17-летней дочерью крестьянина Архангельской губернии Татьяной Даниловной Коневой. Вскоре юная жена обратилась к властям с ходатайством о разрешении открыть ренсковый погреб, но получила отказ. А сам Гурьянов уже просил губернатора позволить ему отлучки из Березова в округ для закупки пушнины, рыбы и по другим торговым делам. Просил и о сокращении срока надзора либо переводе в Курган или Красноярск.

Но с желанной свободой рук пришлось погодить до окончания срока надзора. Исправник Смирнов жаловался губернатору: Гурьянов и здесь ведет недобросовестную торговлю под чужим именем и не заслуживает сокращения срока надзора.

9 июня 1900 года Ф.А. Гурьянов был освобожден от гласного надзора полиции «за окончанием срока» и не замедлил воспользоваться преимуществами не ограниченного в правах гражданина. Ему только на один год воспрещалось жительство в Тюмени и Кургане, но он, кажется, уже и не стремился никуда из Березова, т. к. имел быстро растущую семью и собственное хозяйство. А простор для предпринимательства был и здесь. В пределах Березовского уезда Гурьянов торговал в собственной лавке и ренсковом погребе, занимался развозной торговлей, рыбной промышленностью, поставкой дров. Ныне живущие потомки считают, что он представлял на Тобольском Севере интересы купца Плотникова, но в «Дневнике» Н.Л. Скалозубова, бывшего в 1906 г. в ссылке в Березове, есть следующая запись: «Рыбу — язя, щуку, сырка — сейчас скупают агенты Новицкого — Кузнецов, Гурьянов, Блохин². Действовал Гурьянов по своему обыкновению смело, балансируя на острой грани между законным и недозволенным, чем нередко восстанавливал против себя некоторых березовцев. Об этом свидетельствует еще одно дело, хранящееся в Тобольском архиве³. Начало ему положил приговор березовской власти — собрания городских уполномоченных — о неблагоприятных поступках Ф. Гурьянова и его жены Татьяны, «наносящих материальный вред интересам такого бедного города, как Березов». В каких-то коммерческих делах он оказался ловчее и сумел переиграть саму местную власть.

Опять дело дошло до губернатора. Отвечая на его запрос, исправник Л.Н. Ямзин докладывал: да, в Березове Гурьянов несколько раз был наказан за нарушение правил торговли вином, но никаких дел о недобросовестных будто бы операциях при торговле лесом и дровами и притеснениях поставщиков не возбуждалось, все положенные платы за лес и пользование пристанскими участками внесены.

Примечательна характеристика, которую Ямзин дает Гурьянову в своем рапорте: «...ничего особенного в поведении Гурьянова, что бы вызвало такую меру, как выселение его из Березова, нет; вся эта нетерпимость основывается на личной антипатии к нему некоторой части городского населения, тогда как другая часть жителей г. Березова, насколько я мог убедиться, ничего против Гурьянова не имеет. Могу сказать про Гурьянова, что это ловкий, изворотливый торговец, очень сведущий в тяжёбных де-

² Тобольский Север глазами политических ссыльных XIX — начала XX в. Екатеринбург, 1998. С. 389.

³ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 23. Д. 142.

лах и потому представляющий из себя для городского управления в тяжбах сильного противника».

Ф.А. Гурьянов остался в Березове и прожил в городе еще около 12 лет, окруженный большой и все растущей семьей. Благодаря его деятельности, его до сих пор вспоминают березовцы. Нет, не за благие дела, к общественному благу он не стремился, но «между делом» совершал что-то небезынтересное и полезное для земляков. В первые годы советской власти какое-то время послужили городу конфискованные у его семьи амбары, пожарная и прачечная машины. В его доме жители северного городка впервые смотрели кино. Питейное дело и «важнейшее из искусств», как оказалось, дружно работали на коммерческий успех.

Силовое поле личности Гурьянова как будто притягивало к себе роковые события. Не где-нибудь, а именно в его кинозале случилась весной 1918 года распря между сторонником советской власти Сосуновым и «монархистом» Овчинниковым, закончившаяся убийством последнего. П.И. Сосунов, несколькими годами позднее — видный политический деятель Тобольского Севера, — как это ни поразительно, публично мотивировал тогда свое право на убийство⁴. Чем не знамение времени?

А следом пришла и весна 1921 года, когда местная советская власть, отступавшая из Березова под натиском повстанцев, расстреляла группу заложников, наиболее видных своих недоброжелателей и оппонентов. Среди них был и Гурьянов. Закаленный в сложных и острых конфликтах, упорно предлагавший свою «модель» отношений человека и власти и отстаивавший ее, даже он оказался не готов к такому способу разрешения противоречий между властью и гражданином. Сам-то он никого не убивал.

Заканчивая, добавлю только, что и четверо сыновей Филиппа Артемьевича — Владимир, Георгий, Михаил и Петр — погибли. Но не разделили судьбу отца: они пали на фронтах Великой Отечественной войны, отстаивая право народа на свободную жизнь.

⁴ Сосунов П.И. Почему я убил? // Тобольский рабочий. 1918. 23 апр.

Неправильные крестьяне

Пора бросить придавать значение этим разным словам революции: «большевизм», «коммунизм» и пр., все равно, как бы ни называться, где бы ни жить, нужно оставаться человеком, и потом из этого сами собой возникнут настоящие живые лозунги.

М. Пришвин. Дневники. 1918–1919.

В это время Россия тратилась на освещение пути всем народам, а для себя в хатах света не держала.

А. Платонов. Чевенгур.

В предлагаемой статье рассмотрены перипетии коллективизации сельского хозяйства в селе Локосово Сургутского района. Описываемая история образования и распада колхозов, столкновения интересов разных групп населения села, доведенного до возникновения судебного процесса, получила большевистскую трактовку в литературе и представлялась в политических изданиях как пример кулацкой тактики сопротивления коллективизации¹.

В статье анализируются материалы двух формально уголовных, а по существу политических дел, рассмотренных Остяко-Вогульским окружным судом в 1933 и 1934 годах, собранные в объемистом, почти в 400 листов деле № 38 фонда № 180 (опись 2-я) Государственного архива Ханты-Мансийского автономного округа — Югры (ГАХМАО).

В начале 30-х годов локосовская жизнь породила несколько уголовных процессов, касаться которых мы не будем. Разбирая обстоятельства одного из них, сургутский районный прокурор Фертиков (ни в одном из документов дела не указаны хотя бы его инициалы) получил сразу несколько письменных обращений, указывающих на то, что в селе якобы достигла острой стадии классовая борьба между местным кулачеством и беднотой на почве колхозного строительства. Прокурор проявил живейший интерес к этим сигналам и, «учитывая сложность данного дела, требующего высокой квалификации при ведении следствия», принял его к своему личному рассмотрению.

Чтобы читатель сам мог судить о весомости этих исходных обвинительных материалов, приводим их полностью.

¹ Захаров И. П., Показаньев Ф. Я. Краткий очерк истории Сургутской партийной организации. Сургут, 1974. С. 20.

Марш энгузиастов...²

Акт от 19 февраля 1933 г. Составлен секретарем Локосовской партгруппы Власовым П. Еф.³ в присутствии заместителя председателя тузсовета Путолина и уполномоченного Сургутского райкома ВКП(б) Вторушина и кандидата ВКП(б) Ульянова Д. Сего числа мной, секретарем партгруппы Власовым был назначен сбор бедняцкого собрания, на которое пришел не приглашенный Кондаков Василий Яковлевич в пьяном виде, который сразу заявил мне, Власову, что ты кого собираешь, каку бедноту и с кем хочешь решать вопросы, и который сказал, что как вы не решайте, но по-вашему не будет, а будет по-нашему. Говорит, подождите, вперед посмотрим. Чем-то страшает, который был настроен кулаками и сам Кондаков имеет крепкое хозяйство.

Докладная записка

прокурору Фертикову от члена правления Локосовского кооператива Ульянова⁴ в том, что 23 II-33 г. проходило заседание правления колхоза, где мной был поставлен вопрос о вычищении⁵ Трифонова Г. из колхоза как зажиточного, где выступали члены колхоза Кондаков Александр и Кондаков Иван, что давайте нам матерьялы все, кто и как перевел Трифонова в зажиточные, и также ранее были вычищены Кузнецов В. и Кузнецов Алек., и говорят, что надо потребовать все матерьялы от с/совета и направить прямо в округ специально своего колхозника, а в Сургуте делать нечего. А также, что все время вычищают из колхоза, где не дают работать колхозу, будем жаловаться, что самых работников вычищают, а вся эта беднота [1 нрзб.] приходит, а ничего не знает, а если правление колхоза станет назначать куда-либо, то никто не подчиняется из средняков, а кому куда захочется.

24/II-33 г.

² Здесь и далее тексты документов воспроизводятся с сохранением орфографии, пунктуации и стилистики.

³ Власов Павел Ефимович — выходец из самаровских крестьян. 25 ноября 1932 г. Сургутским райкомом ВКП(б) и райисполкомом командирован в Локосово на должность председателя кооператива, а также уполномоченным по политработе. В ходе следствия по делу локосовских «кулаков» участвовал по поручению прокурора в обследовании работы колхоза им. Молотова. В прошлом — боец партизанского отряда П.И. Лопарева.

⁴ Ульянов Диомид Михайлович — 32-летний кандидат в члены ВКП(б), приехал в Локосово 21 октября 1932 г. по направлению Сургутского межрайсоюза в качестве члена правления Локосовского интегрального кооператива. С февраля 1933 г. — секретарь Локосовского туземного совета.

⁵ От широко распространенного в то время слова «чистка», означавшего устранение из коллектива чем-либо неуютного по критериям классовой борьбы человека. В сущности чистки были продолжением Гражданской войны.

Докладная записка участковому прокурору

В колхозе зажиточная часть засела и ведет разлагательскую линию. Кондаков Александр, Трифонов Гаврил. В январе месяце мною получено было распоряжение о том, чтоб все колхозы сдавали сырье через контрактацию, после чего эта группа прибежала ко мне с криком с шумом что вы делаете обдираете колхоз задушили. Кроме того Кондаков Алекс. выдавал справки вычищенным зажиточным что они средняки когда сельсоветом последние отнесены к зажиточным.

24/II 33 г. Власов.

Докладная записка прокурору Фертикову от председателя Локосовского т/совета Путолина Ильи⁶ в том что ко мне пришли в т/совет в декабре месяце 32 г. Кузнецов В. и Кузнецов Алекс. с требованием и с грубостью и с запугиванием меня, что какие мы кулаки, а после этого в январе месяце 33 г. пришли ко мне и стали меня чтобы я их защищал и ходатайствовал.

[без даты] Путолин

Докладная записка прокурору Фертикову от председателя Локосовского т/совета Мумракова Григорья⁷

По приезду меня в Локосово я стал на квартиру к Трифонову Гаврилу где Трифонова семья ко мне относятся так что вы туземцы заразные и не пускают к печке и не дают ничего даже чугуна не дают сварить, а также предлагают уходить с квартиры, ищите другую. А Трифонов является зажиточным по спискам т/совета все выходки Трифонова кулацкие, а также Трифонова не хочет разговаривать с моей женой что не спросит у Трифоновой та даже не отвечает.

Мумраков

⁶ Путолин Илья Прохорович — ханты, родился и вырос близ с. Локосово, в отдельные годы занимался неводьбой в одной рыбацкой артели с Кондаковыми и Кузнецовыми. В 1932 г. после учебы на четырехмесячных курсах председателей туземных советов в с. Самарово был направлен на эту должность в Локосово, но в начале 1933 г. ввиду недостаточной подготовленности к председательской работе переведен в заместители. Затем вскоре снова занял председательскую должность. Пребывание его в ранге руководителя русского села давало повод старожилам говорить, что «инородцам всюду льготы, а нам возможности нет... остяки все захватили, и они теперь царствуют». О Путолине в селе ходили слухи, что он в прошлом шаман. Погиб в 40-е годы на фронте.

⁷ Мумраков Григорий Егорович — ханты, уроженец юрт Панькиных Усть-Балыкского туземного совета Сургутского района, кандидат в члены ВКП(б). 2 февраля 1933 г. назначен председателем Локосовского туземного совета, но вскоре оставил эту должность и уехал.

А еще добавляю что Трифонов говорит мне что мне не надо никаких квартирантов а также и ваших денег я без вас проживу⁸.
[без даты]

16 марта 1933 г. прокурор, «рассмотрев следственный материал по вопросу организованной травли и издевательств над выдвиженцами представителями власти туземцами и по вопросу организации лжеколхоза для дискредитирования колхозного строительства кулацко-зажиточной частью населения с. Локосовского», нашел, что «кулачеству удавалось срывать ряд хозяйственно-политических кампаний... уничтожать стадо тягловой силы, терроризировать бедноту, использовать средства КОВ⁹ в своих классовых интересах и подавить в 1931 году бедняцкую артель «Прогресс», и постановил привлечь к следствию в качестве обвиняемых Кузнецова Василия Васильевича, Кузнецова Александра Васильевича, Трифонова Гавриила Николаевича, Кондакова Александра Егоровича, Кондакова Василия Яковлевича, Кондакова Дмитрия Васильевича и Кондакова Николая Егоровича. Позднее к этому списку прибавились Кондаковы Петр Васильевич и Иван Егорович, Тверитин Михаил Павлович и Трифонова Анна Павловна. Днем раньше была произведена опись имущества обвиняемых, а 17 марта они по постановлению того же прокурора Фертикова взяты под арест и препровождены в Сургут¹⁰.

18 марта Фертиков постановил: жену Г.Н. Трифонова Анну Павловну на том основании, что она будто бы после описи имущества семьи стала «умышленно портить домашнюю обстановку с целью приведения в негодность всего помещения», выселить из ее собственного дома с предоставлением квартиры в доме уже арестованного В.В. Кузнецова, а все описанное имущество Трифоновых передать на хранение в туземный совет.

А следом созрело и обвинительное заключение, в котором собранные материалы интерпретировались еще более устрашающе. Цитирую:

«...в с. Локосово классовая борьба достигла высших пределов, а руководство этой борьбой как со стороны туземного совета, так и кандидатской группы возглавлено не было, районные организации в этом деле были нейтральны, ввиду чего бывшим собственникам рыбных угодий и лесных кедровых массивов кулакам местно природным жителям села Локосово удавалось производить террористические действия над беднотой, издеваться над туземцами и использовать колхозное строительство в своих классовых интересах. Основной целью организованной контрреволюционной группы было замедлить реконструкцию рыбацко-промыслового

⁸ ГАХМАО. Ф. 180. Оп. 2. Д. 38. Л. 2–5.

⁹ Комитет общественной взаимопомощи.

¹⁰ ГАХМАО. Ф. 180. Оп. 2. Д. 38. Л. 90, 94, 96, 98.

хозяйства севера, сдержат волну коллективизации, развязать национальную вражду, парализовать активность не только туземцев, а вообще батрацко-бедняцкие массы населения, жить за счет эксплуатации, быть, как при старом строе, полными хозяевами на селе, и эти действия кулаки успешно проводили в жизнь»¹¹.

Страшно? Еще как! Коротко говоря, прокурор, подводя всех обвиняемых под недоброй памяти 58-ю статью Уголовного кодекса, явно перестарался по части нагнетания страха. Но давайте, наконец, от прокурорского политического суесловия перейдем к конкретике и взглянем на лица обвиняемых — кто же эти фанатики-революционеры, поставившие своей целью погубить молодую республику Советов?

«Контра»

Все 11 — коренные сибирские крестьяне — самая неподатливая на внешние воздействия, консервативная часть местного населения, причем девять из них — локосовские старожилы, связанные родственными отношениями. Что характерно для них, так это многодетность, малограмотность, трудолюбие, хорошее владение навыками крестьянского труда, знание промысловых угодий и родственная сплоченность.

Большая часть обвиняемых принадлежала к двум локосовским семьям — Василия Михайловича Кузнецова и Василия Дмитриевича Кондакова, первый был женат на сестре второго. Обе эти семьи, никогда не прибегавшие к найму работников со стороны, не торговавшие, начали подниматься экономически только тогда, когда подросли и стали помощниками отцам сыновья.

Итак, представим обвиняемых.

Кузнецов Александр Васильевич. Родился в 1891 году. Окончил сельскую школу. В составе семьи — жена и шестеро детей в возрасте от 3 месяцев до 14 лет (самое время для подпольной контрреволюционной деятельности!). До 1914 г. жил с отцом, в летнее время занимались рыболовством, зимами отец охотничал, остальные члены семьи заготавливали парходские дрова. Семья отца имела 5 рабочих лошадей и четверых подростков, 4–5 коров, невод в 70 саженой и от 15 до 23 соровых сетей. Дома построили собственными силами, так как «хорошо работали и без эксплуатации и торговли, к тому же не пьянствовали, скапливали средства и построили, начиная с 1914 по 1925 г., четыре крестовые дома 10x11 аршин и два дома были выстроены до 1914 г.»¹².

В 1914 г. отделился от отца, получил дом, одну лошадь, одну корову. До 1918 г. рыбачил в составе артели, состоявшей из родственников, затем

¹¹ ГАХМАО. Ф. 180. Оп. 2. Д. 38. Л. 201.

¹² Там же. Л. 89.

от рыболовства отошел и поступил на водный транспорт гребцом, а в первой половине 20-х гг. был назначен обстановочным старшиной. 8 апреля 1924 г. участковый десятник С.А. Веселовский¹³ писал начальнику Нарымской дистанции водного пути, что, уезжая на новое место службы, он рекомендует на свое место гребца Кузнецова А.В. как «гражданина честнейших правил, неусыпного труженика с практическим знанием дела, обстановки фарватера...». В 1932 г. А.В. Кузнецов получил от дистанции водного пути за усердную работу премию 75 р.¹⁴

В начале июля 1933 г. на суде Александр Васильевич показывал: «В 1928 г. имел две лошади, две коровы. В колхоз сдал 2 лошади, 1 корову и 1 нетель, ежегодно сдавал в контрактацию по одной скотине». По-видимому, в 1931 г. был лишен избирательных прав, что стало основанием для исключения из колхоза и наложения на него как единоличника туземным советом «твердого задания» по добыче рыбы, но в феврале 1932 г. из списков «лишенцев» исключен решением райисполкома, а 7 марта 1932 г. заместитель председателя Сургутского межрайсоюза выдал ему справку о том, что он «как восстановленный в избирательных правах может состоять членом колхоза»¹⁵.

В судебном деле А.В. Кузнецов числится как «выходец из кулацкой семьи, держащей хозяйство на уровне зажиточного». Но вот что было у него описано 15 марта 1933 г.: дом крестовый (три комнаты и кухня), амбар, крытый тесом, кобыла, корова, самовар белый, 2 перины, машинка швейная ножная, 4 подушки, пиджак «стеженный» суконный, зеркало «стеновое», 2 ружья — шомпольное и бердана¹⁶. Было за что бороться!

Кузнецов Василий Васильевич. Родился в 1897 г. Окончил сельское училище. В семье — жена и пятеро детей в возрасте от 7 месяцев до 13 лет. Описанное имущество почти то же, что у брата: дом, амбар, лошадь, корова, бык, телка, теленок, два зеркала, стенные часы, железная кровать, перина, 4 подушки, машина швейная ручная, 4 больших клеенки, диван, два ружья¹⁷.

На допросе 17 марта 1933 г. сообщил, что после смерти отца в 1926 г. семейный невод остался у него, но он им не пользовался и в 1928 г., при организации уставной артели, сдал его в артель. Невод уже около двух лет находился в артели, но в 1930 г. Локосовский туземный совет лишил В.В. Кузнецова права голоса за то, что он имел невод в прошлом, а также

¹³ Веселовский Савин Алексеевич (1863—после 1937) — рабочий, в 1879—1882 гг. состоял в партии «Земля и воля». В 1920 г. избирался председателем Локосовского волостного ревкома. В первой половине 1920-х годов — участковый десятник Нарымской дистанции водного пути в Локосово. Позднее жил в Тобольске, состоял на учете в первичной парторганизации Обьрыбтреста.

¹⁴ Сургутский городской архив. Ф. 1. Оп. 5. Д. 3. Л. 211, 214.

¹⁵ Там же. Л. 209, 297.

¹⁶ ГАХМАО. Ф. 180. Оп. 2. Д. 38. Л. 98, 261 об.

¹⁷ Там же. Л. 99.

держал в собственном доме квартирантов. После этого он был «вычищен» из колхоза. Василий Васильевич обратился в Сургутский райисполком с заявлением, в котором сообщал, что неводом с 1926 г. не пользовался, а работал в составе сетной артели и что квартирантов к нему вселял туземный совет, невзирая на состав семьи в 8 человек. Исполком отменил решение тузсовета.

Но преследования со стороны тузсовета на этом не закончились. В.В. Кузнецов был вынужден снова обратиться в райисполком. «...прошу разобрать мое заявление и прилагаемые справки, — писал он, — и снять с меня это позорное пятно, которое брошено на меня ложно, чтоб я мог выполнять честно своим трудом дальше и приносить пользу рабоче-крестьянской власти». Заявление было сопровождено справками от председателя колхоза Гр. Питухина в том, что Кузнецов «был всегда примерным работником, никогда от работ не отказывался», от группы односельчан — в том, что никогда рабочих не держал. Засвидетельствовать подписи локозовцев, давших справки, туземный совет отказался¹⁸.

Под статью Кузнецовым были и другие обвиняемые — такие же крестьяне, чье благосостояние обеспечивалось исключительно их собственным трудом. Скажем о них более кратко.

Братья Дмитрий Васильевич и Петр Васильевич Кондаковы — сыновья Василия Дмитриевича Кондакова, 64-летнего сторожа пункта госторга, который, будучи допрошенным прокурором в качестве свидетеля 13 марта 1933 г., рассказывал: «Остался от отца 17 лет, жил в старой худенькой избенке. К 1914 г. поднялись сыновья (четверо), работали в своем хозяйстве. Добывали рыбу и сдавали сургутским и тобольским купцам, а когда организовалась кооперация — туда. Имели 10 рабочих лошадей, 3 коровы, ручной невод 70 сажений, в 1931 г. сдал его в артель... Работал вместе с Кузнецовым Василием Михайловичем, имевшим такой же невод. Рабочих рук было своих 9 человек (сам и 4 сына, Кузнецов и 3 сына). Работали совместно примерно с 1914 по 1928 г.»¹⁹.

Дмитрий Васильевич родился в 1892 г., из хозяйства отца выделился в 1918 или 1919 г., собственного невода не имел. В семье у него было четверо детей — от 5 месяцев до 11 лет. Его брат Петр Васильевич (род. в 1897 г.) окончил три класса сельского училища, имел пятерых малолетних детей.

Их двоюродные братья **Александр, Иван и Николай Егоровичи Кондаковы** также коренные локосовцы, младшему из них, Николаю, на момент возбуждения уголовного дела было всего 17 лет. Александр с 22 августа 1932 по 11 февраля 1933 г. был председателем колхоза им. Молотова. Средний из братьев Иван в 1927–1929 гг. служил в армии в Ленинграде.

¹⁸ Сургутский городской архив. Ф. 1. Оп. 5. Д. 3. Л. 192–194, 196, 200.

¹⁹ ГАХМАО. Ф. 180. Оп. 2. Д. 38. Л. 20.

Любопытен ход прокурорской мысли в отношении этих трех братьев: «Владелец невода Кондаков Василий Дмитриевич брату своему Егору Дмитриевичу предоставлял исключение и в невод брал по два и по три человека по мере подрастания сыновей. Благодаря этому Егор Дмитриевич довел свое хозяйство до категории зажиточного. Следовательно, подсудимые Кондаковы Александр, Иван и Николай Егоровичи относятся к категории зажиточных, поскольку живут все вместе с отцом»²⁰. (Читайте: «У нас пролетарское государство, и зажиточные нам не нужны»).

Их родственник 37-летний **Василий Яковлевич Кондаков** — уроженец Локосова, малограмотный, в семье 7 человек. Середняк. На допросе сообщил о себе: «Отец был бедняк. Когда трое братьев стали самостоятельными, к 1914 г. имели уже трех лошадей, двух-трех коров, небольшой невод около 50 сажений, режевки и сети. Работали сами, никого не нанимали... В колхоз вступил в 1929 г. ...»²¹.

Трифоновы Гавриил Николаевич и Анна Павловна — уроженцы д. Ново-Ильинка Томской губернии. Переселились в Сургутский уезд в 1912 г., в Локосово — в 1924-м. По словам Г.Н. Трифонова, отец не наделил его имуществом, и хозяйство он стал заводить с первой сети, затем купил нетель. До 1920 г. жил на квартирах, в 1924 г. купил дом, дал за него лошадь и корову. Работал сторожем-бакенщиком на Оби, а с 1924 г. — старшиной паровой речной обстановки²². Был в Локосове председателем маслодельной артели, председателем комитета общественной взаимопомощи, членом правления интегрального кооператива, ответственным исполнителем по рыбозаготовкам. Заведовал хозяйством колхоза имени Молотова. «В феврале 33 г., — сообщал он на допросе, — исключен из колхоза по нажиму туземного совета, который представляли на заседании правления Путолин и Ульянов. Правление не соглашалось, но подчинилось тузсовету»²³. (Оказывается, не прав был прокурор, когда писал, что тузсовет «не руководил классовой борьбой»).

Жена Г.Н. Трифонова Анна Павловна привлечена к уголовной ответственности за «травлю в течение полуторах месяцев семьи квартиранта Мумракова, кооптированного в феврале 1933 г. председателем Локосовского тузсовета». На следствии вину свою отрицала, говорила, что все пункты обвинения выдуманные²⁴.

И последний из обвиняемых — **Михаил Павлович Тверитин**, коренной локосовский житель, отец шестерых детей (старшему 16 лет), середняк. В 1916–1918 гг. служил псаломщиком местной Богоявленской церкви, за что

²⁰ ГАХМАО. Ф. 180. Оп. 2. Д. 38. Л. 261.

²¹ Там же. Л. 15.

²² Там же. Л. 239.

²³ Там же. Л. 18–19.

²⁴ Там же. Л. 105–106.

лишался избирательных прав, но в апреле 1929 г. Тобольским окрисполкомом восстановлен. К моменту вступления в колхоз в 1929 г. имел трех лошадей, двух коров — всех, за исключением одной коровы, отдал в колхоз. В 1931 г. исключен из колхоза и больше в него не вступал²⁵.

Простенько и со вкусом

Посмотрим теперь, как аргументировалось обвинение. Это был еще не 37-й год, а только 33-й, и требовалось доказательство вины.

Обвинение первое: Кузнецовы и Кондаковы, бесспорно, кулаки, так как «эксплуатировали чужой труд». Средство эксплуатации — их 70-саженные невода, которыми облавливались рыбные угодья, называемые «полами»²⁶. Полов было три, за ними закрепились названия — Кондаковский, Кузнецовский и Деревенский. Владельцы неводов иногда приглашали в артель односельчан, не имевших своих орудий лова. Весь улов делился на равные пай по числу участников промысла, и еще один пай (иногда — полпай) причитался хозяину невода за его износ, так как невода хватало только на 2–3 рыболовных сезона. Такая практика была повсеместно распространена по Тобольскому Северу и считалась справедливой: за пользование неводом расплачивались все участники лова. Но по коммунистическим представлениям один лишний пай хозяину невода был чудовищной эксплуатацией чужого труда.

Хозяин одного из неводов Василий Дмитриевич Кондаков на допросе у прокурора 13 марта 1933 г. пояснял: «В разные годы, не помню когда, но на наших с Кузнецовым неводах действительно работали Саморуков Федор, Силин Александр, Силин Николай, Коротаев Иван, Коротаев Тихон, Летманов Иван, Першин Аверьян, Путолин Илья. Мы с Кузнецовым Василием [Михайловичем] первое время, приглашая посторонних граждан для таскания невода при ловле рыбы, брали один пай на два невода, так было до тех пор, пока мережа была дешевая, а как эта мережа стала дороже, то мы стали брать по одному паю на невод, этот пай полностью шел на амортизацию невода. На своих неводах мы больше паев никому не брали, пай попу, уряднику, фельдшеру, на веревки и т.д. выделяли с артельного невода, который взяла вся деревня, это дело было года 4 или 5 тому назад»²⁷.

А вот что говорил на судебном заседании 1 июля 1933 г. обвиняемый Александр Васильевич Кузнецов: «Кузнецовский пол — самый плохой. На нем промысляли по 3–4 невода совместно с Кондаковым Александром Ефимовичем, Силиным Николаем Николаевичем, Кузнецовым Гри-

²⁵ ГАХМАО. Ф. 180. Оп. 2. Д. 38. Л. 304.

²⁶ Пол — речная протока, перегораживаемая запором из ряда близко поставленных один к другому ивовых кольев. Около этого запора производился весной и летом лов рыбы неводом. «Пол тыкать» — перегораживать протоку частоколом.

²⁷ ГАХМАО. Ф. 180. Оп. 2. Д. 38. Л. 20–21.

горию, Силиным Андреем и Кондаковым Василием Дмитриевичем, у них были свои невода. Ловили совместно и улов делили пополам, за невода брали $1/2$ пая, но я рыбачил до 1918 г. Некоторые деревенские в невода не шли, а ловили сетями, добывали не меньше, чем неводом. Рыбу сдавали купцу. У живцов²⁸ в зимнее время ловили так же, как и на полах»²⁹.

Не беря во внимание всего этого, в обвинительном заключении прокурор утверждал: «...основные рыбные угодья — Кузнецовский, Деревенский и Кондаковский полы — находились в полном распоряжении этих двух кулаков, они являлись полными хозяевами находящейся в воде рыбы, а эти рыбные угодья являлись основным источником добычи средств для существования всего населения Локосова, но поскольку находились в частной собственности Кузнецовых и Кондаковых, то беднота полностью находилась от их в зависимости, к тому же за неимением средств была лишена возможности приобретать орудия лова, в связи с чем в разное время и разные годы все бедняцко-средняцкое население было вовлечено якобы на равных паях промыслять рыбу кузнецово-кондаковскими неводами»³⁰.

В этой тираде прокурор проявил себя не как юрист, а как пропагандист. Он ложно утверждал, что рыбные угодья находились в частной собственности Кузнецовых и Кондаковых, что они были полными хозяевами рыбных стад, что пай были не равными, а «якобы» равными и что именно эти рыбные угодья и никакие другие составляли основу существования всего населения Локосова. Прокурором проигнорированы показания свидетелей и обвиняемых о том, что одно время жители Локосова имели невод в коллективной собственности, что ловля рыбы сетями приносила примерно такой же доход, как и неводьба в «полах», что, отдав свои невода в колхоз, их бывшие владельцы находили другие возможности поддерживать существование своих семей. «Кондаковы богатели не от пая, — говорил уже на втором судебном процессе в 1934 г. свидетель Саморуков, — а от рыбы, добываемой в других угодьях».

Обвинение второе: источником нетрудовых доходов были сдача внаем комнат в собственных домах. Здесь нужно пояснить, что еще задолго до Октябрьской революции расселение местным начальством по квартирам присланных на службу или в ссылку было в порядке вещей, продолжилась эта практика и в послереволюционное время. Добротные крестьянские так называемые «крестовые» дома — деревянные, одноэтажные — это далеко не то, что нынешние коттеджи, и жили в них семьи по 6–8 и более человек. Лишней жилплощади не было, и, тем не менее, зачастую в таких домах жили квартиранты — служащие, учителя. Хозяевам приходилось потесниться.

²⁸ Живец — незамерзающая речка, у устья которой зимой, во время замора, скапливается рыба. Место промысла.

²⁹ ГАХМАО. Ф. 180. Оп. 2. Д. 38. Л. 238 об.

³⁰ Там же. Л. 202.

Случались на этой почве и конфликты. Так, бывшая заместительница председателя туземного совета Анна Силина свидетельствовала: «Была выписана путевка квартиранту на квартиру в дом Кондакова Петра Васильевича. Он не пустил, заявив: «Мне сельсовет дом не строил, и у меня дом для себя только». За неподчинение тузсовету на него наложен штраф³¹.

Один из таких, по существу бытовых, конфликтов послужил поводом для громкого политического обвинения. Приехал с семьей направленный председателем туземного совета Г.Е. Мумраков, принять квартирантов предложили Г.Н. Трифонову. Тот неохотно согласился, оговорив условие, что Мумраков будет сам обеспечиваться дровами и водой, так как лошадей хозяин сдал в колхоз. Условий председатель совета не выполнял — стали возникать трения, усилившиеся после того, как выяснилось, что члены семьи Мумракова больны туберкулезом, но при этом требуют обеспечивать их еще и посудой. Трифонов предложил Мумракову искать другую квартиру.

Когда стало раскручиваться «кулацкое дело», Мумраков принес прокурору докладную (см. начало статьи), вполне вероятно, что написанную по предложению Фертикова, а он уж нашел, как ею воспользоваться. Для начала послал фельдшера обследовать квартиру. Тот засвидетельствовал, что условия не вполне благоприятны, отметил, что все отверстия в перегородке между комнатами хозяев и квартирантов тщательно проконопачены. «Стадия туберкулеза для окружающих была опасна, — говорил впоследствии на суде фельдшер Зимин, — и это нормально, так как беречься от заразы нужно»³².

Прокурор, мысливший категориями классовой борьбы (может, он хотел отличиться?), 17 марта 1933 г. постановил взять Г.Н. Трифонову под арест по обвинению в «издевательстве над туземцами представителями власти с целью разжигания национальной вражды»³³. Остается загадкой, как он умел устанавливать личные цели обвиняемых.

Конфликт между Трифоновыми и Мумраковыми был не единственным аргументом в пользу этого тезиса. В обвинительном заключении к судебному процессу 1933 г. есть целый раздел «Национальная политика и издевательство над туземцами», и в нем такие строки: «...в селе Локосовском, т.е. в центре туземного совета, проживает исключительно русское население и временно один туземец, председатель совета Путолин Илья Прохорович»³⁴. И именно этот единственный туземец и был властью в русском селе и проводником политики государства в отношении зажиточного крестьянства, что не могло не вызвать недовольства. Малограмотный председатель совета был лишь исполнителем воли вышестоящих начальников, но имен-

³¹ ГАХМАО. Ф. 180. Оп. 2. Д. 38. Л. 136.

³² Там же. Л. 252.

³³ Там же. Л. 109.

³⁴ Там же. Л. 201 об.

но он принимал решения о лишении избирательных прав, установлении «твердых заданий» и других притеснениях.

И вот еще случаи «издевательства над туземцами и национального гнета». На допросе у прокурора Путолин жаловался: «...после дачи твердых заданий Кузнецовы Василий и Александр прибегали один раз в тузсовет в январе 1933 г., в повышенном тоне кричали прямо на меня: «Какие мы кулаки, зачем нас обложил твердыми заданиями?». Но тут зашел секретарь ячейки Власов, и мы вместе стали давать им отпор... В конце января 1933 г. братья Кузнецовы пришли ко мне в тузсовет, выждали, когда я останусь один, и стали говорить: «Товарищ Путолин, ты сам хорошо знаешь, что мы бедняки, ведь мы вместе с тобой росли, играли. Давай, когда будут обсуждать наш вопрос на президиуме, то нас поддерживай». Мне просто не захотелось слушать, и я пошел домой, закрыв канцелярию».

Далее Путолин рассказывал, как счетовод тузсовета Кугаевский, зять А.В. Кузнецова, живший у тестя, пригласил его к себе на празднование годовщины Октябрьской революции. Вот как это зафиксировано прокурором. Они выпили уже по несколько стаканов пива, когда пришел с рыбалки хозяин дома и стал приглашать Путолина к себе, а после угощения завел разговор о том, что на него в совете имеется материал по индивидуальному обложению. «Я вижу, — докладывал Путолин, — что этим приглашением в гости они используют мою слабость в интересах кулачества, превращают меня в своего агента, этим самым хотят использовать тузсовет в своих классовых интересах, сразу же от них пошел домой, а затем поставил вопрос перед секретарем ячейки, и он мне помог Кугаевского с работы счетовода убрать, больше случаев застраживания или уговаривания, приглашения в гости не было»³⁵. Короче говоря, выпил, закусил и проявил классовую бдительность. Но согласитесь, читатель, что никакого запугивания в приведенном рассказе не видно.

И еще был случай. 20 марта 1933 г. Путолин пришел в дом Д.В. Кондакова, уже арестованного в то время, чтобы изъять имущество за неуплату налога. Изъятию подлежали перина и новое одеяло, но жена Кондакова пыталась отдать старое. Путолин потребовал новое, числящееся в описи. Тогда, как записано в составленном 26 марта 1933 г. прокурором Фертиковым протоколе, она достала из ящика новое одеяло и ударила им «туземца, председателя совета Путолина прямо по глазам, вследствие чего получилась даже припухлость век правого глаза». Если рассудить здраво, это еще невысокая плата за марионеточность, но за эту «припухлость» Х.В. Кондакова была осуждена на 5 лет³⁶.

³⁵ ГАХМАО. Ф. 180. Оп. 2. Д. 38. Л. 10.

³⁶ Там же. Л. 192.

Слова о спаивании и запугивании В.В. Кузнецов, допрошенный 17 марта 1933 г., назвал ложью. Не имея никаких доказательств обратного, прокурор писал в своем постановлении 11 апреля 1933 г., что группа кулаков «систематически издевалась над туземцами-выдвиженцами представителями власти Путолиным и семьей Мумракова»³⁷. А на поверку выходит, что «межнациональный конфликт» провоцировала сама власть.

Используя подобным образом «туземцев-выдвиженцев», прокурор вряд ли думал о том, как они будут чувствовать себя в локосовском обществе после того, как он, сделав свое дело, уедет. А случилось так, что Мумраков «отказался совершенно работать на советской работе, ушел в юрты Панькины на промыслы»³⁸, и на его место снова «поставлен» Путолин. Прокурор и этот факт не постеснялся использовать для обвинения.

Трое из представших перед судом — Д.В. Кондаков, А.Е. Кондаков и Г.Н. Трифонов — обвинялись также и во вредительстве. Они якобы «организовали работу по уничтожению стада лошадей». Тех лошадей, которых сами же отдали в колхоз.

Условия для содержания скота в локосовском колхозе имени Молотова были неудовлетворительные. В обвинительном заключении констатируется: «Скотного двора как для рабочих лошадей, молодняка и коров у колхоза не имеется. Особое внимание обращает на себя конский молодняк. Последний всю зиму ходил беспризорный по улицам села без корма, глодал с изгородей жерди. Обращение с конским поголовьем, несмотря на то, что лошадь во время зимы на Севере является основной тягловой силой, самое зверское, рабочие лошади с вредительской целью приводились кулаками в непригодность, в подтверждении чего установлены следующие факты: жеребье матки умышленно разбивались путем эксплуатации на тяжелых работах, несмотря на запрещение ветеринарного надзора...»³⁹.

Факты падежа колхозного скота приведены бегло в приговоре Остяко-Вогульского окружного суда 16 июня 1934 г.: осенью 1932 г. обнаружен жеребенок с вилами в боку, в декабре захромал мерин рыжий — определили мокрец — не излечили, зарезали на мясо, в декабре обнаружена сдохшая лошадь, в декабре же обнаружена корова с глубокой раной в боку; завхоз Трифонов на эти случаи составлял акты и только, мер к выявлению вредителей не принимал, колхозники работали на жеребых матках — одна сдохла⁴⁰.

Никаких доказательств умышленного уничтожения животных в протоколе судебного заседания не содержится, тем более организации уничто-

³⁷ ГАХМАО. Ф. 180. Оп. 2. Д. 38. Л. 147 об.

³⁸ Там же. Л. 210.

³⁹ Там же. Л. 205.

⁴⁰ Там же. Л. 65.

жения. Скорее можно говорить о бесхозяйственном использовании лошадей. Обвиняемыми высказывались, в частности, такие мнения:

«Сколько было выкидышей у лошадей, я не знаю, но было порядочно, причина та, что скот был не свикшийся, лошади одна другую лягали, конный же двор выстроить еще не успели. Другие увечья были потому, что сено весной возили по земле, так как зимой лошади были все в извозе» (В.В. Кузнецов).

«Лошади в колхозе были присталые, и Федоровский нам разрешил запрягать жеребых маток и даже сам помогал запрягать их»⁴¹ (Д.В. Кондаков).

«Весной очень много пришлось почти по земле сваживать сена, работали на жеребых кобылах» (А.Е. Кондаков)⁴².

И хотя в отношении Д.В. Кондакова в приговоре суда 16 июня 1934 г. записано: «считать доказанным, что он умышленно запрягал жеребых маток для подвозки сена, в результате одна сдохла...», но это лишь утверждение, а где доказательство? Да и как можно доказать умысел?

И еще одно обвинение — в умышленной изоэщренной дискредитации колхозного строительства. Попробуем разобраться в этой теме по документам дела.

Богатый материал для построения обвинительной конструкции дал прокурору словоохотливый свидетель Ф.Г. Саморуков⁴³ на допросе 14 марта 1933 г. Вот что он рассказывал:

«...после того как было подавлено бандитское восстание, мы с беднотой в числе 9 хозяйств решили пожить самостоятельно. Через Областьрыбу приобрели свой невод в кредит. В числе нашей артели было два средняка — Коротаев Иван, Кондаков Алексей. Вопрос стал о рыбном угодье, и нам был отведен Кондаковский пол, т.е. худшее из трех упомянутых выше. Примерно до 1929 г. мы своей артелью, не оформленной юридически, промышляли рыбу, а в 1929 г. нас увидали власти, и мы приняли устав, назвав свое объединение «Прогресс». В марте 1931 г. наша артель рассыпалась... Причины к развалу были следующие:

1. Мы в своем распоряжении не имели хороших рыбных угодий и экономически не смогли окрепнуть. 2. Из артели вышли Кондаковы Алексей и Александр Яковлевичи — родственники кузнецово-кондаковских заправил, на их глядя пошли бедняки Силины Александр и Николай. 3. Повлияло и то, что к

⁴¹ ГАХМАО. Ф. 180. Оп. 2. Д. 38. Л. 303.

⁴² Там же. Л. 111.

⁴³ Саморуков Федор Герасимович — сторож Локосовского интегрального кооператива. В 1889 г. выслан из с. Бычки Рязанской губернии за уголовное преступление навечно в Тобольскую губернию. Жил в д. Слинкиной Тобольского уезда, в 1901 г. переехал в Локосово. Как член группы бедноты участвовал по поручению прокурора в обследовании деятельности колхоза им. Молотова.

этому времени стали все население объединять в один колхоз и центр объединения нашли не в нашей артели, а в артели, где руководили Кузнецовы и Кондаковы... В 1929 г., в сентябре, Кузнецовы организовали родственную артель имени Демьяна Бедного. <...> При выселении кулаков двух хозяйств в 1930 г. в нашу артель кулацкого имущества передано не было, а скот был передан в кузнецовско-кондаковскую. <...> У нас в Локосове все зажиточные и средняки, в особенности родственники кузнецовские и кондаковские, в колхозе, а беднота почему-то живет единолично»⁴⁴.

Толкование Саморуковым причин распада артели «Прогресс» удивляет своей иждивенческой тональностью: все названные им причины — внешнего характера. Когда речь шла о Кондаковых, то для них кондаковский пол был источником обогащения и средством эксплуатации бедноты, когда об артели «Прогресс» — пол плохой, не дал возможности экономически окрепнуть. Вышли из артели несколько человек — еще один сокрушительный удар. Но почему вышли, ведь от добра добра не ищут? Об этом свидетель предпочитает не распространяться, а прокурор толкует сей факт как кулацкую подрывную работу. Третья названная Саморуковым причина вообще не содержит смысла: если «стали все население объединять в один колхоз», то имеет ли значение, какую из артелей избрали центром?

Непонятно, какие увидел прокурор преимущества артели бедняков перед содружеством Кондаковых и Кузнецовых, но он пишет, противореча свидетелю Саморукову: «...при наличии хороших рыбных угодий все же Кузнецовы и Кондаковы не смогли противостоять перед артельной формой объединившихся бедняков, работающих на худшем угодье, в связи с чем, учтя и льготы, предоставляемые колхозам, организовали в сентябре 1929 г. свою родственно-кулацкую артель на 9 хозяйств имени Демьяна Бедного... Вокруг этих двух артелей и была в то время сосредоточена борьба». Следствием перехода части членов артели «Прогресс» в артель им. Демьяна Бедного стало их требование возратить принадлежавшие им орудия рыболовства, и бедняки «остались опять без снастей, в связи с чем бедняцкая артель «Прогресс» в марте 1930 г. распалась».

«С этого времени в селе Локосово, — строит дальше свою зыбкую конструкцию прокурор, — осталась одна кулацко-родственная артель, которая также после опубликования статьи тов. Сталина «Головокружение от успехов» распалась. Кулаки, добившись поставленной цели, т.е. развала бедняцкой артели, ушли в свои индивидуальные хозяйства, но вскоре усвоили надвигающуюся неизбежность перестройки мелких единоличных раздробленных хозяйств в крупные коллективные хозяйства и для спасения шкуры опять организовали артель «Рыбак», последняя также не выдерживала по-

⁴⁴ ГАХМАО. Ф. 180. Оп. 2. Д. 38. Л. 34 об.—35 об.

становкой работы требованиям устава и к марту 1931 года была накануне развала, но местные власти и райсоюз этого не допустили, 21 марта 1931 г. ее переорганизовали в северо-смешанную артель им. Молотова... последняя существует до настоящего времени»⁴⁵.

Сами мы не местные...

К сожалению, суд не нашел нужным выяснить истинные причины этих распадов и переорганизаций артелей.

До конкретных причин при желании можно докопаться со временем, но очевидно, что все они обусловлены изменившимся отношением государства к крестьянству. В соответствии с марксистско-ленинской идеологией стратегическим партнером государства стало беднейшее крестьянство, противопоставленное зажиточному по принципу «разделяй и властвуй». Коллективизация обнадеживала бедняка и не обещала ничего хорошего зажиточному, само это слово «зажиточный» в советском лексиконе получило новую смысловую окраску и означало, что человек на подозрении — то ли «наш», то ли «не наш».

Для бедняков, решавших, входить ли в коллективное хозяйство, у власти был пряник в виде передаваемой хозяйству собственности, отнятой у кулаков, и некоторых льгот, а для зажиточных частных хозяев — кнут, т.е. государственные налоги и местные обложения — «твердые задания», устанавливаемые с санкции этой же бедноты.

Предприимчивый частник, единоличник, пока это было возможно, искал для себя приемлемую форму кооперации. В этих условиях постоянного притеснения особенно ценна была родственная и дружеская сплоченность, ставшая для Кондаковых и Кузнецовых опорой. Об этой их сплоченности в судебном деле содержится немало разных отзывов с оттенками то ли зависти, то ли осуждения, как о чем-то чуть ли не безнравственном. Прокурор даже изобрел, как видите, термин «кулацко-родственная артель». Услышать бы ему слова репрессированного российского экономиста А. Чайнова о достоинствах старой крестьянской кооперации, которая опиралась на семейное производство и позволяла создавать достаточно крупные формы, не нарушая индивидуальности и самостоятельности семейного хозяйства⁴⁶.

Членство в колхозе по ряду причин не могло удовлетворять локозовских крестьян, в недавнем прошлом единоличников, крепких, самостоятельных хозяев. Может быть, первая из них — имущественное неравенство вступавших в колхоз. Одни привели по нескольку голов скота, другие пришли ни с чем. Например, обвиняемый П.В. Кондаков «ввел 3 лошади,

⁴⁵ ГАХМАО. Ф. 180. Оп. 2. Д. 38. Л. 203–204.

⁴⁶ Громько М.М. Мир русской деревни. — М., 1991. — С. 62.

двух подростков, одну корову»⁴⁷. Для тех, кто проводил политику партии и смотрел на колхоз со стороны, это изначальное неравенство выглядело, может быть, как нормальный порядок вещей, но «кулацко-родственная» часть роптала.

Из свидетельских показаний С.Д. Доброносова 15 марта 1933 г.: «В колхоз меня приняли на первом собрании, но некоторые высказывались против. Кузнецов Василий говорил, что не надо принимать, раз он имущества не имеет, его поддерживали Кондаковские, после этого я несколько раз слышал от Кузнецова Василия, что напринимали голытьбу, так на готовом-то живут...»⁴⁸.

Противоречия постоянно проявлялись и в повседневной хозяйственной практике. Так, бедняки жаловались на то, что будто бы правление ставило на более выгодные работы (рыбный и пушной промыслы, извоз) своих людей, а их — на перевозку пассажиров («веревочка») и другие малооплачиваемые работы. Премии также распределялись не в их пользу.

Обвинение в собственных интересах приняло сторону бедных членов колхоза. Вот строки из обвинительного заключения:

«Бедноте в колхозе создавались прямо невыносимые условия. Первое — это выделение бедноте наихудших работ, как на веревочку, где нужно быть всегда хорошо одетым, а у бедняков одежды не имелось, и использование их на других второстепенных работах, где заработок был мал».

«Дискредитируя бедноту членов колхоза, кулаки нашли методы из этих людей, классово им чуждых, искусственно делать лодырей... кулаки целые бригады организовали из бедноты, посылая их на худшие участки промысла...»⁴⁹.

В общем, опять получается «припухлость». А может быть, дело в другом: эти люди не имели опыта крестьянской жизни и достаточных трудовых навыков — не вполне понимали, что такое лошадь и как за ней ухаживать, где найти и как добыть рыбу, никогда не стреляли из охотничьего ружья и вообще не имели привычки круглый год трудиться под открытым небом? В таком случае и результат их работы был менее заметен. Один из свидетелей, выступавших на судебном заседании, Карпей Трифионов, сказал: «Доброносов в дороге свою пятерку лошадей заморил и сильно избил, за это его сняли с обоза».

Эта разница в опыте, в отношении к труду, собственности, тем же лошадям, также не могла не быть постоянным источником напряженности, о которой свидетель А. Щинников, бухгалтер интегрального кооператива, сказал так: «Средняки напирали на бедняков, называя их лодырями, и

⁴⁷ ГАХМАО. Ф. 180. Оп. 2. Д. 38. Л. 303 об.

⁴⁸ Там же. Л. 41.

⁴⁹ Там же. Л. 207.

посылали на работу, которую они не могли выполнить, а потом говорили, что они лодыри. <...> После развала колхоза организовали артель без бедноты, которая от них отшатнулась»⁵⁰.

Острые конфликты случались в связи с планированием работы. Хозяйственный опыт местных крестьян, конечно же, давал им преимущество перед людьми пришлыми в организации дела. Но планы колхозу «спускались» сверху, без учета местных условий. Невыполнение плана, не обеспеченного ресурсами, опять же квалифицировалось как «вредительство». Обвиняемый В.В. Кузнецов на допросе 17 марта 1933 г. давал вполне резонное объяснение: «План рыбы мы выполнить не смогли, потому что он был дан на 18 человек, а действительно нас ловило в весенний лов 10 человек, а в осенний и зимний лов от 2 до 8 человек, остальные рыбаки были заняты на других хозяйственных работах»⁵¹. И никто не опроверг этого на суде.

Привыкшие во всем полагаться на себя и своих близких, локозовские крестьяне не были конформистами и решительно возражали против того, с чем не могли согласиться. В интерпретации свидетеля С.Д. Доброносова это выглядело так: «Самым заядлым агитатором против мероприятий советской власти был Василий Кузнецов, он открыто советскую власть не ругал, а всегда на каждом собрании... садился в самый зад, после доклада обычно все молчат, а затем этот Василий встает, потихоньку высказывается, что проводить надо, но это тяжело, и в части планов по рыбе говорил, что тяжело, непосильно, его все поддерживали, ну планы-то хоть принимали, но не выполняли»⁵².

Вот еще пример, приведенный на допросе партгруппоргом П.Е. Власовым: когда сверху был спущен план «сдачи в контрактацию скота», «эта верхушка прибежала в кооперацию группой, Кондаков А., Трифонов Г.Н., кричали, что нам не дают работать, нас обдирают, прикрываясь государственными целями плана централизованных заготовок. Мы, мол, вам не подчиняемся, у нас есть райсоюз»⁵³.

Свое понимание, как вести текущие хозяйственные дела, локозовские крестьяне высказывали порой грубовато и громогласно, свидетель Д.М. Ульянов передает это так: «...никуда нас не посылайте, дело наше, где мы захочем работать, тут и будем»⁵⁴.

Не согласны были они и с требованием поголовного вхождения в колхоз всех трудоспособных членов семей. Что же тогда — оставлять беспризорными от 4 до 6 детей?

⁵⁰ ГАХМАО. Ф. 180. Оп. 2. Д. 38. Л. 308–309.

⁵¹ Там же. Л. 114.

⁵² Там же. Л. 41.

⁵³ Там же. Л. 11 об.

⁵⁴ Там же. Л. 13 об.

Власть ломала эту наиболее работоспособную, самостоятельную часть колхозного коллектива, заставляя ее перестраивать свою жизнь на социалистический лад, и делала это, привлекая на свою сторону бедноту, возвышая ее, декларируя свою неусыпную заботу о беднейшей части сельского населения. «Беднота» объявлялась чуть ли не совестью народа. Организованная в группы и комитеты, беднота должна была противостоять кулачеству, представлять интересы государства в «классовой борьбе».

В Локосове группу бедноты организовал руководитель местной кандидатской ячейки ВКП(б) П.Е. Власов. Надо заметить, что крестьяне села в большинстве своем жили в достатке, поэтому среди упомянутых в деле членов группы ни одной местной фамилии не встречено. В группу вошли бывшая работница Томского кожевенного завода А.Д. Баталина, приехавшая в Локосово в 1930 г., ее брат С.Д. Доброносков, прибывший следом в 1931 г., 67-летний сторож интегрального кооператива Ф.Г. Саморуков, высланный из Рязанской губернии, как считали локосовцы, за кражу и живший в селе с 1910 г., и еще несколько непоименованных лиц.

Эта группа была мертворожденным ребенком. Никакой самостоятельности она не имела, что признавали сами ее организаторы. П.Е. Власов в разговоре с прокурором 28 февраля 1933 г., характеризуя этих «активистов», обмолвился, что «группа была еще неокрепшая, в ходе собрания молчала, мне приходилось проводить одному и давать отпор. Я стал нащупывать почву выявления кулаков, группа бедноты даже не решалась указывать, кто кулак»⁵⁵. С ним согласен был секретарь тузсовета Д.М. Ульянов: «Беднота кулаков боится и не дает точных материалов. <... > в настоящее время опереться на бедноту нельзя. Всего актива только можно найти четыре человека: комендант поселка Мергенев, учитель Мишурун, председатель тузсовета Мумраков и заместитель председателя тузсовета Путолин, которые принимают участие в борьбе с кулачеством»⁵⁶.

Отсюда понятно отношение локосовцев к этому «общественному институту». Один из его членов, С.Д. Доброносков, с обидой свидетельствовал: «...бедняк Бабичев Иван прямо говорил, что этих людей надо гнать из колхоза, указывая на меня: вылез откуда-то из-под лодки, а когда из колхоза выгнали Кузнецовых, то он несколько раз говорил мне: «Наехали к нам, дак самых хороших людей исключили из колхоза...»⁵⁷.

Тем не менее не кто-нибудь из местных крестьян, а именно Доброносков был «поставлен» председателем колхоза и в этой должности растратил колхозные деньги на приобретение для себя одежды, так как «приехал в одном пиджаке». Впоследствии он был осужден к пяти годам лишения

⁵⁵ ГАХМАО. Ф. 180. Оп. 2. Д. 38. Л. 11 об.

⁵⁶ Там же. Л. 4.

⁵⁷ Там же. Л. 41.

свободы, но окружной суд в приговоре 16 июня 1934 г. обеливал его («Насчитали растрату у председателя колхоза Доброносова и этим выжили его с председателей колхоза»), хотя он сам признался в растрате.

Накал страстей иллюстрирует эпизод, о котором рассказывали на суде несколько человек. На бедняцкое собрание (на нем должен был «подрабатываться» вопрос об индивидуальном обложении) пришел подвыпивший Василий Яковлевич Кондаков. По словам продавца интегрального кооператива Г.А. Ермакова, он запальчиво спросил секретаря партгруппы Власова: «Вы ково собираете на собрание? Какие-то понаехали из Томска да еще черт их знает откуда, и обсуждать наши дела их зовете. А они ково знают? Вы бы нас позвали, мы знаем, кто как живет. Да ищите каких-то кулаков. Мы вам покажем, какие у нас есть кулаки»⁵⁸.

Эта выходка не обученного хорошим манерам деревенского мужика, которую даже хулиганством-то можно назвать с натяжкой и в которой выплеснулась накопившаяся горечь локосовских старожилов от нескончаемых притеснений, породила обвинение, ни много ни мало, в контрреволюции. Всячески подталкиваемые властью к отказу от единоличничества, они вступили в колхоз, передали в него свой скот, вкладывали в дело усердие и сноровку, приобретенные с раннего детства. Это были люди не равнодушные, не готовые одобрять или осуждать что-либо по разнарядке начальства и голосовать единогласно. Свидетельница Анна Силина, сама, наверное, того не ведая, отметила это их качество на судебном заседании: «Если проводились собрания, то подсудимые, пока не наревутся, до тех пор не подпишутся»⁵⁹.

Эти самые ценные для хозяйства люди хотели остаться в колхозе, братья Кузнецовы продолжали в нем работать даже после исключения, но от них избавлялись всеми правдами и неправдами и назначали руководителями людей, мало для этого пригодных, как упоминавшийся Доброносов. Его на посту председателя сменил новый «выдвиженец» — 26-летний А.Г. Федоровский, холостой малограмотный выходец из Шатровского района Уральской области. На Север его сманил земляк. Допрошенный прокурором 14 марта 1933 г., он был откровенен: колхозную работу знаю плохо и руководителем быть не могу, избрали, даже не пригласив на заседание правления⁶⁰. Предшественником Доброносова был бедняк Питухин, о котором свидетель Михаил Балувев говорил на суде, что его сняли с должности председателя «за халатное отношение к работе». Свидетель Щинников достоинство Питухина и Доброносова увидел в том, что они «проводили твердо политику партии, а это середнякам не глянулось»⁶¹.

⁵⁸ ГАХМАО. Ф. 180. Оп. 2. Д. 38. Л. 131 об.

⁵⁹ Там же. Л. 309 об.

⁶⁰ Там же. Л. 37.

⁶¹ Там же. Л. 255.

Власть в первую голову пеклась не об экономическом положении колхоза, а о его политической «правильности». Колхоз виделся полностью подконтрольным государству политизированным объединением, и люди самостоятельные пришлось не ко двору, при пособничестве туземного совета их объявили кулаками и «вычистили» из колхоза.

Вот отрывок из свидетельских показаний секретаря туземного совета Д.М. Ульянова: «Отношение колхоза к выполнению всех государственных планов совершенно не чувствовалось ввиду того, что ... были в колхозе классово чуждые Кузнецов В.В. и Кузнецов А.В., которые говорили, что на што нам планы, мы без них знаем, что делать, но каковые были из колхоза вычищены. Но все же этого еще недостаточно, где еще пришлось колхоз чистить и где мне пришлось ставить вопрос на заседании правления 19 февраля 33 года о вычищении из колхоза как зажиточного Трифонова Гаврила Николаевича⁶²... то на заседание правления пришли не члены правления колхоза Кондаков Иван Егорович, Кондаков Александр Егорович, которые ставили вопрос, что выгоняйте и нас из колхоза вместе с Трифоновым, и стали требовать материал, за что исключаете из колхоза... мы поедем в округ и будем хлопотать о восстановлении всех в колхозе...»⁶³

Колхоз для коренного зажиточного локосовского крестьянина оказался на поверку большим обманом, средством «выравнивания» в бедности. Обвиняемый Николай Егорович Кондаков так заявил на судебном заседании 14 июня 1934 г.: «В настоящее время имущественное положение — ничего нет. Лошадей обобществлено в колхоз 3, коров — 1. Дом отобрали в 1934 г. за невыполнение твердого задания по рыбе... Отцу 60 лет, его судили за невыполнение задания, но оправдали»⁶⁴. По материалам дела не видно, были ли возвращены лошади и коровы тем, кого исключили из колхоза, но свидетельница Анна Силина упоминала на суде: «Когда вычистили Кузнецовых двух братьев первых, они подавали заявление для выделения им лошадей»⁶⁵.

А вскоре после этой «зачистки» возникло и судебное дело.

Фиаско

С 1 по 3 июля 1933 г. в Локосове проходило открытое заседание Остяко-Вогульского окружного суда под председательством судьи Попова. Процесс имел односторонне обвинительный характер, защитник — член Уральской областной коллегии защитников Воскресенский, — судя по документам архивного дела, на суде был пассивен, в протоколе зафиксирована толь-

⁶² Обратите внимание: исключение из колхоза предлагает человек, не являющийся колхозником.

⁶³ ГАХМАО. Ф. 180. Оп. 2. Д. 38. Л. 13 об.

⁶⁴ Там же. Л. 303.

⁶⁵ Там же. Л. 309 об.

ко его просьба к суду, если обвиняемые будут признаны виновными, выслать их из пределов Локосовского туземного совета.

Зато активен был на всех стадиях процесса государственный обвинитель сургутский районный прокурор Фертиков. Он возглавлял следствие, с первых дней которого был убежден в виновности подсудимых. В деле есть его записка от 25 февраля 1933 г. к находившемуся в Локосово работнику Сургутского райкома ВКП(б) Н.П. Вторушину, возглавившему по его же поручению бригаду, обследовавшую с 26 февраля по 2 марта 1933 г. состояние колхоза им. Молотова. «Не имея договоренности с райкомом и риком, — писал он, — я тебя включаю в следственную бригаду, о чем после доложу райкому, и поручаю тебе руководство группой бедноты и актива юстиции по обследованию работы Локосовской северо-смешанной артели. <...> При осложнении порядка обследования за отсутствием каких-либо документов пользуйтесь беседами с людьми, знающими положение. При затруднении в части определения лже-колхоза приходите ко мне... В части заключения и выводов приходи со всем материалом ко мне»⁶⁶.

Выводы следственной бригады полностью совпали с мнением прокурора, и итоговая записка подписана Фертиковым и Вторушиным. Читатель уже имел возможность понять по стилистике документов, составленных прокурором, что он по существу больше политработник, чем юрист. А данный выше анализ аргументации обвинения, надеюсь, убеждает в ее несостоятельности.

Но окружной суд не подверг сомнению позицию прокурора, согласился с его доводами, увидел в подсудимых организованную контрреволюционную группу и приговорил их к разным срокам наказания — от 10 лет до 6 месяцев по 58-й статье Уголовного кодекса. В приговоре сохранены стиль и лексика прокурорского обвинительного заключения. Суд не заставил усомниться в правомерности его решения ни неоднократные отмены Сургутским райисполкомом решений Локосовского тузсовета о лишении подсудимых избирательного права, признании хозяйств кулацкими и наложении твердых заданий, ни их решительное непризнание себя виновными. И вскоре окружному суду пришлось об этом пожалеть.

Осужденные обратились с кассационной жалобой в Верховный суд РСФСР. После рассмотрения ее кассационной коллегией Остяко-Вогульский окружной суд получил определение коллегии от 23 ноября 1933 г., из которого приведем два отрывка.

«Суд в приговоре изложил подробно социальное положение обвиняемых, так же подробно — факты вредительства в колхозе, но при описании содеянного каждым обвиняемым этих фактов им в вину не вменил: изувечение скота и т.п. Обвиняемые оказались осужденными за то, что им в вину не вменено. Определенная судом мера социальной защиты рез-

⁶⁶ ГАХМАО. Ф. 180. Оп. 2. Д. 38. Л. 43.

ко не соответствует вмененному в вину. Так, Кузнецовы Василий и Александр приговорены по 58-8 и 58-11 ст. УК к 10 годам лишения свободы каждый, а в вину им вменено: в октябрьский праздник угощали Путолина пивом и доказывали, что они не кулаки, а в январе 1933 г. в помещении сельсовета ругались и угрожали Путолину».

«СКК определила: приговор полностью отменить, дело передать на новое рассмотрение в тот же суд в ином составе с предварительного расследования, всех арестованных по делу из-под стражи освободить на подписку»⁶⁷.

Осужденные в это время находились уже далеко от Локосова: В.В. Кузнецов — в Ачинском лагпункте Сиблага ОГПУ, А.В. Кузнецов — в Новосибирской области, П.В. Кондаков — в Магнитогорске, братья А.Е. и И.Е. Кондаковы отбывали ссылку в с. Нахрачи Кондинского района.

Повторное рассмотрение дела проходило в Локосове 14–16 июня 1934 г. На этот раз приговор был более мягким: 58-я статья заменена другими, но существо обвинения осталось прежним. Суд пришел к выводу, что «хотя перечисленные факты вредительства в колхозе и запугивание и угрозы в их общей совокупности носят по сути дела контрреволюционный характер, но как предварительным, так и судебным следствием не удалось установить наличия среди обвиняемых организованной контрреволюционной группы»⁶⁸. Тем не менее братья Кузнецовы были осуждены к лишению свободы на 5 лет с содержанием в лагерях, для остальных были определены менее продолжительные сроки.

На этот раз кассационную жалобу подали только А.В. и В.В. Кузнецовы. И вновь в Остяко-Вогульский окружной суд пришло неприятное для него определение судебной коллегии Верховного суда РСФСР от 14 августа 1934 г. В нем внимание суда обращалось на то, что, как видно по документам дела, никаких дополнительных следственных действий произведено не было, и это грубое нарушение предыдущего определения должно повлечь за собой отмену приговора, но, чтобы избежать новой отсрочки рассмотрения дела, коллегия рассмотрела его в кассационном порядке и постановила наказание для всех осужденных считать отбытым.

В определении указывается на то, что при вторичном рассмотрении дела окружной суд допустил неправильную оценку действий обвиняемых, что повлекло за собой избрание несоответствующих мер наказания. В частности, действия Кузнецовых Василия и Александра неверно квалифицированы по статье 73, из материалов дела видно, что в них не было ни угроз убийства, ни побоев, ни вообще насильственных действий, «красная цена» им — хулиганство⁶⁹ (да и его еще нужно было доказать). Други-

⁶⁷ ГАХМАО. Ф. 180. Оп. 2. Д. 38. Л. 277.

⁶⁸ Там же. Л. 316 об.

⁶⁹ Там же. Л. 340–341.

ми словами, судьям округа напомнили, что они должны быть служителями закона, а не политиками.

Итак, мы увидели картину выдуманного политического процесса в его развитии. Обвинялись люди, совершенно чуждые политике и не нанесшие никакого вреда обществу. По счастью, исход дела оказался относительно благополучным. Справедливость, казалось бы, с опозданием, но восторжествовала, но от полутора до двух с половиной лет доброй половиной населения Локосова были прожиты с тяжелым чувством.

Этот благополучный исход — не манна небесная. В первую очередь он — итог защитных действий самих обвиненных. Они в полной мере использовали свои шансы на защиту. Так, находясь в арестном помещении, они обратились с коллективным письмом в ЦК ВКП(б) к Д.Ф. Медведеву, в начале 30-х годов работавшему председателем Сургутского райисполкома.

Они писали: «...Сейчас в связи с огромным наплывом на север разного прослой населения, а также и в связи с переброской работников из других районов на руководящую работу и не знающих работы на севере, всячески стали пробивать карьеру в работе, не считаясь с тем, что некоторая работа на вред советскому государству и, стараясь загладить свои прошлые ляпсусы, начали всячески подъедать местных работников, а также и местное население. <...> Мы хотя мужики, но знаем, что люди, или, вернее, некоторые работники в деревне искажают политику партии и постановления правительства в области всех проводимых кампаний...»⁷⁰.

Что же стало питательной средой, на которой вырос, казалось бы, из ничего судебный процесс? Старания местных юристов выйти в первый ряд классовых борцов, поступить «как надо»? Услужливость местных энтузиастов, надеявшихся извлечь выгоду из содействия обвинению? Кто-то взмахнул платочком, и посредством политической демагогии пошла кампания уничтожения подлинных крестьян.

Свое достоинство тружеников и граждан бывшие обвиняемые подтвердили в следующие десятилетия. Они остались в родном селе с репутацией добросовестнейших работников, прошли Великую Отечественную войну и вернулись с наградами. Они воспитали новое поколение, их дети честным трудом многократно засвидетельствовали достоинство отцов. Это ли не свидетельство бессмысленности и преступности репрессивной политики, какими бы идеями она ни прикрывалась? Так, может быть, стоит отнести ко всему сказанному здесь как к практическому уроку отечественной истории?

⁷⁰ ГАХМАО. Ф. 180. Оп. 2. Д. 38. Л. 218 об.—220.

Тернистый путь отца Всеволода

Из истории России видно, что есть соответствие внешней судьбы нашей родины с внутренним состоянием народного духа. Поэтому необходимо понять, что как грех привел к катастрофе, так и покаяние способно привести к восстановлению России.

Архимандрит Иоанн (Крестьянкин).

С этим достойным человеком кратко знакомил своих читателей журнал «Югра»¹. Имя его — Владимир Алексеевич Баталин. В последние годы выяснились некоторые новые подробности его жизни, и есть повод вновь рассказать о нем, хотя и теперь повествование будет фрагментарным и далеким от завершенности.

Жизненный путь В.А. Баталина (21.07.1903, г. Сургут—30.04.1978, г. Ялта, Крым) пришелся почти весь на советские десятилетия. Можно полагать, что кое в чем он был предопределен влиянием отца, потомственного сургутского казака Алексея Яковлевича Баталина (ок. 1859—17.07.1927, г. Сургут), прежде всего его женитьбой на дочери ссыльного Семена Васильевича Сидельникова, родная сестра которой была замужем за сосланным в Сургут членом «Южно-российского союза рабочих» Виталием Яковлевичем Мрачковским (ок. 1855—1923). В начале 1888 г., когда при содействии сургутян ссыльные народники А.Н. Лебедев и И.И. Лазаревич совершили успешный побег, А.Я. Баталин был арестован по обвинению в порицании российского образа правления и после двухмесячного заключения находился под негласным надзором сургутской полиции. Алексей Яковлевич был заметным в своем городе человеком. Кроме рыбацкого дела, он владел редким для сургутянина ремеслом плотника и столяра², это, наряду с родством, также сближало его с рабочим Мрачковским. В 1907 г. А.Я. Баталин был делегирован гражданами Сургута в качестве выборщика на Тобольское губернское избирательское собрание по выборам членов Государственной думы.

¹ Белобородов В. Сургутяне // Югра. 2004. № 9; Курзова О., Страбыкин А. «Я счастлив, что помогаю людям...» // Югра. 2005. № 9; Давыдова А. «А любовь, как птица...» // Югра. 2007. № 11.

² Подбельский Ю.Н. Культурное наследие Сургутской политической ссылки // Тобольский Север глазами политических ссыльных XIX—начала XX века. Екатеринбург, 1998. С. 395, 423.

Об его сыне Владимире Алексеевиче в советские годы в Сургуте почти никто не знал, о нем вспоминали лишь в 4–5 домах, да и то только шепотом. Так уж сложилась его судьба. Здесь нельзя не упомянуть о сургутянине, чье документальное наследие легло первым кирпичиком в воссоздаваемую биографию В.А. Баталина — журналисте и краеведе Николае Ивановиче Ездакове. Наделенный незаурядным даром внимания к людям и страстью исследователя, он и сделал первоначальный шаг к тому, чтобы вывести нашего героя из тени на свет.

Важные подробности биографии В.А. Баталина были получены Ездаковым в конце 1975 года через посредство бывшего сургутянина А.М. Кайдалова, работавшего директором завода «Карболит» в г. Орехово-Зуеве Московской области³. Окончив в 1917 г. училище в Сургуте, Баталин, спустя некоторое время, уехал в Омск. В письме к дотошному Ездакову, имевшему обычно много вопросов к своим корреспондентам, Кайдалов привел следующую обширную цитату из письма к нему Баталина: «После Тобольска я жил в Омске и там окончил рабфак. Жил в семье Мрачковских. Это семья известного революционера 70-х годов прошлого века. Старик Мрачковский Виталий Яковлевич⁴ — один из основателей и активных деятелей одесского «Южно-российского союза рабочих» (зачаточная организация РСДРП). Он был сослан на вечное поселение к нам в Сургут и там женился на дочери тоже ссыльного поселенца Синельникова Семена Васи-

³ Кайдалов Александр Матвеевич (1906—после 1987). Родился в Томске в многодетной семье рабочего-геолога. В 1911 г. Кайдаловы переехали в Сургут. В 1922 г. направлен в Тюмень в губернскую совпартшколу, по окончании которой работал в г. Ишиме зав. политпросветом уездного комитета комсомола. В августе 1925 г. принят в члены ВКП(б), работал в Уральском областном комитете ВЛКСМ. После окончания с отличием Уральского политехнического института в г. Свердловске в 1934 г. назначен заместителем декана химического факультета института. Когда открылся Восточный научно-исследовательский углехимический институт, был приглашен в него научным сотрудником.

В 1942 г. А.М. Кайдалов утвержден парторгом ЦК ВКП(б) одного из военных заводов Урала, а в 1945-м — директором военного завода. В 1951 г. он приехал в Подмоскovie, семь лет работал директором Рошальского химического комбината. В 1958 г. принял должность директора завода «Карболит» в г. Орехово-Зуеве Московской области, которую занимал 14 лет. 17 ноября 1987 г. ему присвоено звание «Почетный гражданин города Орехово-Зуева».

<http://www.bogorodsk-noginsk.ru/o-z/rodina.html>

⁴ Мрачковский Виталий Яковлевич. Род. ок. 1855 г. В середине 1870-х годов работал в Одессе в железнодорожных мастерских. Участвовал в собраниях «Южно-российского союза рабочих»; зимой 1875 г. был депутатом от слесарной мастерской железной дороги, распространял запрещенные книги. Арестован 19 декабря 1875 г. в Одессе. Судился в 1877 г., признан виновным и приговорен к лишению всех прав состояния и поселению в менее отдаленные места Сибири. В первой половине 1880-х годов жил в Сургуте, занимался кузнечным ремеслом. Умер в 1923 г., по другим данным — в 1924 г.

льевича⁵, родной сестре моей матери. Вот в 1922 году я и попал в семейство этого старика Виталия Яковлевича Мрачковского в г. Омске. Это было многочисленное семейство, дети “Старца В.Я.” — все идейные коммунисты. У них я стал свидетелем очень принципиально-чистой жизни “по коммунизму”. Они были энтузиасты-бессребренники, жившие по мерке “простого рабочего”, несмотря на их высочайшее общественное положение. Ни роскоши в пище, ни роскошных одежд, ни вина, ни сборищ — аскетическая жизнь идейных тружеников! Прожил я у них два года. Затем учился в Пермском медицинском институте, но с 3-го курса переехал в Лен[инградский] гос[ударственный] университет по истор[ико]-филол[огическому] факультету. Преподавал лит[ерату]ру и рус. язык в ряде школ и почти закончил аспирантуру в ЛИЛЯзе. Но в годы культа все рухнуло. Пребывание в семействе С.В. Мрачковского⁶ стоило жизни всем ближайшим родственникам его (старик-отец, к счастью, умер в 1923 году). У меня тоже начались тяжелые “мои университеты” на Колыме...».

О годах студенчества В.А. Баталина известно очень мало. В цитированном письме он указывает, что учился в Пермском медицинском институте, в то же время, согласно документу Государственного архива Пермского края, в 1927 г. он был студентом педагогического факультета Пермского университета⁷. Учился одновременно по двум специальностям? Или это был короткий промежуточный этап? Мотивы переезда в Ленинград и подробности столичной жизни также неизвестны. Судя по отрывочным сведениям, в эти годы студент Баталин жил интенсивной духовной жизнью. Здесь он продолжал писать стихи.

В безоглядную даль Оби
Опрокинулся тихий город.

⁵ Выше этот же человек на основании другого источника назван Сидельниковым.

⁶ Мрачковский Сергей Витальевич (15 (27) июня 1888 г.р., г. Курган Тобольской губернии—24 августа 1936), революционер, советский военачальник. В 1905 г. на Уфалейском заводе вступил в РСДРП. Неоднократно арестовывался. С февраля 1918 г. участвовал в Гражданской войне. С января 1919 г. командовал Особым Северным экспедиционным отрядом. В 1920 г. — командующий войсками Приуральского военного округа, в 1922 — Западно-Сибирского военного округа, в 1923 — Приволжского военного округа, затем командовал Кронштадтской крепостью. Награжден двумя орденами и именован золотым оружием. С 1925 г. на хозяйственной работе: возглавлял трест «Уралзолото» и другие организации. В общепартийной дискуссии был на стороне противников Сталина, за что в сентябре 1927 г. исключен из партии. В январе 1935 г. арестован, в августе 1936-го приговорен к расстрелу по делу «объединенного троцкистско-зиновьевского террористического центра». Реабилитирован посмертно. (Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург, 1998. С. 342).

⁷ Гос. архив Пермского края. Ф. Р-180. Оп. 4. Д. 206.

Там пугливо мерцают огни,
Словно ждут кровожадного врага.
То Сургут мой, сонный Сургут,
Где дремотно проходят дни,
И не знаешь, зачем берегут
Эти люди свои огни...

Эти строки, по словам автора, он написал летом 1918 года 15-летним подростком, уже испытав на себе, как можно заметить, влияние Александра Блока.

«Летом 1928 г. я, бывши на каникулах в Сургуте, читал... ряд других моих стихов в Народном доме, — писал в 1975 г. В.А. Баталин А.М. Кайдалову. — Было много молодежи (но коренных сургутян я и тогда уже мало кого там встретил). Приняли горячо. По возвращении в Ленинград я показал свою поэму Н.А. Клюеву. Он, сам северянин и горячо любивший все северное, одобрительно отнесся к моим стихам. Дал мне очень ценные советы. И взял стихи с целью напечатать где-нибудь в Ленинграде. Но вскоре круговерть жизни завертела нас так обоих, что мы никогда с ним больше не встретились»⁸. Написанную в студенческие годы поэму «Сургут» Баталин посвятил Н.А. Клюеву.

«Жаль, конечно, что не сохранился полностью список поэмы «Сургут», — сетовал Баталин в ноябре 1975 г. в письме к Н.И. Ездакову, — а то, что осталось в памяти, — жалкий отрывок. И снова я думаю: куда же делся список (более полный, ведь это было в конце 50-х гг., когда моя память хранила в себе значительно больше) тех моих стихов, которые по моему поручению передала в редакцию Вашей газеты моя племянница?».

Среди тех, кто принадлежал к ленинградскому кругу общения В.А. Баталина, его внучатый племянник Г.П. Тимофеев называет, помимо Н.А. Клюева, А.А. Ахматову, литературоведа И.Л. Андроникова⁹, с которым учился на одном факультете. В собрании покойного ленинградского коллекционера М.С. Лесмана¹⁰ хранятся записанные по его просьбе в 1963 г.

⁸ Клюев Николай Алексеевич (1887, по другому источнику — 1884—1937), русский поэт, автор сборников «Сосен перезвон» (1912), «Песнослов» (1919), «Изба и поле» (1928). 2 февраля 1934 г. арестован в своей московской квартире и выслан в г. Колпашево, откуда в октябре 1934 г. переведен в Томск. 5 июня 1937 г. арестован по сфабрикованному делу о «Союзе спасения России» и в конце октября 1937 г. расстрелян.

⁹ Андроников (Андроникашвили) Ираклий Луарсабович (1908—?), писатель, литературовед, мастер устного рассказа, исследователь творчества М.Ю. Лермонтова. Лауреат Государственной (1967) и Ленинской (1976) премий.

¹⁰ Лесман Моисей Семенович (1902—1985), ленинградский коллекционер, собиратель книг и рукописей русских писателей XVIII—начала XX в., по профессии пианист. В 1989 г. издательством «Книга» выпущен в Москве том «Книги и рукописи в собрании М.С. Лесмана», в составе которого аннотированный каталог, публикации, каталог изобразительных материалов, справочный аппарат.

воспоминания Баталина о Ключеве (беловой автограф в 16 листов) и записанные в 1966 г. его же воспоминания об антропологе и этнографе В.В. Передольском¹¹, читавшем в 1927—1928 учебном году в Ленинградском университете курс лекций «Антропология». Тот же Г.П. Тимофеев сообщает, что в последние десятилетия своей жизни Владимир Алексеевич неоднократно приезжал в Ленинград для встреч с друзьями.

Окончив университет, Баталин преподавал русский язык и литературу в учебных заведениях Ленинграда. По документам архива петербургского центра «Мемориал», 22 сентября 1933 г. он, преподаватель топографического техникума, был арестован, обвинен по 58-й статье (пункт 10) и приговорен к пяти годам исправительно-трудовых лагерей. Близость ли к Мрачковским тому причиной (не исключено, что Баталин пользовался их материальной поддержкой в студенческие годы) или участие в разговорах питерской интеллигенции на вольные темы, или то и другое плюс еще что-то — сегодня это неизвестно, но при настойчивом поиске может со временем выясниться.

Наказание В.А. Баталин отбывал в колымских лагерях. Много лет спустя он, бывший лагерный фельдшер и писарь-учетчик, регистрировавший смерти заключенных, рассказывал внуку, как пять лет, на которые он был осужден, обернулись двумя десятками. Вот прошло уже 10 лет. Он освобожден, идет на вокзал, покупает билет, ждет посадки. Вдруг видит: идут трое. Все похолодело внутри: неужели опять? Подходят, берут под руки и — обратно. Снова «враг народа». От наказания Владимир Яковлевич был освобожден только после смерти Сталина.

Определенно тяготевший к литературе и искусству, к культурно-творческой деятельности, В.А. Баталин на два десятилетия был «изъят» из российской культурной жизни. Но благодаря счастливому свойству своей натуры он и в лагерных условиях искал и находил если не желанную среду, то отдельных близких по душе личностей. Еще, по-видимому, в пути на Колыму в начале 1934 г. на станции Сковородино Читинской области судьба свела его со священником и ученым П.А. Флоренским¹². Об этой встрече Баталин рассказал в 1970 г. в письме к М.С. Лесману, оно хранится в упомянутой коллекции последнего.

¹¹ Передольский Владимир Васильевич (1869—1936), антрополог, этнограф. Окончил Санкт-Петербургский университет и преподавал в нем. Состоял в должности директора гимназии Русского собрания. Автор свыше 40 научных работ на русском, французском и немецком языках, в том числе книг «На заре человечества», «Иногородцы Сибири», «Антропология, наука о человеке», «По Енисею». Подвергался репрессиям и арестам. В 1934 г. арестован как «враг народа» и выслан в «Дальлаг», где и скончался.

¹² Флоренский Павел Александрович (1892—1943), русский религиозный философ, ученый, инженер. Автор сочинения «Столп и утверждение истины», трудов по математике, физике и др., предвосхитил многие идеи семиотики.

Но особое значение имело для Владимира Алексеевича общение в последние годы лагерной жизни со священником Иоанном Крестьянкиным¹³. Под его влиянием Баталин укрепился в православной вере. «Перевоспитанный» лагерным трудом бывший зэк отправился не на стройку коммунизма, а в небольшой городок Псковской области Печоры — в Псково-Печерский монастырь, где принял монашество. Случилось это в 1953 или 1954 году при наместнике архимандрите Пимене, впоследствии патриархе Московском и Всея Руси¹⁴. А в 1955 г. туда же приехал освобожденный от заключения отец Иоанн Крестьянкин и был определен в причт псковского Троицкого собора. Биограф архимандрита Иоанна пишет, что в ту пору здесь служили «отец Всеволод (Баталин), сам отец Иоанн и староста, тоже Иоанн — все трое только что вернулись из заключения. По душе пришлись псковичам энергичные и любвеобильные священники. Без устали работая сами, они собрали вокруг себя помощников, поновляя не только собор, но и души своих прихожан. К сожалению, это бросалось в глаза не только доброжелателям <...>. И в одночасье отцу Всеволоду и отцу Иоанну пришлось уехать. Даже объяснить прихожанам причину столь поспешного бегства было нельзя¹⁵.

¹³ Архимандрит Иоанн (Крестьянкин) (1910—2006) родился в г. Орле в мещанской семье. После окончания средней школы и бухгалтерских курсов переехал в Москву, где работал по специальности. В 1945 г. рукоположен в дьяконы. В сан священника его рукоположил патриарх Алексий I. В 1950 г. арестован и отправлен на семь лет в лагерь. После досрочного освобождения в 1955 г. служил в Псковской и Рязанской епархиях. В 1966 г. принял монашество, с 1967 г. стал монахом Свято-Успенской Псково-Печерской обители. В 1973 г. возведен в сан архимандрита, присваиваемый настоятелям крупных мужских монастырей, ректорам духовных семинарий, начальникам духовных миссий и некоторым священнослужителям-монахам за особые заслуги перед Церковью.

Архимандрит Иоанн был одним из самых авторитетных старцев Русской православной церкви. Архимандрит Тихон (Шевкунов) назвал своего духовного отца Иоанна «идеалом православного христианина, монаха, любящего и взыскательного отца-священника». «Сборник его писем, — сказал он, — лучшее, что написано в области духовно-нравственной литературы в России за последние лет 50». Руководитель пресс-службы Московской патриархии священник Владимир Вигилянский так отзывался об Иоанне Крестьянкине: «Благодаря дару любви и рассуждению он очень многих людей привел к истине, к Богу. Некоторые из тысяч приходивших к нему за советом не покидали его по многу лет».

<http://www.klikov.ru/db/msg/5177>

¹⁴ Пимен (Извеков Сергей Михайлович) (1910—1990) — патриарх Московский и Всея Руси. В 1927 г. принял монашество, в 1931 г. рукоположен в иеромонахи. Служил в храмах Москвы, Муроме, в Одесской и Ростовской епархиях. С 1949 г. — наместник Псково-Печерского монастыря, с 1954 г. — Троице-Сергиевой лавры. В 1957 г. возведен в епископский сан. С 1960 г. — управляющий делами Московской патриархии. С 1961 г. — митрополит Крутицкий и Коломенский. В 1971 г. на Поместном соборе Русской православной церкви избран патриархом.

¹⁵ <http://www.pravoslavie.ru/put/4341.htm>

О жизни отца Всеволода (Владимира Алексеевича Баталина) мне несколько часов рассказывал вечером 12 июля 2008 г. в своей маленькой квартире в г. Радужном внук его родной сестры Геннадий Петрович Тимофеев, коренной сургутянин, врач, почетный гражданин Радужного, близко знавший деда. По его словам, участие в судьбе о. Всеволода принимал патриарх Пимен, высоко его ценивший. Несколько раз он представлял его к епископству, но получал «сверху» отказы из-за прошлой судимости Баталина.

После монастыря и псковского Троицкого собора Баталин служил в Ставрополе секретарем епархиального управления в сане архимандрита, занимался делами духовной семинарии и был правой рукой митрополита Антония. Летом 1959 г. Владимир Алексеевич поехал в Сургут повидаться после 30-летней разлуки с родиной, попроведать больного брата и других родственников. По возвращении в Ставрополь он пережил большую неприятность — отстранение от службы. За ним все еще тянулся след репрессированного. Выручил епископ Иона, позвав к себе в Астрахань. Оттуда о. Всеволод попал в Челябинскую епархию к епископу Клименту и здесь тоже занимал высокую должность. Но под воздействием уральского климата застарелая пневмония перешла в бронхиальную астму — пришлось оставить службу, выйти за штат.

Болезнь, полученная, видимо, еще в лагере, долгие годы мучила Владимира Алексеевича; по словам племянницы Т.П. Медведевой, он не раз пытался вернуться в Псково-Печерский монастырь и провести там остаток жизни, так как жизнь в обители особенно влекла его, но местный климат порождал обострение болезни, и приходилось искать новое место жительства.

Г.П. Тимофеев рассказывает: «Будучи одиноким и больным, он хотел соединиться с кем-нибудь из родственников и стал присматриваться ко мне. С начала 1960-х годов мы регулярно общались: либо в Крыму, куда он приезжал проводить отпуск, либо в Ленинграде и в городах, где он служил. Когда я, демобилизовавшись из армии, захотел поступить в медицинский институт, он дал денег на дорогу от Ашхабада до Ленинграда, а потом облегчил мне студенческую жизнь денежными переводами. По окончании ординатуры у меня появилась заманчивая перспектива поехать в Антарктиду в качестве врача и научного сотрудника. В то время я занимался электроэнцефалогическими исследованиями в Институте мозга Академии наук, которым руководила академик Наталья Петровна Бехтерева, экспедиция открывала мне путь в науку. Кроме того, она давала возможность заработать на кооперативную квартиру и сразу после возвращения в Ленинград получить ее. Звоню на радостях дедушке, но кто-то из его друзей, ответивших на мой звонок, возразил: «Что ты, Геннадий, дедушка умрет без тебя». И я отрезвел: действительно, нельзя мне ехать, ведь я так многим обязан ему. Мне удалось получить направление в расположенную в Крыму, близ Ялты, военную организацию,

которой нужен был врач с моим нейрофизиологическим уклоном для наблюдения за моряками-подводниками. В 1972 г. прописался в Ялте, в 1975 г. получил квартиру, где и жили три года вдвоем с дедушкой».

Об этой перемене в своей жизни В.А. Баталин так писал А.М. Кайдалову: «Теперь мне доходит 73-й год. Сейчас на пенсии. Семьи своей не было. Живу с внучатым племянником-врачом. Он еще не женат (окончил недавно вуз). Он давно осиротел. Я помогал ему материально во время учебы. Теперь он мне — и врач, и друг. Добрый человек, неплохой врач, много работает над собой. В Ялте я оказался из-за астмы. Здесь мне значительно легче переносить эту тяжелую болезнь. Из-за меня и внук приехал работать сюда, в Ялту».

Г.П. Тимофеев продолжает: «Дед покорила меня сразу и окончательно. Чем? Своими обширными познаниями, тактом, терпением, душевными качествами близких ему людей. Он держал себя со мной так, как будто мы ровня. Я не замечал моментов, когда мне лучше было бы промолчать, уступить. Он давал высказаться, где-то поправлял, но ненавязчиво. Такими же терпеливыми были и его друзья».

Геннадия Петровичу не забыть бесед с дедом о русской поэзии, романсе, шедеврах киноискусства, медицине. Он мастерски читал наизусть стихи Есенина, «Реквием» Ахматовой и еще многое. Имел переписку с патриархом Пименом, архиепископом Лукой (Войно-Ясенецким), который просил Владимира Алексеевича переписать его запрещенную книгу «Тело, душа, дух» («...по-моему, дедушка это сделал, у него обыски были») ¹⁶, общался в Ялте с сестрами Яновыми, близкими в прошлом к семье А.П. Чехова. По просьбе деда Геннадий помогал старушкам по хозяйству во время учебы в Ялтинском медучилище. «В лагерях деду пришлось фельдшерить, — вспоминает Геннадий Петрович. — Он рассказывал, как лечили в тех условиях, я сравнивал его медицинский опыт с современным. Наши беседы, конечно, нас объединяли. В чем-то мы с ним совпали, и он поддерживал мои тенденции».

¹⁶ Архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий Валентин Феликсович) (1877—1961), священнослужитель, хирург. Окончил гимназию и одновременно художественную школу в Киеве, а в 1903 г. — медицинский факультет Киевского университета. В качестве военного врача участвовал в Русско-японской войне, затем более десяти лет служил земским врачом. В 1921 г., во время начала массовых репрессий против духовенства, принял сан иерея, а в 1923 г. — обет монашества. С 1923 по 1937 г. трижды арестовывался и находился в ссылках и всюду, куда бы ни забрасывала его судьба, он в самых невероятных условиях врачевал и скальпелем, и словом Божьим. В первый же год Великой Отечественной войны Войно-Ясенецкий был отозван из красноярской ссылки, чтобы возглавить крупнейший в тылу эвакуационный госпиталь на 10 тысяч коек. В 1943 г. он закончил свою деятельность в Красноярском госпитале в связи с назначением его архиепископом Тамбовским и Мичуринским. В 1944 г. на-

Много лет Владимир Алексеевич не по своей воле был оторван от родного Сургута. Посетив его в 1928 г. во время студенческих каникул, в следующий (последний) раз он смог приехать только в 1959 г. по случаю тяжелой болезни брата. Т.П. Медведева, племянница, вспоминает:

— Дядя Володя был лишен права переписки, и папу таскали все время в милицию. Мы боялись, что его посадят, иконы в доме убрали. Семья была большая, 10 человек, а он один кормилец. Тридцать лет брат с братом не виделись, и вот дядя Володя сообщил: 10 августа буду у вас. А сам в Тобольске задержался по церковным делам. Папа заволновался, сердце больное было, и 12 августа умер, не дождавшись брата. Дядя Володя его отпел. Когда отпевал на кладбище, мужики, как дети, давай камешками кидать да кричать. Вот какая дикость-то! Он часто говорил: «Меня спасла только вера. Мне часто икона Божьей Матери являлась». Он, уезжая, благословил нас иконой Божией Матерью.

Несмотря на длительную разлуку, Владимир Алексеевич сумел сохранить связь с некоторыми сургутянами. Письма от него, по словам Т.П. Медведевой, получали в Сургуте П.А. Тверитина (Кручинина), учителя А.И. Кайдалова и А.С. Знаменский. «Когда дядя Володя приезжал на похороны папы, — говорит она, — целые ночи он проводил у Аркадия Степановича». Не эти ли встречи навеяли А.С. Знаменскому думы о монастырской жизни, нашедшие место в его «Летающих мыслях»?

У Тамары Петровны сохранилось несколько писем В.А. Баталина — простых, по-родственному доверительных и участливых. С ее разрешения публикуем одно из них — к ее сестре Анне.

Ялта, 29 марта 1976 г.

Дорогая Аня!

Спасибо тебе, родная, за письмо (а даты на письме и даже штампа на конверте почему-то нет)! Спасибо, и не сердись, дорогая! Нынче весна в Ялте затянулась: еще ничто не цветет, а в былые годы уже в феврале отцветал розовый миндаль и всякие «мелочи» в траве: подснежники, си-

гражден Сталинской премией первой степени за фундаментальный труд «Очерки гнойной хирургии» и книгу «Поздние резекции при огнестрельных ранениях», в 1945 г. — медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.». В 1945 г. его переводят в Крым архиепископом Крымским и Симферопольским. Здесь Войно-Ясенецкий написал богословскую работу «Тело, душа, дух», которую ставил выше собственных трудов по хирургии. «Книга не была опубликована ни при жизни, ни после кончины архиепископа, — пишет его биограф. — Она долго оставалась памятником первых шагов церковного самиздата, многократно перепечатывалась, переписывалась от руки и послужила основой целой библиотеки опирающихся на нее текстов». (Воробьев С.Л. В.Ф. Войно-Ясенецкий, врач, телесный и духовный (1877—1961) // Человек. 1991. № 6. С. 105.

Две жизни

Вскоре после образования Остяко-Вогульского национального округа, 9 июля 1932 г., президиум Уральского облисполкома (округ первоначально находился в составе Уральской области, центром которой был Свердловск) постановлением «О состоянии хозяйственного строительства Остяко-Вогульского округа» поручил областному отделу народного образования «выделить из Тобольского краеведческого музея экспонаты, касающиеся национальных округов, и образовать самостоятельные окружные музеи, переведя их в соответствующие окружные центры, оставив в Тобольске музеи местного районного значения». (Хорошо, что эта часть постановления не была выполнена. Что бы тогда осталось от замечательного музея, создававшегося с конца XIX века лучшей частью губернского общества, с первых дней ориентированного на север Тобольской губернии и даже имевшего в 20-е годы название «Музей Тобольского Севера»?)

Но так как в тот момент людей, кровно заинтересованных музейным делом, в Остяко-Вогульске не оказалось, то следующие два года музей оставался лишь пустым звуком. (История того же Тобольского музея неопровержимо доказывает, что подобные учреждения жизнеспособны тогда, когда упорно создаются «с нуля» собственными усилиями, а не методом пересадки или почкования по принципу «отнять и разделить».)

Положение стало меняться с середины 1934 года. Приказом по окроно с 1 июля был назначен в штат отдела на должность научного работника по организации музея Иван Андреевич Шабалин. С этим именем и связана предыстория музея, запечатленная в документах фонда «Ханты-Мансийский окружной краеведческий музей» Государственного архива нашего округа (ГАХМАО). Как раз с июля 1934 года и стали накапливаться в нем письменные свидетельства деятельности по организации музея.

Человек, судя по материалам фонда, не местный, Шабалин на удивление быстро взялся за дело. Уже на второй день своей службы в окроно (!) он подал в окрисполком докладную записку, в которой обосновывал необходимость возможно более скорой организации музея, а следом дополнил ее проектом постановления президиума окрисполкома «О создании необходимых условий для работы окружного музея» (сохранился автограф)¹. По характеру аргументации автор видится человеком образован-

¹ ГАХМАО. Ф. 174. Оп. 1. Д. 2. Л. 77 об.

ным, с исследовательскими наклонностями, способным к быстрой интеллектуальной адаптации. Определенно складывалось мнение, что он взялся за свое дело. В это поверил и президиум окрисполкома во главе с председателем Васильевым, принявший 15 октября 1934 года постановление «О создании необходимых условий для работы окружного музея», текст которого почти дословно повторяет текст проекта.

В постановлении есть несколько важных акцентов. Во-первых, организация музея признана делом неотложным; видно желание поскорее получить первый осязаемый результат организационной деятельности, для чего и намечено устройство в Остяко-Вогульске метеостанции. Сделать это поручено Шабалину. Во-вторых, решающим условием выполнения задачи названо предоставление музею помещения. Заведующий окроно обязывался внести в титульный список строительства по своему отделу постройку в 1935 г. музейного здания, а до окончания строительства предоставить место в одной из школ. И, в-третьих, решение обязывало принять участие в сборе предметов и документов для будущего музея отделы окрисполкома, райисполкомы, хозяйственников. Взявшись за непростое дело и предвидя, вероятно, препятствия, автор проекта благоразумно заложил в него разделение ответственности на случаи осложнений и неудач. В одиночку создать музей было невозможно.

Недолгое время спустя Шабалин докладывал председателю окрисполкома, что поручение открыть метеостанцию исполнено. Бюллетени погоды, сохраненные в архивном деле, поддерживали мнение о дееспособности научного сотрудника по организации музея.

Одновременно с подготовкой важнейших для музея управленческих решений Шабалин приступил к поиску людей, способных помочь собрать музейный фонд и участвовать в познании края. Ряд фактов заставляет думать, что его не устраивало безмятежное ожидание того дня, когда создадут необходимые условия и можно будет начинать разворачивать деятельность. Была какая-то причина для беспокойства, которая заставляла поторапливаться.

Еще в августе Иван Андреевич в докладной записке извещал заведующего окроно, что обошел все крупные хозяйственные организации и везде встретил сочувственное отношение и готовность участвовать в создании музея, указывал, где что можно будет взять, и предлагал созвать совещание ответственных работников округа для разговора о музее. Здесь же он просил поскорее найти помещение и разобраться с финансированием, т.к. вместо запланированных на второе полугодие 1934 года 8 тысяч рублей музею отпущено всего 3 тысячи. Где-то наверху урезали первоначальную сумму на том основании, что музея фактически нет. Наличной суммы, писал Шабалин, недостаточно и «на нее развернуть работу в полном объе-

ме нельзя». В письмах, рассылавшихся по разным адресам, он просил передавать музею вещи и книги по возможности бесплатно.

По-видимому, окроно не в состоянии было выполнить решение президиума окрисполкома о временном размещении музея в одном из школьных зданий, и Шабалин сам стал искать варианты. Один из них — купить двухэтажный дом упраздняемой «Уралпушнины» либо арендовать верхний его этаж. Следующий — приобрести или взять в аренду дом у рыбтреста. В сентябре Иван Андреевич обратился к председателю окрисполкома с письмом, в котором просил поскорее предоставить помещение, т.к. его отсутствие не позволяет развернуть сбор коллекции и начать научные исследования. В объяснительной записке к годовому отчету музея за 1935 год указывается, что главным тормозом в работе было отсутствие помещения, только в октябре 1935 года были предоставлены две комнаты в здании окрисполкома. Не повезло Шабалину: он так и не увидел настоящего результата своих действий.

В сентябре 1934 года состоялось собрание краеведов, на котором организационно оформилась окружная краеведческая организация. Появился сильный союзник музея, способный оказать серьезную помощь в его становлении. Но в своем содокладе на собрании Шабалин сдерживал энтузиастов: нужно повременить со сбором вещей для экспозиции. Он не хотел начинать с конца, собирая предметы, порой, может быть, очень ценные, не имея при этом условий для надежного их сохранения. Однако постановление президиума окрисполкома обязывало Ивана Андреевича «приступить к сбору экспонатов», и он занялся этим, встречаясь и переписываясь с разными людьми. Мог ли он не принять 32 предмета языческого культа, конфискованные у хантыйских шаманов, если принять их предложил отдел НКВД?

Музейная коллекция мало-помалу собиралась и где-то пристраивалась на птичьих правах. Председатель окружного совета краеведения П.С. Карфидов, докладывая в январе 1935 года о делах только что сформировавшегося общества, писал: «О работе музея особенно сообщать нечего. До сих пор не имеет помещения... Экспонатов в музее очень мало, и находятся они в разных кладовых».

В архивном фонде хранятся составленные Шабалиным «Перечень экспонатов и материалов, требующихся для экспозиции окружного Остяко-Вогульского музея», размноженный тиражом в 200 экземпляров, примерная схема музейной экспозиции, вопросник для собирающих материалы историко-бытового характера среди туземцев (округ-то национальный), план организации и проведения работы по изучению истории малого народа, инструкция для желающих участвовать в работе музея учителей и учащихся, материалы для выступления на курсах по переподготовке учителей, конспекты по краеведению.

Хлопотал Иван Андреевич и о собирании музейной библиотечки. В Остяко-Вогульске, который еще только строился, отыскать что-то нужное было невозможно, и он снова прибегал к переписке: просил областной отдел народного образования о посылке изданий по краеведению и музейному делу, обращался к директору Тобольского музея, пытался отыскать тома «Уральской советской энциклопедии», заказывал в Институте народов Севера книги Бахрушина, Поппе, Авдеева и Тарасенко по истории края, вогульскому и остяцкому языкам. Ученого секретаря Центрального бюро краеведения П.С. Богословского просил снабдить музей, по возможности бесплатно, руководящими решениями по музейному и краеведческому делу, комплектами журналов «Советское краеведение», «Советский музей», «Советский Север» и других.

Все это позволяет полагать, что намерения у Шабалина относительно музея были самые серьезные.

В 1935 году официально музей уже существовал, и Шабалину стали поручать устройство выставок. Первая состоялась в январе 1935 года в помещении кинотеатра и имела хозяйственно-промысловое направление (сельское и лесное хозяйство, кустарные промыслы). Здесь же прошла и вторая, приуроченная к 18-й годовщине Октябрьской революции. Третья была устроена к окружному слету ударников охоты и рыбной ловли в Доме народов Севера.

Наиболее ответственной и трудоемкой была подготовка выставки, посвященной пятилетию округа (празднование намечалось на июнь 1936 г.). Шабалин разработал план экспозиции, руководителям районов разослал подробный перечень необходимых материалов, подписанный председателем юбилейной комиссии Трусовым и Шабалиным, имевшим уже должность заведующего музеем. По всей вероятности, в этой многоплановой выставке, готовившейся при непосредственном участии местных властей, Шабалин был заинтересован как в никакой другой: собранный материал мог стать основой постоянной музейной экспозиции.

Подготовка юбилейной выставки требовала значительных затрат. В отчете за 1935 год, направленном в Омский областной отдел народного образования, Иван Андреевич особенно озабочен недостаточным финансированием: «Смета на 1936 г. предусмотрена на 32 тыс. руб., но если эта смета будет полностью утверждена областью, то из этой суммы придется покрыть расходы, произведенные в 1935 г. По смете окрмузей располагал 9 тыс. руб., но фактический расход был 4700 руб. (вместе с зарплатой), т.к. ряд счетов по приобретению инвентаря, экспонатов и устройству выставок еще окроно не оплачен. Несмотря на настойчивость окрмузея на отпуск средств по назначению, получаю один ответ: средств пока нет. Таким образом, более 4 тыс. рублей музей не дорасходовал в 1935 г.». И далее — загадка: подготовка к выставке в разгаре, но фами-

лия Шабалина больше уже не встречается в документах. Работал-работал, казалось бы, вполне добросовестно и успешно, и вдруг исчез.

Нить оборвалась. Но через несколько лет после знакомства с документами архивного фонда отыскалась запись в книге приказов по Остяко-Вогульскому окружному отделу народного образования: 20 февраля 1936 года И.А. Шабалин отстранен от должности без какой-либо мотивировки. Очевидно, что увольнение было вызвано не служебным несоответствием, а какой-то другой причиной, т.к. замены Шабалину окроно не имело. Следом за этим поспешным увольнением 22 февраля назначен временно исполняющий обязанности заведующего музеем, а на другой день это назначение отменено и «ответственным сотрудником по организации выставки» (но не заведующим музеем) назначен С.П. Лившиц. 8 сентября он от работы освобожден как «не соответствующий своему назначению». С этого момента до прихода к руководству музеем в марте 1940 г. М.А. Воскобойникова в должности заведующего успело побывать шесть человек. При знакомстве с документами 174-го архивного фонда не могла пройти незамеченной еще одна странность: Шабалин, занятый краеведением по долгу службы, не значится ни среди членов президиума окружного совета краеведения, ни даже в списке членов образованного осенью 1934 года Остяко-Вогульского общества краеведения. Среди документов не нашлось хотя бы предельно скупой справки о личности первого заведующего музеем. Есть большой объем документов о деятельности музея и ничего, ни строчки о его организаторе. Человек без прошлого. Тупик.

Выход намечался в 1999 году, когда вышли в свет два тома «Книги расстрелянных», составленные хорошо известным в области исследователем журналистом Р.С. Гольдбергом. В ней есть справка: «Шабалин Иван Андреевич. 1888 г., Петербург. Быв. член партии левых эсеров. Ссылный. Архивист тобольского горкомхоза. Арестован 8. 7.1937 г. Осужден «тройкой» Омского УНКВД 5. 8.1937 г. Расстрелян в Тобольске 12. 5.1937 г., реабилитирован 6. 6.1989 г.».

Тот ли Шабалин, наш ли? Может быть, другой с такими же фамилией, именем и отчеством? Ведь о нашем мы ничего, кроме фамилии, имени и отчества, не знаем.

Новую пищу для раздумий дал другой архивный фонд — Тюменского управления федеральной службы безопасности, в котором хранится следственное дело Ивана Андреевича Шабалина. В нем также мало сведений о личности и наверняка не все они достоверны.

Вот что сообщал о себе на следствии Шабалин. Образование высшее, по профессии — научный работник. В 1912 г. был арестован как участник подготовки вооруженного восстания и 17 месяцев находился под арестом до суда. Осужден к смертной казни, замененной 20-летним сроком каторжных работ. Отбыв несколько лет на каторге, освобожден Февральской

революцией 1917 г. В этом же году вступил в партию социалистов-революционеров, после раскола которой примкнул к левым эсерам. Состоял в партии по 1923 г. В марте 1917 — феврале 1918 гг. — член президиума Ревельского Совета, с апреля 1917 до середины 1918 г. — член ВЦИК. Арестовывался в 1920 г., но через год освобожден без суда. В 1923 г. осужден коллегией ОГПУ на три года, в 1933 г. — еще на три года ссылки. Отбывал наказание в Челябинском изоляторе, оттуда в начале 1934 г. переведен в Тобольск, где работал на судовой лесотресте, а в июне этого же года — в Остяко-Вогульске. (Итак, с июня 1934 г. в столице округа — два Ивана Андреевича Шабалиных. Или один?). В 1936 г. (месяц не назван) был осужден, якобы за спаивание вином молодежи, на 5 лет, но отбывал наказание лишь несколько месяцев и 20 января 1937 г. освобожден по постановлению Тобольского городского суда. Жена в 1925 или 1926 году уехала за границу, около 1932 г. связь с ней потеряна.

Что здесь правда, а что вымысел — судить трудно. Судебных дел 1936 и 1937 годов отыскать в архивах пока не удалось. В июне 2006 г. в Санкт-Петербурге, в газетном отделе Российской национальной библиотеки, искал упоминания о Шабалине в «Известиях Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов» и «Известиях Ревельского Совета рабочих и воинских депутатов». Участие его во Всероссийском съезде Советов рабочих и солдатских депутатов и членство в Центральном исполнительном комитете по газетам не удалось ни установить, ни опровергнуть. В ревельских «Известиях» за 31 марта 1917 г. есть сообщение об единогласном избрании И.А. Шабалина «заведующим имуществом и хозяйством Екатерининского дворца». В списках членов президиума Ревельского Совета, исполнительного комитета и комиссий, избранных 16 августа 1917 г., он не значится.

В условиях произвола И.А. Шабалин, естественно, не считал себя обязанным исповедоваться и свои показания выстраивал в интересах самозащиты. Лица, допрошенные по делу Шабалина, давали противоречивые показания. Одни называли его активным членом подпольной организации, готовившим ссыльную Антонову-Овсенко к теракту. Есть весьма сомнительное свидетельство, будто Шабалин подбивал двух молодых членов команды катера «Вогулец», Аркадия и Федора, на авантюрный побег в Англию. Один из допрошенных утверждал: «Из отбывавших ссылку в Самарове и Остяко-Вогульске я хорошо знаю... Шабалина Ив. Як. ...». Не сразу и догадаешься, что имеется в виду Шабалин. Здесь же есть свидетельства другого рода: что зимой 1936 г. Шабалин посещал Антонову-Овсенко, когда она объявила голодовку, и сам голодал и находился в больнице, что жил он замкнуто и мало с кем из ссыльных общался, вообще был в стороне от отбывавших в Остяко-Вогульске наказание левых эсеров. Некоторые из допрошенных решительно отвергли выдвинутые против Шабалина обвинения. Сам он утверждал, что с

1923 года никакой политической работы не вел и о существовании контрреволюционных организаций ему ничего не известно.

В следственном деле нигде нет указаний на место работы И. А. Шабалина. Только один из допрошенных, не дав против него никаких показаний, сослался на то, что сам он работал в Самарове, а Шабалин в Остяко-Вогульске, поэтому они почти не виделись.

При знакомстве со следственным делом И. А. Шабалина автор имел при себе копии автографов заведующего Остяко-Вогульским музеем из окружного архива. Сравнение их с подписями под следственным говорило о том, что то и другое написано, по-видимому, одной рукой. После сличения ксерокопий из хантымансийского и тюменского архивов эксперт-графолог заключил, что писало, вероятно, одно лицо и более определенный ответ может быть дан после исследования подлинников документов.

Таким образом, безупречного доказательства того, что первый заведующий окружным музеем Иван Андреевич Шабалин и находившийся здесь же, в это же время ссыльный Иван Андреевич Шабалин — одно и то же лицо, у нас пока нет. Поэтому заключительные строки этой публикации читатель волен принимать за авторский домысел.

Перед вами словно бы промелькнули две совершенно разные жизни. Но смею думать, что это одна жизнь, сломанная революционным двадцатым столетием. Вмешались высшие силы, стоящие над человеком, наверное, уже уставшим от тюрем, ссылок и всяческих притеснений. Быть может, здесь, в тихом Остяко-Вогульске он получил дело по своему призванию и надеялся обрести некоторую житейскую опору. Однако как бы ни был хорош Шабалин на должности заведующего музеем, местное начальство не могло его защитить. Был нужный работник, но оказался «врагом народа». (Что за лживая формула? Можно ли себе представить врагом многомиллионного народа человека, не обладающего никакой властью, лишенного элементарных гражданских прав? Чтобы действительно стать им, надо, наверное, совсем лишиться рассудка).

Много остается вопросов, когда думаешь о судьбе этого человека. На некоторые, скорее всего, уже нигде не найти ответов. Есть и такие, которые могут разрешиться после дальнейшего поиска в архивах. Если окружной музей Природы и Человека найдет возможным продолжить исследования, то можно было бы сделать запросы в центральные архивы, поискать документы о судебном процессе 1912 г. (если таковой был), месте дореволюционной ссылки Шабалина, делах ОГПУ на него 1923 и 1933 годов. Не исключено нахождение новых материалов и поблизости — в следственных делах других осужденных по этому же делу, в архивных фондах Обско-Иртышского и Омского областных отделов народного образования, научном архиве Тобольского музея.

Слово родниковой чистоты

На стыке тысячелетий мне выпали годы сотрудничества с окружной библиотекой — участия в подготовке к изданию двух томов библиографии местной периодики. Перелистывание, часто торопливое, во время командировок, сотен подшивок местных газет вовсе не было, как может показаться, скучным, рутинным занятием. Одновременно с фиксацией тысяч имен, заголовков статей, дат происходило и медленное погружение в разные по глубине слои истории Обь-Иртышского Севера и узнавание людей прошлого. И не только узнавание, но и некоторое сближение, несмотря на разделенность десятилетиями.

Одно из ярких впечатлений было пережито при просмотре окружной газеты «Сталинская трибуна» за 1944–1946 гг. от корреспонденций Ж. Ландау. В целом газета была по-военному суровой и сосредоточенной: задачи, выполнение, проценты, центнеры, тонны, гектары, стахановцы... Корреспонденции Ландау как будто разглаживали на миг нахмуренное лицо газеты, принося на ее страницы живое слово рыбацкой, колхозной деревни.

Они были совсем просты, лишены пафоса, политической окрашенности и вообще всякой искусственности. Автор только хотел допытаться, почему дело обстоит так, а не иначе, чья тут заслуга или вина, как повернуть к лучшему. И, сказать правду, избегая расцвечивать ее собственными домыслами, эмоциями, «красным словом». Он не возвышался над теми, с кем его свел случай в командировке, и если критиковал кого-то, то убедительно и требовательно, но не хлестко и не зло. Право на требовательность давала ему включенность в общую работу над окончанием войны с высокой степенью самоотдачи.

Кто же он, этот автор, как бы получше его узнать?

В книге приказов редакции «Сталинской трибуны» нашлось несколько записей о перемещениях по службе Клавдии Густавовны Ландау: 1 августа 1944 г. назначена собственным корреспондентом, с 12 января 1945 г. получила отпуск по беременности и 17 марта уже вернулась на работу после рождения дочери. 11 апреля 1946 г. ушла в отпуск, но 29-го отозвана по редакционной необходимости. И последнее: 15 июля 1946 г. отпуск вновь предоставлен и, согласно приказу, по окончании его К.Г. Ландау от работы в редакции освобождена «в связи с переездом мужа на новое место жительства». После этого подпись «Ж. Ландау» уже не встречается в «Сталинской трибуне».

Просматривая «Омскую правду» за 1943 год (тогда наш округ входил в состав Омской области), нашел заметку от 28 ноября о подготовке к печати четвертой книги «Омского альманаха» и в ней строчку о состоявшемся обсуждении рассказа Ж. Ландау «В комнате художника». В этой же газете за 11 апреля 1944 г. встретилась еще одна заметка — о литературных четвергах, по которым обсуждались новые произведения писателей-омичей, в один из них шел разговор о творчестве начинающего автора Ж. Ландау. Затем в березовской районной газете «За большевистские колхозы» за 13 августа 1942 г. заметил публикацию, автором которой была заведующая массовым отделом Омского Дома пионеров С. Ландау. Значит, есть шанс что-то узнать о Ж. Ландау в Омске? Спросил омского историка профессора М.Е. Бударина, также участника литературной жизни города 1940-х годов, но он не мог ничего сообщить о человеке с такой фамилией.

Прошло несколько лет, пока почти пустая копилка сведений не пополнилась ценным свидетельством известной в округе журналистки Норы Викторовны Устьянцевой, работавшей в середине 40-х годов в редакции «Сталинской трибуны» и носившей тогда фамилию Гаревских. Она помнит Жанину Ландау — высокую, худенькую, черноглазую и очень непоседливую. В редакции ей не сиделось, она предпочитала рабочее время проводить у рыбаков, в колхозных деревнях. Случалось, что новорожденную дочь Жанина оставляла под чьим-нибудь присмотром в редакции, а сама убегала за материалом для газеты. В 50-е годы у Норы Викторовны была мимолетная встреча с Ландау в Москве на слете рабочих и сельских корреспондентов. Жанина тогда состояла в штате редакции журнала «Работница».

Разговор с Норой Викторовной навел на мысль поискать в Интернете. И вот какая была получена справка.

«Варламова Инна (наст. имя и фам. Клавдия Густавовна Ландау, крещенная в католической церкви как Клодина Жанина Викторина) (21 января 1923, Ленинград — 16 июня 1990, Москва), русская писательница. Родилась в семье инженера, расстрелянного в 1937-м по делу об инженерах-путейцах, строителях стратегического шоссе Москва—Минск. Ее дед, французский инженер Жан Жак Ландау, приехал в Петербург в конце XIX века от фирмы “Батиньоль” для строительства Троицкого моста через Неву. В 1941-м окончила среднюю школу в Вязьме, после того, как началась война, оказалась в эвакуации в Омске. После реабилитации в 1956 году отца и мужа (писателя Н.Д. Вигилянского) переехала в Москву, работала в редакции журнала “Работница”, писала очерки и рассказы. В 1962 году окончила Высшие литературные курсы при Литературном институте им. Горького. Первая книга рассказов “Живой родник” вышла в 1957 году, затем в 1959-м — роман “Любить и верить”, повесть “Мы из Новой Каховки” (в соавторстве с Вигилянским, 1961), роман “Ищу тебя”

(1964), сборник рассказов “Окно” (1965). В 1966 г. были переизданы оба романа и несколько рассказов (“Ковшик для чистой воды” пополнил со-кровищницу русского рассказа XX века). В 1974 году появилась книга повестей и рассказов “Две любви”.

Казалось, Инну Варламову и в дальнейшем ожидает судьба вполне благополучной советской писательницы. Но в конце 1970-х наступил перелом. Новый роман “Мнимая жизнь” дружно был отвергнут издательствами; не был принят к производству и киносценарий по этой книге. В романе, посвященном жизни раковых больных, метафорическая злокачественная опухоль поражала всю страну, которая задыхалась в тисках несвободы. В 1978 году этот роман выходит в известном американском издательстве “Ардис” (русский и английский варианты). В России до сих пор не издан. Инну Варламову перестают печатать, она зарабатывает на жизнь переводами с французского и с языков народов СССР, зачастую не под своим именем. Подписав несколько писем в защиту диссидентов, обрекла себя на дальнейшие гонения, только тяжелая болезнь спасла ее от исключения из Союза писателей. В последние годы жизни (в конце 1980-х) работала над трехтомной эпопеей своего времени (оттепель, возвращение реабилитированных, диссидентство, начало эмиграции, повальное уклонение от службы в армии, война в Афганистане, ветры перестройки). Роман не получил завершения и окончательного названия. До сих пор нигде не опубликован».

Под впечатлением от такой находки можно находиться не одну неделю, но обнаружилось нечто большее: литературным трудом занималась и старшая сестра Клавдии (Клодины Жанины Викторины) Густавовны театровед Симона Густавовна Ландау. Ею написаны и опубликованы в журнале «Звезда» интереснейшие документальные повести о деде И.А. Ландау (1855–1929) и отце Г.И. Ландау (1887–1937): первая под названием «Мост в тумане» в 1999 г. в № 8, вторая «На краю круга девятого» — в 2001 г. в № 12. Нет возможности излагать здесь содержание этих написанных на едином дыхании «страниц семейной хроники», как обозначен жанр произведений, но тот, кто прочтет их, уверен, не пожалеет о затраченном времени.

Журнал «Звезда» есть в нашей окружной библиотеке, а вот книг Инны Варламовой — ни одной. Выручил снова Интернет. С его помощью удалось приобрести книгу «Третьего не дано» (Москва, 1969). В ней — роман с тем же названием и три рассказа. Отзовусь кратко: великолепная проза, герои которой не «типичные представители», а живые, запоминающиеся, любимые автором люди со своими неповторимыми чертами, с характерной речью. Писатель, способный увидеть в сверкающем лаком пианино сходство с начищенным до блеска хромовым сапогом или сказать, что «смутный, мусорный разговор умолк сам собой», а зимний ветер, влетев-

ший в комнату через распахнутую дверь, «какое-то время бушевал, кида-
ясь от стены к стене, затем улегся на полу и утих», с первых страниц овла-
девает вниманием читающего.

Автор весь открыт перед собеседником, как и в коротких корреспонден-
циях военной поры, это вы почувствуете, если прочтете упомянутый
рассказ «Ковшик для чистой воды»¹, взятый из книги «Третьего не дано».
В нем через много лет отстоялось то, что начинающая журналистка Жани-
на Ландау, ставшая писательницей Инной Варламовой, почерпнула в на-
ших родных местах в пору своей юности перед концом Великой Отече-
ственной войны.

¹ См.: Подорожник : Краеведческий альманах. Тюмень, 2009. Вып. 10. С. 232–249.

«...судьбу этих людей можно устроить лучшим образом»

Факт практически сплошной неграмотности ханты, манси и ненцев в дооктябрьское время очень широко использовался в советской исторической литературе и публицистике в пропагандистских целях. Однако этот бесспорный факт совсем не означает, что государство и общество не делали никаких усилий для просвещения малочисленных народов, именовавшихся тогда инородцами, просто факты, не укладывавшиеся в концепцию, не принимались во внимание.

Остяки (ханты), вогулы (манси) и самоеды (ненцы) и не стремились, за редкими исключениями, к грамотности; для воспроизводства жизни, протекавшей в традиционных формах среди природы, она не играла никакой роли. Но проникнутая гуманистическим духом часть интеллигенции, чиновничества, духовенства видела в просвещении важный фактор развития этих народов в исторической перспективе, улучшения их благосостояния. История сохранила ряд свидетельств о действиях как отдельных граждан, так и государственных учреждений, церкви и общественных организаций, направленных на просвещение инородцев.

Приведу в подтверждение несколько фактов. В 1804 г. вышел указ Тобольской духовной консистории о переводе молитв на остяцкий язык¹. В 1837 г. с севера губернии перемещен в Тобольск для занятия переводами выпускник местной духовной семинарии священник Лука Вологодский. Здесь он составил словарь обдорского диалекта остяцкого языка и перевел Евангелие. В 1844 г. состоялась встреча в Тобольске венгерского исследователя Регули с сыном кондинского князя Александром Ивановичем Сатыгиным, во время которой последний подарил Регули вогульские переводы. Сатыгин, получивший русское воспитание, служил в Тобольске учителем². В 1853 г. в Тобольскую духовную консисторию поступило отношение Главного управления Западной Сибири «по предмету введения образования между сибирскими инородцами»³. В 1865 г. березовский купец Степан Плеханов пожертвовал дом в селе Сартыннинском для помещения в нем инородческой школы⁴.

¹ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 156. Оп. 5. Д. 1807.

² Папай Й. Божество слова. Сургут, 1993. С. 19–20.

³ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 156. Оп. 25. Д. 127–IV.

⁴ Там же. Ф. 152. Оп. 41. Д. 348.

Перечень подобных фактов мог бы занять в несколько раз большее место, но не будем отвлекаться от предмета публикации. Дальше в доступных нам подробностях, почерпнутых из фондов государственных архивов Омской области и г. Тобольска, расскажем об одном из событий этого ряда и его последствиях.

Один из первых шагов в данном направлении сделал березовский военно-окружной начальник Г.А. Колпаковский (1819–1896), один из выдающихся администраторов Березовского края (впоследствии Герасим Алексеевич Колпаковский был военным губернатором Семипалатинской и Семиреченской областей, а в 1882 г., с образованием Степного края с центром в Омске, занял должность генерал-губернатора).

По-видимому, в 1855 году Колпаковский направил тобольскому губернатору В.А. Арцимовичу рапорт следующего содержания: «Для развития между инородцами Березовского округа образованности учреждены школы: при Кондинском монастыре и при некоторых сельских приходах. Несмотря на то, инородцы вверенного мне округа вообще неохотно отдают детей своих для обучения. Единственная причина, почему остяки не желают отдавать детей своих для обучения в русские школы, есть та, что обучавшиеся в них по окончании учения оставляются на произвол; никто не позаботится, чтобы пристроить их к месту или отдать, по крайней мере, на попечение таким людям, которые могли бы приучить их к полезным трудам и тем обеспечить их будущность. До сих пор мне не случалось видеть ни одного порядочного человека из инородцев, обучавшихся в русских школах. Никто почти из них не поступает в должности писарей, но большая часть шатается по деревням и нанимается в работники. Такой незавидный конец образования остяцких мальчиков в русских школах, конечно, отнимает охоту у остяков искать образования, между тем как судьбу этих людей можно было устроить лучшим образом, например: почему бы не определять их причетниками при сельских церквях или, еще лучше, отчего бы для большего образования не принимать хотя некоторых из них, более отличных по успехам в науках, в семинарии и оттуда, по окончании курса, выпускать в Березовский край священниками или диаконами⁵. По моему мнению, это был бы самый верный путь к привлечению березовских инородцев на стезю христианства и просвещения. Чтобы предоставить обучавшимся в русских школах остяцким мальчикам какое-нибудь преимущество, я избрал еще одно удобоисполнимое средство: в проезд мой по округу выбрал четырех мальчиков, поручив для обучения фельдшерскому искусству двух — в Сургуте лекарю Пржиевс-

⁵ В Кондинской школе готовят уже несколько остяцких и самоедских мальчиков к поступлению в Тобольскую семинарию, где они будут слушать полный курс наук. — *Примеч. Тоб. губ. вед.*

кому, а двух — в Березове лекарю Зерчанинову. Те и другие оказали достаточные способности к сему назначению; но цель эта не может быть вполне достигнута, потому что как в Березове, так и в Сургуте в обеих тамошних больницах никогда не бывает большого числа больных и обучающимся не предоставляется достаточной практики. Почему я и осмеливаюсь повергнуть на благоусмотрение вашего превосходительства следующее мое по сему предмету предположение. В г. Омске при тамошнем военном госпитале, по представлению его высокопревосходительства Густава Христиановича⁶, учреждена фельдшерская школа для приготовления в оной в фельдшера казачьих детей Сибирского линейного казачьего войска. Не благоугодно ли будет Вам испросить разрешение его высокопревосходительства избранных мною четырех остяцких мальчиков, обученных уже читать и писать и испытанных в достаточных способностях, прислать для приготовления в лекарские ученики в учрежденную при Омском военном госпитале фельдшерскую школу?

По окончании курса наук в фельдшерской школе и по приобретении надлежащих познаний в фельдшерском искусстве означенных мальчиков назначить лекарскими учениками в Березовский край на основании 105 ст. 13-го т. уст. врач. с правами и преимуществами по службе, жалованьем и прочим довольствием, присвоенным сим должностям.

Мера эта будет иметь следующие выгоды: а) остяки, как увидят приспособленными к местам на коронную службу из среды своей молодых людей, с большею охотою будут отдавать детей в школы; в) теперь всякий больной инородец окружен все людьми ему совершенно чуждыми, с которыми без переводчика и слова сказать он не сумеет, отчего болезнь его увеличивается очень понятною тоскою, а когда лекарские ученики будут из остяков, больные будут находить утешение в разговорах с ними на своем родном языке и с большим доверием, чем русским, расскажут свою болезнь и с) с назначением лекарских учеников из остяков не будет предстоять надобности назначать в больницу и к объездным врачам особых переводчиков».

И далее, как видно из сообщения «Тобольских губернских ведомостей», опубликовавших 5 апреля 1858 года в № 14 вышеприведенный рапорт, все пошло удивительно гладко, вопреки давно сложившемуся и вполне справедливому представлению о неповоротливости российской бюрократии. Губернатор Арцимович немедленно запросил от врача отдельного Сибирского корпуса сведения о том, сколько будет стоить эта учеба, а от приказа общественного призрения — каким капиталом располагает Березовская инородческая больница. Оказалось, что издержки на содержание и обучение мальчиков в фельдшерской школе в течение трех лет

⁶ Г.Х. Гасфорт — генерал-губернатор Западной Сибири.

невелики — всего 360 рублей — и с избытком могли быть покрытыми за счет одних только процентов с капитала инородческой больницы. Проект был передан на рассмотрение губернского совета, который вскоре представил его генерал-губернатору.

На использование экономического капитала требовалось еще разрешение министра внутренних дел, и оно также было получено. Но еще до этого генерал-губернатор приказал доставить мальчиков в школу, не дожидаясь ответа министра, за счет Главного управления Западной Сибири.

В Омск были привезены Петр Сыкалев (Ахматов) из Ваховской волости, Федор Сотворов из юрт Киняминых с Малого Югана (вся территория Сургутского края входила тогда в состав Березовского округа, занимавшего едва ли не половину территории Тобольской губернии), Иван Назин из юрт Насиных Салтыковской волости и Ипатий Игленкин из юрт Малоатлымских.

Пролетели три года учебы и городской жизни. Теперь уже не мальчики, а изрядно обрусевшие юноши окончили курс учебы и успешно выдержали испытания при Тобольской городской больнице. Колпаковский в это время еще оставался березовским военно-окружным начальником и просил Тобольскую врачебную управу направить новоиспеченных фельдшеров в их родные места. Двое из них поехали в Березов и двое в Сургут. На время службы они исключались из податного состояния; отслужив 20 лет, каждый из них мог получить классный чин⁷.

«Чем-то помянут эту школу наши остяцкие лекарские ученики? — спрашивал стоявший на общегуманной позиции автор цитированной выше публикации «Тобольских губернских ведомостей». — Будут ли и долго ли будут смотреть на нее, как на человека, который из дичи и трущобы вывел их на широкую и светлую дорогу? Оправдаются ли надежды нашего местного начальства? Трудно отвечать на эти вопросы положительно. Нас утешает, по крайней мере, каждый твердый шаг вперед по тому истинному пути, по которому должно идти образование наших инородцев. Теперь дали им своих лекарских учеников, а там найдут возможным дать им своих врачей, своих пастырей духовных, своих мастеровых, которые могли бы сделать им и хорошую винтовку, и устроить с большим удобством подвижное их жилище, а может быть, и своих местных начальников». На это предположение частичный ответ дают архивные документы, происхождение которых — прямой результат деятельности еще одного выдающегося сибирского администратора Николая Геннадьевича Казнакова (1824—1885). Став генерал-губернатором Западной Сибири, он заинтересовался результатом этого необычного опыта и направил тобольскому

⁷ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 352. Оп. 1. Д. 61.

губернатору Ю. П. Пелино запрос о судьбе четырех остяков, ставших лекарскими учениками. Полученные в ответ сообщения позволяют проследить в общих чертах судьбу каждого из них.

Самым коротким оказался жизненный путь ваховского остяка Петра Сыкалева (он же Ахматов). К 1877 году, когда поступил запрос Казнакова, о нем уже успели забыть, и сначала поступило невнятное сообщение, что «Сыкалев, находясь на службе в г. Сургуте, умер в конце 1859 г. или начале 1860 года». Позднее было найдено извещение березовского объездного врача Юрцевича, направленное в Тобольскую врачебную управу 4 октября 1862 г., о том, что младший лекарский ученик Сыкалев умер 15 сентября того же года от тифозной горячки⁸.

Служба Ивана Григорьевича Назина была довольно продолжительной. К исполнению фельдшерских обязанностей он приступил 15 марта 1858 года в должности младшего лекарского ученика Березовской инородческой больницы, потом был переведен в обдорское отделение. Сначала он как будто подавал надежды и поощрялся: в марте 1863 года был награжден 30 рублями серебром, в этом же году назначен старшим лекарским учеником, но в 1873 г. разжалован в младшие. В 1875 году Назин был перемещен в Тобольск и в начале следующего года командировался в Карачинскую волость для прекращения эпидемии оспы. Вскоре после его прибытия на место назначения Тобольское окружное полицейское управление донесло врачебной управе о его предосудительных поступках: Назин пьянствовал, буянил, в деревне Шульгиной, остановившись на ночлег в доме крестьянина Вакарина, украл серебряные женские сережки. В августе 1876 года тобольский окружной врач докладывал врачебной управе о том, что его помощник, несмотря на все убеждения, «не отстает от этого порока, по которому подпал под суд, а вчерашнего числа посажен тобольским городовым полицейским управлением в полицию как пьяный и буйный человек, взятый на рынке, и, вероятно, подпадет судебному следствию». «По такому поведению, — резюмировал окружной врач, — [Назин] вовсе бесполезен как для Тобольского округа, так равно и [для] врача». В этом же месяце медицинская карьера Назина закончилась. Он был уволен в отставку и, как не выслуживший срока, дающего право на производство в первый классный чин, зачислен в тобольские мещане⁹.

Негладко шла и служба Ипатия Созоновича Игленкина. Начав ее в Березове, в 1863 г. он был переведен в Кондинскую дистанцию и там в декабре 1872 года подал в отставку, мотивировав этот шаг «домашними обстоятельствами» и указав, что рассчитывает заняться частной практи-

⁸ ГИАОмО. Ф. 3. Оп. 8. Д. 13336. Л. 10; ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 352. Оп. 1. Д. 61. Л. 103.

⁹ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 352. Оп. 1. Д. 61. Л. 27, 38–39, 53, 78–79, 92–93.

кой. Возможно, к этому подтолкнула его обида: прослужив в обширной по территории Кондинской дистанции почти десять лет, он, несмотря на неоднократные обращения к березовскому врачу, ни разу не получил вознаграждения за обслуживание сосьвинской и ляпинской местностей, требовавшее дальних поездок.

С января 1873 года Игленкин был, согласно его прошению, уволен и причислен в «первобытное состояние» в родные юрты Малоатлымские. Возвращение в податное состояние он воспринял как несправедливое и 10 февраля 1873 года писал березовскому окружному врачу: «На основании каких именно законоположений я после безукоризненной моей пятнадцатилетней службы его императорскому величеству должен опять приписаться в первобытное состояние, для меня совершенно неизвестно, и врачебная управа, давая такое заключение, не удостоила подвести в своем заключении те узаконения, которые я, безусловно, в этом случае обязан исполнить». И далее просил врача выяснить, на достаточных ли основаниях его обязывают приписаться в податное состояние и может ли он заниматься вольной фельдшерской практикой. На письме есть чья-то резолюция: «Представить в подлиннике в управу и просить ее ходатайства об увольнении из первобытного состояния или объяснения Игленкину о невозможности сего». В середине 1873 года Ипатий Игленкин был принят лекарским учеником в качестве вольнонаемного.

Примечательна характеристика, данная Игленкину березовским окружным врачом Крживицким в марте 1877 года: «Лекарские ученики из остяков Сотворов и Игленкин... более или менее удовлетворяют своему назначению, к занятию фельдшерских должностей способны, в особенности Игленкин, который как своими познаниями, так и вообще своею ловкостью и природною понятливостью мог бы приносить большую пользу службе, — к сожалению, он очень привержен спиртным напиткам, в пьяном виде весьма буйного характера, даже дерзок до крайности». При этом Крживицкий особо отмечал одно бесспорное преимущество фельдшеро-остяков перед русскими: зная язык соплеменников, они «не нуждаются в переводчике и могут вернее узнать их недуги и определить правильное заболевание, нежели те, которые нуждаются в переводчике».

Увольнение от службы было, видимо, с житейской, практической точки зрения, ошибкой Игленкина: он, как сказали бы теперь, «потерял стаж», какие-то другие выгоды служебного положения. Проработав восемь с половиной лет в качестве вольнонаемного старшего лекарского ученика, 15 декабря 1881 года он послал прошение на имя государя о приеме его на службу, в котором просил зачислить в стаж и те годы, в которые трудился по вольному найму. Неизвестно, была ли уважена эта просьба, но врач Крживицкий поддержал его, высказавшись за то, чтобы «дать Игленкину

единовременное пособие за его деятельные занятия в столь огромной дистанции, как Кондинская, частые разъезды». «Ныне он исправился, — писал врач, — и по своим познаниям как прежде был, так и теперь небесполезен для службы»¹⁰.

Федор Осипович Сотворов по окончании фельдшерской школы получил направление в Сургут. В архивном деле нет документов, свидетельствующих об этом начальном периоде его медицинской деятельности, но в документах сургутской Троицкой церкви имеются записи об его бракосочетании в 1859 г. с дочерью умершего казака Якова Буканина Настасьей и рождении его дочерей: Варвары в 1865-м и Федосьи в 1867 г. Позднее он был переведен старшим лекарским учеником в Елизаровскую дистанцию Березовского округа с местом жительства в селе Елизаровском. В сентябре 1876 года от инспектора Тобольской врачебной управы Сотворов получил предложение переехать в Сосьвинскую дистанцию. 12 февраля 1877 года он ответил, что согласия на этот перевод не изъявляет ввиду дороговизны жизни в Сосьвинском крае и желал бы перевестись на эту же должность в села Юганское или Нижне-Лумпокольское — в его родные места.

Как раз в это время врач Крживицкий так характеризовал Сотворова в рапорте Тобольской врачебной управе: «...Сотворов мало сведущ, но одарен природною сметливостию, забывчив, зато не очень привержен к спиртным напиткам и в избытке употребляет их редко, тихий и покорный, а по своей забывчивости не всегда исполнителен».

Неоднократные просьбы Федора Сотворова были наконец уважены, и, по-видимому, в начале 80-х годов он получил перевод в село Нижне-Лумпокольское на место назначенного туда выпускника Омской фельдшерской школы Ивана Корепанова, пожелавшего переехать в родную ему Елизаровскую волость.

В конце 1884 года по селениям бассейна реки Вах распространилась корь. В декабре сургутский окружной врач Бончковский просил врачебную управу послать туда опытного фельдшера. Управа в конце января следующего года постановила направить на жительство в центр Ваховской волости село Ларьякское из Нижне-Лумпокольского Сотворова. Неизвестно, когда до него дошло это постановление, но только в марте Сотворов докладывал письменно сургутскому окружному врачу, что, имея жену и малолетнюю дочь, он не может немедленно отправиться за тысячу верст на жительство в местность, куда все жизненные припасы доставляются сургутскими купцами лишь два раза в год и где нет ни родных, ни знакомых, на чью помощь можно было бы рассчитывать; прежде чем тронуться в путь, ему необходимо запастись продовольствием для семьи. Ввиду этих

¹⁰ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 352. Оп. 1. Д. 61. Л. 115–116, 157–158, 163–164, 174.

обстоятельств Сотворов просил разрешить ему задержаться в Нижне-Лумпокольском до 15 мая.

Так неспешно и решился по условиям Тобольского Севера того времени вопрос о подаче экстренной медицинской помощи ваховским осяткам. Сотворов переехал в Ларьяк весной 1885 года. 10 февраля 1887 года он писал оттуда сургутскому городовому врачу, что прослужил на новом месте уже один год и девять месяцев и из-за трудностей жизни семьи в ларьякских условиях просит о переводе фельдшером в Сургут¹¹. Сургутский период жизни Сотворова был довольно продолжительным. Из документов той же Троицкой церкви известно, что здесь он выдал замуж за бывшего казака Федора Евангеловича Вергунова свою дочь Ульяну. В августе 1898 г. старший отставной фельдшер Федор Иосифович (Осипович) Сотворов скончался в возрасте 58 лет.

После знакомства со всеми затребованными и полученными сведениями генерал-губернатор Казнаков 17 июня 1877 года писал тобольскому губернатору Пелино: «Имея таким образом в виду очевидную пользу от увеличения между осятками лиц, сведущих в первоначальной медицине, из их же племени, дабы тем самым открыть осяткам с большим доверием доступ к медицинской помощи, долгом считаю просить ваше превосходительство чрез посредство ближайших начальствующих лиц внушить осяткам несомненную пользу от обучения малолетних из их племени фельдшерскому искусству и должным влиянием подвинуть их на помещение своих мальчиков в Омскую фельдшерскую школу с ежегодной платою по 200 руб. на счет общественных сумм...».

13 ноября 1877 г. Пелино докладывал Казнакову, что, по донесениям тобольского и сургутского окружных исправников, общества инородцев отказались посылать своих стипендиатов, ссылаясь на бедность, а 20 ноября — о таком же донесении туринского исправника. Генерал-губернатор в ответ на это просил продолжить работу с инородческими обществами. 24 октября 1878 года новый тобольский губернатор В.А. Лысогорский сообщил в первое отделение Главного управления Западной Сибири, что в Омскую фельдшерскую школу 8 августа отправлены с нарочным два мальчика: упоминавшийся выше сын крестьянина Иван Корепанов и инородец Василий Хороля¹².

¹¹ ГУТГО ГА в г. Тобольске. Ф 352. Оп. 1. Д. 61. Л. 115–116, 118–119, 178–179, 182–184, 194–195.

¹² ГИАОмО. Ф. 3. Оп. 8. Д. 13336. Л. 11–12, 16–17, 24.

Киселевы

Крепкое семейство Киселевых поселилось в юртах Ахтоминых, известных еще и под названиями Новоселовы и Нялины, по-видимому, во второй половине XIX в. Уроженец этих мест В.Д. Конев, расспрашивавший старожилов о происхождении юрт, давно уже ставших частью села Нялино, пишет, что возникновение их связано с началом деятельности купцов Киселевых. Федор Васильевич Киселев договорился с жившими в Старых юртах ханты¹ т.е. получил их разрешение поселиться на их территории.

Многие источники называют Киселевых «обрусевшими инородцами». Так, С.К. Патканов в труде «Экономический быт государственных крестьян и инородцев Тобольского округа Тобольской губернии» замечает: «Остяки не обладают предприимчивым духом и изворотливостью русского или татарина, и поэтому торгующих между ними весьма мало. Можно указать только на две фамилии: на Киселевых (в ю. Ахтоминых) и на Пахтышевых (в ю. Красноярских)...»².

Откуда же пришли Киселевы в эти приобские места, лежащие чуть выше места впадения в Обь Иртыша? Можно полагать, что оттуда же, откуда и их соседи Захаровы, Кожевниковы, Раишевы и др. — из нижнеиртышских сел и деревень, входивших во второй половине XIX в. в состав Тобольского округа. Среди них были и с. Новоселово, и д. Киселева, дожившие до наших дней. Возможно, новоселы и приносили с собой второе и третье названия для некоторых соседних с Ахтоминскими юртами селений: так, деревня Майка именовалась также Туманковыми и Апринскими юртами, деревню Скрипунову называли еще Змановской и Торопками.

Если Киселевы действительно обрусевшие иртышские ханты, то изменения, происшедшие в их психологии и домашнем укладе, просто поразительны. Вопреки традиции, они стали успешными предпринимателями. В то время как ханты не обнаруживали никакого желания отдавать детей учиться, у Киселевых некоторые из дочерей и даже сыновья получили образование в городах. В публикации «Ценности семьи Шаховых» в журнале «Югра» уже говорилось об Александре Федоровне Киселевой, которая в предреволюционное время окончила Тобольскую Мариинскую женскую гимназию. Учился где-то еще до установления советской власти уро-

¹ Конев В. Д. Юрты Нялины // Югра. 1996. № 2. С. 7.

² Патканов С. К. Соч. в 5 т. Тюмень, 2003. Т. 2: Экономический быт крестьян и инородцев Тобольского округа Тобольской губернии. Ч. 1. С. 48.

женец Нялинских юрт Леонид Иванович Киселев, а в 1920 г. был слушателем Томского университета (в трудовом списке указано, что он юрист). Известно также и то, что ханты не питали никакого интереса к растениеводству. Но в 1905 г. корреспондент Тобольского губернского статистического комитета крестьянин Ф.Н. Куляшов сообщил: «В 1904 г. инородец ю. Нелинских Самаровской волости Ф.В. Киселев посеял 7 пудов овса и намолотил 60 пудов, к удивлению всех, т.к. в этом краю никто не помнит, чтобы кто-нибудь сеял хлеб»³.

Кроме того, Киселевы весьма активно обрастали такими межсемейными связями, которые упрочняли их экономическое положение и поднимали вес в обществе: они породнились с богатыми базьяновскими торгующими крестьянами Башмаковыми, реполовским рыбопромышленником К. Кайдаловым, одна из дочерей Федора Васильевича вышла замуж за священника и уехала в Омск, другая — за тобольского губернского землемера П.И. Дмитриева. Как все это противоречит вековым традициям ханты!

Но вернемся в юрты Нялинские. На рубеже 80 и 90-х годов XIX в. С.К. Патканов нашел там следующее: «Юрты Ахтомины (Нялины) имеют на Оби небольшой песок, но сами более промышляют в протоках. Один из жителей этих юрт Василий Петрович Киселев кортомит⁴ для себя два песка: один у Косаревых инородцев, другой у Чучелиных, платя за каждый по 100 р. в год. Эти пески он эксплуатирует при помощи артели». «Юрты Чучелины имеют один песок с осяжками юрт Кышиковых и Вершинских. Чучелины продают принадлежащую им часть Киселеву, взимая с него за это ежегодно по 5 руб. с души, коих у них 6, или всего 30 р.»⁵.

Из сказанного видно, что не Федор Васильевич был основателем поселения Киселевых в юртах, а, по-видимому, его отец Василий Петрович, если не кто-то еще более старший. Но в коллективной памяти старожиллов сохранился образ Федора Васильевича, и не случайно. Он запомнился как глава многочисленной семьи и всего родственного клана, купец, удачливый рыбопромышленник, влияние которого распространилось и на соседние села и деревни Конево, Зенково, Шапша и др.

Уже на границе между XIX и XX вв., как свидетельствует А.А. Дунин-Горкавич, рыболовецкие пески арендовал не Василий Петрович, а Федор Васильевич Киселев. Это были пески Ванихин-Нялинский и Дурной, принадлежавшие ханты юрт Костиных и Нялинских в числе 9 человек, оба — на левой стороне Оби, первый — в 30 верстах выше пристани Ня-

³ Вести из губернии // Отдел сельского хозяйства и кустарной промышленности. Тобольск, 1905. № 3. 5 апр. С. 19.

⁴ От «кортом» — наем, съем, прокат, аренда, оброк, откуп (Даль).

⁵ Патканов С. К. Указ. соч. Т. 3. Тюмень, 2003. С. 248–249.

линской, но ниже д. Зенковой, второй — в трех верстах ниже пристани Нялинской. На том и другом были построены жилые дома и бани⁶. Кроме того, В.Д. Конев называет еще Александровский песок в пределах нынешней Томской области. В одном из документов Государственного архива Томской области за 1927 год упоминается Киселевский песок близ верхнего устья Ларьякской протоки⁷, но облавливался ли он нялинскими Киселевыми неизвестно.

С годами Федор Васильевич стал освобождаться от рыбопромышленного дела, передавая его сыновьям — Егору и Андрею, в частности, Андрей неводил на Глазковском песке при устье р. Салым⁸.

Вспоминают, будто Киселевы имели пароход. Известно также, что Федор Васильевич был членом Тобольского отдела Императорского Российского общества рыбоводства и рыболовства и одним из его учредителей⁹.

На фотографии Ф.В. Киселев — солидный крепкий старец. На груди его три медали — по-видимому, «За усердие». За какие именно заслуги и когда награжден — неизвестно.

Опираясь на рассказы старожилов, В.Д. Конев так описывает усадьбу Киселевых в Юртах: «По периметру территории размещались амбары — склады... Во дворе — большой двухэтажный хозяйский дом. Был еще пятистенный дом, в одной половине которого жили родственники Киселевых, в другой был магазин. Последним жилым помещением был дом для работников. На углу стояла баня. К усадьбе примыкал огороженный парк, в котором радовали глаз елки, пихты, березы, лиственницы, кусты черемухи и рябины. Далее, за оградой, тянулись склады, не менее десяти, сблочированные в два этажа в одном здании»¹⁰.

Основательно расположились Киселевы, вольготно, надолго. Ведь у Федора Васильевича, по словам его внучки И.В. Заложневой, было семеро детей от первого брака и шестеро — от второго. С таким семейством надо жить оседло. А кроме того, здесь же жила семья брата Ивана Васильевича, тоже немаленькая.

До революции жизнь Киселевых протекала, по-видимому, благополучно и спокойно. Осложнения и тяжкие испытания начались после 1917 года. О том, как переломились судьбы членов этой семьи, сохранились скупые и разрозненные сведения. Так об единственном сыне Федора Ва-

⁶ Дунин-Горкавич А.А. Тобольский Север. СПб., 1904. Т. 1. Прил. 1. Список рыболовных угодий по р. Оби и Иртышу. С. 5, 6.

⁷ История Югры в документах из Томска. Томск, 2006. С. 84.

⁸ Городков Б.Н. Поездка в Салымский край: путевой дневник // Ежегодник Тобольского губернского музея. 1913. Вып. 21. С. 6, 98.

⁹ Городская хроника // Сиб. листок. 1903. 26 окт.

¹⁰ Конев В. Д. Нялинский меридиан. Омск, 2006. С. 25.

сильевича от первого брака Егоре говорили, будто он был убит на рыбном промысле рабочими за грубое с ними обращение, а семья сослана в Березово. Сын от второго брака Андрей и сам Федор Васильевич будто бы при раскулачивании расстреляны. В это трудно поверить: в пору раскулачивания революционные порядки уже отошли в область истории, существовала какая-то видимость правосудия и на месте не расстреливали. Согласно недавно найденному документу, в 1929 г. Ф.В. Киселев после раскулачивания был лишен избирательных прав вместе с еще несколькими членами семьи¹¹.

Об обстоятельствах смерти Андрея Федоровича И.В. Заложнева рассказывает со слов его родной сестры, своей матери Александры Федоровны следующее: он умер где-то под Омском, куда отвозил рыбу. После жаркой бани выпил холодного пива и задохнулся. Это подтверждал и его сын Валентин Андреевич, о котором речь впереди. Но есть еще одна версия, высказанная в письме вдовы Андрея Федоровича Агнии Константиновны (урож. Кайдаловой), бывшей учительницы, к Н.К. Крупской, написанном 5 июля 1930 г. В нем она выражает несогласие с лишением ее избирательных прав и ссылкой с несовершеннолетними детьми в Обдорск и просит посодействовать пересмотру дела и возвращению ее к учительскому труду. Описывая обстоятельства своего наказания, Агния Константиновна упоминает, что муж умер от сыпного тифа в 1925 г., а свекор — зимой (в конце 1929 или начале 1930 г.)¹².

Вся изложенная путаница обычна для нынешних рассказов о событиях и судьбах первой половины XX в. Что здесь от несовершенства человеческой памяти, что от жестокости века, от вымыслов и обманов ради защиты себя и своих близких и других причин — не так просто, если зачастую вообще возможно, разобраться.

Репрессиям и притеснениям подверглись и члены семьи Ивана Васильевича Киселева. Один из его сыновей, Ксенофонт Иванович, в середине 1929 г. был лишен избирательного права. Он протестовал, писал заявления в президиум Зенковского сельсовета, в Самаровский райисполком и Уральский облисполком, но нигде не нашел сочувствия. В октябре 1937 г. был арестован, а в декабре расстрелян в Остяко-Вогульске. 13 июля 1957 г. реабилитирован¹³.

Уже упомянутый Леонид Иванович Киселев, родившийся в 1898 г., до 1920 г. находился на иждивении родителей и учился. Затем работал

¹¹ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 434. Оп. 3. Д. 22.

¹² Политические репрессии 1930–1940-х годов в воспоминаниях и личных документах жителей Ханты-Мансийского автономного округа: сб. документов. Ханты-Мансийск, 2002. С. 29, 31.

¹³ Книга расстрелянных. Тюмень, 1999. Т. II. С. 101.

счетоводом Томского городского отдела народного образования, статистиком Северной экспедиции Наркомвнешторга, учителем в соседнем с Нялино селе Конево, заведовал агентством акционерного общества «Хлебопродукт» в Самарове. С 1927 г. работал в Тобольске в окружном Союзе охотничьих и рыболовецких кооперативов инструктором по рыболовству, заведующим рыбным подотделом. В апреле 1931 г., после «чистки» советского аппарата, уволен на том основании, что «настроен антисоветски, составил вредительский план рыбоугодий... ведет разлагательную политику о невыполнении планов...» и является сыном «крупного купца-рыбопромышленника», расстрелянного красными во время восстания в 1921 г.»¹⁴. Позднее Л.И. Киселев преподавал технику добычи рыбы в Тобольском рыбопромышленном техникуме.

По мере узнавания новых подробностей судеб нялинских Киселевых только укрепляешься в сложившемся представлении о замечательной жизненности этого мощного и раскидистого фамильного дерева, оказавшегося способным адаптироваться к весьма неблагоприятным обстоятельствам и «устоять на ветрах эпохи». Приведу только один, но красноречивый эпизод из рассказа И.В. Заложневой.

Как уже говорилось, одна из старших дочерей Ф.В. Киселева Евдокия Федоровна вышла замуж за губернского землемера Полиевкта Ивановича Дмитриева. В смутное революционное время семья решила покинуть Тобольск и переехала в Пятигорск. Вскоре это оказалось на руку нялинским родственникам, ощутившим на себе тяжелую руку новой власти. Из Сибири переехали в Пятигорск сестры Евдокии Федоровны Матрена и Августа. Древо Киселевых стало укореняться на кавказской почве.

В начале 1930-х гг. сюда, к тетушкам, переехал один из членов сосланной в Обдорск семьи Андрея Федоровича — Валентин Андреевич Киселев (1916–2005). Окончив в Пятигорске среднюю школу, он поступил в Ленинградский технологический институт. После его окончания защищал осажденный Ленинград, был пулеметчиком и радиотехником. После войны работал в Ленинградском текстильном институте механиком и изобретателем и, по неуточненным сведениям, как будто за одно из изобретений награжден Сталинской премией. Но более широкую известность Валентин Андреевич получил, благодаря своему увлечению одним из редких видов скульптуры — изготовлением курительных трубок. Сначала вырезал трубки для себя и друзей, со временем устроил небольшую мастерскую. Изделия его становились все популярнее, трубки стали заказывать известные люди, и Валентин Андреевич приобрел славу одного из лучших в России мастеров по изготовлению курительных трубок, был принят в Союз художников.

¹⁴ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 492. Оп. 1. Д. 316.

Из оставшихся на родном Севере Киселевых некоторые также стали известными людьми. Например, сын Ивана Васильевича Трофим Иванович слыл лучшим рыбаком и охотником нялинского колхоза, награжден орденом Трудового Красного Знамени. Известным в Октябрьском районе рыбаком был родной брат «трубочника» Киселева Виталий Андреевич. Целая плеяда медицинских работников пошла от Екима Ивановича Киселева: Елена Екимовна Филиппович, Евлампия Екимовна Щепеткина и их дети. Леонид Екимович Киселев (1927–1990), окончивший, как и сестры, фельдшерско-акушерскую школу в Ханты-Мансийске, так же, как и Евлампия Екимовна, с отличием, в здравоохранении работал мало, т.к. был избран секретарем райкома комсомола, а через несколько лет — секретарем окружка партии. После окончания Академии общественных наук при ЦК КПСС занялся исторической наукой, в 1980 г. стал доктором наук, преподавал в тюменских вузах¹⁵.

Так случилось, что всем им, наверное, не без чувства горечи пришлось в автобиографиях умалчивать о своем родстве с ничем не запятнавшими себя людьми, такими же трудолюбивыми и порядочными, но попавшими под каток репрессий в тяжелое для народа время.

¹⁵ Костоев Х. Живет человек для людей // Ленин. пр. 1979. 17 нояб.; Деркач Г. Светлой дорогой // Ленин. пр. 1980. 7 окт.; Деркач Г. Подъем одолевает сильный // Ленин. пр. 1981. 7 нояб.; Киселев Л. Спасибо партии // Ленин. пр. 1982. 1 мая.

Юганский культурно-санитарный отряд

В 20-е годы двадцатого века в стране шел поиск форм влияния государства на население национальных окраин, с помощью которых можно было бы интенсифицировать его культурный рост и обеспечить переход «от патриархальщины к социализму». Важную часть работы должны были выполнить созданные на местах комитеты Севера. Обь-Иртышский Север входил тогда в состав Тобольского округа Уральской области, и комитеты организовались как в Тобольске, так и в Свердловске. Председателем Тобольского комитета Севера был заместитель председателя окрисполкома К.Г. Желтовский, а его заместителем — П.И. Сосунов, уже имевший к тому времени опыт работы в области государственного устройства северных окраин России в Наркомате национальностей, а до этого участвовавший в установлении советской власти в Березове и Обдорске. Большую полезную работу в Тобольском комитете выполнял В.М. Новицкий — этнограф, педагог, уроженец Березова, окончивший Казанский университет. Тоболяки с самого начала энергично взялись за работу.

13 июля 1925 г. на заседании специальной комиссии по составлению плана и сметы по обслуживанию туземных племен с докладом выступил В.М. Новицкий. Он предложил культурное обслуживание туземцев вести посредством специально организованных передвижных групп. Заседание этот способ признало единственно возможным. И уже 3 августа комитет выработывал план организации передвижного культурного отряда для района рек Большой Юган, Аган и Тром-Юган (Сургутский район), население которого находилось в бедственном положении и особенно нуждалось в медицинской помощи. Отряд предполагалось послать на 6 месяцев.

В президиум Тобольского окрисполкома комитет срочно отправил письмо за подписью Сосунова, в котором обосновывалось предложение о передвижном отряде и испрашивалась на его содержание сумма в 7045 р. 70 к. А вскоре был определен и состав отряда. На должность руководителя решили пригласить северного инспектора окроно Михаила Андреевича Протопопова. Ему предстояла командировка в Москву для приобретения самого необходимого для культурно-просветительной и медицинской работы и подыскания для отряда врача¹.

¹ Протоколы заседаний Тобольского комитета Севера. ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 695. Оп. 1. Д. 64. Л. 5, 10, 11; Переписка с Юганским культурно-санитарным отрядом Комитета Севера и материалы по формированию отряда. Там же. Ф. 690. Оп. 1. Д. 35. Л. 2.

В этот же день П.И. Сосунов обратился с письмом к профессору-североведу В.Г. Богораз-Тану, в котором просил оказать всяческое содействие М.А. Протопопову. Организуемый отряд, писал он, будет первым опытом, который должен «создать почву, благоприятствующую начинаниям Комитета Севера по данной линии». «На т. Протопопова, — продолжал Сосунов, — будет возложено всестороннее научное обследование данного района в хозяйственно-экономическом, этнографическом и бытовом отношениях, каковую задачу, по моему мнению, т. Протопопов, безусловно, выполнит, а этим выполнением установит, насколько целесообразна система данной организации»².

Предложив М.А. Протопопову руководство этим ответственным экспериментом, который неизбежно должен был столкнуться с огромными трудностями, комитет сделал во всех отношениях правильный выбор. Уроженец Обдорска, Михаил Андреевич любил Север и уже имел опыт учительской и краеведческой работы в родном селе в 1919—1923 гг. Этот опыт серьезно обогатился после того, как Протопопова пригласили на должность школьного инспектора Тобольского окроно по Северу. Проработав около года, он, по его собственным словам, «почти все время провел в непрерывных разъездах по школам огромного северного инспекторского района». Для предстоящей работы будущий начальник отряда был и неплохо по тому времени образован: в 1919 г. окончил Тобольскую гимназию с отличными и хорошими оценками в аттестате зрелости. И, наконец, имел вполне определившиеся исследовательские наклонности и стремился к продолжению образования.

В конце лета и начале осени 1925 г. Тобольский комитет Севера вел оживленную почтовую и телеграфную переписку со многими столичными учреждениями, целью которой было возможно лучшее оснащение отряда и подготовка его к предстоящим работам. А неисчислимы сложности их в комитете хорошо себе представляли. Сосунов обращался в Российское общество Красного Креста и военно-хозяйственное управление Красной армии с просьбами поделить медицинским снаряжением, зимними офицерскими кроватями, походными палатками, столами и стульями, обмундированием, спальными мешками, в научных учреждениях просил фотоаппарат, фонограф, барометр, термометры, учетный и исследовательский бланковый материал.

Что-то удалось достать, чего-то нет. Главное — не удалось привлечь в отряд никого из московских врачей. Времени до намеченного срока выезда отряда оставалось в обрез. Протопопов выехал из Москвы в Тобольск, а туда срочно отправился Сосунов — разрешать оставшиеся проблемы. К

² ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 690. Оп. 2. Д. 8. Л. 14.

тому времени выяснилось, что первоначальная смета не учла всех предстоящих расходов и после пересчета составила 7551 р. 67 к., а Тобольский окрисполком мог дать только 5335 р. 20 к. Недостающие две с лишним тысячи Сосунов просил у председателя Комитета Севера при Президиуме ВЦИК П.К. Смидовича (а заодно и ежегодную субсидию в 1800 р. на издание краеведческого журнала «Наш край»).

Во второй половине сентября Протопопов отправил телеграмму в Москву Сосунову: «28 сентября идет Сургут последний пароход... Если нет врача, телеграфируй Калашникову...». 22 сентября в Тобольск пришел ответ от Сосунова: «Условия московских врачей для Юганского отряда неприемлемы. Считаю целесообразным на медицинскую работу в отряд срочно пригласить работающего второй тобольской амбулатории Калашникова, гарантирую ему устройство в будущем году вуз том случае, если он проработает отряде год»³.

24 октября отряд в составе Михаила Андреевича Протопопова и фельдшера Ефима Алексеевича Калашникова прибыл в Сургут, а 31 октября — в село Юган, где и приступил к работе.

Руководствуясь, видимо, мыслью, что в этом новом деле важен оперативный анализ, обо всем сделанном и наблюденном Протопопов регулярно и подробно сообщал в Тобольск комитету и редакции газеты «Северянин». Например, в обзоре Юганского сельсовета, составленном на начальном этапе работы, 19 декабря 1925 г., он обстоятельно рассказывает об отношении туземцев к партийным работникам. Порядок отчетности отряда был специально рассмотрен Тобольским комитетом Севера еще до выезда в Сургут, но Михаил Андреевич к отсылаемой в Тобольск информации относился, видимо, не как служащий, а скорее как исследователь и просто равнодушный человек, находившийся «внутри» туземного быта. Любопытна реакция П.И. Сосунова на такой характер донесений Протопопова в февральском письме: «Обращаясь к поступающей от Вас информации, Комитет Севера не может не отметить, что не прекращающийся до самого последнего времени поток этого рода материала — безусловно, обильного и интересного по своему содержанию для какого-нибудь будущего историка и бытописателя — для Комитета Севера, с чисто деловой точки зрения, поскольку в этом материале преобладают зачастую личные впечатления, личные переживания и т.п., существенного значения иметь не может»⁴.

Сосунов настаивал на предоставлении информации в соответствии с установленными формами отчетности, но при этом комитет очень внима-

³ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 690. Оп. 1. Д. 35. Л. 44, 48.

⁴ Там же. Л. 89.

тельно рассматривал то, что поступало, и не раз донесения отряда становились предметом обсуждения на очередных заседаниях. 19 ноября 1925 г. на повестку дня встала задача приобретения очень желательного для отряда кинематографа, В.М. Новицкому было поручено составить предварительный расчет. 19 марта 1926 г. решалась задача пополнения запаса медикаментов, 22 апреля рассмотрена смета окроно на содержание отряда в 1926–1927 годах.

Анализ итогов первых четырех месяцев работы Протопопова и Калашникова дал, основываясь на их информационных письмах, секретарь Тобольского комитета Севера М.П. Коптилов. По его мнению, за это время был уже собран ценный материал о быте туземцев и выработалось представление о методах возможной среди них культурной работы. Чтобы достичь этого, пришлось прежде всего преодолеть недоверие остяков, стойчески и безоговорочно приняв все условия их быта, отбросив «даже элементарные культурные привычки, забыв про брезгливость, прямую возможность заразы и т.д.». В ответ остяки стали охотно обращаться за медицинской помощью, с октября по февраль Калашников принял 304 больных. Проявили они интерес и к беседам о кооперации, государственном страховании и др., которые сопровождались демонстрацией изображений с помощью «волшебного фонаря», задавали много вопросов. Даже стали обращаться в отряд для разбора своих внутренних конфликтов. В конце января Протопопов сделал подробный доклад на расширенном собрании представителей окрисполкома и райисполкома и делегатов районного съезда Советов. Работа отряда была признана вполне удовлетворительной⁵.

Архивные документы свидетельствуют о том, что Сургутский райисполком (РИК) вслед за Тобольским комитетом Севера придавал важное значение работе отряда. 16 марта и 9 апреля 1926 г. президиум РИКа на внеочередных заседаниях принял постановления по сообщениям Протопопова и Калашникова. В частности, он поддержал их попытки создать туземный актив и пункты ликвидации неграмотности, опыт устройства передвижных выставок культурно-санитарной и промышленной тематики, одобрил намерение перенести действия отряда в районы концентрации остяцкого населения Агана, Тром-Агана и других притоков Оби в летний период.

К началу 1926 г. в отряде, по-видимому, уже созрела мысль о том, что постоянная, длительная работа среди туземного населения не может базироваться на самоотверженности врачей и учителей и непрерывные разъез-

⁵ Коптилов М. Сургутский район: (Работа культурно-санитарного отряда Комитета Севера) // Тобольский край. 1926. № 1. С. 67–69.

ды по юртам и стойбищам не только во всех отношениях чрезмерно тяжелы, но и малоэффективны, нужно создавать на этой обширной территории небольшие центры концентрации культурной работы. На это обратил внимание и президиум Сургутского РИКа, особенно ориентировав отряд на оказание экономической и медицинской помощи и усиление стационарного характера работы. В частности, Протопопову он поручил его идею о создании «примитивных культцентров в бассейнах рек с туземным населением» проработать совместно с Сургутским краеведческим обществом и представить в РИК «для скорейшего возбуждения вопроса перед окружным центром»⁶. Так совместными усилиями отряда, райисполкома и Тобольского комитета Севера постепенно прояснялась перспектива дальнейшей организации политического и культурного влияния на туземное население.

В июле 1926 г. работа Юганского культурно-санитарного отряда была закончена. 2 августа М.А. Протопопов сделал доклад на заседании Тобольского комитета Севера о деятельности за период с 1 октября 1925 г. по 1 августа 1926 г. Некоторые фрагменты этого итогового доклада заслуживают воспроизведения. С описанными в нем фактами, явлениями и тенденциями работники местных советов, хозяйственники, учителя и другие специалисты сталкивались впоследствии не один десяток лет. Вот три небольших отрывка — информация «из первых рук».

«До сих пор работа, например, Юганского райтузсовета... существующего формально для обслуживания туземных нужд, на самом деле туземцев вполне не удовлетворяет, [так] как носит преобладающий русский уклон. Сложность некоторых вопросов, входящих в компетенцию сельсовета, значительно превышает понимание туземцев, выходит за пределы их умственного кругозора. Сознание ответственности за свои возможные ошибки еще более отпугивает туземцев от участия в работах по советскому строительству. Поэтому необходимо построить туземные советы исключительно по национальному признаку, преимущественно по местностям компактного обитания туземцев, и тогда есть основание рассчитывать на жизненность существования этих райтузсоветов».

«...Туземцы крайне неохотно отдают своих детей в русские школы. К тому же сам учительский персонал иногда оказывается не в состоянии умело устранить рознь между учащимися русскими и остяками. <...>. Непременным условием продуктивной школьной работы должна быть предварительная разъездная работа учителя среди туземцев».

⁶ Сургутский городской архив. Ф. 1. Оп. 4. Д. 324. Л. 5, 52, 64. В состав Сургутского краеведческого общества входили земляки Протопопова: выпускник Тобольской гимназии учитель А.С. Знаменский и учившийся в Тобольской учительской семинарии директор местной школы С.Ф. Пестов. Вероятно, с ними обсуждалась эта тема.

«...Как на средство реальной пропаганды среди туземцев следует указать на (точный, но не карикатурный) плакат. Подверженные чрезвычайной впечатлительности остяки с особенной непосредственностью воспринимают плакат. Отряду приходилось даже самому прибегать к созданию плаката путем известного комбинирования вырезанных из газет и книжек картин. Были даже попытки издавать остяцкий бюллетень...»⁷.

Интерес к выполненному опыту был самый пристальный. В сентябре 1926 г. М.А. Протопопов получил командировку в Москву, где должен был обстоятельно, с использованием всего собранного материала сообщить в Комитете Севера о положении туземного населения и своих сообщениях о направлении дальнейшей просвещенческой работы в их среде. На состоявшейся в декабре 1926 г. в Свердловске третьей Уральской областной краеведческой конференции Михаил Андреевич сделал сообщение «Опыт низовой краеведческой работы в Сургутском районе Тобольского округа» и был избран членом Уральского областного бюро краеведения. Этот добросовестнейшим образом проведенный девятимесячный опыт внимательно изучался специалистами в области межнациональных отношений, и на рубеже 20–30-х годов стали организовываться красные чумы — учреждения для культурно-политической работы среди коренных малочисленных народов, обслуживавшие население бассейнов крупных притоков Оби⁸.

В заключение — о судьбе сотрудников Юганского культурно-санитарного отряда.

Набирая отряд, Тобольский комитет Севера обещал обоим его участникам в случае выполнения ими всех условий договора предоставить возможность для поступления в высшие учебные заведения. Для того и другого это было весьма привлекательное условие. В отношении Е.А. Калашникова Сосунов быстро исполнил данное ему обязательство: уже осенью Ефим Алексеевич прямо из таежной глуши перенесся в прекрасный город науки Томск, «Сибирские Афины», и стал студентом медицинского факультета университета. С Протопоповым дело оказалось сложнее.

Председатель комитета К.Г. Желтовский писал 11 августа 1926 г. в Комитет Севера при Президиуме ВЦИК, что стремление Протопопова к получению высшего образования с широким общественно-политическим уклоном остается твердым, и просил помочь в устройстве его в Московскую

⁷ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 695. Оп. 1. Д. 64. Л. 74–76; Протопопов М. Проблема туземного плаката // Советская Азия. 1931. № 9–10.

⁸ Среди тех, кто участвовал в выработке концепции красного чума, был коллега Протопопова по Тобольскому окрону Г.Г. Кусенко. См.: Кусенко Г. Г. Красный чум: в порядке обсуждения // Просвещение на Урале. Свердловск, 1930. № 5. С. 74–77.

академию социального воспитания, хотя бы вольнослушателем, и поспособствовать в предоставлении ему работы по туземным вопросам, чтобы обеспечить его существование во время учебы. Одновременно делались попытки поступления на педагогический факультет Московского университета и в Ленинградский этнографический институт. Но было уже поздно, набор в вузах закончился, и Михаилу Андреевичу опять пришлось отложить осуществление мечты о высшем образовании до лучших времен.

Тем временем обнаружилось сразу несколько новых работодателей. Протопопов переехал в Свердловск и с 9 октября 1926 г. стал сотрудником Уральского областного комитета Севера, одновременно участвуя в работах облплана, облоно и областной краеведческой организации. Кроме того, продолжал писать в газеты и журналы. По его инициативе был открыт «Северный отдел» в журнале «Просвещение на Урале», и Михаил Андреевич стал самым активным его сотрудником. В конце лета 1927 г. по настоятельной просьбе Тобольского окрисполкома он был послан в Тобольск на должность разъездного инспектора окроно по просвещению национальных меньшинств. Отработав год, вернулся в Свердловск к своим обязанностям в Уральском комитете Севера и следующие два года занимался вопросами культурного строительства в северной части области. В это же время как член бюро областной краеведческой организации он руководил секцией Севера и много содействовал привлечению к участию в ее делах сотрудников северных учреждений.

В июне 1930 г. Протопопов был командирован в Москву в Центральное бюро краеведения для доклада и выяснения ряда вопросов текущей работы. Одновременно несколько дел поручил ему Уральский комитет Севера. Но самое главное — с этой поездкой было связано исполнение давнего желания Михаила Андреевича о продолжении образования — областной комитет Севера командировал его на первый курс северного отделения Ленинградского педагогического института имени Герцена. С 16 июля 1930 г. он числился в длительной командировке без сохранения содержания.

В Ленинграде Протопопов проучился всего два года и при этом наряду с учебой заведовал кооперативно-промысловым кабинетом института и преподавал политпросветработу и культурное строительство, а в январе 1931 г. был назначен заведующим подготовительным сектором и кабинетом педагогики и политпросветработы.

10 июля 1932 г. полустудент-полупреподаватель М.А. Протопопов был отчислен из института народов Севера, так как возвращался в Свердловск, где его ждали, как всегда, сразу несколько обязанностей: сотрудника Уральского научно-исследовательского института педагогики, инспектора облоно по Крайнему Северу, ответственного секретаря северного совета в

Уралплане и члена бюро Уральского комитета Севера. Поле деятельности, как и прежде, было необъятным, а поручения подчас чрезвычайно ответственными. Так, в конце августа 1933 г. из-за задержки поставки на Крайний Север грузов с учебниками, учебными пособиями и стройматериалами возникла угроза срыва своевременного начала учебного года в северных школах, и Уралом срочно командировало его в Тюмень, Тобольск и на станцию Куломзино для разрешения проблемы, наделив правом получить груз на железнодорожной станции и переотправить его пароходами. Дочь Протопопова Маргарита Михайловна рассказывала, что только ее болезнь послужила уважительной причиной для освобождения Михаила Андреевича от отправки в Березовский район в составе бригады по урегулированию возникшего на Казыме конфликта, известного как Казымское восстание, вскоре погибшей.

Из всего сказанного у читателя, полагаю, уже составилась образ человека, самозабвенно работавшего на пользу общества и родного северного края, не мыслившего своей деятельности без «личных впечатлений и личных переживаний», холодно встречаемых в чиновной среде, но бывших подчас главной составляющей успеха дела, энтузиаста народного просвещения и культурного строительства и вполне законопослушного гражданина. В дореволюционное время чиновники такого типа непременно были на хорошем счету, награждались за свое усердие к службе чинами и орденами и жили вполне обеспеченно. Но новое государство за безупречной службой Протопопова разглядело некие скрытые негативные стороны, которые в ноябре 1937 года дали мнимые основания тройке при УНКВД Свердловской области обвинить его в контрреволюционной деятельности и осудить на 10 лет исправительно-трудовых лагерей.

Отбыв этот срок в лагерях в Бурят-Монголии и Омске, Михаил Андреевич в 1947–1948 гг. работал в Омске старшим научным сотрудником областной станции юных натуралистов. Только в 1953 г. судимость вместе со связанными с ней ограничениями была снята, и он получил возможность вернуться в Свердловск к семье. В своем ходатайстве о реабилитации Протопопов, не зная за собой никакой вины, писал: «За время пребывания в лагере я не имел никаких взысканий. Пройдя все виды работ, от землекопа и лесоповальщика до контрольного десятника, уполномоченного по технике безопасности и, наконец, экономиста-плановика плановой части колонии, я, кроме благодарностей, премий и поощрений, ничего не имел в личном деле». 14 января 1958 г. дело М.А. Протопопова было пересмотрено и прекращено за отсутствием состава преступления, постановление тройки при УНКВД Свердловской области отменено.

Приехав в Свердловск уже в предпенсионном возрасте и с подорванным здоровьем, Михаил Андреевич смог после большого вынужденного

перерыва возвратиться к делам, которым с энтузиазмом отдавался в довоенные годы. До выхода на пенсию в 1959 г. он работал инструктором областной детской экскурсионно-туристической станции облоно, а после этого еще десяток лет, уже безвозмездно, — ученым секретарем областного совета краеведения. В 60-е годы Михаил Андреевич получил почетные грамоты за многолетнюю активную организаторскую работу по развитию краеведения и за большой вклад в проведение Всероссийского смотра музеев; в 1963 г. ученый совет Свердловского областного краеведческого музея наградил его значком «Уральский краевед».

19 января 1969 г. М.А. Протопопов умер в Свердловске, оставшись до конца истовым тружеником, полным неистощимого желания служить общественному благу.

Северная радиогазета

(Из предыстории окружного радиовещания)

Известно, что первая передача окружного радио из Остяко-Вогульска (ныне — Ханты-Мансийск) состоялась 25 февраля 1932 года¹. Но, как обнаружилось несколько лет назад, регулярное радиовещание на северные районы Тобольского округа Уральской области началось тремя годами раньше. В Государственном архиве г. Тобольска хранятся материалы «Северной радиогазеты», которая транслировалась из областного центра Свердловска с весны 1929 г. на протяжении примерно года².

Вещание было начато по инициативе Уральского комитета Севера с целью разъяснить северянам-туземцам задачи социально-экономического и культурного развития окраин России и вовлечь их в социалистическое строительство. Издание радиогазеты обеспечивал радиоцентр Уральского управления связи, редактировал ее один из видных специалистов по Тобольскому Северу Б.В. Дидковский³, а практическую работу по сбору материалов и подготовке передач вел известный деятель просвещения, уроженец Обдорска М.А. Протопопов⁴.

К сожалению, архивное дело представляет собой набор разрозненных текстов, не собранных в микрофонные папки отдельных передач, поэтому оно дает общее представление о характере и практике вещания, но детали зачастую ускользают. Неизвестно, например, с самого ли начала велись передачи на языках северных народов. Основная часть текстов написана по-русски, но есть тексты и на ненецком и хантыйском языках. По-видимому, более широко вещание шло в 1930 году. Вот сообщение этого периода:

«Редакция “Северной радиогазеты” для национальных передач устанавливает следующее время: русский язык — в 7 часов, остяцкий — в 7.15, самоедский — в 7.30, вогульский (сосьвинский) — в 7.45, зырянский

¹ Вы слушаете радио «Югория»: История Ханты-Мансийского радио в документах, воспоминаниях, фотографиях и радиальных материалах. Екатеринбург, 2002. С. 12.

² ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 695 (Уральский комитет Севера). Оп. 1. Д. 153.

³ Дидковский Борис Владимирович? (1883, г. Житомир — 1937) работал в секции Севера плановой комиссии Уральского облисполкома и еще нескольких областных организациях. В 1937 г. арестован и расстрелян. Посмертно реабилитирован.

⁴ См.: «Юганский культурно-санитарный отряд».

(ижемский) — в 8.00. Расписание дает возможность руководителям радиослушания после приема русской передачи включаться на любой язык северян. Это разгрузит туземца от необходимости слушать непонятный ему язык. Чтобы полнее обслужить северного слушателя на местах, нужно сопровождать наши передачи дополнительными пояснениями на родном языке, наглядными пособиями, картинками, географическими картами. В скором времени газета начнет смотреть работы мест по организации национального слушания. Готовьтесь к смотру!»

Характерны для радиогазеты прямые обращения к аудитории. Например, такое: «Радиослушатели северяне! Пишите в свою северную радиогазету. Пишите о том, что бы вы хотели в ней слышать, все ли вам понятно, ясен ли перевод газеты на туземные языки и как туземная масса относится к нашей газете...»

Использовался редакцией такой прием агитации, как радиомитинг (проводился в период подготовки к «рыболовной кампании»). В ходе этой же кампании публиковали сводки «радиокоровских» писем. Можно себе представить, сколь грамотны были эти письма и легко ли было их хотя бы прочесть. Тем не менее редакция вела свою линию на установление и поддержание таких связей. В радиогазете открылась рубрика «Мы спрашиваем» («Мы спрашиваем, почему Тобольский отдел народного образования до сих пор не сообщает в Свердловск об организации месячных курсов ликвидаторов неграмотности туземцев Севера? На это дело Уралом своевременно переведено 1500 рублей»).

Установка редакции на обратную связь видна и на примере следующего текста:

«Внимание! Вызываем радиослушателей поселка Чемаша Березовского района Тобольского округа! Товарищи радиослушатели! Первая ваша просьба по поводу обращения к радистам Кондинска нами исполнена. Вторая, где вы просите вызвать к микрофону товарища Михайлова Калистрата Степановича, вашего односельчанина, работающего в городе Свердловске, чтобы он на русском и вогульском (сосьвинском) языках поговорил с вашими неверующими и доказал им, что радио не граммофон и не выдумка ваших соседей кондинцев... Слушайте товарища Михайлова в следующей нашей передаче». Как видите, специфика аудитории заставляла редакцию прибегать и к стилистике «Пионерской зорьки».

В «Северной радиогазете» участвовали видные специалисты, известные по публикациям в «Уральском охотнике», «Просвещении на Урале» и других свердловских газетах и журналах: сотрудник Уралзаготпушнины В. Виницкий, начальник Ямальской экспедиции В. Евладов, учитель Г. Колесников, охотовед С. Куклин, писатель И. Панов, сотрудник Уральского комитета Севера В. Пиньжаков, врач А. Шубинский и другие столь

же солидные люди. Они старались доходчиво рассказать малограмотному и неграмотному северянину, не всегда даже хорошо понимавшему по-русски, об охране рыбных угодий, новых способах посола рыбы, целях северной интегральной кооперации, разведении охотничьих собак, возможностях улучшения быта кочующих туземцев, условиях поступления на туземное подготовительное отделение при Тобольском педагогическом техникуме и еще о многом.

Сообщения радиогазеты, как правило, были краткими. Сохранилось несколько листовок с программами передач, в них указано даже количество слов в каждой отдельной заметке. Например, передача 28 мая 1929 года продолжалась 12 минут и состояла из 12 сюжетов. В самом просторном из них насчитывалось 181 слово — чуть более двух минут звучания.

Выпуски «Северной радиогазеты» не были строго периодическими, временами она появлялась в эфире через неделю, временами — через две, а в 1930 году бывали паузы и еще продолжительнее. О времени очередной передачи радиоузлам сообщалось, по-видимому, заранее, чтобы можно было организовать коллективные прослушивания.

При невысоком качестве и малой распространенности радиоприемной аппаратуры в то время аудитория «Северной радиогазеты» была, конечно, очень малочисленной. Но это не умаляет значение того опыта, который поставила группа энтузиастов, вверивших в успех дела.

Выпуск «Северной радиогазеты» был прекращен, по-видимому, в первой половине 1930 года в связи с предрешенным уже образованием Остяко-Вогульского и Ямало-Ненецкого национальных округов, которые должны были продолжить начатое свердловчанами и развить собственное национальное радиовещание.

Березовские курсы туземного актива

В 20-е годы прошлого столетия, еще до образования национальных округов, началось воплощение в жизнь широкого плана подготовки советских кадров из коренных малочисленных народов Севера — руководителей туземных советов, производственных ячеек, специалистов охотничьего и рыбного промыслов, счетных работников, фельдшеров, учителей.

Одним из первых таких начинаний на территории Югры были туземные курсы в селе Березово Тобольского округа. Организация их началась 10 октября 1929 г., а открытие состоялось 16 декабря в народном доме, с приглашением представителей общественности. Для участников торжества был прочитан доклад «Пути просвещения туземных масс в разрезе пятилетнего плана» и поставлен концерт.

О том, как строились занятия и каким был их результат, мы имеем возможность рассказать, используя сведения из итогового отчета, который хранится в Государственном архиве г. Тобольска¹.

Для руководства курсами был командирован из Обдорска член ВКП(б) Федор Маркович Ануфриев. За два месяца удалось собрать педагогический коллектив. В него вошли завуч Александр Алексеевич Гирев, заведовавший одновременно Березовской школой-семилеткой, учителя Вера Викторовна Петрякова, Тамара Николаевна Хорос, Мария Ивановна Тимохина, Гладких, рыбовед Деабро, занимавшийся в Березовском районе по заданию Наркомзема изучением рыбного хозяйства, заместитель заведующего Березовским отделением Госторга Шилов (преподавал охотничье хозяйство), помощник прокурора П.М. Шабуров (вел курс «Судоустройство»), ветфельдшер Н.М. Желтовский и секретарь райкома ВКП(б) Самсон Легких (преподавал предмет «История партии, вожди революции и пятилетний план индустриализации»).

К концу 1929 г. в Березово съехались 25 курсантов из Обдорского, Березовского, Сургутского и Самаровского районов, отобранные ячейками и райкомами ВКП(б).

Вряд ли преподаватели могли иметь ясное представление о том, каким будет результат шестимесячного труда, ведь их воспитанники плохо говорили по-русски, лишь немногие из них знали грамоту. А предстояло не только дать слушателям обширные знания в совершенно новых для них

¹ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 690. Оп. 1. Д. 139.

областях, но и привить донныне чуждые им навыки. Словом, людям, жившим еще вчера по законам тайги и тундры, предстояло на время переменить образ жизни, цивилизоваться.

Не все могли выдержать такое испытание. В начале учебы к 25 курсантам добавились еще 9, но потом начался отсев: исключали «за тупость и нежелание учиться», «за половую распущенность и втягивание курсантов в пьянство», по болезни, и один был исключен как «активный участник бандитизма в 1921 г.».

Учитывая специфику состава курсов, руководство требовало от преподавателей доходчивого объяснения программного материала, простого и ласкового обращения, без этого невозможно было поддерживать дисциплину. По этим критериям оценивалась работа педагогов. Так, о В.В. Петряковой, имевшей 20-летний стаж и занимавшейся на курсах с неграмотными, в итоговом отчете сказано, что она «внимательно относилась к запросам курсантов», а об учителе Гладких — что на занятиях «был слишком строг и официален». Наибольшим уважением курсантов пользовались те, кто преподавал рыбное и охотничье хозяйство.

Работа затруднялась еще, по крайней мере, двумя обстоятельствами. Во-первых, не хватало учебников и наглядных пособий (курсы располагали всего шестью букварями, а неграмотных было 20 человек). И, во-вторых, наряду с учебной выполнялась и широкая культурная и политиковоспитательная программа. Разъяснялись задачи сплошной коллективизации, назначение прессы и необходимость выписки газет, роль Осоавиахима в жизни советского общества, прорабатывались устав Международной организации помощи борцам революции (МОПРа), письмо Сталина «Головокружение от успехов»...

Прибавьте к этому ежедневную гимнастику, выработку навыков чистить зубы, умываться с мылом, вытирать лицо не деревянной стружкой, а полотенцем, ходить в баню, регулярно менять белье, носить галстуки...

В свободное от учебных занятий время курсанты 10 раз выезжали в юрты, где должны были агитировать в пользу коллективизации и ликвидации неграмотности, за сдачу рыбы в помощь рабочим Урала и предоставление лошадей для ее вывоза, прослушивали радиопередачи, 10 раз побывали на театральных спектаклях, 12 — на киносеансах, провели антипасхальный карнавал и субботник по рубке дров, 11 партийных собраний и 5 заседаний бюро (большинство курсантов было принято в ВКП(б) во время учебы), устроили четыре вечера самодеятельности, поставили три танца с игрой на национальных инструментах, пьесы «Танец над медведем», «Лечение шаманом больной женщины», «Сватовство», «Калым и продажа женщины».

Все вступили в члены сберкассы, МОПРа, Осоавиахима, Союза воинов-студентов безбожников. День был очень уплотнен и непривычно для этой

аудитории упорядочен, разнообразные дела следовали одно за другим, и учителя требовали исполнения. Учитывая тяжесть такой нагрузки, начальство весной стало разрешать курсантам выходить по вечерам на охоту, где они могли отвести душу.

1 июня 1930 г. занятия закончились. Позади остались 555 часов теоретических занятий и 35 практических. Заведовавший курсами Ф.М. Ануфриев с удовлетворением констатировал в отчете, что воспитанники «усвоили общие понятия о соввласти, задачах партии, вреде шаманства, кулачества и эксплуататоров», и выражал уверенность, что «...разъехавшись на места, они будут проводниками культуры в гуще туземной массы».

Каждому из 34-х обучавшихся дана краткая характеристика. Вот как, к примеру, аттестовался 23-летний остяк из Сургутского района, член ВКП(б) Илья Яковлевич Каюков: «...Самонравный, с твердым характером, недисциплинированный, но общественный и активный. В силу желания учиться пишет, читает хорошо, излагает свои мысли на бумаге правильно, но с грамматическими ошибками по акценту туземца. Общеобразовательные темы усвоил удовлетворительно. Возможно использовать самостоятельно на хозяйственно-кооперативной работе, председателем кооператива, заведующим отделением, приемщиком, приказчиком и имеет стремление к этому. Возможно использовать по ликвидации неграмотности туземцев».

Приводим список обучавшихся на курсах (в него не вошли 11 представителей Обдорского района): Семен Константинович Афанасьев, Евдокия Семеновна Валей, Спиридон Евгеньевич Доровин, Иван Григорьевич Сумкин, Иван Федорович Савин, Иван Степанович Морозов, Даниил Васильевич Ендырев, Алексей Николаевич Кутыпатов, Анна Семеновна Тальмо, Иван Ефимович Шульгин, Ульяна Лазаревна Михина, Ефим Васильевич Ендырев, Афимия Николаевна Архиреева, Тит Филиппович Хатанзеев, Даниил Иванович Адин, Пелагея Михайловна Хатанзеева, Максим Прокопьевич Сандо, Ефросинья Григорьевна Лыкосова, Илья Яковлевич Каюков, Ефрем Васильевич Кайнов, Иван Николаевич Очимкин, Михаил Гаврилович Киселев, Марина Ильинична Нахтымова.

Апофеозом курсов была экскурсия в центр Уральской области — город Свердловск, куда весь их состав вызывался ко дню открытия областной партийной конференции — 5 июня. К этому сроку выпускники не успели, так как из-за плохой связи вызов был получен с опозданием и из Березова смогли выехать только 1 июня. 10-го прибыли в Тобольск. Посетили музей, электростанцию, водокачку и консервный завод рыбтреста. В Тюмени впервые подивились на железную дорогу и поезда. В Свердловске побывали на нескольких заводах, в театре, выступали на радиостудии на родных языках, видели полет аэроплана. Были приняты секретарем

обкома Кабаковым и председателем облисполкома Ошвинцевым. Фотографировались. От поездки остались незабываемые впечатления.

Березовский райком ВКП(б) был удовлетворен итогами курсов и настаивал на их продолжении и увеличении состава слушателей до 60 человек и срока обучения до одного года.

Интересно было бы проследить, какое развитие получила эта форма общеобразовательной, культурной, политической и профессиональной подготовки национальных советских кадров в последующие годы. Пока что нам известно только то, что о березовских курсах были следующие публикации в прессе: Березовские курсы туземного актива // Уральский охотник. 1931. № 11–12. С. 8–10. Подпись: В.П.; Кадесников А. Новые люди в тайге: [Об окружной школе национального актива, существовавшей в Березово с 1932 г., о подготовке национальных кадров] // Омская правда. — 1935. — 4 янв. Особенно интересно было бы узнать о судьбах выпускников.

Содержание

Предисловие автора	3
Шаховы в Березове (След рода в истории города)	5
Бешкильцевы	14
Ямзины	23
Как награда разошлась с героем	29
Дерзание Земцова	32
Башмаковы	45
Приключения одного наследства	50
Сургутсковы	54
«...на прямой путь и полезный труд»	61
Благонамеренный Титов	64
Демьянский бытописатель	69
Аккумулятор общественной энергии	73
«Рядовой человек с более или менее развитой совестью»	107
«Деятельная интеллигентная сила» (общественная деятельность А.Я. Штернберга в Березове в 1898–1901 годах)	118
Берегите семейные архивы	130
Учитель Павел Иванцев	136
Поэт, сторонившийся славы	142
С духовной миссией по Сибири	147
Врач, охотник и писатель Э. М. Сенкевич	151
Путешествие от скуки	157
Инцидент на Белоярской пристани	162
Круги на воде	170
Непослушный Гурьянов	174
Неправильные крестьяне	179
Тернистый путь отца Всеволода	203
Две жизни	214
Слово родниковой чистоты	221
«...судьбу этих людей можно устроить лучшим образом»	225
Киселёвы	233
Юганский культурно-санитарный отряд	239
Северная радиогазета: (из предыстории окружного радиовещания)	248
Березовские курсы туземного актива	251

Валерий Константинович Белобородов

Обитаемое прошлое

Книга негромких приключений

Книга издана по заказу
Учреждения Ханты-Мансийского автономного округа-Югры
«Государственная библиотека Югры»
(директор О.А. Кривошеева)

Технический редактор Ю. Мандрика
Корректор М. Кремлева

Подписано в печать 22.09.2011.
Формат 60x84/16. Гарнитура «PeterburgС».
Печать офсетная. Бумага ВХИ.
Уч.-изд. л. 13,5+. Усл.-печ. л. 15,39. Тираж 300.
Заказ № 322.

ИП Мандрика Юрий Лукич
ОГРНИП 311723213000260

Адрес для переписки: 625003, г. Тюмень, ул. Республики 10/2.
Тел. 8 (912) 391-93-20.
e-mail: mandr-ika@yandex.ru

Отпечатано в ООО «Курганский Дом Печати»,
640022, г. Курган, ул. К. Маркса, 106. E-mail: zpress@zaural.ru

245-00

052622012

Государственная библиотека Югры

**Белобородов
Валерий
Константинович**

Краевед.

Родился 28 декабря 1936 г. в г. Сургуте. В 1960 г. окончил Томский государственный университет. В 1960—1964 гг. — работник полевой поисково-съёмочной партии на Алтае; с 1964 по 1994 г. — корреспондент окружной редакции радиовещания, собственный корреспондент Тюменского областного радио по округу, редактор газет в городах Урае и Нижневартовске, председатель окружного комитета по телевидению и радиовещанию; первый редактор ежемесячного культурно-исторического журнала «Югра» и «Библиотечки журнала “Югра”»; с 1995 г. — редактор ежемесячного приложения «Краевед» к окружной газете (г. Ханты-Мансийск). Редактор и составитель книг «Ученые и краеведы Югры», «Тропа жизни учителя Знаменского» и др. Автор идеи и редактор-составитель краеведческого альманаха «Подорожник» (12 выпусков).

Заслуженный работник культуры Ханты-Мансийского автономного округа (1996), Заслуженный работник культуры Российской Федерации (2005).